INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2026, Том 9, № 3

Подписано к публикации: 12.05.2026

Главный редактор журнала

Шадже Азамат Мухамчериевич
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор*
Авакян Рубен Осипович *(Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор*
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Белоцеркович Денис Валерьевич *(РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент*
Бирюков Павел Николаевич *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Василевич Григорий Алексеевич *(Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Сергей Владимирович *(РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор*
Васильев Федор Петрович *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Глебов Игорь Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Громов Владимир Геннадьевич *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор*
Джалилов Эльвис Алимович *(РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент*
Жамулдинов Виктор Николаевич *(Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент*
Захарова Светлана Александровна *(РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент*
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович *(Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор*
Кириллова Ирина Александровна *(РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент*
Коваленко Вадим Николаевич *(РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор*
Кожевников Олег Александрович *(РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент*
Коршунова Ольга Николаевна *(РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор*
Лазарева Лариса Владимировна *(РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор*
Машовец Асия Океановна *(РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент*
Мельников Николай Николаевич *(РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент*
Минязева Татьяна Федоровна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Миронов Анатолий Николаевич *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор*
Михайлова Екатерина Владимировна *(РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник*
Мишина Наталья Вячеславовна *(РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент*
Мустафаева Айтен Инглаб *(Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор*
Небратенко Геннадий Геннадьевич *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Николайченко Виктор Викторович *(РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,*
Остапович Игорь Юрьевич *(РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент*
Пешкова Христина Вячеславовна *(РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор*
Сумачев Алексей Витальевич *(РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор*
Халифаева Анжела Курбановна *(РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор*
Числов Александр Иванович *(РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор*
Файзиев Шохруд Фармонович *(Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент*
Флоря Евгений Константинович *(Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент*
Шатковская Татьяна Владимировна *(РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор*
Шошин Сергей Владимирович *(РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент*

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г.,
Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru
Сайт: https://ilj-journal.ru

© International Law Journal, 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Содержание

Болдырева О.М., Плеснякова В.Н., Целыковский И.В.
Проблемы правовой регламентации утилизационного сбора в России: обеспечение экологической безопасности или нарушение прав потребителей? 6-15

Джакипов У.Дж.
Деликтная ответственность сотрудников органов внутренних дел: сравнительно-правовое исследование (на примере Российской Федерации и Кыргызской Республики) 16-22

Загребаева Е.В.
Договор исполнен: одобрять или нет крупную сделку 23-28

Тарбеева С.А., Кузбагарова Е.В.
Применение специальных знаний при установлении историко-культурной ценности зданий 29-36

Саая С.В., Ондар Л.Ш.
«Народная дипломатия» как феномен гражданского общества: теоретико-прикладной анализ на примере Республики Тыва 37-43

Гейнеман А.А.
Правовой статус глянцевых СМИ в России в эпоху цифровых технологий: особенности и трансформация в условиях ребрендинга 44-48

Горская Ю.А., Щербаков С.В.
Актуальные теории в вопросах признания государств: российский и зарубежный подходы 49-55

Подъячева Ю.В.
Повышение эффективности взаимодействия следователя и специалиста-психолога при расследовании мошенничества и разработка практико-ориентированных рекомендаций для следственных подразделений 56-62

Степанова И.А.
Закон о ЦОД принят. Что дальше? 63-67

Жолоб Д.В.
Квалификация контрсанкционных актов как форс-мажорных обстоятельств в международном коммерческом арбитраже 68-76

Кривицкая Ю.С., Коваль Т.И.
Злоупотребление договором ренты как способ обхода наследственного права: проблемы правоприменения 77-81

Скворцова Т.А., Манукян М.А.
Ответственность сторон по договору транспортной экспедиции 82-88

Сопин И.О.
Криминологические риски генной инженерии и нейротехнологий: сравнительный этико-правовой анализ 89-97

Тищенко М.С.
Проблемы ограничительного толкования некоторых признаков должностного лица 98-101

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Ткачев А.О.
Государственное регулирование импортозамещения в производственном секторе: стратегии и результаты 102-107

Климова А.Н., Клепикова О.Г.
Институт морального вреда в делах о банкротстве 108-118

Лоскутова К.В., Капица Т.А.
Значение следственной и судебной практики в совершенствовании уголовного законодательства 119-124

Сальникова А.К.
Региональные механизмы международно-правового обеспечения безопасности на Ближнем Востоке 125-132

Васильев Е.В.
Банкротство умершего должника по российскому праву: проблемы правопреемства и защиты интересов кредиторов 133-138

Воронова О.Н., Баркалова Г.И., Коломыцев А.Ю.
Правовые коллизии защиты авторских прав на пользовательский контент, создаваемый с использованием искусственного интеллекта 139-144

Сурилов М.Н.
Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности 145-153

Клепикова О.Г., Климова А.Н.
Деловая репутация арбитражного управляющего как объект правовой защиты 154-163

Мирзаханян Г.В.
Этико-правовой взгляд на институт крайней необходимости в гражданском праве России 164-169

Упоров И.В.
Формирование концепции уголовного права Советской России до первой кодификации (1917-1922 годы) 170-177

Харченко С.В.
Злоупотребление правом со стороны потребителей 178-186

Алексеева М.В., Рыбак С.В.
Безопасность и устойчивость цифровых коммуникаций в РФ: специфика правовых условий и механизмов их реализации 187-195

Коржук И.В.
Цифровизация правосудия: возможности и риски внедрения искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации 196-201

Гаража Н.Ю.
Применение простой электронной подписи для реализации права на судебную защиту 202-207

Нурбаев Д.М.
Процессуальные проблемы изъятия цифровых носителей информации в ходе проведения следственных действий 208-215

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Русских А.В.
Аккредитация негосударственных экспертных организаций как средство обеспечения достоверности заключения эксперта в гражданском и арбитражном процессе 216-223

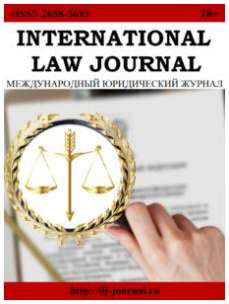
Шугаибов М.Б.
Ответственность за нарушения при ведении переговоров: гражданско-правовое регулирование преддоговорной ответственности в системе Culpa in contrahendo 224-230

Шатверян Н.Г., Агеева Д.И.
Некоторые аспекты защиты трудовых прав беременных женщин на современном этапе 231-237

Курбанова З.С., Магомедов М.Р.
Искусственный интеллект в правовой коммуникации: анализ возможностей, рисков и перспектив регулирования 238-243

Гарбар О.С., Лунева А.В.
Оценочная деятельность следователя при принятии процессуальных решений (возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, прекращение дела): критерии и проблемы доказуемости 244-249

Скворцова Т.А., Епифанова Т.В., Петренко С.В.
Наследование доли в обществе с ограниченной ответственностью: проблема временного корпоративного вакуума и пределов доверительного управления 250-256



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 346.6
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-6-15

Проблемы правовой регламентации утилизационного сбора в России: обеспечение экологической безопасности или нарушение прав потребителей?

[1] Болдырева О.М., [1] Плеснякова В.Н., [1] Целыковский И.В.,
[1] Елецкий филиал Российского нового университета

Аннотация: *в статье представлены результаты анализа и общественного обсуждения существующей правовой регламентации утилизационного сбора в России. Акцентировано внимание на проблемах, возникающих в процессе его взимания и проведения сопутствующих процессуальных мероприятий. Предложены возможные варианты решения таких проблем.*

Авторы оценивают влияние перехода к новой методике расчета утилизационного сбора на состояние отечественного рынка автотранспорта. В статье анализируется зарубежный опыт использования эффективной системы утилизации, отмечается, что России такой зарубежный опыт необходимо изучать и имплементировать в национальное законодательство.

Исследование выявляет основные проблемы утилизационного сбора в Российской Федерации: неопределенность его правовой сущности; отсутствие исчерпывающего перечня физических характеристик транспортных средств, влияющих на размер суммы утилизационного сбора. Отмечается, что экологическая функция сбора не реализуется в полной мере, поскольку средства, полученные при взимании утилизационного сбора, направляются не столько на утилизацию, сколько на реализацию комплекса мер господдержки отечественных производителей транспортных средств.

Актуальность темы утилизационного сбора в России обусловлена проблемами, касающимися правовой неопределённости его взимания, отсутствия процессуальных положений об осуществлении связанных с ним мероприятий и чётких критериев для определения коэффициентов при исчислении утилизационного сбора.

Предметом исследования является утилизационный сбор, а также другие налоги и сборы в сфере транспорта.

Объект исследования – отношения, складывающиеся при взимании утилизационного сбора; отношения, возникающие по поводу утилизации транспортного средства.

Ключевые слова: *гражданское право, защита прав потребителя, налоги, неналоговые экологические платежи, протекционизм, потребитель, утилизационный сбор, экологический сбор, экологическая безопасность, судебная защита прав, судебная практика*

Для цитирования: Болдырева О.М., Плеснякова В.Н., Целыковский И.В. Проблемы правовой регламентации утилизационного сбора в России: обеспечение экологической безопасности или нарушение прав потребителей? // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 6 – 15. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-6-15

Поступила в редакцию: 12 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Problems of legal regulation of the recycling fee in Russia: ensuring environmental safety or violating consumer rights?

[1] Boldyreva O.M., [1] Plesnyakova V.N., [1] Tselykovsky I.V.,
[1] Yelets Branch of the Russian New University

Abstract: *this article presents the results of an analysis and public discussion of the current legal regulation of the recycling fee in Russia. It focuses on the problems that arise during its collection and the associated procedural activities. Possible solutions to these problems are proposed.*

The authors assess the impact of the transition to a new methodology for calculating the recycling fee on the domestic automotive market. The article analyzes international experience in implementing an effective recycling system, noting that Russia needs to study and implement such international experience into national legislation.

The study identifies the main problems with the recycling fee in the Russian Federation: the uncertainty of its legal nature and the lack of an exhaustive list of the physical characteristics of vehicles that affect the amount of the recycling fee. It is noted that the environmental function of the fee is not fully realized, as the funds received from collecting the recycling fee are directed not so much toward recycling as toward implementing a set of state support measures for domestic vehicle manufacturers.

The relevance of the recycling fee topic in Russia is due to issues related to the legal uncertainty surrounding its collection, the lack of procedural provisions for implementing related measures, and the absence of clear criteria for determining the coefficients used to calculate the recycling fee.

The subject of this study is the recycling fee, as well as other taxes and fees in the transportation sector.

The research objective is the relationships that arise when collecting the recycling fee; relationships that arise regarding vehicle recycling.

Keywords: *civil law, consumer protection, taxes, non-tax environmental payments, protectionism, consumer, recycling fee, environmental fee, environmental safety, judicial protection of rights, judicial practice*

For citation: Boldyreva O.M., Plesnyakova V.N., Tselykovsky I.V. Problems of legal regulation of the recycling fee in Russia: ensuring environmental safety or violating consumer rights? International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 6 – 15. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-6-15

The article was submitted: Janaury 12, 2026; Approved after reviewing: March 15, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Проблема охраны окружающей среды, ежегодно обретающая все большую остроту, требует комплексного решения, что предполагает значительные финансовые затраты на реализацию мер по обеспечению экологической безопасности. Источником пополнения средств, расходуемых в указанных целях, в первую очередь, становятся разнообразные отчисления, законодательно установленные для юридических и физических лиц в качестве налогов и иных обязательных платежей. Действующее налоговое законодательство не оперирует термином «экологический налог», однако целый ряд взимаемых государством сборов с теоретической позиции отвечает признакам данной категории [16].

В представленном исследовании необходимым видится не только проведение анализа обновленных правовых положений российского законодательства, регулирующих утилизационный сбор как обязательный платеж, но и оценка правоприменительной практики с целью прогнозирования и выбора возможных путей преодоления негативных последствий, порожденных изменением принципов начисления утильсбора.

Отечественное законодательство предусматривает два обязательных неналоговых платежа, целевая направленность которых связана со сферой обращения с отходами: экологический сбор и утилизационный сбор. Оба они используются государством в качестве действенных финансовых инструментов влияния на эту сферу. Несмотря на сходство по ряду параметров, данные платежи не идентичны и ориентированы на решение разных задач.

Правовая регламентация экологического сбора осуществляется нормами Федерального закона № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» и двух подзаконных актов, изданных во исполнение статьи 24 данного закона: Постановлений Правительства Российской Федерации от 1 августа 2024 г. N 1041 [3] и 30 декабря 2024 г. N 1990 [4].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Плательщиками экологического сбора становятся лица, производящие либо импортирующие продукцию, которая должна быть утилизирована после того, как станет непригодной для использования потребителем. Полный перечень соответствующих товаров, а также их упаковки закреплен распоряжением Правительства РФ. Заявленными целями введения данного обязательного платежа можно считать, во-первых, обеспечение утилизации вещей, утративших потребительскую полезность, во-вторых, уменьшение объемов мусора, загрязняющего окружающую среду, в-третьих, аккумуляцию средств для инвестирования в рециклинг.

Экологический сбор был введен в России в 2016 году в дополнение к утилизационному сбору, взимание которого началось еще в сентябре 2012 года. В настоящее время правовую основу использования данного финансового инструмента образуют Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (статья 24.1 «Утилизационный сбор») [2] и Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 года № 1291 [5].

Основное отличие экологического и утилизационного сборов заключается в объекте обложения: в последнем случае таковым являются транспортные средства (в том числе специальная техника), произведенные в стране либо ввозимые из-за границы. Целью утильсбора провозглашено финансирование в дальнейшем мероприятий по физической и юридической ликвидации транспортных средств, использование которых по назначению является невозможным и неэффективным. Поскольку непригодные к использованию автомобили и спецтехника без правильной утилизации способны причинить вред окружающей среде, акцентируется внимание на экологической составляющей предназначения данного платежа.

Тогда как плательщики экологического сбора вправе сделать выбор в пользу переработки отходов собственными силами вместо перечисления денежных средств, плательщики утилизационного сбора такой возможности лишены, то есть государство в случае с транспортными средствами использует безальтернативный механизм обеспечения их последующей утилизации.

Несмотря на то, что утильсбор относится к категории обязательных платежей, он не является частью системы налоговых или таможенных сборов, так как не регламентируется статьями Налогового либо Таможенного кодексов. Применительно к нему действуют нормы, регламентирующие вопросы переработки производственных и потребительских отходов. Ввиду существенного ухудшения экологической обстановки на всей планете и перенакопления не переработанного мусора государство вынуждено уделять данной проблеме особое внимание и вырабатывать оптимальную стратегию защиты окружающей среды, что невозможно без управленческих, экономических и правовых решений. Последние лежат в плоскости экологического нормирования и сертификации, установления ответственности за деструктивное воздействие на внешнюю среду, а также в регламентации сбора средств, необходимых для уменьшения антропогенной нагрузки на экосистему. При этом ни в одной стране мира проблемы защиты экологии не могут быть признаны решенными не то чтобы полностью, но даже в значительной мере [13].

Материалы и методы исследований

В основу проведенного исследования положен комплексный подход, предполагающий всесторонний анализ правовой информации, зафиксированной в нормативно-правовых и судебных актах, а также в цивилистической литературе, посвященной проблемам налогового, экологического и потребительского права. В фокусе исследовательского внимания находится период, начальной границей которого служит дата закрепления в федеральном законодательстве норм об утилизационном сборе (соответствующая статья – 24.1 – была введена в Федеральный закон №89-ФЗ от 24.06.1998 3 августа 2012 года), а конечной – декабрь 2025 года.

Источником эмпирических данных послужила судебная практика по спорам об утилизационном сборе, накопленная за вышеуказанный период арбитражными судами и упорядоченная Верховным Судом РФ.

Методология исследования охватывает методы, приемы и инструменты общенаучного характера (в их числе анализ, синтез, сравнение, описание, аналогия, дедукция и индукция), а также специально-юридические методы, в ряду которых юридико-догматический, юридико-статистический, сравнительно-правовой методы, экономический анализ права и др.

Результаты и обсуждения

Известный законодательству многих стран утилизационный сбор в Российской Федерации был введен в 2012 году путем внесения поправок в упоминавшийся выше Федеральный закон №89-ФЗ от 24.06.1998 г. Для отечественного права нормы, закрепленные статьей 24.1 ФЗ «Об отходах производства и потребле-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ния», стали новеллой, породившей необходимость осмысления правовой сущности нового платежа, формально вынесенного за рамки налогового права.

Проблема категориального соотнесения утилизационного сбора и налоговых платежей в теории финансового права решается по-разному. Де-юре основания для включения утильсбора в перечень налогов отсутствуют, однако само понятие «сбор» имеет легальное определение, закрепленное именно Налоговым кодексом РФ [1], анализ статьи 8 которого позволяет прийти к выводу, что ключевыми признаками данного взноса выступают его обязательность и возмездный характер. И если первому из указанных признаков утилизационный сбор соответствует в полной мере, то наличие второго признака не является очевидным, ибо механизм реализации возмездности не ясен: отечественное законодательство не регламентирует процедуру передачи «отслужившего свой срок» транспортного средства для его утилизации, а величина платежа слабо коррелирует с затратами на переработку, существенно превышая их.

Основополагающим условием признания налога установленным (с позиции налогового законодательства) является наличие у данного платежа всех элементов, которые подпадают под категорию обязательных [10]. Официально целью введения утильсбора Минфин России, как следует из его заявления 2014 года, провозгласил защиту экологии от вреда, наносимого эксплуатацией транспортных средств. Одновременно было обращено внимание, что данная цель расходится с предназначением налоговых сборов (по крайней мере, в том виде, в котором это предназначение определено действующим законодательством). Отсюда последовал вывод о невозможности правовой регламентации утилизационного сбора нормами Налогового кодекса РФ [6].

Таким образом, на сегодняшний день утилизационный сбор формально является институтом природоохранного законодательства, однако такой подход законодателя к построению нормативно-правовой базы утильсбора нельзя считать лишенным противоречий. Логичным видится конструирование рассматриваемого института как межотраслевого, в связи с чем требуется включение соответствующих норм в Налоговый кодекс РФ.

Утилизационным сбором однократно (при выпуске либо ввозе в страну) облагаются все колесные транспортные средства, включая спецтехнику. Исчерпывающий перечень объектов обложения с указанием кодов ТН ВЭД закреплен подзаконным актом – Постановлением Правительства РФ №1291 от 26.12.2013г. и Приложением к нему [5]. Уплата сбора с импортируемого транспортного средства осуществляется через органы таможни. Размер платежа с момента его введения и до 2025 года определялся согласно тарифной сетке, в которой помимо вида транспорта учитывались такие параметры, как год выпуска, объем двигателя и масса.

Согласно действующим нормам права размер рассматриваемого платежа поставлен в зависимость от характеристик объекта обложения, среди которых прямо обозначены лишь две: масса транспортного средства и год его производства. Однако в пункте 5 статьи 24.1 Федерального закона № 89-ФЗ от 24.06.1998 г. законодатель использует весьма расплывчатую формулировку «другие физические характеристики, оказывающие влияние на затраты в связи с осуществлением деятельности по обращению с отходами, образовавшимися в результате утраты таким транспортным средством своих потребительских свойств» [2]. Предполагается, что эти характеристики должны быть конкретизированы отдельным подзаконным актом, однако такой акт отсутствует, в связи с чем в сфере правоприменения достаточно часто возникают спорные ситуации.

В отсутствие четкой системы параметров, от которых зависит исчисление окончательной суммы платежа, задача выработки критериев, подлежащих учету при разрешении спора о размере взноса, ложится на органы судебной власти. В данном контексте особое внимание привлекает Определение Верховного Суда РФ № АПЛ13-15 от 28.02.2013 г., где высшая судебная инстанция признала детерминантами затрат на утилизацию колесных транспортных средств вид, категорию и объем двигателя последних[8]. Критики данного подхода указывают на стандартизированность процесса переработки непригодных к использованию транспортных средств и незначительность различий применительно к отдельным видам и категориям транспорта [12].

Вместе с тем неразумно отрицать общее увеличение расходов на переработку транспортного средства с большей массой либо большим числом цилиндров. Однако применительно к расчету суммы утилизационного сбора данное обстоятельство должно приниматься во внимание с учетом, во-первых, корреляции устанавливаемого коэффициента и амортизационных отчислений на оборудование, используемое при утилизации транспортных средств, во-вторых, увеличения объема металла, высвобождающегося в процессе переработки, а вместе с ним и конечной прибыли от данной деятельности [18].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Что касается грузоподъемности, то Верховный Суд РФ отказал в отнесении данной характеристики к категории физических, значимых для конечной стоимости утилизации транспортного средства (См. Определение ВС РФ № 303-ЭС21-6203 от 21.05.2021г.) [7]. Таким образом, грузоподъемность не должна влиять на сумму взноса в отличие от массы облагаемого объекта как параметра, значимого для общей стоимости переработки. Действующий порядок расчета утилизационного сбора свидетельствует, что экономическая выгода от переработки непригодных к эксплуатации транспортных средств в настоящее время превалирует над экологическими целями, которые заявлены в качестве основных при установлении данного обязательного платежа. Доказательства справедливости данного вывода можно обнаружить в процессе анализа материалов судебной практики [14].

Вводя утилизационный сбор, отечественный законодатель опирался на международный опыт изыскания средств для покрытия расходов, необходимых для утилизации непригодных к эксплуатации автомобилей и иных видов колесного транспорта. Отсюда конструирование его как института природоохранного права. Однако если в России экологическая составляющая утильсбора на практике оказывается вторичной (на что указывает широкий спектр направлений расходования полученных от него средств – от поддержки промышленности до финансирования проектов по обеспечению технологического лидерства), то за рубежом экологический компонент остается в приоритете – аккумулированные средства тратятся строго по назначению: на переработку негодных транспортных средств и деятельность по оздоровлению окружающей среды. При этом конкретные механизмы функционирования утилизационного сбора в разных странах зависят от успешности развития национального автопрома.

В государствах Евросоюза обязанность по обеспечению утилизации транспортных средств возложена на компании, их производящие и импортирующие. При этом физические лица, ввозящие автомобили из-за рубежа, не привлекаются ни к уплате взноса, ни к созданию пунктов приема техники. Более того, для собственников транспортных средств предусмотрены программы, материально стимулирующие данных лиц к передаче техники на утилизацию [18].

Так, в ФРГ при приобретении нового автомобиля или иного транспортного средства уплачивается залог, размер которого варьируется в пределах от 200 до 300 евро. Получить деньги обратно можно, став участником процедуры утилизации отслужившего транспортного средства, которая также является платной и финансируется либо производителем, либо лицом, которое являлось последним владельцем утилизируемой техники.

Согласно законодательству Италии сбор на утилизацию автомобиля оплачивается непосредственно в ходе его передачи на переработку, которую производят специализированные предприятия. По иному принципу осуществляется сбор средств на утилизацию во Франции, где экологический взнос фактически уплачивают покупатели новых транспортных средств, поскольку соответствующая сумма уже входит в цену продажи. В США же не практикуется взимание утильсбора, а деньги на переработку специализированные предприятия получают за счет реализации комплектующих, пригодных для ремонта техники, и переплавки металла.

Наибольшее сходство применяемых в Российской Федерации принципов и механизмов уплаты утильсбора обнаруживается с китайским порядком взимания данного взноса. Так же, как и в России, в КНР плательщиками выступают лица, производящие колесные транспортные средства, либо ввозящие их из-за рубежа. При этом сумма платежа варьируется в зависимости от технических параметров, ключевым из которых является объем двигателя. Однако направления расходования средств, аккумулированных за счет взимания утильсбора, ограничены сферой переработки отслужившего свой век автотранспорта.

Зарубежный опыт финансирования процесса утилизации транспортных средств, в том числе посредством введения целевого взноса с юридических и физических лиц, безусловно, требует глубокого анализа и оценки на предмет возможной адаптации применяемых в других странах механизмов к российским условиям в целях совершенствования правовой регламентации утилизационного сбора.

За период, истекший с момента введения утильсбора в России, неоднократно поднимался вопрос о реформировании методики его расчета и взимания, в течение нескольких последних лет на повестке стоял вопрос об увеличении ставки платежа, при этом для предприятий российского автопрома было решено установить субсидию, призванную компенсировать возросшие расходы. Несмотря на то, что повышение ставки мотивировалось экологическими стандартами, на соблюдение которых необходимы значительные средства, протекционисткий характер данной меры прослеживается достаточно отчетливо, однако ее целесообразность ставится под сомнение.

На первый взгляд, формула расчета подлежащей к уплате суммы утилизационного сбора предельно проста: УС = Базовая ставка * Коэффициент. Однако большое количество споров относительно произведен-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ных начислений утильсбора позволяет предположить, что проблема кроется в множителях, которые следует рассмотреть подробнее.

Первый множитель – базовая ставка – неодинаков для разных видов транспортных средств, его величина варьируется от 20 тыс. рублей (для легкового автотранспорта) до 172 тыс. 500 руб. для колесного транспорта, относимого к категории спецтехники. Промежуточная (в указанных пределах) величина базовой ставки – 150 тыс. руб. – предусмотрена для грузовых автомобилей и автобусов, а также техники, используемой в грузоперевозках вместе с транспортными средствами.

Второй множитель – коэффициент – на практике скрывает под собой целый спектр величин, установленных Правительством РФ [5]. Выбор коэффициента в каждом конкретном случае до реформы, вступившей в действие 1.12.2025 г., осуществлялся по трем критериям: возраста транспортного средства, объема его двигателя и целей импортирования.

Оценить объемы средств, которые были перечислены в федеральный бюджет благодаря взиманию утилизационного сбора в течение всего срока его действия, можно лишь приблизительно. В последние годы суммы исчисляются триллионами рублей (на уровне 1,1 трлн. руб.), однако если для 2024 года этот показатель стал рекордом, то для 2025 года (в сравнении с планировавшимися поступлениями на уровне 2 трлн. руб. с учетом поднятого почти в 2 раза размера платежа) такой результат выглядит более чем скромно [17].

1 декабря 2025 года вступили в силу новые правила расчета конечной суммы утилизационного сбора с единицы транспортного средства. Изменения коснулись порядка выбора коэффициентов, который был поставлен в зависимость еще и от эксплуатационной характеристики – мощности двигателя, измеряемой либо лошадиными силами, либо киловаттами. Даже при неизменности базовых ставок нововведение привело к резкому увеличению размера утильсбора. На льготное обложение могут рассчитывать лишь частные лица, импортирующие транспортные средства для личных нужд (предельная мощность двигателя, позволяющая рассчитывать утильсбор по специальному коэффициенту равна 160 л.с.).

Инициаторами изменения методики расчета утилизационного сбора с введением мощности двигателя как дополнительного параметра, учитываемого при выборе коэффициента, стали предприятия отечественного автопрома, входящие в ассоциацию ОАР («Объединение автопроизводителей России») - АО "АвтоВАЗ", ПАО "КАМАЗ", ООО "УК "Группа ГАЗ", ПАО "Соллерс" и АО "Московский автомобильный завод "Москвич".

Соответствующий запрос был направлен в Минпромторг РФ и был призван обратить внимание на необоснованное, с точки зрения российских производителей, уравнивание конечной суммы утильсбора для импортируемых автомобилей разного класса и стоимости, имеющих сопоставимый объем двигателя, а также на развитие схем серого импорта транспортных средств, оформляемых при ввозе на физическое лицо. Данное обстоятельство лишь подтверждает, что утилизационный сбор, формально сохраняющий экологическую сущность, используется в протекционистских целях, тем более, что средства, полученные с его помощью, расходуются по большей части на оказание финансовой поддержки предприятий российского автомобилестроения.

Выводы

Изменение порядка расчета утилизационного сбора имеет далеко идущие последствия. В итоге реальным, а не номинальным, плательщиком окажется потребитель, ибо суммы, перечисленные производителями и импортерами в уплату утильсбора, будут обязательно включены в конечную стоимость транспортного средства. Рост цен неизбежно приведет к изменению ситуации на рынке автотранспорта, проявлением чего станет, прежде всего, сокращение спроса на новые автомобили и вынужденное изменение потребительских предпочтений в пользу транспортных средств, относящихся к нижнему ценовому сегменту. Однако рассчитывать на резкое увеличение продаж автомобилей эконом-класса также не стоит, поскольку их стоимость существенно вырастет (в процентном выражении даже больше, чем на люксовые модели, из-за низкой маржинальности данного товара) и тем самым отсечет определенную долю потребителей, изначально ориентировавшихся на данный ценовой сегмент. Таким образом, возникает риск превращения любого нового автомобиля едва ли не в «предмет роскоши», а значит, снижения уровня благосостояния граждан[9].

Кроме того, приходится признать, что российский автопром даже при условии ухода с отечественного рынка крупнейших западных компаний и оказания государством всесторонней поддержки на сегодняшний день оказывается неспособным воспользоваться этими искусственно созданными конкурентными преимуществами, так как предлагаемый потребителю продукт существенно уступает зарубежным аналогам по целому ряду параметров (технологичность, эргономичность, безопасность) и, в первую очередь, по соотношению «цена-качество». Чаще всего покупатели предъявляют претензии к сборке и отделке, к небольшому

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

числу опций в стандартной комплектации и устаревшей автомобильной электронике, к неудачным конструктивным решениям, к экономии производителя на шумоизоляции и др. В таких условиях не только нарушается право потребителей на качественный товар, но и неизбежно произойдёт повышение цен на подержанные авто, стимулирование "серого" импорта (люди будут ввозить машины в обход законов). Сбор сделает владение машиной даже не премиум класса, а хотя бы уровня семейного кроссовера, экономически невыгодным.

Усиление протекционистского давления с помощью реформы утилизационного сбора ведет, прежде всего, к дестабилизации ситуации на рынке легковых автомобилей: на фоне общего падения спроса переориентация покупателей на подержанные авто приведет к увеличению и их стоимости, а желание приобрести новую иномарку по «разумной цене» – к расширению схем нелегального импорта.

Взимая утильсбор, государство предполагает, что автовладелец сможет возвратить часть затраченных средств через определенный период, когда утратившее способность к эксплуатации транспортное средство будет передано на утилизацию. Но на сегодняшний день соответствующие механизмы не проработаны, тем более что потребитель формально плательщиком сбора не является, а значит, его опосредованные (но в то же время вполне реальные) затраты не документированы и, соответственно, не доказуемы.

Что касается предприятий отечественного автопрома, то ответственность за обеспечение утилизации произведенных ими автомобилей по истечении срока службы последних на законодательном уровне не установлена. Предпринятая около двух десятилетий назад (в 2009 году) попытка стимулировать передачу отслуживших свой век автомобилей на утилизацию с выдачей сертификата на приобретение нового отечественного автомобиля не принесла ожидаемых плодов. При этом даже статистические данные по утилизированным транспортным средствам (как и по деятельности пунктов приема автомобилей на переработку) в открытом доступе отсутствуют. Таким образом, невозможно даже примерно оценить реальные затраты на утилизацию и сопоставить их с объемами средств, аккумулированных с помощью взимания утилизационного сбора [17]. Судя по ежегодным отчетам, публикуемым Счетной палатой, в течение последних пяти лет (с 2020 по 2024 год) фактически на цели утилизации транспортных средств затрачивалось менее десятой части от сумм, полученных с использованием утильсбора как фискального инструмента[15].

Возможность расходования средств от утилизационного сбора на любые цели, помимо официально заявленных, обусловливается принадлежностью платежа федеральному бюджету, где он растворяется в ряду других налоговых и неналоговых поступлений, образующих доходную часть. Препятствием к нецелевым тратам могло бы стать создание специального внебюджетного фонда, куда бы направлялись средства от утильсбора, но учитывая заявления руководства Минпромторга о зависимости развития наукоемких отраслей промышленности (в том числе самолетостроения, робототехники) от объемов средств, поступающих в качестве отчислений на утилизационный сбор, правительство к этому не стремится. Таким образом, утильсбор (особенно на иномарки) растет, рынок автотранспорта сжимается (под влиянием резкого роста цен), а негодные к эксплуатации автомобили гниют на стихийных свалках, нанося вред окружающей среде [11].

Все сказанное выше позволяет утверждать, что экологическое содержание утилизационного сбора трансформировалось в регуляторное, хотя формально природоохранные цели платежа до сих пор не отринуты. На сегодняшний день отчетливо прослеживается целый ряд системных противоречий, порожденных нормативно-правовым актом, который был принят в целях решения вполне определенных задач, фактически подмененных, однако, в процессе его реализации на иные, пусть и не менее важные. Это противоречит основным принципам и правового, и экономического регулирования.

Следует признать, что в современном его состоянии институт утилизационного сбора не эффективен ни как экологический инструмент, ни как стимулятор развития отечественного автопрома. Принимая во внимание рост стоимости легковых автомобилей всех ценовых сегментов (вплоть до двукратного увеличения розничной цены из-за изменения методики расчета), можно с определенной долей уверенности заявить о превращении утильсбора в своеобразный вариант налога на роскошь. С учетом не оправдавшихся планов на резкое увеличение притока средств от утилизационного сбора в 2025 году имеются все основания для постановки вопроса о целесообразности его взимания в том виде, в котором он существует на сегодняшний день.

Список источников

1. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/
2. Федеральный закон "Об отходах производства и потребления" от 24.06.1998 N 89-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2024 г. N 1041 "О значениях базовых ставок экологического сбора и коэффициента, учитывающего сложность извлечения отходов от использования товаров для дальнейшей утилизации, наличие технологической возможности их утилизации с учетом изменения физических, химических и механических свойств материалов при многократном использовании (с учетом возможных циклов переработки отходов от использования товаров), востребованность вторичного сырья, полученного из таких отходов, для использования при производстве товаров (продукции)" (с изменениями и дополнениями) https://base.garant.ru/409469581/#block_31
4. Постановление Правительства РФ от 30.12.2024 N 1990 (ред. от 30.12.2025) "О порядке взимания экологического сбора" (вместе с "Правилами взимания экологического сбора") (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495349/
5. Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 N 1291 (ред. от 06.02.2026) "Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации" (вместе с "Правилами взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора") https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156832/
6. Письмо Минфина России от 5 апреля 2014 г. № 01-02-01/16-32158 «В ответ на Представление Счетной палаты РФ от 19 марта 2014 г. № ПР 03-64/03-Д». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 21.05.2021 № 303-ЭС21-6203 по делу № А59-2475/2020 https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/legislation/obzor-sudebnoy-praktiki-po-utilizatsionnomu-sboru-vypusk-2/
8. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2013 N АПЛ13-15 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143356/
9. Белев С.Г., Матвеев Е.О. Последствия повышения утилизационного сбора для транспортных средств в Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14. № 1. С. 25 – 43.
10. Гинзбург Ю.В. Утилизационный сбор в Евразийском экономическом союзе: сравнительно-правовой анализ // Реформы и право. 2014. № 3. С. 3 – 6.
11. Зарипов В.М. Кризис правового регулирования экологических платежей // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 6. С. 116 – 120.
12. Кадочников П.А., Пташкина М.Г. Споры России в ВТО: возможные аргументы в пользу прогрессивности утилизационного сбора // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 6. С. 3 – 14.
13. Коловайло С.А. Экологизация российского законодательства о налогах и сборах // НАУ. 2020. №54-2 (54). С. 53 – 57.
14. Лунева Е.В., Мингазова Л.Р. Экологическая функция утилизационного сбора: проблемы правового регулирования // Вестник СГЮА. 2018. № 4 (123). С. 174 – 182.
15. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Исследование подходов по совершенствованию системы неналоговых экологических платежей в 2017-2019 годах и истекшем периоде 2020 года»// Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2021, № 8. Неналоговые платежи.
16. Слатин Р.В. Понятие экологических («зеленых») платежей // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 2. С. 11 – 19.
17. Утилизационный сбор в России – экологичен ли он? ttps://greenium.ru/15733/
18. Чудненко В.А. Меры протекционизма и экология: двоякая сущность утилизационного сбора в России и возможные варианты его преобразования // Закон и право. 2023. № 1. С. 275 – 279.

References

1. "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" of July 31, 1998 N 146-FZ (as amended on November 28, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

2. Federal Law "On Production and Consumption Waste" of June 24, 1998 N 89-FZ (latest version) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 1, 2024 N 1041 "On the values of the base rates of the environmental fee and the coefficient taking into account the complexity of extracting waste from the use of goods for further disposal, the availability of the technological possibility of their disposal with taking into account changes in the physical, chemical and mechanical properties of materials during repeated use (taking into account possible cycles of recycling waste from the use of goods), the demand for secondary raw materials obtained from such waste for use in the production of goods (products)" (as amended and supplemented) https://base.garant.ru/409469581/#block_31

4. RF Government Resolution of 30.12.2024 N 1990 (as amended on 30.12.2025) "On the procedure for collecting environmental fees" (together with the "Rules for collecting environmental fees") (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495349/

5. RF Government Resolution of 26.12.2013 N 1291 (as amended on 06.02.2026) "On the recycling fee for wheeled vehicles (chassis) and trailers thereto and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation" (together with the "Rules for the collection, calculation, payment and collection of the recycling fee for wheeled vehicles (chassis) and trailers thereto, as well as the return and offset of overpaid or overcollected amounts of this fee") https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156832/

6. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated April 5, 2014 No. 01-02-01/16-32158 "In response to the Submission of the Accounts Chamber of the Russian Federation dated March 19, 2014 No. PR 03-64/03-D". Access from the ConsultantPlus legal reference system.

7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 21, 2021, No. 303-ES21-6203 in case No. A59-2475/2020 https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/legislation/obzor-sudebnoy-praktiki-po-utilizatsionnomu-sboru-vypusk-2/

8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 28, 2013, No. APL13-15 https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143356/

9. Belev S.G., Matveev E.O. Consequences of Increasing the Recycling Fee for Vehicles in the Russian Federation. Ars Administrandi (The Art of Management). 2022. Vol. 14. No. 1. P. 25 – 43.

10. Ginzburg Yu.V. Recycling Fee in the Eurasian Economic Union: A Comparative Legal Analysis. Reforms and Law. 2014. No. 3. P. 3 – 6.

11. Zaripov V.M. The Crisis of Legal Regulation of Environmental Payments. Economy. Taxes. Law. 2014. No. 6. P. 116 – 120.

12. Kadochnikov P.A., Ptashkina M.G. Russia's Disputes in the WTO: Possible Arguments in Favor of the Progressiveness of the Recycling Fee. Russian Foreign Economic Bulletin. 2014. No. 6. P. 3 – 14.

13. Kolovaylo S.A. Greening Russian Legislation on Taxes and Fees. NAU. 2020. No. 54-2 (54). P. 53 – 57.

14. Luneva E.V., Mingazova L.R. Environmental Function of the Recycling Fee: Problems of Legal Regulation. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 4 (123). P. 174 – 182.

15. Report on the Results of the Expert-Analytical Event “Research of Approaches to Improving the System of Non-Tax Environmental Payments in 2017–2019 and the Elapsed Period of 2020”. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation, 2021, No. 8. Non-Tax Payments.

16. Slatin R.V. Concept of Environmental (“Green”) Payments. Current Problems of Russian Law. 2025. Vol. 20. No. 2. P. 11 – 19.

17. The Recycling Fee in Russia – Is It Environmentally Friendly? ttps://greenium.ru/15733/

18. Chudnenko V.A. Protectionism and the Environment: The Dual Nature of the Recycling Fee in Russia and Possible Options for Its Transformation. Law and Right. 2023. No. 1. P. 275 – 279.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

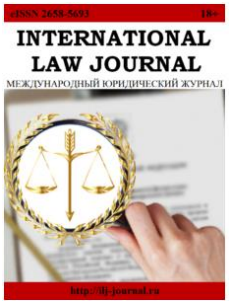
Информация об авторах

Болдырева О.М., кандидат исторических наук, доцент, Елецкий филиал Российского нового университета, 399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Ломоносова 13

Плеснякова В.Н., кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции, Елецкий филиал Российского нового университета, 399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Ломоносова 13

Целыковский И.В., кандидат юридических наук, доцент, Елецкий филиал Российского нового университета, 399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Ломоносова 13, helgaboss@rambler.ru

© Болдырева О.М., Плеснякова В.Н., Целыковский И.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.53
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-16-22

Деликтная ответственность сотрудников органов внутренних дел: сравнительно-правовое исследование (на примере Российской Федерации и Кыргызской Республики)

[1] Джакипов У.Дж.,
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация: *в статье проводится комплексное сравнительно-правовое исследование деликтной ответственности сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации и Кыргызской Республике. Актуальность темы обусловлена необходимостью четкого разграничения ответственности государства и конкретного сотрудника за вред, причиненный при осуществлении правоохранительной деятельности, а также неоднозначностью складывающейся судебной практики по данной категории дел. Цель работы заключается в выявлении общих закономерностей и национальных особенностей правового регулирования деликтной ответственности сотрудников ОВД в рассматриваемых странах. Задачи исследования включают: раскрытие понятия и правовой природы деликтной ответственности сотрудников ОВД; анализ условий ее наступления по законодательству РФ и КР; исследование механизма регрессной ответственности сотрудника перед государством; выявление особенностей судебной практики; формулирование предложений по совершенствованию законодательства. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы исследования. Результаты исследования показали высокую степень сходства законодательства рассматриваемых стран в подходах к регулированию деликтной ответственности при наличии различий в процедурных аспектах. В ходе обсуждения выявлены проблемы судебной практики: коллизии между гражданским и служебным законодательством, неоднозначная оценка доказательственного значения материалов служебных проверок. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при представлении интересов МВД в суде и формировании единообразной правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *деликтная ответственность, сотрудник ОВД, причинение вреда, регрессное требование, ответственность государства, сравнительное правоведение, законодательство РФ, законодательство КР, судебная практика*

Для цитирования: Джакипов У.Дж. Деликтная ответственность сотрудников органов внутренних дел: сравнительно-правовое исследование (на примере Российской Федерации и Кыргызской Республики) // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 16 – 22. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-16-22

Поступила в редакцию: 16 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Delict liability of internal affairs officers: a comparative legal study (case study of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic)

[1] Dzhakipov U.Dzh.,
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot

Abstract: *this article presents a comprehensive comparative legal study of the delict liability of internal affairs officers in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. The relevance of the topic is determined by the need for a clear distinction between the responsibility of the state and that of individual officers for harm caused during law enforcement activities, as well as by the ambiguity of emerging judicial practice in this category of cases. The aim of the study is to identify general patterns and national characteristics in the legal regulation of delict liability of internal affairs officers in the countries under consideration. The research objectives include: clarifying the concept and legal nature of delict liability of internal affairs officers; analyzing the conditions for its occurrence under the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic; examining the mechanism of recourse liability of an officer to the state; identifying features of judicial practice; and formulating proposals for improving legislation. The methodological basis consists of comparative legal, formal-legal, and systemic research methods. The results of the study show a high degree of similarity in the legislation of the countries studied in their approaches to regulating delict liability, with differences in procedural aspects. The discussion highlights problems in judicial practice, including conflicts between civil and service legislation and ambiguous assessment of the evidentiary value of materials from official investigations. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings when representing the interests of the Ministry of Internal Affairs in court and in establishing a uniform law enforcement practice.*

Keywords: *delict liability, police officer, harm causation, recourse claim, state liability, comparative law, legislation of the Russian Federation, legislation of the Kyrgyz Republic, judicial practice*

For citation: Dzhakipov U.Dzh. Delict liability of internal affairs officers: a comparative legal study (case study of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic). International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 16 – 22. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-16-22

The article was submitted: Janaury 16, 2026; Approved after reviewing: March 13, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Судебная практика последних лет свидетельствует о том, что иски о возмещении ущерба, причиненного действиями сотрудников полиции, составляют заметную долю гражданских дел, а суммы компенсаций и сопутствующие издержки ложатся тяжелым бременем на бюджет Министерства внутренних дел, подрывая его репутацию и финансовую стабильность. Гражданско-правовая ответственность указанных лиц в период несения службы строится по особой модели: согласно статье 1071 ГК РФ, возмещение потерпевшим выплачивается не самим виновником, а из государственной казны. В зависимости от характера незаконных действий интересы казны представляют либо МВД России (на основании ст. 1069 ГК РФ), либо Министерство финансов России (на основании ст. 1070 ГК РФ). Такое распределение ответственности напрямую вытекает из конституционно-правового положения сотрудника полиции, который, выполняя публичные функции по охране порядка и безопасности, действует от имени и в интересах государства. Именно поэтому государство принимает на себя имущественную ответственность за возможные ошибки или превышения полномочий своих служащих.

Выбор темы настоящей статьи продиктован сразу несколькими факторами. Во-первых, до сих пор отсутствует четкая правовая грань, отделяющая ответственность государства как публичного образования от персональной ответственности конкретного сотрудника за вред, допущенный при несении службы. В учебной литературе справедливо обращается внимание на то, что ключевое значение для разрешения подобных споров сегодня приобретают позиции высших судебных инстанций – Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, а также складывающаяся практика нижестоящих судов по делам о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями (или бездействием) сотрудников полиции [3, с. 3]. Во-вторых, сопоставление правовых подходов, действующих в Российской Федерации и Кыргызской Республике, открывает возможность обнаружить наиболее удачные законодательные решения, применимые для регулирования деликтных обязательств в правоохранительной сфере.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-правового анализа деликтной ответственности сотрудников ОВД в Российской Федерации и Кыргызской Республике, выявление общих закономерностей и национальных особенностей правового регулирования. Для достижения цели поставлены следующие задачи: раскрыть понятие и правовую природу деликтной ответственности сотрудников ОВД; проанализировать условия наступления деликтной ответственности по законодательству Российской Федерации и Кыргызской Республики; исследовать механизм регрессной ответственности сотрудника перед государством; выявить особенности судебной практики; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили: Гражданский кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Кыргызской Республики, Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», Закон Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел», судебные акты российских судов, научные публикации по проблематике деликтной ответственности сотрудников правоохранительных органов.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы познания. Сравнительно-правовой метод позволил выявить сходства и различия в правовом регулировании деликтной ответственности сотрудников ОВД в Российской Федерации и Кыргызской Республике. Формально-юридический метод применен при анализе содержания правовых норм, регулирующих основания и условия деликтной ответственности. Системный метод способствовал рассмотрению деликтной ответственности как элемента общего правового статуса сотрудника ОВД во взаимосвязи с иными элементами. Метод анализа судебной практики использован для выявления проблем правоприменения и тенденций развития судебной практики по регрессным искам к сотрудникам ОВД.

Результаты и обсуждения

Понятие и правовая природа деликтной ответственности сотрудников ОВД

Деликтная ответственность (от лат. delictum – правонарушение) представляет собой вид гражданско-правовой ответственности, возникающей вследствие причинения вреда. В отличие от договорной ответственности, деликтная возникает независимо от наличия соглашения между сторонами и основана на непосредственном указании закона.

Специфика деликтной ответственности сотрудников ОВД обусловлена особым характером их деятельности, связанной с применением властных полномочий и возможностью причинения вреда как правомерными, так и неправомерными действиями. В юридической литературе выделяют два уровня такой ответственности: ответственность государства (казны) перед потерпевшим и ответственность конкретного сотрудника перед государством в порядке регресса [7, с. 3]. Возможность привлечения к ответственности должностных лиц, непосредственными действиями (бездействием) которых причинен вред гражданам и организациям, является важнейшим средством защиты имущественных интересов Российской Федерации и способствует укреплению законности и правопорядка в обществе [7, с. 2].

Источники правового регулирования в РФ и КР

Нормативную основу регулирования деликтной ответственности сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации образует комплекс взаимосвязанных источников различной отраслевой принадлежности. Центральное место в этой системе занимает Гражданский кодекс РФ, а именно глава 59 его второй части («Обязательства вследствие причинения вреда»), содержащая ключевые статьи 1069, 1070, 1071 и 1081. Специальные нормы, уточняющие особенности применения деликтной ответственности с учетом специфики правоохранительной службы, закреплены в статье 33 Федерального закона «О полиции» и статье 15 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации».

В Кыргызской Республике: Гражданский кодекс КР (часть вторая, глава 48 «Обязательства вследствие причинения вреда»), включая статьи 1046, 1047, 1078 ГК КР; Закон «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» (ст. 52).

Условия деликтной ответственности сотрудников ОВД

Деликтная ответственность наступает при наличии следующих условий:

• наступление вреда, как имущественного так и неимущественного характера;

• противоправный характер действий правонарушителя;

• прямая причинно-следственная связь между совершенными действиями и наступившими последствиями;

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

• вина правонарушителя (в форме умысла или неосторожности).

Сравнительный анализ показывает, что гражданское законодательство РФ и КР содержит практически идентичные подходы к определению указанных условий.

Статья 1069 ГК РФ и статья 1046 ГК КР устанавливают специальные правила ответственности за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами. Вред подлежит возмещение за счет государственных средств, ответственность наступает независимо от вины конкретного должностного лица.

Отдельного рассмотрения заслуживает статья 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая устанавливает особый порядок возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Специфика данной нормы заключается в так называемом «усеченном» составе правонарушения: ответственность наступает вне зависимости от наличия вины конкретных должностных лиц. Иными словами, законодатель исходит из презумпции ответственности самого государства за ошибки и злоупотребления своих представителей в уголовно-процессуальной сфере. Для возникновения права на возмещение вреда достаточно доказать лишь сам факт незаконных действий – например, незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности или незаконного заключения под стражу. Наличие или отсутствие вины конкретного следователя, дознавателя или судьи в данном случае правового значения не имеет.

Регрессная ответственность сотрудника ОВД

Наиболее важным для понимания гражданско-правового статуса сотрудника ОВД является институт регрессной ответственности. После того как государство возместило вред потерпевшему, оно приобретает право обратного требования (регресса) к виновному сотруднику. Законодательное регулирование в РФ осуществляется ст. 1081 ГК РФ и ст. 15 ФЗ «О службе в органах внутренних дел», в КР – ст. 1078 ГК КР и ст. 52 Закона «Об органах внутренних дел».

Анализ судебной практики

Изучение материалов судебных дел показывает, что практика рассмотрения споров о привлечении сотрудников органов внутренних дел к регрессной ответственности за вред, возмещенный государством потерпевшим, отличается заметной противоречивостью. В одних случаях суды удовлетворяют регрессные иски МВД к виновным сотрудникам, в других – отказывают, руководствуясь различными, порой диаметрально противоположными доводами. Анализ складывающейся правоприменительной практики позволяет выделить несколько наиболее острых проблемных вопросов, возникающих при разрешении данной категории гражданских дел.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить три наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении регрессных исков к сотрудникам органов внутренних дел.

Первая проблема связана с неопределенностью в выборе применимого законодательства. Рассматривая требования о взыскании с сотрудника сумм, выплаченных государством потерпевшему, суды нередко обращаются не к гражданскому, а к трудовому праву, применяя нормы об ограниченной материальной ответственности работников. В результате возникает коллизия: Гражданский кодекс, регулирующий регрессные обязательства, не устанавливает верхнего предела взыскания, тогда как Трудовой кодекс ограничивает ответственность, как правило, размером среднемесячного заработка. Отсутствие единообразного подхода к определению отраслевой принадлежности таких споров порождает противоречивую судебную практику и ставит под сомнение саму возможность полного возмещения государству понесенных расходов.

Вторая проблема касается доказательственного значения материалов служебных проверок. Отдельные суды отказываются признавать результаты таких проверок достаточным подтверждением противоправности действий (бездействия) сотрудника и его вины, настаивая на необходимости предоставления вступившего в законную силу приговора суда либо постановления по делу об административном правонарушении. Такой подход существенно затрудняет возможность предъявления регрессных исков, особенно в случаях, когда деяние сотрудника не содержит признаков уголовно или административно наказуемого деяния, но при этом очевидно является противоправным и повлекло причинение вреда.

Третья проблема обусловлена неверным толкованием судами природы ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания и предварительного следствия. Несмотря на то что законодательством установлен усеченный состав данного правонарушения, предполагающий наступление ответственности независимо от вины конкретного должностного лица (так называемая безвиновная ответственность), некоторые суды продолжают требовать доказательств виновности сотрудника. Подобный подход противоречит существу правового регулирования и фактически блокирует возможность предъявления регрессных требований к лицам, допустившим незаконные действия в ходе уголовного судопроизводства.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Суды иногда ошибочно требуют доказательств вины конкретного сотрудника, хотя по ст. 1070 ГК РФ ответственность государства наступает независимо от вины.

Показательным примером, иллюстрирующим сложности правоприменения в рассматриваемой сфере, может служить дело, рассмотренное Дятьковским городским судом Брянской области. В решении от 5 июля 2017 года по делу № 2-632/2017 суд рассматривал иск межмуниципального отдела МВД России «Дятьковский» к бывшему сотруднику о взыскании ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия. Разрешая спор по существу, суд руководствовался положениями пункта 1 статьи 1064 и пункта 1 статьи 1081 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которыми лицо, возместившее вред, причиненный работником при исполнении служебных обязанностей, приобретает право обратного требования (регресса) к этому работнику в размере выплаченного возмещения.

Однако суд также отметил необходимость учета всех обстоятельств дела, включая утомленное состояние сотрудника, вызванное сверхурочной службой по приказу работодателя [5]. Данное решение иллюстрирует проблему учета степени вины сотрудника и обстоятельств несения службы при определении размера регрессных требований.

В решении Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 10 июля 2018 года по делу № 2-2610/2018 рассматривался иск Управления МВД России по Нижнекамскому району к гражданке о защите деловой репутации [4]. Суд применил ст. 152 ГК РФ о защите деловой репутации, а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [4]. Хотя данное дело не касается непосредственно деликтной ответственности сотрудника, оно важно для понимания механизмов защиты репутационных интересов МВД, которые могут быть нарушены необоснованными обвинениями в адрес сотрудников.

Анализ проблем правового регулирования и правоприменения

Проведенный анализ выявляет ряд системных проблем в правовом регулировании деликтной ответственности сотрудников ОВД.

К числу основных проблем относятся: неопределенность критериев для разграничения случаев, когда вред причинен при исполнении служебных обязанностей и когда – в частных интересах сотрудника; сложность доказывания прямой причинно-следственной связи между действиями сотрудника и наступившим вредом; коллизии между гражданским и служебным законодательством в части определения пределов ответственности; отсутствие единообразия в судебной практике по вопросам применения регрессной ответственности [7, с. 3]; неоднозначная оценка доказательственного значения материалов служебных проверок [7, с. 3]. В связи с этим особое значение приобретает формирование единообразной судебной практики по данной категории дел.

Сравнительный анализ законодательства РФ и КР показывает, что в Кыргызской Республике наблюдается менее детализированная регламентация процедурных аспектов регрессной ответственности, что может создавать дополнительные сложности в правоприменении. Вместе с тем основные подходы к регулированию деликтной ответственности сотрудников ОВД в рассматриваемых странах совпадают, что создает предпосылки для дальнейшей гармонизации законодательства в рамках интеграционных объединений.

Выводы

Проведенное сравнительно-правовое исследование деликтной ответственности сотрудников ОВД в Российской Федерации и Кыргызской Республике позволяет сформулировать следующие выводы:

Законодательство обеих стран демонстрирует высокую степень сходства в подходах к регулированию деликтной ответственности сотрудников ОВД, что обусловлено общими правовыми традициями и принципами гражданского права.

Ключевая особенность ответственности сотрудников ОВД заключается в ее двухуровневом характере: первоначальная ответственность перед потерпевшим возлагается на государство (казну) в силу ст. 1069-1070 ГК РФ, и лишь затем, в порядке регресса по ст. 1081 ГК РФ, может быть возложена на конкретного сотрудника [7, с. 2].

Статья 1070 ГК РФ предусматривает особый «усеченный» состав деликтной ответственности – ответственность наступает независимо от вины должностных лиц органов дознания и предварительного следствия [7, с. 2].

Судебная практика по регрессным искам к сотрудникам ОВД характеризуется неоднородностью и наличием спорных вопросов: применение норм трудового законодательства, оценка доказательственного значения служебных проверок, учет особенностей безвиновной ответственности по ст. 1070 ГК РФ [7, с. 3].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Основные различия между законодательством РФ и КР касаются процедурных аспектов реализации регрессной ответственности, а также степени детализации оснований освобождения от ответственности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать комплекс предложений, направленных на совершенствование как законодательных норм, так и сложившейся правоприменительной практики в сфере деликтной ответственности сотрудников органов внутренних дел.

Законодателю РФ и КР: унифицировать подходы к определению пределов регрессной ответственности сотрудников ОВД; закрепить на уровне закона открытый перечень обстоятельств, смягчающих ответственность (экстремальные условия службы, недостаточное ресурсное обеспечение, выполнение неправомерного приказа); устранить коллизию между гражданским и служебным законодательством в части применения ограничений размера регрессной ответственности.

Судебным органам (Пленуму Верховного Суда РФ и Верховного суда КР): дать разъяснения о доказательственном значении материалов служебных проверок при рассмотрении регрессных исков; разъяснить особенности применения ст. 1070 ГК РФ (безвиновной ответственности) в контексте регрессных требований к сотрудникам [7, с. 3].

Ведомственным нормотворческим органам: разработать методические рекомендации по оценке степени вины сотрудника при причинении вреда; создать систему психологической и правовой поддержки сотрудников, привлекаемых к регрессной ответственности.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение зарубежного опыта регулирования деликтной ответственности правоохранителей, а также на разработку модельного законодательства для государств-участников СНГ с учетом правовых позиций, отраженных в актах Конституционного Суда РФ и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [3, с. 3].

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 08.05.1996 № 15 (в ред. от 28.12.2023) // Ведомости Жогорку Кенеша КР. 1996. № 7. Ст. 238.

3. Комлев Н.Ю., Миронов А.Н., Павлухин А.Н., Петрова С.И. Юридические способы профилактики противоправных действий (бездействия) сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: актуальные вопросы законодательного регулирования и судебной практики: учебное пособие. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2022. 92 с. ISBN 978-5-6048743-2-5.

4. Решение Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 10.07.2018 по делу № 2-2610/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HIORCgzRyBx/ (дата обращения: 23.11.2025)

5. Решение Дятьковского городского суда Брянской области от 05.07.2017 по делу № 2-632/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dRUQT9QJFgUn/ (дата обращения: 23.11.2025)

6. Фадеева И.В., Лахтина Т.А., Глушко М.В. Теоретико-правовые аспекты юридической ответственности сотрудников полиции // Современное право. 2021. № 8. С. 44 – 50. DOI 10.25799/NI.2021.47.75.007

7. Чернова Е.Г. Актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности сотрудников органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 2 – 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 23.11.2025)

8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.

9. О правовой защищенности сотрудника ОВД, в отношении которого ведется дисциплинарное производство // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 112 – 118.

10. Петров С.М. Деликтная ответственность государства за вред, причиненный должностными лицами // Государство и право. 2024. № 3. С. 78 – 92.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on April 1, 2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

2. Civil Code of the Kyrgyz Republic of May 8, 1996, No. 15 (as amended on December 28, 2023). Vedomosti of the Zhogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic. 1996. No. 7. Art. 238.

3. Komlev N.Yu., Mironov A.N., Pavlukhin A.N., Petrova S.I. Legal Methods of Preventing Illegal Actions (Inactions) of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: Current Issues of Legislative Regulation and Judicial Practice: Study Guide. Kazan: Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 92 p. ISBN 978-5-6048743-2-5.

4. Decision of the Nizhnekamsk City Court of the Republic of Tatarstan dated July 10, 2018 in case No. 2-2610/2018 [Electronic resource]. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HIORCgzRyBx/ (date of access: November 23, 2025)

5. Decision of the Dyatkovo City Court of the Bryansk Region dated July 5, 2017 in case No. 2-632/2017 [Electronic resource]. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dRUQT9QJFgUn/ (date accessed: 23.11.2025)

6. Fadeeva I.V., Lakhtina T.A., Glushko M.V. Theoretical and legal aspects of the legal liability of police officers. Modern Law. 2021. No. 8. pp. 44 - 50. DOI 10.25799/NI.2021.47.75.007

7. Chernova E.G. Actual problems of civil liability of employees of internal affairs bodies. Bulletin of Economic Security. 2023. No. 2. P. 2 – 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del (date of access: 23.11.2025)

8. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ (as amended on 01.07.2024). Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49. Art. 7020.

9. On the legal protection of an internal affairs body employee against whom disciplinary proceedings are being conducted. Administrative Law and Process. 2022. No. 4. P. 112 – 118.

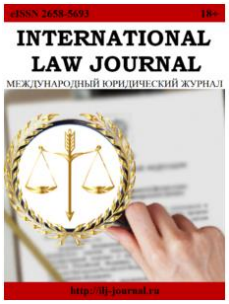
10. Petrov S.M. Tort liability of the state for harm caused by officials. State and Law. 2024. No. 3. P. 78 – 92.

Информация об авторе

Джакипов У.Дж., майор милиции Кыргызской Республики, адъюнкт ФПНПиНК (факультет по подготовке научно-педагогических и научных кадров), Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

© Джакипов У.Дж., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 346.2
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-23-28

Договор исполнен: одобрять или нет крупную сделку

[1] Загребаева Е.В.,
[1] ООО «ПСБ Страхование жизни»

Аннотация: *в настоящей статье в контексте проводимого исследования автором проанализированы нормы о крупных сделках Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО), Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО), Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федерального закона от 03 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», Федерального закона от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и нормы иных федеральных законов, содержащих критерии сделок, сходных (по признакам и порядку совершения) с крупной сделкой, а также судебно-арбитражной практики.*

Автором установлено, что исполнение договора не исключает возможность оспорить его как крупную сделку (при наличии в ней соответствующих критериев) и, следовательно, не является доводом против его одобрения (соблюдения особого порядка совершения). Исполнение договора происходит уже после заключения договора, поэтому не изменяет момент определения критериев крупной сделки и не может «исцелить» договор, устранив необходимость его одобрения.

Ключевые слова: *крупная сделка, исполнение договора, последующее одобрение, предварительное согласие, юридическое лицо*

Для цитирования: Загребаева Е.В. Договор исполнен: одобрять или нет крупную сделку // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 23 – 28. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-23-28

Поступила в редакцию: 17 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Contract executed: to ratify or not to ratify a major transaction

[1] Zagrebaeva E.V.,
[1] LLC «PSB Life Insurance»

Abstract: *in this article, in the context of the conducted research, the author analyzes the norms on large transactions of Federal Law № 14-FZ of February 08, 1998 "On Limited Liability Companies" (hereinafter – FZ On LLC), Federal Law № 161-FZ of November 14, 2002 "On State and Municipal Unitary Enterprises", Federal Law dated December 26, 1995, № 208-FZ "On Joint – Stock Companies" (hereinafter – the Federal Law on Joint-Stock Companies), Federal Law № 7-FZ dated January 12, 1996 "On Non-Profit Organizations", Federal Law No. 174-FZ dated November 03, 2006 "On Autonomous Institutions", Federal Law dated July 19, 1998. № 115-FZ "On the Specifics of the Legal Status of Joint-Stock Companies of Employees (People's Enterprises)", Federal Law №*

145-FZ dated July 17, 2009 "On the State Company Russian Highways and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and the norms of other federal laws containing criteria for transactions similar (in terms of their characteristics and procedure for execution) to a major transaction, as well as judicial and arbitration practice.

The author has established that the execution of a contract does not exclude the possibility of challenging it as a major transaction (if it meets the relevant criteria) and, therefore, does not serve as a reason against its approval (compliance with the special procedure for execution). The execution of a contract occurs after the contract is concluded, so it does not change the moment when the criteria for a major transaction are determined and cannot "heal" the contract by eliminating the need for its approval.

Keywords: *major transaction, performance of a contract, subsequent approval, prior consent, legal entity*

For citation: Zagrebaeva E.V. Contract executed: to ratify or not to ratify a major transaction. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 23 – 28. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-23-28

The article was submitted: Janaury 17, 2026; Approved after reviewing: March 14, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Нормы о крупной сделке должны «послужить преградой для вывода части имущества юридического лица» [1]. Возникает вопрос: исполненный договор одобрять как крупную сделку? Он актуален для разных организаций (кроме товариществ), поскольку имущественная обособленность – это основа правосубъектности организации.

Материалы и методы исследований

Предметом исследования послужили нормы ФЗ об ООО, ФЗ об АО и проч. В статье использованы формально-юридический (догматический), сравнительно-правовой и системный методы.

Новизна и практическая значимость статьи заключаются в обосновании вывода: что исполнение (частичное или полное) договора не служит основанием не одобрять его как крупную сделку.

Результаты и обсуждения

Для ответа на поставленный выше вопрос смоделируем ситуацию: заключенный договор исполнен. Стороны подписали закрывающий акт приема-передачи оказанных услуг (выполненных работ), акт передачи исключительного права (зависит от вида договора) или соглашение о расторжении договора. Данные отражены в бухгалтерской (финансовой) отчетности. Исполнение договора использовано стороной как довод против одобрения его в качестве крупной сделки (при наличии критериев). Однако ситуация создает правовые риски для обеих сторон договора и подрывает стабильность гражданского оборота. Если же директор (далее – ЕИО) не выносит наблюдательному совету (при его наличии; далее – набсовет) или общему собранию вопрос об одобрении договора, то они и не узнают о его заключении. Таким образом, их воля (как дополнение к волеизъявлению ЕИО) по этому вопросу не сформирована. В то же время получение набсоветом или общим собранием информации о неодобренном, но исполненном договоре создаст риск его оспаривания.

Риск признания договора недействительным и потенциальный судебный спор повлияют на дальнейшую деятельность обеих сторон договора, поскольку повлекут временные и финансовые издержки, а также угрозу деловой репутации. Но ущерб обществу способен нанести и частично исполненный договор (не одобренный как крупная сделка и признанный такой судом), о чем свидетельствуют суды. Приведем пример 1. Договор купли-продажи объектов электрического оборудования, по которому на основе подписанного акт переданы 17 объектов (основной актив общества) с условием рассрочки платежа на четыре года, признан судом недействительным [2]. Пример 2. Общество получило заемные средства по девяти договорам займа, заключенным с одним контрагентом в течение 13 месяцев, которые суд квалифицировал как единую крупную сделку [3].

Учитывая, что единое понятие «крупная сделка» отсутствует, а критерии такой и сходной с ней сделок (по признакам и порядку совершения) рассредоточены в ряде законов [4-14, 19, 20], подобная ситуация способна возникнуть в деятельности различных юридических лиц, а не только акционерных обществ (далее – АО) или обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Цели деятельности таких организа-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ций определяют направленность их имущественных интересов. Далее рассмотрим последствия неодобрения крупной сделки, обусловленным полным, частичным исполнением договора.

Крупная сделка является оспоримой [4-6, 14, 19, 20]. Предмет доказывания при ее оспаривании включает ряд условий (обстоятельств). Во-первых, это наличие критериев (признаков) крупной сделки, определяемых до момента ее заключения. Последующая переквалификация такой сделки недопустима. Если сделка признана крупной, то это уже указывает на ее оспоримость. Справедливо отмечено: «основания недействительности сделки должны определяться на момент ее совершения – это одна из аксиом гражданского права» [15]. Исполнение договора, подписание соглашения о его расторжении происходят уже после заключения договора. Следовательно, такие действия не могут: изменить момент определения критериев крупной сделки; «исцелить» договор, устранив необходимость его одобрения.

Для крупной сделки АО и ООО установлены количественный критерий и качественный. Пример последнего – продажа «основного производственного актива» [16]. Институт крупной сделки выступает для акционеров (участников) гарантией возможности принять решение о кардинальном изменении деятельности общества. Если крупная сделка не одобрена, вопрос наличия (или отсутствия) ее квалифицирующих критериев решает суд. Показателен следующий пример. Суд признал крупной сделкой исполненный договор купли-продажи помещения, которое было оплачено в полном объеме, а право собственности зарегистрировано. Количественный критерий был подтвержден восьмикратным превышением порога в 25% от балансовой стоимости активов (далее – БСА), а качественный – проведенной судебной экспертизой, установившей неудовлетворительное состояние большинства конструктивных элементов: их эксплуатация возможна лишь при осуществлении дополнительных расходов на капитальный ремонт [17].

В другом деле суд, признавая сделки крупными, обратил внимание на два ключевых обстоятельства. Во-первых, сделки совершены при неравноценном встречном исполнении. Во-вторых, в результате их исполнения АО «Норт Вэй Консалтинг» утратило свой единственный ликвидный актив – денежные средства [18]. Суд специально исследовал вопрос, как фактически исполнялся договор, и пришел к выводу о явной неравнозначности встречного предоставления. Важно подчеркнуть: ни ФЗ об ООО, ни ФЗ об АО не ставят возможность признания сделки недействительной в зависимость от того, исполнена она полностью, частично или не исполнена вовсе [19, 20]. Иными словами, сам по себе факт исполнения договора еще не означает, что нарушение порядка одобрения крупной сделки перестало иметь значение. Показателен и другой пример. Истец требовал признать недействительными два соглашения о расторжении договоров, но суд отказал в иске. Основание: «договоры на оказание услуг были заключены сторонами в процессе обычной хозяйственной деятельности организаций» [24]. А раз сами договоры не являлись крупными сделками, то и соглашения об их расторжении не могут быть оспорены по этому основанию. Из приведенных примеров видно: отсутствие качественного критерия (то есть выход за пределы обычной хозяйственной деятельности) – это самостоятельное и достаточное основание для отказа в иске. Исполнение договора характеризует взаимоотношения сторон. Суды проверяют не просто цифры, а суть операции: меняет ли она активы компании, является ли обычной для ее деятельности, не ведет ли к потере ключевых ресурсов.

Для иных организаций (в частности, учреждений и унитарных предприятий) законодательство наряду с количественным критерием (как правило, превышение 10% БСА или уставного фонда) раскрывает понятие «крупная сделка» через «предмет и виды сделок, раскрываемые через определенные действия» [21]. Законодательство максимально конкретно описывает, какие именно «действия» с имуществом требуют его предварительного согласия. В то же время, проанализировав условия исполненного договора, суд может не квалифицировать его как крупную сделку – если он является доходным для организации. Показателен пример из практики: суд отказал в иске, указав: «договор никак не связан (прямо или косвенно) с приобретением или отчуждением муниципального имущества», а «исполнение оспариваемого договора влечет для МУП ЖКХ п. Уральский возможность получения дополнительного дохода» [22]. Даже при формальном соответствии количественному критерию, сделка, направленная на получение прибыли, а не на распоряжение имуществом, может не требовать одобрения как крупная.

Следующим условием предмета доказывания выступает нарушение порядка (процедуры) совершения крупной сделки. Этот порядок состоит из совокупности установленных требований. Важно подчеркнуть: установленный законом порядок одобрения крупной сделки не может быть исключен уставом [4-10, 12, 13, 19, 20], равно как и факт исполнения договора сам по себе не становится препятствием для его последующего оспаривания в суде. Одно из требований такого порядка – характер одобрения (предварительное или последующее). Ряд законов содержит требование о предварительном согласии [4-9, 13]. Это строгое условие: одобрение должно быть получено до заключения договора и начала его исполнения. Его отсутствие – достаточное основание для признания сделки недействительной. Показателен пример из практики. Мини-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

стерство лесного хозяйства Красноярского края обратилось к ГПКК «Красноярсклес» с иском о признании недействительным исполненного сторонами договора подряда (с элементами купли-продажи). Суд иск удовлетворил и указал: «сделка заключена и исполнена сторонами до получения соответствующего согласования» [23]. В данном случае исполнение договора не лишает истца права оспорить сделку, а отсутствие последующего одобрения не восполняет порока предварительного согласия.

Предварительный характер – это лишь один из возможных вариантов одобрения. Ряд законов допускает и последующее одобрение [19, 20]. При этом законы для фразы «последующее одобрение» не содержит такие оговорки, как «после заключения договора», «во время исполнения договора», «после частичной оплаты» и проч. Следовательно, орган управления (в чьей компетенции этот вопрос) самостоятельно определяет дату одобрения сделки – без привязки к моменту ее исполнения. В подтверждение обратимся к норме закона. Суд откажет в удовлетворении иска, если «к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения совершения» [19, 20]. Иными словами, законодатель связывает последующее одобрение именно с моментом рассмотрения спора: после указанного момента смысл в получении одобрения утрачивается. После указанного момента смысл в получении одобрения теряется, а исполнить договор можно до получения согласия. Отсюда следуют два важных вывода. Во-первых, исполнение договора само по себе не препятствие его оспариванию в суде (в течение срока исковой давности) и не является основанием для суда отказать в иске. Во-вторых, факт исполнения влияет на возможность применить последствия недействительности сделки в виде двухсторонней реституции, что составляет риск – в первую очередь для контрагента.

Еще одно ключевое условие к доказыванию истцом в суде при оспаривании крупной сделки, – осведомленность контрагента, что сделка крупная и нарушен порядок ее совершения. Суды к этому вопросу подходят внимательно. Пример 1. Обществом поставлен, а автономным учреждением (далее – учреждение) принят товар (без замечаний по качеству, количеству и ассортименту) на сумму 1 136 250 руб. Довод ЕИО Общества (одновременно являющегося членом набсовета учреждения), что он не знал о процедуре заключения с учреждением крупной сделки, признан судом несостоятельным [25]. Пример 2. Совершение сделки с бюджетным учреждением, наличие между сторонами длительных отношений, связанных с основным видом деятельности учреждения – поставка топливных ресурсов указывают, что общество по спорной сделке знало о необходимости получения согласия на ее заключение [26]. В приведенных примерах исполнение договора (хотя бы и частичное) не повлияло на оценку судом оспариваемых сделок.

Выводы

На основании вышеизложенного следует сделать следующие выводы. Критерии (признаки) крупной сделки и сходной с ней сделок определяются до момента ее заключения. Последующая переквалификация сделки (например, в связи с ее исполнением) недопустима. Если установлено, что сделка крупная, – это уже указывает на ее оспоримость. Исполнение (частичное или полное) договора происходит после его заключения, а потому не может изменить момент определения критериев крупной сделки и «исцелить» договор от необходимости его одобрять. Факт исполнения не является препятствием для оспаривания сделки в суде (в пределах срока исковой давности) и не служит основанием для суда отказать в иске.

Список источников

1. Загребаева Е.В. Правовое регулирование сделок, совершаемых юридическими лицами в особом порядке: монография / под ред. О.В. Гутникова. М. Проспект. 2024. С. 47.

2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.08.2025 № 09АП-38064/2025 по делу № А40-31999/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18.09.2025 по делу № А56-117255/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

4. П. 13 ст. 9^2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

5. Ст. ст. 14, 15 Федерального закона от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.

6. Ст. ст. 24, 25 Федерального закона от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3582.

7. П. 13 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос"» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4341.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

8. П. 15 ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом"» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 6078.

9. Ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3627.

10. Абз. 1 п. 3 ст. 38 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

11. Абз. 2 п. 7 ст. 38^1 Закона РФ от 19.06.1992 № 3085-I «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 19 июня.

12. Ст. 23 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

13. П. 5 ст. 15 Федерального закона от 19.07.1998 № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3611.

14. П. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010. 21 мая.

15. Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Будылин С.Л. и др. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

16. П. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. 2018. 6 июля.

17. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 08.02.2024 по делу № А56-78023/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Решение Арбитражного суда Амурской области от 15.03.2024 по делу № А04-9620/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

20. Гл. X Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

21. Загребаева Е.В. Правовое регулирование сделок, совершаемых юридическими лицами в особом порядке: дис. ... к.ю.н. М. 2023. С. 60.

22. Решение Арбитражного суда Пермского края от 23.06.2022 по делу № А50-162/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Решение Арбитражного суда Красноярского Края от 18.04.2019 по делу № А33-22796/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Решение Арбитражного суда города Москвы от 02.02.2019 по делу № А40-219683/18-111-1815 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 28.03.2014 по делу № А21-174/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Решение Арбитражного суда Республики Коми от 12.10.2017 по делу № А29-7468/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Zagrebaeva E.V. Legal regulation of transactions concluded by legal entities in a special procedure: monograph. Edited by O.V. Gutnikov. M. Prospect. 2024. P. 47.

2. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated August 21, 2025 No. 09AP-38064/2025 in case No. A40-31999/2025. SPS "ConsultantPlus".

3. Decision of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and Leningrad Region dated September 18, 2025 in case No. A56-117255/2024. SPS "ConsultantPlus".

4. Clause 13 of Art. 92 of the Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations". Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 145.

5. Art. Art. 14, 15 of the Federal Law of 03.11.2006 No. 174-FZ "On Autonomous Institutions". Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 45. Art. 4626.

6. Art. Art. 24, 25 of the Federal Law of 17.07.2009 No. 145-FZ "On the State Company "Russian Highways" and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 29. Art. 3582.

7. Clause 13, Part 1, Art. 23 of the Federal Law of 13.07.2015 No. 215-FZ "On the State Corporation for Space Activities Roscosmos". Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part 1). Art. 4341.

8. Clause 15, Part 1, Art. 24 of the Federal Law of 01.12.2007 No. 317-FZ "On the State Atomic Energy Corporation Rosatom". Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 49. Art. 6078.

9. Part 3, Art. 6 of the Federal Law of 18.07.2009 No. 190-FZ "On Credit Cooperation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 29. Art. 3627.

10. Paragraph 1, paragraph 3, Article 38 of the Federal Law of 08.12.1995 No. 193-FZ "On Agricultural Cooperatives". Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 50. Article 4870.

11. Paragraph 2, paragraph 7, Article 381 of the Law of the Russian Federation of 19.06.1992 No. 3085-I "On Consumer Cooperatives (Consumer Societies, Their Unions) in the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 1992. June 19.

12. Article 23 of the Federal Law of 14.11.2002 No. 161-FZ "On State and Municipal Unitary Enterprises". Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 48. Article 4746.

13. Clause 5, Article 15 of the Federal Law of 19.07.1998 No. 115-FZ "On the Specifics of the Legal Status of Employee Joint-Stock Companies (People's Enterprises)". Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 30. Art. 3611.

14. Clause 9 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of 29.04.2010 "On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Property Rights". Rossiyskaya Gazeta. 2010. May 21.

15. Baibak V.V., Bevzenko R.S., Budylin S.L. and others. Transactions, Representation, and Limitation Period: Article-by-Article Commentary on Articles 153-208 of the Civil Code of the Russian Federation. ed. by A.G. Karapetyan. Moscow: M-Logos, 2018. SPS "ConsultantPlus".

16. Clause 9 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 26, 2018 No. 27 "On Challenging Major Transactions and Related-Party Transactions". Rossiyskaya Gazeta. July 6, 2018.

17. Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region of February 8, 2024 in Case No. A56-78023/2023. SPS "ConsultantPlus".

18. Decision of the Arbitration Court of Amur Region dated March 15, 2024, in case No. A04-9620/2023. SPS "ConsultantPlus".

19. Art. 46 of the Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies". Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.

20. Chapter X of the Federal Law of December 26, 1995 No. 208-FZ "On Joint-Stock Companies". Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 1.

21. Zagrebaeva E.V. Legal regulation of transactions concluded by legal entities in a special manner: dis. ... Cand. Sci. (Law). M. 2023. P. 60.

22. Decision of the Arbitration Court of Perm Krai dated June 23, 2022, in case No. A50-162/2022. SPS "ConsultantPlus".

23. Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated April 18, 2019, in case No. A33-22796/2018. SPS "ConsultantPlus".

24. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated February 2, 2019, in case No. A40-219683/18-111-1815. SPS "ConsultantPlus".

25. Decision of the Arbitration Court of the Kaliningrad Region dated March 28, 2014, in case No. A21-174/2014. SPS "ConsultantPlus".

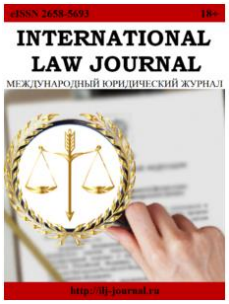
26. Decision of the Arbitration Court of the Komi Republic dated October 12, 2017, in case No. A29-7468/2017. SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторе

Загребаева Е.В., кандидат юридических наук, независимый эксперт Минюста России, руководитель центра корпоративной работы, ООО «ПСБ Страхование жизни», руководитель проектов ПАО «Банк ПСБ», ek.zagrebaeva@yandex.ru

© Загребаева Е.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.148.63
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-29-36

Применение специальных знаний при установлении историко-культурной ценности зданий

[1] Тарбеева С.А., [1] Кузбагарова Е.В.,
[1] Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Аннотация: *в статье рассматривается применение специальных знаний при установлении историко-культурной ценности зданий в рамках государственной историко-культурной экспертизы. Поднимается вопрос о комплексном характере исследований в отношении здания, как выявленного объекта культурного наследия. Анализируются методологические и организационные аспекты установления ценности объекта, предмета его охраны. Особое внимание уделяется методологическому плюрализму и зависимости формализованных подходов оценки ценности от специальных знаний и профессионального опыта эксперта.*

Ключевые слова: *историко-культурная ценность, государственная историко-культурная экспертиза (ГИКЭ), памятник истории и культуры, специальные знания, культурное наследия, эксперт, методология оценивания, квалиметрия, критерии оценки, сохранение культурного наследия*

Для цитирования: Тарбеева С.А., Кузбагарова Е.В. Применение специальных знаний при установлении историко-культурной ценности зданий // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 29 – 36. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-29-36

Поступила в редакцию: 18 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Application of specialist knowledge in establishing the historical and cultural value of buildings

[1] Tarbeeva S.A., [1] Kuzbagarova E.V.,
[1] Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Abstract: *this article examines the application of specialized knowledge in establishing the historical and cultural value of buildings within the framework of state historical and cultural assessment. It addresses the complex nature of research into a building as an identified cultural heritage site. The methodological and organizational aspects of establishing the value of an object and its subject matter are analyzed. Particular attention is paid to methodological pluralism and the dependence of formalized approaches to value assessment on the expert's specialized knowledge and professional experience.*

Keywords: *historical and cultural value, state historical and cultural assessment (SHCEA), historical and cultural monument, specialized knowledge, cultural heritage, expert, assessment methodology, qualimetry, assessment criteria, cultural heritage preservation*

For citation: Tarbeeva S.A., Kuzbagarov E.V. Application of specialist knowledge in establishing the historical and cultural value of buildings. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 29 – 36. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-29-36

The article was submitted: January 18, 2026; Approved after reviewing: March 15, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

Архитектурный облик каждого города уникален. Задолго до индустриализации, человека – жителя поселения Древней Руси или Эллады V века до н.э., окружали различные здания и сооружения. «Архитектура и градостроительство по своей природе социальны. Их практическая цель – создание пространственной среды для удовлетворения человеческих потребностей. Вместе с тем, архитектура оказывает значительное влияние на эмоциональный и духовный мир человека» [1, с. 3]. Городская среда на протяжении всего срока существования является не только материальным, но и социальным комплексом, выражающим культурные, исторические и эстетические ценности населения. В связи с этим, здания, как главные объекты архитектуры, нередко выступают предметом спора не только в юридических, но и социальных конфликтах. В первую очередь, это касается объектов, обладающих наивысшей для народа ценностью – историко-культурной, и потому являющихся уникальными для экспертных исследований.

Материалы и методы исследований

В процессе исследования были использованы методы описания, системного анализа, обобщения, абстрагирования, логический метод, позволившие сделать основные выводы по результатам проведённого исследования.

Проведённое исследование носит комплексный характер, что в определённой степени может выступать в качестве основных направлений применение специальных знаний при установлении историко-культурной ценности зданий в рамках государственной историко-культурной экспертизы.

Результаты и обсуждения

Историко-культурная ценность зданий устанавливается при проведении работ по выявлению и государственному учету объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия (далее по тексту – ОКН). Вместе с тем, их причисление к культурному наследию требует проведения дополнительных исследований в рамках государственной историко-культурной экспертизы (далее по тексту-ГИКЭ), регулирующейся Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2].

Ряд авторов отмечают, что многоступенчатость порядка включения здания в группу ОКН, главным образом, связана с необходимостью подтверждения его объективной ценности [4 с. 42, 5, с. 64, 6, с. 92], вытекающей из требования определенного законом являться «свидетельством эпох и цивилизаций, подлинным источником информации о зарождении и развитии культуры» [2].

Кроме того, закон закрепляет несколько критериев (групп), выражающих ценность культурного наследия «с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры» [2]. Соответствие, по крайней мере, одному из них, подтвержденное заключением ГИКЭ, является основанием для присвоения зданию правового режима памятника истории и культуры, его включения в Единый государственный реестр на федеральном, региональном или местном уровнях.

Вышеназванные требования отражаются в стоящих перед экспертами вопросах, которые можно рассмотреть на примере ГИКЭ объекта «Дома Немецкой лютеранской церкви св. Петра» [7]: наименование объекта, момент его возникновения, даты основных перестроек объекта и (или) связанных с ним исторических событий, местоположение объекта, категория историко-культурного значения объекта, вид объекта, предмет охраны объекта культурного наследия (индивидуальные особенности, на основании которых объект подлежит государственной охране), границы территории объекта культурного наследия.

Как отмечает И.С. Барнев, для определения роли объекта в истории административно-территориального образования и государства, эксперту необходимо обладать широким кругом специальных знаний: в архитектуре, градостроительстве, а также искусствоведении и культурологии [3, с. 151], способствующих объективному постижению как материальной, так и духовной ценности предмета охраны. В связи с этим, к производству ГИКЭ привлекаются исключительно квалифицированные в соответствии с присвоенной им категорией эксперты, успешно прошедшие государственную аттестацию Министерства Культуры РФ.

При установлении историко-культурной ценности выявленных ОКН, в частности, памятников, экспертами применяются различные критерии и методы, общепринятой системой которых, в настоящее время, научно-методическая литература не обладает. Это обстоятельство существенно усложняет процесс оценивания, но обуславливается невозможностью типизации объектов, ценных своей уникальностью. Закон проводит разграничение по предназначению и значению в масштабах территории ОКН, однако, каждый из них требует индивидуального экспертного подхода.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Для предотвращения ошибок при производстве ГИКЭ, эксперты используют методологический подход, в котором поэтапно можно выделить следующие методы [5, с. 66, 10 с. 49, 11 с. 3]:

1. Историко-архивные изыскания включают в себя поиск и сбор как можно более полных сведений об объекте – здании и его территории (исторический период и технологии строительства, архитектурные особенности и предназначение) из различных исторических архивов (библиографий, научно-исследовательских работ, архивов строительной документации). Часть материалов, при этом, может предоставляться заявителями, однако, именно благодаря работе, проведенной экспертом, уточняется спорная из имеющейся информация, заполняются пробелы.

2. Натурные исследования позволяют эксперту сравнить ранее собранные данные с фактическим состоянием здания. Путем визуального осмотра с фотофиксацией выявляются незадокументированные особенности строения, имеющие значение при определении его ценности. В качестве примера можно выделить различные художественные или текстуальные отображения, запечатленные в исследуемом объекте и представляющие собой ценную историческую хронику неразрывно с ним связанную.

3. Сравнительный анализ позволяет сопоставить все полученные данные для формирования целостного представления об объекте.

Ввиду отсутствия унифицированного подхода к исследованию, проводимому в рамках выявления историко-культурной ценности, существуют и различные авторские методики, основанные на применении различных методологий. Одной из таких является составленная М.С. Федоровой «Методология исследования значимых архитектурных объектов через оценку их культурно-исторической, архитектурной и общественной ценности», представляющую собой уровневую классификацию из всеобщих философских, общенаучных, междисциплинарных, частнонаучных методов и методик исследования (анализ публикаций СМИ, исследование отдельных случаев, исследование социальной памяти и ментальное картографирование) [12].

Для достижения наибольшей объективности при оценивании как зданий, так и других объектов, экспертом используются не только имеющиеся специальные знания, но и результаты проведенных расчетов, в которых наиболее широко применяются основанные на балльной системе методы квалиметрии. А.В. Слабуха вывел 7 критериев ОКН (историческая (материальная), мемориальная, ландшафтно-средовая, градостроительная, архитектурно-художественная, строительно-технологическая и инженерно-техническая, научно-реставрационная (научно-реконструкционная)) и показатели их оценивания с последующим выставлением по ним баллов [13]. Результатом подобных количественных расчетов может выступать достижение критерием определенного значения, что позволяет эксперту судить о здании, как об объекте, имеющем историко-культурную ценность.

Квалиметрические методы призваны снижать субъективность при оценивании, однако обоснованность их применения экспертным сообществом подвергается сомнению. В качестве основного аргумента указывается, что проведение расчетов с последующим заполнением таблицы, все же осуществляется посредством применения специальных знаний [4, с. 42, 14, с. 12]. Вместе с тем, использование для анализа и синтеза расчетных таблицы с изначально заданной балльной шкалой представляет результаты в ограниченном виде, что способно существенно исказить фактическую ценность объекта.

В качестве подтверждения приведем положения и критерии ОКН, содержащиеся в приказе Управления по охране объектов культурного наследия Курской области от 03.09.2018 № 12-п «Об утверждении критериев историко-культурной ценности объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия» [15]. Установленный приказом критерий мемориальной ценности, при подтверждении закрепляет за объектом от 20 до 70 баллов, а показатель особого общественного значения – 10 баллов. Вместе с тем, такие характеристики (например, «связь с исторической личностью или событием национального значения» или «особое значение объекта для представителей конфессии») допускают возможность широкого толкования, что требует от эксперта дополнительных обоснований, проведения более глубоких исследований, чем в отношении состояния здания. Впрочем, даже при подтверждении указанных ценностей, в связи с формальным недобором баллов (например, имеются достоверно восполнимые фрагментарные утраты архитектурно-художественной отделки интерьеров (8 баллов), а не принципиально устранимые утраты или искажения (10 баллов)) по показателям, отражающим внешний вид объекта (занимают 76 позиций из 84), зданию может быть отказано в статусе ОКН, так как часть 2 приказа закрепляет необходимость наличия суммы баллов равной 200 и более для признания объекта ОКН. Исходя из этого, частым предметом обсуждений по теме уместности использования расчетных таблиц выступает их категоричный характер и разбалловки для показателей критериев ценности.

Также, представляется разумным поднять вопрос о соотношении материальной ценности здания и выходящей за ее пределы их критериев оценки. Закон определяет объекты культурного значения как «обла-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

дающие историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющие особое значение для истории и культуры». Ни одна из характеристик не наделена приоритетом, однако, мемориальной ценности и особому значению объекта в рассматриваемой и подобных ей таблицах, зачастую, отводится второстепенная роль. Объяснить это можно сложностью выражения и оценки нематериальных ценностей для установления к ним соответствующих требований.

Ю.Ю. Курашов по вопросу определения ценности зданий, строений и сооружений отмечает, что «условно-объективная ценность объекта может быть установлена только экспертами путем сравнения и анализа значительного массива информации в различных областях знаний». Среди видов ценностей, разработанных автором, в качестве характеризующих здание как объект культурного наследия, можно выделить: 1) историческую, включающую в себя – время сооружения, существования объекта, исторические события, связанные с объектом, историческая достоверность объекта и 2) архитектурную – наличие стилевых признаков, авторство, архитектурная школа, неординарные архитектурно-художественные элементы, особенности структуры (конструктивной схемы), разнообразие материалов, их долговечность [4, с. 41].

Законодательно закрепленный особый охранный режим ОКН основывается на конституционной обязанности «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [8]. И все же, в отношении памятников истории и культуры проходит не одно судебное производство – от уголовных и административных процессов до гражданских споров. Нередко работы по сохранению ценности объекта выполняются недобросовестно и приводят к ущербу предмета охраны. Показательным примером является история дома купца Рогова, расположенного в Санкт-Петербурге, который дважды был включен в реестр ОКН, однако так и не смог сохранить охранный статус [16]. Попав в начале XXI века в череду судебных разбирательств, ставящих под вопрос наличие его культурной ценности, здание, признанное аварийным, ветшало еще сильнее, в результате чего, комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) было лишено статуса ОКН. Кроме недобросовестности застройщика в отношении проведения работ по сохранению объекта (например, рядом экспертиз, инициированных Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) было выявлено отсутствие признаков укрепления несущих конструкций в 2007 г.), своими действиями он прямо способствовал разрушению здания, возведенного еще в XIX веке: в 2010 г. зафиксирована попытка демонтажа крыши здания, а в 2012 г. подрядчиком был произведен полный демонтаж, что вызвало общественный резонанс [17-18]. Через 9 лет после сноса здание было восстановлено, однако, его внешний облик все-же приобрел некоторые отличия от оригинала за авторством А.И. Мельникова и Н.А. Газельмейера.

А.А. Кириченкова отмечает, что реконструкция ОКН, в результате которой образуется новый объект, на практике приводит к искам о его признании самовольной постройкой и сносе [9 с. 81]. Для недопущения ситуаций, при которых лица, ответственные за проведение работ, привлекаются к юридической ответственности за уничтожение или повреждение ОКН, требуется проведение историко-архивных изысканий: «Область реставрации не допускает самовольности, поэтому необходимо использовать исторические материалы и технологии, а для этого нужно иметь полную и достоверную информацию, знать какие материалы и технологии применялись на каждом конкретном памятнике, с учетом всех этапов реставрации» [11 с. 4]. Относительно воссозданного дома купца Рогова можно отметить, что на данный момент им владеет другое лицо, приобретшее объект по окончанию строительных работ. Вместе с тем, статуса ОКН воссозданное здание не имеет. КГИОП относит его к историческим зданиям, в категорию которых входят постройки, возведенные в центральных и Невском районе Петербурга (до 1917 г.), а также за их пределами (до 1957 г.), включая деревянные 1-2-этажные строения (до 1917 г.) [19].

Ввиду отсутствия единой методологической базы, экспертами используются различные критерии и методы установления ценности объекта, что порождает в научном поле дискуссии относительно объективности оценивания. На наш взгляд, использование расчетных таблиц, содержащих критерии ценности, способствует снижению фактора субъективности, но требует качественной переработки и переосмысления.

Достижение объектом определенной суммы баллов, как подтверждение обладания им историко-культурной ценностью, отрицательно влияет на объективность. Ценность ОКН проявляется в различных критериях, однако, например приказ Управления по охране ОКН Курской области [15], лишает объект возможности обретения статуса памятника с точки зрения мемориального и особого общественного значения, так как сумма баллов, полученная по таким показателям, фактически не достигает необходимого значения.

Малая эффективность использования количественных значений просматривается на примере современной истории дома купца Рогова. Наличие существенных признаков ОКН (авторство, мемориальная и градостроительная ценность) не способствовало закреплению за объектом охранного статуса, так как его внешнему состоянию за время простоя в собственности застройщика был причинен колоссальный ущерб. В свя-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

зи с этим, экспертами поднимаются вопросы о возможности сохранения объектами, пострадавшими от рук человека и времени, статуса [14]. В связи с этим возникает вопрос об уходе от количественных показателей к применению инновационных технологий в рамках экспертизы. Применение инновационных технологий в рамках производства экспертизы ускоряют исследования и уменьшают субъективность, делая экспертизу более точной и соответствующей современным требованиям судебной практики. Например, 3D-сканирование и последующее моделирование позволит визуализировать картину предполагаемых изменений и разрушений объекта культурного наследия. Применение искусственного интеллекта и искусственных нейронных сетей. Позволят автоматизировать обработку больших массивов данных, выявить сложные закономерности и аномалии, которые сложно обнаружить с помощью традиционных методов экспертного исследования [20 с. 159]. Готовы ли эксперты применять инновационные методы в рамках производства ГИКЭ или проще проставить в таблице баллы?

Выводы

Значимость объекта не должна формально определяться баллами – необходима профессиональная дискуссия о выработке характеристик критериев ценности и методологии ее установления, основанной на применении инновационных методов экспертного исследования. При этом важен индивидуальный подход эксперта к объекту исследования посредством применения специальных знаний, а не унификация баллами, что послужит значимым ресурсом для дальнейшего развития ГИКЭ. Отсутствие унифицированных методик производства государственной историко-культурной экспертизы приводит к использованию экспертами неаккредитованных методик и применению несоответствующих методов экспертного исследования, негативно отражающихся на результатах экспертизы.

Список источников

1. Кулакова А.В., Романовская О.Г. Роль архитектуры в формировании социальной среды города // Вестник молодежной науки. 2023. № 3 (40). С. 1 – 5.

2. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // «Российская газета» от 29.6.2002 г.

3. Барнев И.С. Роль специальных познаний в установлении обстоятельств совершения преступлений, посягающих на культурные ценности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 1. С. 146 – 155.

4. Курашов Ю.Ю. Критерии оценки объектов культурного наследия: культурно-исторический аспект и правовое решение // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 4. С. 40 – 44.

5. Хазиахметова А.А. Особенности производства историко-культурной экспертизы проектной документации на проведение работ по сохранению объектов культурного наследия // Обществознание и социальная психология. 2023. № 9-3 (39). С. 63 – 67.

6. Тарновский В.В., Шишова О.П. Институт государственной историко-культурной экспертизы: роль, проблемы и задачи реформирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 90 – 104.

7. АКТ по результатам государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Дома Немецкой лютеранской церкви св. Петра», расположенного по адресу: Невский пр., 22-24, лит. А; Конюшенная Большая ул., 10, 12; Конюшенная Малая ул., 5, 7, в целях обоснования целесообразности включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2024/12/26/1_PirdP18.pdf (дата обращения: 11.11.2025)

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020) [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm (дата обращения: 21.11.2025)

9. Кириченкова А.А. Понятие и правовая природа недвижимых объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 1 (63). С. 79 – 97.

10. Федосеева Е.М. К вопросам цифровизации, адресации и оценки историко-культурной ценности объектов культурного наследия при государственной историко-культурной экспертизе // Вестник национального исследовательского института культурного наследия. 2024. № 2. С. 47 – 58.

11. Снопкова Ю.В. Значимость компетенции эксперта в сстэ объектов культурного наследия // Московский экономический журнал. 2019. Т. 4. № 4. С. 3 – 5.

12. Федорова М.С. Уровневая классификация методов исследования архитектурных объектов // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 1 (66). С. 55 – 67.

13. Слабуха А.В. Установление историко-культурной ценности объектов архитектурного наследия (ч. 2): критерии и метод в современной экспертной практике // Человек и культура. 2016. № 6. С. 9 – 22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_20767.html (дата обращения 21.11.2025)

14. Пасечник И.Л., Марушина Н.В. Категория ценности в теории и практике сохранения исторической городской среды (в контексте изучения рядовой исторической застройки) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 9 – 19.

15. Приказ Управления по охране объектов культурного наследия Курской области от 03.09.2018 № 12-п «Об утверждении критериев историко-культурной ценности объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия». [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4601201809120001?rangeSize=10 (дата обращения: 27.11.2025)

16. Приказ Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга от 20 февраля 2001 г. № 15 «Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» (с изменениями и дополнениями на 12 февраля 2026 года). [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/8348128?section=text (дата обращения: 27.11.2025)

17. Запрос депутата Законодательного Собрания Вишневского Б.Л. Губернатору Санкт-Петербурга Полтавченко Г.С. от 6 сентября 2012 года № 207054-3 «О необходимости служебного расследования по ситуации со сносом Дома Рогова и проведении специального заседания Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве СПб под председательством Губернатора» // Официальный сайт Законодательного Собрания Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://zaks.kodeks.net/article/766/9902/O-neobhodimosti-sluzhebnogo-rassledovaniya-po-situacii-so-snosom-Doma-Rogova-i-provedenii-specialnogo-zasedaniya-Soveta-po-sohraneniyu-kulturnogo-naslediya-pri-Pravitelstve-SPb-pod-predsedatelstvom-Gubernatora (дата обращения: 28.11.2025)

18. Разъяснение позиции Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры «В связи с появившейся в СМИ информацией о демонтаже в минувшие выходные «Дома Рогова», расположенного по адресу: Санкт-Петербург, Щербаков пер.,17/3, лит. А, КГИОП» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_govcontrol/news/23033/ (дата обращения: 01.11.2025)

19. Определение термина «историческое здание» Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры от 2 декабря 2021 г. // Официальный сайт Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://kgiop.gov.spb.ru/chasto-zadavaemye-voprosy/faq/369/(дата обращения 02.03.2026 г.)

20. Гатилова И.С. Применение инновационных технологий в судебно-экспертной деятельности // Совершенствование подготовки судебных экспертов и производства судебных экспертиз в современных условиях: Материалы Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 мая 2025 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2025. С. 151 – 157.

References

1. Kulakova A.V., Romanovskaya O.G. The Role of Architecture in Shaping the Social Environment of the City. Bulletin of Youth Science. 2023. No. 3 (40). P. 1 – 5.

2. Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ "On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta dated June 29, 2002.

3. Barnev I.S. The Role of Special Knowledge in Establishing the Circumstances of Crimes Infringing on Cultural Values. Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2025. No. 1. P. 146 – 155.

4. Kurashov Yu.Yu. Criteria for assessing cultural heritage sites: cultural and historical aspect and legal solution. Academic Bulletin of the UralNIIproekt RAASN. 2017. No. 4. P. 40 – 44.

5. Khaziakhmetova A.A. Features of the production of historical and cultural expertise of design documentation for the preservation of cultural heritage sites. Social Science and Social Psychology. 2023. No. 9-3 (39). P. 63 – 67.

6. Tarnovsky V.V., Shishova O.P. Institute of state historical and cultural expertise: role, problems, and tasks of reform. Public administration. Electronic Bulletin. 2020. No. 79. P. 90 – 104.

7. ACT based on the results of the state historical and cultural expertise of the identified cultural heritage site "House of the German Lutheran Church of St. Peter", located at the address: Nevsky Prospect, 22-24, lit. A; Bolshaya Konyushennaya St., 10, 12; Malaya Konyushennaya St., 5, 7, in order to justify the feasibility of inclusion in the Unified State Register of Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: https://kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2024/12/26/1_PirdP18.pdf (date of accessed: 11.11.2025)

8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 01.07.2020) [Electronic resource]. Access mode: http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm (date of accessed: 21.11.2025)

9. Kirichenkova A.A. Concept and legal nature of immovable cultural heritage objects (historical and cultural monuments). Leningrad Law Journal. 2021. No. 1 (63). P. 79 – 97.

10. Fedoseeva E.M. On the issues of digitalization, addressing and assessment of the historical and cultural value of cultural heritage objects during state historical and cultural examination. Bulletin of the National Research Institute of Cultural Heritage. 2024. No. 2. P. 47 – 58.

11. Snopkova Yu.V. The importance of expert competence in the state historical and cultural examination of cultural heritage objects. Moscow Economic Journal. 2019. Vol. 4. No. 4. P. 3 – 5.

12. Fedorova M.S. Level classification of methods for studying architectural objects. Architecture and Modern Information Technologies. 2024. No. 1 (66). P. 55 – 67.

13. Slabukha A.V. Establishing the Historical and Cultural Value of Architectural Heritage Objects (Part 2): Criteria and Method in Modern Expert Practice. Man and Culture. 2016. No. 6. P. 9 – 22. [Electronic resource]. Access mode: http://e-notabene.ru/ca/article_20767.html (date of accessed: 21.11.2025)

14. Pasechnik I.L., Marushina N.V. The Category of Value in the Theory and Practice of Preserving the Historical Urban Environment (in the Context of Studying Ordinary Historical Buildings). Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering. 2019. Vol. 21. No. 3. P. 9 – 19.

15. Order of the Department for the Protection of Cultural Heritage Sites of Kursk Oblast dated September 3, 2018, No. 12-p "On Approval of the Criteria for the Historical and Cultural Value of Sites Possessing the Attributes of a Cultural Heritage Site." [Electronic resource]. Access mode: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4601201809120001?rangeSize=10 (date accessed: 27.11.2025)

16. Order of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments of St. Petersburg dated February 20, 2001 No. 15 "On approval of the List of newly identified objects of historical, scientific, artistic or other cultural value" (with amendments and additions as of February 12, 2026). [Electronic resource]. Access mode: https://docs.cntd.ru/document/8348128?section=text (date accessed: 27.11.2025)

17. Request of the deputy of the Legislative Assembly B.L. Vishnevsky To the Governor of St. Petersburg Poltavchenko G.S. of September 6, 2012 No. 207054-3 "On the need for an official investigation into the situation with the demolition of the Rogov House and holding a special meeting of the Council for the Preservation of Cultural Heritage under the Government of St. Petersburg chaired by the Governor". Official website of the Legislative Assembly of St. Petersburg [Electronic resource]. Access mode: http://zaks.kodeks.net/article/766/9902/O-neobhodimosti-sluzhebnogo-rassledovaniya-po-situacii-so-snosom-Doma-Rogova-i-provedenii-specialnogo-zasedaniya-Soveta-po-sohraneniyu-kulturnogo-naslediya-pri-Pravitelstve-SPb-pod-predsedatelstvom-Gubernatora (date of access: 28.11.2025)

18. Explanation of the position of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments "In connection with the information that appeared in the media about the dismantling last weekend of the "Rogov House", located at the address: St. Petersburg, Shcherbakov per., 17/3, lit. A, KGIOP". Official website of the Administration of St. Petersburg [Electronic resource]. English: Access mode: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_govcontrol/news/23033/ (date of access: 01.11.2025)

19. Definition of the term "historic building" of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments dated December 2, 2021. Official website of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments [Electronic resource]. Access mode: https://kgiop.gov.spb.ru/chasto-zadavaemye-voprosy/faq/369/ (date of access: 02.03.2026)

20. Gatilova I.S. Application of innovative technologies in forensic activities. Improving the training of forensic experts and the production of forensic examinations in modern conditions: Proceedings of the National (All-Russian) Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 23, 2025. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2025. P. 151 – 157.

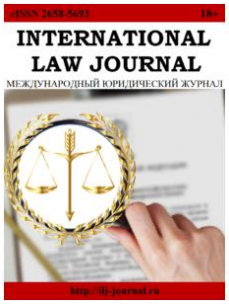
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторах

Тарбеева С.А., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, sonyasosophia@gmail.com

Кузбагарова Е.В., кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, elenakuzbagarova@mail.ru

© Тарбеева С.А., Кузбагарова Е.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 341.1/8:323.2(571.52)
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-37-43

«Народная дипломатия» как феномен гражданского общества: теоретико-прикладной анализ на примере Республики Тыва

[1] Саая С.В., [1] Ондар Л.Ш.,
[1] Тувинский государственный университет

Аннотация: *в данной статье представлен концептуальный анализ народной дипломатии как стратегического инструмента консолидации гражданского общества и диверсификации международных связей в условиях трансформации глобальной политико-правовой архитектуры. Актуальность исследования продиктована возрастающей субъектностью приграничных территорий в поддержании межгосударственного диалога при наличии геополитических ограничений. Научная новизна работы заключается в комплексном междисциплинарном исследовании институциональных и социокультурных механизмов реализации народной дипломатии на примере Республики Тыва. В статье раскрыта диалектическая природа данного феномена, сочетающая потенциал укрепления доверия с рисками политизации общественных инициатив. На базе анализа нормативно-правовой базы и эмпирических данных верифицированы ключевые форматы трансграничного взаимодействия с Монголией и Китаем. По результатам проведенного исследования резюмируется, что эффективность мягкой силы детерминирована уровнем координации государственных структур и институтов гражданского общества, а также качеством правового регулирования международных проектов. Сформулированные выводы могут быть имплементированы в региональные стратегии внешнеэкономической деятельности и программы приграничного сотрудничества. Полученные результаты способствуют совершенствованию механизмов поддержки общественных коммуникаций, обеспечивая устойчивое развитие внешних связей субъектов Российской Федерации в современных условиях бифуркации геополитической и геоэкономической систем.*

Ключевые слова: *гражданское общество, гуманитарное сотрудничество, международные отношения, местные сообщества, Монголия, народная дипломатия, Республика Тыва, соглашения, протоколы, официальная дипломатия, трансграничное сотрудничество, муниципалитеты, общественные организации*

Для цитирования: Саая С.В., Ондар Л.Ш. «Народная дипломатия» как феномен гражданского общества: теоретико-прикладной анализ на примере Республики Тыва // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 37 – 43. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-37-43

Поступила в редакцию: 18 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

«Public diplomacy» as a phenomenon of civil society: theoretical and applied analysis on the example of the Republic of Tyva

[1] Saaya S.V., [1] Ondar L.Sh.,
[1] Tuvan State University

Abstract: *this article presents a conceptual analysis of public diplomacy as a strategic tool for consolidating civil society and diversifying international relations amidst the transformation of the global political and legal architecture. The relevance of the study is driven by the increasing agency of border regions in maintaining interstate dialogue under geopolitical constraints. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive interdisciplinary study of the institutional and sociocultural mechanisms for implementing public diplomacy using the Republic of Tyva as a case study. The article reveals the dialectical nature of this phenomenon, combining the potential for building trust with the risks of politicizing public initiatives. Based on an analysis of the regulatory framework and empirical data, the authors verify the key formats of cross-border interaction with Mongolia and China. The study concludes that the effectiveness of «soft power» is determined by the level of coordination between state structures and civil society institutions, as well as the quality of legal regulation for international projects. The findings can be implemented in regional strategies for foreign economic activity and cross-border cooperation programs. The results contribute to the improvement of mechanisms for supporting public communications, ensuring the sustainable development of foreign relations of the constituent entities of the Russian Federation in the current conditions of bifurcation within the geopolitical and geoeconomic systems.*

Keywords: *civil society, humanitarian cooperation, international relations, local communities, Mongolia, public diplomacy, Republic of Tyva, agreements, protocols, official diplomacy, cross-border cooperation, municipalities, public organizations*

For citation: Saaya S.V., Ondar L.Sh. «Public diplomacy» as a phenomenon of civil society: theoretical and applied analysis on the example of the Republic of Tyva. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 37 – 43. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-37-43

The article was submitted: January 18, 2026; Approved after reviewing: March 16, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

В условиях глобальной турбулентности особую актуальность приобретает народная дипломатия как инструмент вовлечения гражданского общества в международный диалог [1]. Прежде всего, данный механизм обеспечивает формирование устойчивых связей и «каналов доверия», гармонизируя официальную повестку за счет инклюзии негосударственных акторов [2].Следует отметить, что в российском историческом контексте народная дипломатия традиционно развивалась через частные, торговые и религиозные контакты. В частности, подобные неформальные связи предшествовали официальному установлению межгосударственных отношений с Тувой. Также следует отметить, что после интеграции республики в состав РСФСР в 1944 году данные взаимодействия трансформировались в формат межрегионального сотрудничества приграничного субъекта.

Материалы и методы исследований

В качестве эмпирической основы настоящего исследования выступает широкий массив нормативно-правовых актов Российской Федерации и Республики Тыва, регламентирующих различные аспекты международного и межрегионального взаимодействия. Прежде всего, особое внимание было уделено анализу действующих соглашений органов государственной власти субъекта с зарубежными контрагентами, а также изучению протоколов совместных мероприятий.

Наряду с этим, важную роль в формировании доказательной базы сыграли репрезентативные статистические и аналитические данные, позволяющие объективно оценить текущую практику трансграничного сотрудничества. Более того, теоретический фундамент работы был существенно расширен за счет привлечения трудов ведущих отечественных и иностранных ученых, специализирующихся на вопросах народной дипломатии, институционализации гражданского общества и специфике приграничных связей.

Методологический каркас работы базируется на сочетании общенаучных принципов познания и специализированных методов юридической науки. В частности, применение формально-юридического метода

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

позволило детально интерпретировать содержание нормативных источников и договорных практик. В то же время, использование сравнительно-правового метода обеспечило возможность сопоставления различных форматов международного взаимодействия и выявления их эффективности.

Стоит отметить, что системный и структурно-функциональный подходы были ориентированы на экспликацию институциональных характеристик народной дипломатии. С другой стороны, обращение к историко-правовому методу способствовало ретроспективному анализу эволюции механизмов трансграничного партнерства региона. Следует указать, что интеграция элементов кейс-анализа и междисциплинарного подхода позволила осуществить всестороннюю оценку правовых, социально-экономических и гуманитарных векторов исследуемого феномена.

Результаты и обсуждения

В исторической ретроспективе, советская модель народной дипломатии детерминировалась идеологическим вектором (соцлагерь, антивоенные движения) и жестко аффилировалась с государственно-партийным аппаратом, выступая в качестве инструмента «мягкой силы» в условиях биполярного противостояния. Следовательно, субъектность общественных инициатив в данный период носила преимущественно формализованный характер [3].

На современном этапе, начиная с 2000-х годов, наблюдается качественная эволюция данного института: от стихийных связей переходного периода к системному формированию структур гражданского общества. В этой связи, в условиях актуального санкционного давления и геополитической турбулентности, первостепенное значение приобретает интенсификация альтернативных каналов взаимодействия с дружественными государствами [4].

Таким образом, современная российская народная дипломатия характеризуется высокой адаптивностью и переходом к институционализированным механизмам. Вместе с тем, ключевым условием её эффективности выступает достижение синергии между инициативами гражданского общества и официальным внешнеполитическим курсом, что позволяет в полной мере реализовать потенциал межкультурного диалога [5].

Согласно нормативно-правовым актам РФ, местное самоуправление выступает ключевым ресурсом адаптивного решения территориальных задач. В частности, в Республике Тыва народная дипломатия реализуется через систему взаимодействия приграничных сообществ, предпринимательских кругов и частных лиц, опираясь на механизмы межгосударственных и межрегиональных соглашений [6].

Следует подчеркнуть, что генезис правовой базы в 1990-е гг. носил гетерогенный характер. С одной стороны, происходило активное формирование договорной основы и упрощение таможенного режима. С другой стороны, внешнеполитическая турбулентность привела к дезинтеграции, выразившейся в отмене безвизового режима в 1995 г. по инициативе монгольской стороны [7].

Тем не менее, в начале 2000-х гг. наметилась устойчивая тенденция к институционализации дипломатических каналов: были учреждены консульские и торговые представительства в Кызыле, Улангоме и Улан-Баторе; подписана серия соглашений о многовекторном сотрудничестве (экономическом, научно-техническом, культурном) с администрациями ключевых аймаков Монголии[8].

В настоящее время внешнеэкономическая деятельность Республики Тыва характеризуется динамичным расширением трансграничного взаимодействия, что подтверждается следующими аспектами:

Укрепление связей базируется на расширении нормативно-правовой базы, включающей прямые бессрочные соглашения между приграничными кожуунами РТ и аймаками Монголии, а также развитие побратимских отношений между их административными центрами. Данное сотрудничество охватывает экономический, социокультурный и оборонный секторы.

Существенным фактором регионального развития стало долгосрочное партнерство с АР Внутренняя Монголия и провинцией Хэйлунцзян. В частности, наиболее репрезентативным примером служит проект ООО «Лунсин» по освоению Кызыл-Таштыгского месторождения, реализуемый в формате государственно-частного партнерства.

Инфраструктурные и многосторонние инициативы: Перспективным вектором выступает развитие транспортного коридора через проект железной дороги «Кызыл – Курагино» с возможным выходом на Урумчи. Кроме того, интенсификации связей способствуют многосторонние форматы (форумы, бизнес-миссии ООО «Олчей») и совместные гуманитарные исследования с КНР.

Таким образом, согласно сведениям МИД России, к 2016 году системная работа региона привела к функционированию 10 действующих международных соглашений с Монголией и КНР.

В рамках реализации внешних связей региона выделяются следующие ключевые векторы:

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Казахстан. С 2015 года партнерство характеризуется переходом от презентации инвестиционного потенциала (проект «Дус-Даг») в РЦНК г. Астаны к реализации этнокультурных и медийных проектов, включая взаимодействие с научными сообществами и духовными лидерами.

Восточная и Центральная Азия. Участие в Ассоциации региональных администраций стран СВА (Республика Корея) способствовало обмену опытом в сфере креативных индустрий. Взаимодействие с Азербайджаном сфокусировано на технологическом партнерстве (проект ТЭС-2) и многосторонних культурно-спортивных инициативах.

Для интенсификации народной дипломатии представляется необходимым:

Внедрение платформ для диалога приграничных территорий и усиление контроля над исполнением соглашений.

Преодоление дефицита полномочий муниципалитетов через делегирование прав по координации трансграничных связей, которые на данный момент централизованы на уровне Правительства Республики Тыва.

Использование устойчивой модели сотрудничества с Монголией как базиса для расширения безвизового режима и диверсификации туристических потоков.

В целом эффективность внешних связей региона напрямую детерминирована синергией государственных структур и гражданских инициатив.

Отдельно стоит акцентировать, что нормативно-правовая поддержка внешнеэкономической деятельности в Республике Тыва включает:

Постановление Правительства Республики Тыва, государственные программы, инвестиционный паспорт Республики Тыва.

Постановление Правительства Республики Тыва «Создание благоприятных условий для ведения бизнеса в Республике Тыва на 2014-2016 годы». В соответствии, с которым разработан инвестиционный паспорт Республики Тыва с целью привлечения инвестиций и формирования долгосрочных партнёрских отношениях с потенциальными инвесторами. Данный документ представляет собой комплексный инструмент продвижения региона, содержащий систематизированную информацию о его социально-экономическом потенциале и условиях ведения предпринимательской деятельности.

В течение последних трех лет в регионе была реализована серия профильных государственных программ на периоды 2022-2025 гг. Данные инициативы, базирующиеся на федеральных стратегических документах, направлены на интенсификацию международных связей и активизацию внешнеэкономической деятельности через внедрение Регионального стандарта 2.0 и актуализацию инвестиционного паспорта до 2030 г. [9-11]

Следовательно, сформированный комплекс мер обеспечил устойчивую базу для системного развития экспортного потенциала и укрепления позиций республики в структуре межрегионального сотрудничества РФ.

Параллельно с государственным сектором значимый вклад в интеграционные процессы вносит Тувинский государственный университет. На основе более чем 40 соглашений с зарубежными организациями (преимущественно монгольскими и китайскими вузами) вуз осуществляет подготовку иностранных кадров и реализует совместные научно-образовательные проекты, что способствует расширению гуманитарного влияния региона.

Таблица 1

Основные направления и формы народной дипломатии Республики Тыва.

Table 1

The main directions and forms of public diplomacy of the Republic of Tyva.

Направление взаимодействия	Позитивные результаты	Выявленные ограничения	Перспективы развития
Приграничное сотрудничество с Монголией	устойчивые гуманитарные контакты, развитие туризма, рост трансграничных мероприятий	инфраструктурные барьеры, ограниченность полномочий муниципалитетов	расширение безвизовых форматов, цифровые платформы диалога
Экономическое сотрудничество с Китаем	инвестиции в добывающий сектор, создание рабочих мест, развитие экспорта	зависимость от внешней конъюнктуры, экологические риски	диверсификация партнёрств, развитие переработки сырья

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Культурно-образовательное сотрудничество со странами Азии	рост академической мобильности, проведение форумов и фестивалей	эпизодический характер проектов, недостаток финансирования	создание долгосрочных программ обмена
Межрегиональные гуманитарные связи	укрепление этнокультурного диалога, формирование позитивного имиджа региона	слабая координация акторов народной дипломатии	институционализация взаимодействия, грантовая поддержка

На основании данных, систематизированных в табл. 1, представляется возможным констатировать, что реализация народной дипломатии Республики Тыва осуществляется в рамках нескольких детерминированных и взаимообусловленных векторов. В частности, к ним относятся приграничное сотрудничество, межуровневое экономическое взаимодействие, а также комплексные культурно-образовательные контакты.

Следовательно, предложенная классификация позволяет эксплицировать многообразие дескрипторов международной активности региона: начиная от реализации гуманитарных инициатив и установления побратимских связей и заканчивая внедрением инвестиционных проектов и развитием программ академической мобильности.

Таблица 2

Эффективность и ограничения реализации народной дипломатии Республики Тыва.

Table 2

Effectiveness and limitations of public diplomacy in the Republic of Tuva.

Направление взаимодействия	Позитивные результаты	Выявленные ограничения	Перспективы развития
Приграничное сотрудничество с Монголией	устойчивые гуманитарные контакты, развитие туризма, рост трансграничных мероприятий	инфраструктурные барьеры, ограниченность полномочий муниципалитетов	расширение безвизовых форматов, цифровые платформы диалога
Экономическое сотрудничество с Китаем	инвестиции в добывающий сектор, создание рабочих мест, развитие экспорта	зависимость от внешней конъюнктуры, экологические риски	диверсификация партнёрств, развитие переработки сырья
Культурно-образовательное сотрудничество со странами Азии	рост академической мобильности, проведение форумов и фестивалей	эпизодический характер проектов, недостаток финансирования	создание долгосрочных программ обмена
Межрегиональные гуманитарные связи	укрепление этнокультурного диалога, формирование позитивного имиджа региона	слабая координация акторов народной дипломатии	институционализация взаимодействия, грантовая поддержка

Системный анализ эффективности реализации инструментов народной дипломатии нашел свое отражение в табл. 2. В данном подразделе не только обобщены ключевые детерминанты позитивных результатов её осуществления, но и детально верифицированы выявленные институциональные барьеры, а также намечены стратегические векторы дальнейшего развития.

Согласно проанализированным в процессе исследования данным, международная активность региона выступает катализатором упрочения гуманитарных связей. Более того, она оказывает существенное влияние на интенсификацию трансграничных экономических контактов и качественное расширение сетевого образовательного взаимодействия.

Вместе с тем следует констатировать, что в ходе исследования был зафиксирован комплекс факторов, детерминирующих определенную стагнацию потенциала народной дипломатии. В частности, к ним относятся:

- системные инфраструктурные ограничения;
- недостаточный уровень координации между субъектами международного взаимодействия;
- выраженная зависимость реализации отдельных проектных инициатив от волатильности внешнеэкономической конъюнктуры.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

Исходя из проведенного исследования можно сделать ряд объективных выводов.

В первую очередь следует подчеркнуть, что народная дипломатия Тувы как приграничного субъекта детерминирована решением локальных хозяйственных задач и развитием гуманитарного партнерства (туризм, наука, спорт). Обобщая, можно констатировать, что данный институт обладает дуалистической природой: наряду с формированием «мостов доверия», существуют риски инструментализации неформальных каналов во вред национальной безопасности.

Следовательно, для оптимизации указанных процессов представляется необходимым реализация следующих императивов:

- Нормативное закрепление ответственности акторов (НКО, диаспор) и создание координационных советов для синхронизации с государственным курсом.
- Внедрение механизмов грантового финансирования и целевого субсидирования региональных инициатив со стороны федерального центра.
- Расширение вектора международного сотрудничества в сторону АТР и Центральной Азии при одновременном развитии цифровых платформ трансграничного диалога.

Таким образом, синергия официальных и низовых инициатив позволит нивелировать инфраструктурные ограничения, укрепить имидж России и обеспечить устойчивую интеграцию региона в систему межрегиональных связей.

Список источников

1. Мартыненко Е.В., Матвиенко В.В. Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 1. С. 57 – 60.

2. Саидов С.Ш. «Народная дипломатия» как социально-политическое явление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11. С. 178 – 180.

3. Кузнецова С.И. Демократизация и международные связи регионов России. Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 33 – 36.

4. Иванов С.И. Санкции и альтернативные каналы международного взаимодействия // Вестник МГИМО. 2022. № 4. С. 118 – 130.

5. Панов П.В. Гражданское общество в современной России: институты и вызовы. СПб.: Издательство СПбГУ, 2021. С. 15 – 18.

6. Смирнов Л.Н. Народная дипломатия в эпоху глобализации: новые форматы // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 50 – 62.

7. Саая С.В. Форма и содержание соглашений о международном сотрудничестве субъектов Российской Федерации: на материалах Республики Тыва // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. 2018. № 11. С. 133 – 135.

8. Саая С.В., Хомушку С.К. Ретроспективный анализ договорно-нормативной базы международных и межрегиональных связей Республики Тыва // Право и практика. 2018. № 1. С. 232 – 238.

9. Саая С.В. Анализ федерального и регионального законодательств по вопросам межрегиональных и международных связей Республики Тыва // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: материалы XXXIII Международной научной конференции. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. С. 170 – 177.

10. Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Внешнеторговый потенциал российских регионов в условиях внешних ограничений // Россия и Азия. 2024. № 3. С. 59 – 67.

11. Селезнев И.А. Россия и институты межгосударственной интеграции: потенциал, риски, перспективы // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31. № 4. С. 44 – 59.

References

1. Martynenko E.V., Matvienko V.V. Public Diplomacy in the Context of Modern Interstate Communication. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2012. No. 1. P. 57 – 60.

2. Saidov S.Sh. "Public Diplomacy" as a Socio-Political Phenomenon. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 11. P. 178 – 180.

3. Kuznetsova S.I. Democratization and International Relations of Russian Regions. Yekaterinburg: UrFU, 2019. P. 33 – 36.

4. Ivanov S.I. Sanctions and Alternative Channels of International Interaction. MGIMO Bulletin. 2022. No. 4. P. 118 – 130.

5. Panov P.V. Civil society in modern Russia: institutions and challenges. SPb.: SPbU Publishing House, 2021. P. 15 – 18.

6. Smirnov L.N. Public diplomacy in the era of globalization: new formats. Polis. Political studies. 2023. No. 2. P. 50 – 62.

7. Saaya S.V. Form and content of agreements on international cooperation of constituent entities of the Russian Federation: based on the materials of the Republic of Tuva. Modern science: Actual problems of theory and practice. Economics and law. 2018. No. 11. P. 133 – 135.

8. Saaya S.V., Khomushku S.K. Retrospective analysis of the contractual and regulatory framework of international and interregional relations of the Republic of Tuva. Law and Practice. 2018. No. 1. P. 232 – 238.

9. Saaya S.V. Analysis of federal and regional legislation on interregional and international relations of the Republic of Tuva. A new word in science and practice: hypotheses and testing of research results: Proceedings of the XXXIII International Scientific Conference. Novosibirsk: CRNS Publishing House, 2017. P. 170 – 177.

10. Andreeva E.L., Ratner A.V. Foreign trade potential of Russian regions under external restrictions. Russia and Asia. 2024. No. 3. P. 59 – 67.

11. Seleznev I.A. Russia and institutions of interstate integration: potential, risks, prospects. Science. Culture. Society. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 44 – 59.

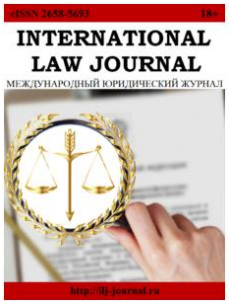
Информация об авторах

Саая С.В., кандидат исторических наук, доцент, Тувинский государственный университет, saaya.saida@mail.ru

Ондар Л.Ш., кандидат исторических наук, доцент, Тувинский государственный университет, Olsh06@mail.ru

© Саая С.В., Ондар Л.Ш., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.77.03
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-44-48

Правовой статус глянцевых СМИ в России в эпоху цифровых технологий: особенности и трансформация в условиях ребрендинга

[1] Гейнеман А.А.,
[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: *в статье рассматривается процесс ребрендинга глянцевых СМИ, связанный с ускоренным изменением политики компании ввиду быстрого ухода ведущих международных издательских домов и прекращением сотрудничества с их представительствами на территории РФ, которое выстраивалось на основании разрешения использовать популярный товарный знак в индустрии моды. Условия выдачи лицензий, основные положения договоров коммерческой концессии и регистрация глянцевого СМИ на территории РФ, безусловно индивидуальны и имеют разный стратегический подход в работе каждого издательства, построенный на принципах корпоративной этики, условиях о коммерческой тайне и условиях о неразглашении конфиденциальной информации. В настоящий момент, печатные глянцевые журналы, ввиду своего громкого ухода с рынка потеряли массовую популярность и соответствующий спрос. Мир СМИ перешел в digital пространство, а бывшие партнеры и редакторы в эпоху диджитадизации создали новые отечественные бренды цифрового глянца. Эти проекты активно осваивают онлайн-аудиторию, внедряют инновационные форматы контента и ищут уникальные ценностные предложения, чтобы закрепиться в конкурентной цифровой среде, наращивая вовлечённость читателей и расширяя каналы дистрибуции.*

Ключевые слова*: СМИ, товарный знак, интеллектуальная собственность, цифровизация, цифровые платформы, поисковые системы, медиа*

Для цитирования: Гейнеман А.А. Правовой статус глянцевых СМИ в России в эпоху цифровых технологий: особенности и трансформация в условиях ребрендинга // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 44 – 48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-44-48

Поступила в редакцию: 19 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Legal status of glossy media in Russia in the era of digital technologies: features and transformation in the context of rebranding

[1] Geineman A.A.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract*: the article examines the rebranding process of glossy media, associated with the accelerated change in company policy due to the rapid departure of leading international publishing houses and the termination of cooperation with their representative offices in the Russian Federation, which was based on permission to use a popular trademark in the fashion industry. The conditions for issuing licenses, the key provisions of commercial concession agreements, and the registration of glossy media in the Russian Federation are certainly individual and feature different strategic approaches in the work of each publishing house, built on the principles of corporate ethics, provisions on trade secrets, and non-disclosure of confidential information. At present, printed glossy magazines have lost mass popularity and corresponding demand due to their high-profile exit from the market. The media world has moved into the digital space, and former partners and editors have created new domestic digital*

glossy brands in the era of digitalization. These projects are actively reaching online audiences, introducing innovative content formats, and seeking unique value propositions to establish themselves in the competitive digital environment, increasing reader engagement and expanding distribution channels.

Keywords: *media, trademark, intellectual property, digitalization, digital platforms, search engines, media*

For citation: Geineman A.A. Legal status of glossy media in Russia in the era of digital technologies: features and transformation in the context of rebranding. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 44 – 48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-44-48

The article was submitted: January 19, 2026; Approved after reviewing: March 17, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Лидирующие зарубежные издательские дома в лице правообладателей товарных знаков глянцевых изданий, в частности работали с российскими редакциями на основании договора франчайзинга. Ввиду ускоренного ухода международных гигантов глянцевых СМИ, сопровождавшихся расторжением договоров франчайзинга, комплекс исключительных прав с того самого момента больше не предоставляется в использование их бывшим представительствам на территории России. Если исходить из того, что входит в понимание самого комплекса исключительных прав, то следует отметить, что редакциям предоставлялся в использование не просто известный товарный знак, но и детально прописанные способы его использования, например, разрешалось его использовать в определенных социальных сетях, на официальном сайте редакции, согласовывалось использование фирменного стиля, участие в выставках, неделях моды и кобрендиговых договорах. В тоже время, природа договора франчайзинга является более широкой договорной конструкцией, так как его условия содержат комплексную модель ведения бизнеса и даже предполагают использование коммерческого опыта правообладателя, поэтому после официальных заявлений зарубежных издательских домов, объяснима реакция российских медиа холдингов в отношении изменения корпоративной политики компании.

Второй формой сотрудничества издательских домов является лицензионный договор, условия которого предполагают передачу в использование исключительно товарного знака соответствующими способами его использования в рамках деятельности редакции. По данным, опубликованным СМИ, некоторые зарубежные издательства отозвали свои лицензии на деятельность глянцевых журналов, следовательно, российские редакции, также утратили право издательской деятельности под товарным знаком, в отношении которого выдавалось соответствующее свидетельство Роскомнадзором.

Материалы и методы исследований

В качестве примера предлагается рассмотреть деятельность издательства Independent media, в рамках которой регистрировалось свидетельство ПИ № ФС77 – 22384 глянцевого журнала COSMOPOLITAN, учредителем редакции являлось Общество с ограниченной ответственностью "ФЭШН ПРЕСС", свидетельство выдавалось на распространение печатного СМИ – журнала с наименованием COSMOPOLITAN (Космополитэн), 28 марта 2016 года действие редакции по свидетельству было прекращено по решению учредителей. В соответствии со статьей 16 Закона РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 23.11.2024) "О средствах массовой информации", прекращение деятельности средства массовой информации влечет недействительность устава его редакции [2]. Таким образом, редакция журнала COSMOPOLITAN полностью прекратила свое существование на территории РФ. При этом, обращаясь к практике и открытым реестрам Роспатента, ООО "ФЭШН ПРЕСС" взаимодействовало с Хёрст Коммуникейшнс, Инк – правообладателем товарных знаков COSMOPOLITAN на основании лицензионного договора, в августе 2022 года стороны расторгли договор по взаимному согласию.

После прекращения сотрудничества с Хёрст Коммуникейшнс, Инк и ввиду ребрендинга журналов, ООО "ФЭШН ПРЕСС" были зарегистрированы товарные знаки the Voice mag № 989319 и the Voice mag beauty awards № 996370 на основании заявок, поданных в Роспатент в конце мая 2022 года. Песатное СМИ THE VOICEMAG было зарегистрировано РКН 19.05.2022 и выдано свидетельство ПИ № ФС 77 – 83329, а также печатное СМИ THE VOICEMAG Shopping действует с 05.12.2022 по свидетельству ПИ № ФС 77 – 84318.

Помимо этого, Independent media в лице ООО "ФЭШН ПРЕСС" прекратило деятельность СМИ Esquire (Эсквайр), редакция которых ранее работала на основании свидетельств СМИ, уже прекративших свое действие на территории РФ, а именно ПИ № ФС-77 – 24442; СМИ ПИ № ФС-77 – 43072; СМИ ПИ № ФС-77 –

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

64613. После чего, с 07.04.2022 года действует новый товарный знак ПРАВИЛА ЖИЗНИ № 928135, правообладателем ООО "ФЭШН ПРЕСС". Печатное СМИ журнал ПРАВИЛА ЖИЗНИ было зарегистрировано в РКН 26.04.2022.

Кроме того, журнал Harper's Bazaar, также не является действующем СМИ согласно статусу свидетельств СМИ ПИ № ФС-77 – 22130, СМИ ПИ № ФС-77 – 64615. По данным из реестров Роспатент 09.12.2022 года ООО "ФЭШН ПРЕСС" зарегистрировало новый товарный знак The Symbol of Influence № 910297, печатное СМИ с указанным названием начало действовать с 17.02.2023 согласно свидетельству ПИ № ФС 77 – 84662.

Исследуя деятельность издательства Conde Nast, можно отметить, что изначально все СМИ были приостановлены и только к концу 2022 года прекратили свое действие по решению учредителей АО "КОНДЕ НАСТ. Так СМИ Vogue Россия действовало с декабря 2019 года по сентябрь 2022 года согласно свидетельству СМИ ПИ № ФС 77 – 77399, а СМИ GENTLEMEN,S QUARTERLY / GQ Россия ("Ежеквартальник для джентельменов") действовало с 20.01.2010 года по 13.09.2022 согласно свидетельству СМИ ПИ № ФС 77 – 38362. Действие журнала TATLER (Татлер) было прекращено по решению учредителей АО "КОНДЕ НАСТ, также 13.09.2022 года согласно номеру свидетельства СМИ ПИ № ФС 77-33915.

Относительно глянца GLAMOUR (Гламур), можно выделить, что товарный знак GLAMOUR был предоставлен в использование Акционерному обществу «КОНДЕ НАСТ» правообладателем Эдванс Мэгэзин Паблишез Инк., по договорам коммерческой концессии, зарегистрированными под номерами РД0384244, РД0384244, РД0384244, однако стоит при этом обратить внимание на то, что договоры до сих пор являются действующими, согласно открытым реестрам, Роспатент. Помимо этого, товарные знаки Эдванс Мэгэзин Паблишез Инк. передавались в использование и по лицензионному договору, при этом само СМИ GLAMOUR (Гламур) просуществовало с 2009 года и прекратило свое действие до 13.09.2022 согласно свидетельству СМИ ПИ № ФС 77-35624. Также можно обратить внимание на то, что несмотря на прекращение деятельности СМИ на территории РФ, компания Эдванс Мэгэзин Паблишез Инк. 05.09.2025 года подала новую заявку на регистрацию товарного знака на территории РФ под номером 2025796157 в отношении товаров и услуг 09;16; 35; 41; 42 классов МКТУ.

Результаты и обсуждения

Изучив интернет и действующие источники регистраций СМИ можно прийти к выводу о том, что многие новые товарные знаки, появившиеся после ребрендинга глянца, стали распространяться в сети Интернет в статусе digital СМИ. Предлагаю рассмотреть ряд новых брендов со статусом медиа СМИ: СМИ *the Voicemag* имеет домен [7], и действует на основании свидетельства ЭЛ № ФС 77 – 84177 от 09.11.2022 с формой распространения «сетевое издание». СМИ *Men Today* (ранее *Mens Health*) действует с 09.11.2022 на основании свидетельства ЭЛ № ФС 77 – 84122 и ведёт распространение на сайте [8].

СМИ *Новый очаг* как сетевое издание действует на основании свидетельства ЭЛ № ФС 77 – 84131 от 09.11.2022 и выпускается на сайте [9].

Автор статьи «Цифровые платформы и ИИ в контексте авторских прав: новые вызовы для медиа» Соколов А. В. [5] придает значение в появлении Web 2.0 который значительно повлиял на контент, создаваемый пользователями, интерактивные веб-сайты, блоги и социальные сети, что в последствии стали центральным элементом новой онлайн- реальности, коренным образом изменив характер производства и обмена контентом. Поисковые системы стали незаменимыми инструментами для навигации в потоке информации.

На основании зарегистрированных РКН свидетельств онлайн-медиа распространяют свою информацию не только на указанном в свидетельстве доменном имени, но и на многих аккаунтах разных социальных сетей, которые имеют свои ID. Так, например, СМИ *The Symbol of Influence* распространяет информацию не только на своем сайте [10], но и в ВКонтакте [11], в Телеграм [12], в Дзене [13], и др.

В связи с этим Министерству цифрового развития и Роскомнадзору предлагается рассмотреть вопрос о необходимости наличия всех ID в зарегистрированных свидетельствах, в которых будут указаны не только домены, но и ID всех социальных сетей, через которые осуществляется распространение соответствующей информации действующими сетевыми изданиями в целях ее идентификации и контроля объема рекламы посредством такого распространения.

В своей статье «Авторские права журналиста в цифровую эпоху» автор Бешева Я.М. обращает внимание на то, что у цифровых медиа есть ряд преимуществ по отношению к печатным: это медиатекст, мультимедийность и интерактивность [1]. Следовательно такие свойства дают хорошую возможность цифровым медиа конкурировать с печатными СМИ.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В ходе изучения регистраций новых товарных знаков для СМИ, также были установлены пробелы в регистрациях товарных знаков по действующим заявкам. В отношении заявок, подаваемых на регистрацию товарного знака для СМИ, в первую очередь, стоит обратить внимание на корректный выбор классов МКТУ. Основным классом для издательского дома или редакции с формой распространение печатного СМИ является 16 класс Мкту, который предполагает создание и выпуск периодического издания, печатной продукции, журналов, книг. Помимо этого, издательская деятельность относится также к 41 классу МКТУ, который предусматривает услуги публикации текстовых материалов и издание печатных материалов, журналов и газет. В тоже время, если говорить о СМИ с формой распространения в интернете, то 41 класс МКТУ, также предполагает услуги предоставления электронных публикаций онлайн, создание и продажу электронных журналов, онлайн- публикации статей.

Однако, при проведении патентного поиска заявителю может показаться, что товары и услуги, отраженные в классах МКТУ являются свободными для регистрации товарного знака, но несмотря на их отсутствие в интересующем классе, другой товарный знак может быть противопоставлен экспертизой ввиду того, что он зарегистрирован на однородные товары и/ или услуги. Следовательно, исследуя регистрацию товарных знаков the Voice mag № 989319 и the Voice mag beauty awards № 996370, можно отметить, что товарные знаки используются в таком же виде как в печатном, так и в сетевом изданиях, но при этом не зарегистрированы в отношении основных классов МКТУ, а именно отсутствует регистрация в отношении 16 и 41 классов МКТУ, что является неблагонадежным для реализации деятельности СМИ под данными товарными знаками.

Таким образом, отечественные редакции мгновенно приостанавливали или прекращали выпуск глянцевых журналов под прежними товарными знаками, меняли политику компании, создавали новые отечественные СМИ в соответствии с уставными документами, регистрировали новые СМИ в Роскомнадзор. Несмотря на всю ситуацию, лишь некоторые партнеры уходящих из РФ СМИ зарегистрировали расторжение договоров с зарубежными правообладателями. В тоже время, такие компании, как Hearst Shkulev Media выкупили долю у американского медиаконгломерата Hearst Magazines и продолжают распространять информацию под брендами Elle, Elle Decoration и Elle Girl на территории РФ в качестве печатного и сетевого изданий.

Выводы

Исследование процесса перерегистрации СМИ и их товарных знаков продемонстрировало наличие недостающей информации об ID в свидетельствах СМИ с формой распространения «сетевое издание», а также выявило некорректный выбор классов МКТУ при регистрации новых товарных знаков ввиду оперативного ребрендинга, связанного с быстрым расторжением сотрудничества с западными правообладателями.

Список источников

1. Бешевая Я.М. Авторские права журналиста в цифровую эпоху // Трансформация права в информационном обществе: Материалы I Всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 21-22 марта 2019 года / Отв. ред. О.А. Пучков. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2019. С. 489 – 494.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 18.12.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52, ч. I. Ст. 5756.

The Civil Code of the Russian Federation: Part four of December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on December 18, 2006) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52, part I. Article 5756.

3. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) "О средствах массовой информации" // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 7. Ст. 300.

4. Николаева М.С. Правовая охрана дизайна (модели) одежды: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2016. 190 с.

5. Соколов А.В. Цифровые платформы и ИИ в контексте авторских прав: новые вызовы для медиа // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 8. С. 44 – 54.

6. Ушакова М.В. Правовое регулирование интернет-СМИ и блогеров в России // Юридический мир. 2025. № 12. С. 50 – 54. DOI 10.18572/1811-1475-2025-12-50-54

7. URL: https://www.thevoicemag.ru/ (дата обращения: 24.06.2025)

8. URL: https://www.menshealth.com/ (дата обращения: 24.06.2025)

9. URL:https://www.novochag.ru/ (дата обращения: 24.06.2025)
10. URL:https://www.thesymbol.ru/ (дата обращения: 25.06.2025)
11. URL:https://vk.com/thesymbolru (дата обращения: 25.06.2025)
12. URL:https://t.me/thesymbolru (дата обращения: 25.06.2025)
13. URL:https://dzen.ru/thesymbolru (дата обращения: 25.06.2025)

References

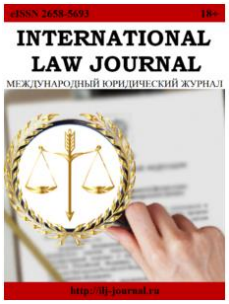
1. Beshevaya Ya.M. Journalist's Copyright in the Digital Age. Transformation of Law in the Information Society: Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Forum of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, March 21-22, 2019. Ed. O.A. Puchkov. Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University", 2019. P. 489 – 494.
2. The Civil Code of the Russian Federation: Part Four of December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on December 18, 2006). Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52, Part I. Art. 5756.
The Civil Code of the Russian Federation: Part Four of December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on December 18, 2006). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52, part I. Article 5756.
3. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 (as amended on November 23, 2024) "On Mass Media". Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1992. No. 7. Article 300.
4. Nikolaeva M.S. Legal Protection of Clothing Design (Model): Diss. … Cand. of Law. Moscow, 2016. 190 p.
5. Sokolov A.V. Digital Platforms and AI in the Context of Copyright: New Challenges for the Media. Bulletin of Philological Sciences. 2023. Vol. 3. No. 8. P. 44 – 54.
6. Ushakova M.V. Legal regulation of online media and bloggers in Russia. Legal World. 2025. No. 12. P. 50 – 54. DOI 10.18572/1811-1475-2025-12-50-54
7. URL: https://www.thevoicemag.ru/ (date of access: 06.24.2025)
8. URL: https://www.menshealth.com/ (date of access: 06.24.2025)
9. URL: https://www.novochag.ru/ (date of access: 06.24.2025)
10. URL: https://www.thesymbol.ru/ (date of access: 06.24.2025)
11. URL: https://vk.com/thesymbolru (date of access: 06.24.2025)
12. URL: https://t.me/thesymbolru (date of access: 06.24.2025)
13. URL: https://dzen.ru/thesymbolru (date of access: 06.24.2025)

Информация об авторе

Гейнеман А.А., аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, fashionlaw@mail.ru

© Гейнеман А.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-49-55

Актуальные теории в вопросах признания государств: российский и зарубежный подходы

[1, 2] Горская Ю.А., [1] Щербаков С.В.,
[1] Дипломатическая академия, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации,
[2] ООО «Долгов Нет»

Аннотация: *в настоящей статье рассмотрены актуальные теории и подходы, существующие в доктрине института признания, а также их концептуальные отличия в отечественной и зарубежной доктрине. Советский подход ознаменован марксистско-ленинской теорией, а также идеей освобождения народов из-под иностранного и иного гнёта. Европейский подход, наоборот, основан на подчинении нецивилизованных народов и возможности признания не европейских государств партнёрами в случае эффективности власти правителя предполагаемого партнёра.*

Разнообразие подходов определено историей развития регионов, их отношению к нецивилизованным народам и экономическим интересам. Несомненно, вопрос признания лежит в плоскостях политики и международного права, однако, его политизированный контекст не может отменять правового. Являясь политическим актом, акт признания несет и юридические последствия, как минимум для признаваемого – образование может считаться полноправным членом международных правоотношений. Государства не могут жить полноправной жизнью без признания международной правосубъектности, поэтому они возникают с момента провозглашения, но обрести полную правосубъектность позволяет только лишь признанное международное общение с другими государствами. Такое общение подразумевает равноправие, отказ в признании суверенитета ограничивает равноправие в международных отношениях между признанными и непризнанными субъектами международного права.

Ключевые слова: *международно-правовое признание государств, проблемы международного признания, теория эффективности, конститутивная теория, декларативная теория, теория безразличия, теория непризнания*

Для цитирования: Горская Ю.А., Щербаков С.В. Актуальные теории в вопросах признания государств: российский и зарубежный подходы // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 49 – 55. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-49-55

Поступила в редакцию: 20 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Current theories on state recognition: Russian and foreign approaches

[1, 2] Gorskaya Yu.A., [1] Shcherbakov S.V.,
[1] Diplomatic Academy, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
[2] DOLGOV NET LLC

Abstract: *this article examines the current theories and approaches that exist in the doctrine of the institution of recognition, as well as their conceptual differences in domestic and foreign doctrine. The Soviet approach is characterized by Marxist-Leninist theory, as well as the idea of liberating nations from foreign and other oppression. The European approach, on the other hand, is based on the subjugation of uncivilized nations and the possibility of recognizing non-European states as partners if the ruler of the proposed partner is effective.*

The diversity of approaches is determined by the history of regional development, their attitude towards uncivilized peoples, and their economic interests. While the issue of recognition is undoubtedly a matter of politics and international law, its political context should not overshadow its legal implications. As a political act, recognition carries legal consequences, at least for the entity being recognized, which may be considered a full member of international legal relations. States cannot live a full life without the recognition of their international legal personality, so they arise from the moment of their proclamation, but they can only acquire full legal personality through recognized international communication with other states. This communication implies equality, and the refusal to recognize sovereignty limits the equality of international relations between recognized and unrecognized subjects of international law.

Keywords: *international legal recognition of states, problems of international recognition, efficiency theory, constitutional theory, declarative theory, indifference theory, non-recognition theory*

For citation: Gorskaya Yu.A., Shcherbakov S.V. Current theories on state recognition: Russian and foreign approaches. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 49 – 55. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-49-55

The article was submitted: January 20, 2026; Approved after reviewing: March 18, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Современное международное право не предусматривает каких-либо норм, регулирующих вопросы признания новых государств. Отсутствие кодификации института признания приводит к политизированности решений государств о предоставлении признания новым образованиям или нет, в этой связи возникает необходимость выявления возможного варианта устранения пробела.

В результате исследования автор приходит к выводу о высокой степени теоретической разработанности теорий признания, и ввиду отсутствия кодификации института в настоящее время и в долгосрочной его перспективе, предлагает вынести этот вопрос на повестку глобального диалога для решения спорных ситуаций путем создания органов ad-hoc.

Государства являются первичными субъектами международного права, которое, в свою очередь, является продуктом их согласованной воли. С момента образования первых государств, политическая карта мира неоднократно менялась: одни государства прекращали свое существование, на их месте появлялись другие, эти процессы не оспаривались и считались естественным историческим процессом. По мере появления в международном праве основополагающих принципов, которые государства приняли как ориентиры своей внешней и внутренней политики, участники международных отношений стали предъявлять требования к их соблюдению и в вопросе образования новых государств. В настоящее время мы наблюдаем тенденцию на закрепление принципа нерушимости государственных границ в политическом дискурсе. Эти тенденции оказывают влияние на ситуации с ограничением правоспособности вновь образованных субъектов международного права, которые существуют как де-факто государства, но не имеют внешних связей с другими государствами. В этой связи появилась необходимость кодификации института признания ввиду отсутствия согласованности действий государств в данном вопросе.

В контексте темы исследования актуализируется проблематика исследования тех факторов, которые способствуют признанию государства, позволяют реализовать юридическое оформление и правовое сопровождение процесса становления.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

При проведении исследования автором использованы общенаучные методы познания, такие как: анализ, синтез, синтез, дедукцию, индукцию, аналогию, а также описательный, историко-сравнительный, системно-функциональный и институциональный методы.

При написании статьи исследовались акты ООН, труды российских доктринёров, таких как О.Д. Аверченко, С.В. Черниченко, В.Л. Толстых, а также зарубежных: Н. Касперсен, А. Кассезе, П. Чемински, У. Заксер, Дж. Кроуфорд.

В работе исследовались актуальные подходы теорий института признания в отечественной литературе, а также зарубежной, преимущественно европейских и американских авторов. Лучшее понимание разнообразных подходов может привести к сближению позиций государств с разными правовыми системами в вопросах признания, а также возможной кодификации института признания.

Результаты могут быть использованы в работе международных организаций с целью выявления единых критериев и подходов для кодификации института признания, а также в качестве учебного курса по международному праву в высших учебных заведениях.

Результаты и обсуждения

В международном праве институт признания применяется, как правило, при признании государств и реже – для признания правительств. В современном мировом правопорядке можно говорить о предоставлении признания государству, так как при предоставлении признания подразумевается и признание его правительства.

Понятию «признание» нет четкого определения в международном праве, оно не кодифицировано и имеет двойственный характер: политический и юридический.

Как отмечает О.Д. Аверченко, в доктрине сложилось следующее определение институту признания – «это проявление односторонней воли государства, посредством которого субъект международного права констатирует ситуацию или претензию какого-либо государства и выражает волю рассматривать их как соответствующих праву».

Отметим, что в данной статье мы рассматриваем институт признания на современном этапе, в постколониальный период, когда ситуации сецессии в мировом сообществе вызваны иными основаниями.

Так, вопрос признания вновь образованных государств стал актуален в XX веке, когда государства договорилось искоренить колониальную систему и пришли к единогласному мнению по данному вопросу, что отражено, главным образом, в Уставе ООН, Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета.

Институт признания претерпел исторические изменения своего контекста и политического подтекста, которыми руководствовались государства при «принятии в свою семью» нового субъекта международного права.

В отечественной доктрине в разные периоды времени превалировали теории признания от декларативной до конститутивной.

В соответствии с декларативной теорией, сторонником которой был Ф.Ф. Мартенс, государство обладает международной правосубъектностью с момента его провозглашения, которая не зависит от признания со стороны других государств. Акт признания со стороны других государств не является юридическим доказательством факта существования государства, а только констатирует о желании наладить с этим субъектом дипломатические и иные связи.

Как правило, о своем существовании вновь образованное государство заявляет принятием односторонней Декларации, что соответствует обычной практике государств. К примеру, о своей независимости США заявили в Декларации от 04 июля 1776 года, Республика Косово – в Декларации о независимости от 17 февраля 2008 года, Республика Абхазия подтвердила свою независимость проведенным в 1999 году референдумом и принятием Акта о государственной независимости от 12 октября 1999 года в соответствии с действующей на территории республики Конституцией от 26 ноября 1994 года.

Однако, в современный период возник вопрос о легитимности односторонних деклараций о независимости, к примеру, в ситуации с краем Косово. На основании обращения Генеральной Ассамблеи ООН в Комиссию по Международному праву с вопросом о соответствии нормам международного права односторонней Декларации о независимости Косово, было дано соответствующее Заключение от 22 июня 2010 года, в котором Комиссия пришла к выводам, что принятие Декларации о независимости от 17 февраля 2008 года не нарушило нормы международного права, резолюцию 1244 (1999) Совета Безопасности или Конституци-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

онные рамки. Следовательно, принятие декларации не нарушило какую-либо применимую норму международного права.

Конститутивная теория имеет противоположную декларативной позицию, в соответствии с которой новый субъект международного права становится полноправным участником международного общения только с момента его признания. Признавая нового субъекта, по мнению Л. Оппенгейма, государства реализуют свои квази-судебные функции в отсутствие иного механизма.

Как писал В.А. Ульяницкий, чтобы приобрести международно-правовую дееспособность как члена международного сообщества и пользоваться полной защитой международного права – новое государство должно быть принято в состав международного союза, т.е. должно быть признано.

Таким образом, конститутивная теория декларирует, что новое государство становится субъектом международного права только с момента его признания, декларативная же считает, что новое государство обладает правосубъектностью независимо от него.

В последнее время отечественные исследователи (В.Л. Толстых, О.Д. Аверченко) считают целесообразным говорить о существовании смешанной теории признания, так как акт признания со стороны признающего государства носит двойственный характер: он декларирует о существовании нового субъекта (декларативная теория) и сообщает о своем желании вступить с ним в договорные отношения (конститутивная теория).

Между тем, исследователи дискутируют в критиках относительно каждой теории. Так, конститутивная теория не содержит требований о количествах признания, в то время как непризнанные одними государствами образования имеют договорные отношения с другими. Декларативная теория не дает ответ на вопрос как новое государство будет реализовывать свою правосубъектность если будет находится в изоляции со стороны всего мирового сообщества.

Рассмотренные теории, на наш взгляд, выработаны для разрешения философско-теоретических вопросов относительно примата международного права и оторваны от проблематики критериев, наличие которых необходимо для вступления нового субъекта в равноправное международное общение, т.е. достижение основной его цели – стать полноправным субъектом международного права.

Как отмечает В.Л. Толстых, международное право не обязывает государства признавать новые государства. Вопрос установления дипломатических или иных отношений между государствами основывается на их суверенной воле.

С точки зрения зарубежной доктрины, конститутивная теория признания считается устаревшей и в вопросах признания новых государств следует оценивать субъекта с точки зрения эффективности его власти, что объясняется следующим.

На примере европейских государств, еще со времени действия международных норм, содержащих легитимность захвата новых территорий, сложилась теория эффективности власти, контекст которой менялся исходя из политических потребностей европейских государств, однако до настоящего времени является актуальной доктриной.

Как отмечается в популярном учебнике по международному праву Кассезе, в исторический период мирового сообщества, когда происходило деление на цивилизованные нации и нет, европейские государства оценивали новое государство по принципу эффективности его правительства для начала международного общения с ним.

В советской доктрине отмечается, что неэффективные государства в последствии были превращены в колонии европейских захватчиков.

По мнению Н. Касперсена, институт признания возник одновременно с появлением значимости суверенитета государств. Основания для непризнания варьировались от недостатка империалистических составляющих, идеологически неприемлемых режимов до противоречия принципу территориальной целостности. Признание происходило в зависимости от способности правителя субъекта осуществлять свою верховную власть на подведомственной территории.

Реализация теории эффективности прослеживается в Заявлении «двенадцати» о будущем статусе России и бывших Союзных республик, в которых указаны критерии ЕС для признания новых государств в Восточной Европе и на территории Советского Союза:

- соблюдение положений Устава ООН и обязательств, принятых по Хельсинскому Заключительному Акту, и Парижской Хартии, особенно в отношении верховенства закона, демократии и прав человека;
- гарантии прав национальных и этнических групп в рамках принятых СБСЕ обязательств;
- уважения нерушимости границ;

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- принятие обязательств по разоружению, нераспространения ядерного оружия и касающихся безопасности в регионе;

- мирно урегулировать все споры касающиеся правопреемства и региональные.

Большинство указанных критериев характеризуют эффективность власти: соблюдение прав населения путем установления верховенства закона, а также обеспечения мира и безопасности на подведомственной территории.

Вместе с тем, в работе В.Л. Толстых подчеркнуто, что выработанные ЕС критерии применялись также при распаде СФРЮ и признанные впоследствии государства не отвечали им. К примеру, Хорватия была признана ЕС, когда фактически не контролировала всю свою территорию, а Конституция Хорватии, не защищала права меньшинств, в связи с чем власти обещали решить проблему с меньшинствами, но этого не сделали. Далее Толстых приводит в пример ситуацию с Республикой Косово, которая получила признание несмотря на действие в этот период специальной Миссии и выработке Конституционных рамок, по которым должно быть осуществлено государственное строительство края.

Согласимся с автором, что ЕС необоснованно добавил к критериям признания обязанность разоружения и нераспространения, а также установление демократического режима. Вместе с тем, идея разоружения связана с обеспечением безопасности региона, так как сепаратистские процессы были связаны с вооруженными конфликтами, а требование к демократическому режиму, на наш взгляд, уходит корнями в исторически сложившиеся требования европейских государств об установлении международных связей преимущественно с идеологически, религиозно и культурно близкими государствами.

Необходимо отметить, что теория эффективности (власти) предполагает свою разновидность в виде теории безразличия, которая основана на идеи невмешательства и государственного суверенитета. Как отмечает немецкий исследователь У. Заксер, государства безразличны к законности государственного образования, так как они часто скрыты принципом невмешательства во внутренние дела, вытекающие из суверенитета государства, в котором проходят сепаратистские процессы. В целом автор отмечает, что суверенитетная направленность международных норм препятствует образованию правительств революционным путём. Вместе с тем, на наш взгляд, автор пытается легитимизировать ограничение суверенитета государств и узаконить так называемую гуманитарную интервенцию.

Кроме того, эта теория противоречит теории эффективности, основанной на независимости власти и эффективном контроле над всей его территорией – что является выражением внутреннего суверенитета любого жизнеспособного государства, ограничение которого может оспорить само его существование.

Наравне с теорией эффективности, предъявляемой к новым государствам, и которая тесно связана с конститутивной теорией (несмотря на отрицание зарубежных авторов), европейские государства также используют теорию коллективного непризнания государств. Отмечается, что впервые она применилась в ситуации с попыткой Японии образования на территории Восточной Монголии государства Маньчжоу-Го в 1932 году. Лига Наций декларировала, что территория по праву принадлежит Китаю и США применили к данной ситуации так называемую доктрину Стимсона, которая декларирует, что «право не может возникать на основании незаконного действия (или акта)». Главной претензией непризнания являлось обстоятельство, что Маньчжоу-Го было марионеточным государством и, более того, оно не достигло независимости дефакто. Коллективное непризнание также может быть использовано по отношению к Правительству, пришедшему к власти революционным путем.

После Второй мировой войны коллективное непризнание было применено, когда Южная Африка отказалась передавать свой контроль над Намибией. Вместе с тем, исследователями отмечается, что коллективно непризнанные субъекты обладали на момент непризнания всеми признаками функционирующих государств, но отказ в признании явно основан на идеологии, так как возражения высказывались относительно установленного режима и не основывались на критериях государственности. Н. Касперсен приводит в пример данному утверждению непризнание Соединенными Штатами Америки советского режима вплоть до 1934 года.

Выводы

Таким образом, можно констатировать высокую степень разработанности теорий признания в отечественной и зарубежной доктрине, однако, согласимся с В.Л. Толстых, они не способны радикально изменить ситуацию, а лишь направлены на совершенствование существующих механизмов. Автор предлагает применить кардинальные меры, затрагивающие основы международного права: право на самоопределение должно действовать при нарушении прав меньшинств; ограничение действия принципа uti possidetis juris при возникновении межнациональных конфликтов; расширение правосубъектности непризнанных госу-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

дарств, в том числе реализация прав человека на передвижение, дипломатическую защиту и т.п.; возложение защиты населения непризнанных государств на существующие специальные институты ООН.

По нашему мнению, автор предлагает частичные меры по защиты прав меньшинств при их грубом нарушении прав, которые уже используются в концепции «ремедиальной сецессии», примененной в ситуации с Косово, Абхазией и Южной Осетией. Расширение правосубъектности непризнанных государств в конечном счете логически приведет к тому, что они перестанут быть таковыми, ввиду наличия у них полной правосубъектности.

На наш взгляд, ситуацию может изменить глобальный диалог по данной проблеме с участием, в первую очередь, всех государств, на территории которых в настоящее время имеются межэтнические и иные национальные конфликты и сепаратистские движения с целью выработки критериев для создания органа или наделение соответствующими полномочиями существующего органа, который будет рассматривать ситуации ad-hoc на основании принятых общих критериев легитимности тех или иных претензий на создание государства.

Дальнейшая разработка теорий института признания, по нашему мнению, является неэффективной.

Список источников

1. Аверченко О.Д. Международно-правовые основания признания государств. Москва, 2019. С. 10.
2. Толстых В.Л. Курс Международного права. Проспект. Москва, 2020.
3. Толстых В.Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. "Российский юридический журнал", N 5, сентябрь-октябрь 2020г.
4. "Заявление "двенадцати" о будущем статусе России и других бывших республик". URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16319#fu2IDEVCe53DFnZ8 (дата обращения: 18.11.2025)
5. Gaeta P., Vinuales J, Zappala S. Cassese's International Law. OXFORD University Press. 2020.
6. N. Caspersen. Unrecognized States. The straggle for sovereignty in the modern international system. Polity Press. 2012.
7. Заксер Урс. Международное регулирование самоопределения и возникновения государств. Спрингер. Нью Йорк, 2010.
8. Черниченко С.В. Право народа на самоопределение в современных условиях. Международный правовой курьер. Август-октябрь, 2019. С. 77 – 85.
9. Paweł von Chamier Cieminski. A Look at the Evolution of the Right to Self -determination in International Law. University of Warsaw, Poland. 2020. URL: https://orcid.org/0000-0001-6032-5614
10. Ильяшевич М.В., Хахина А.А. К вопросу о международно-правовом признании государств // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 236 – 242.

References

1. Averchenko O.D. International Legal Grounds for the Recognition of States. Moscow, 2019. P. 10.
2. Tolstykh V.L. Course in International Law. Prospect. Moscow, 2020.
3. Tolstykh V.L. Recognition and Unrecognized States at the Beginning of the 21st Century. Russian Law Journal, No. 5, September-October 2020.
4. Statement of the "Twelve" on the Future Status of Russia and Other Former Republics. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16319#fu2IDEVCe53DFnZ8 (date of access: 18.11.2024)
5. Gaeta P., Vinuales J, Zappala S. Cassese's International Law. OXFORD University Press. 2020.
6. N. Caspersen. Unrecognized States. The straggle for sovereignty in the modern international system. Polity Press. 2012.
7. Saxer Urs. International Regulation of Self-Determination and the Emergence of States. Springer. New York, 2010.
8. Chernichenko S.V. The Right of People to Self-Determination in Modern Conditions. International Legal Courier. August-October, 2019. P. 77 – 85.
9. Paweł von Chamier Cieminski. A Look at the Evolution of the Right to Self-determination in International Law. University of Warsaw, Poland. 2020. URL: https://orcid.org/0000-0001-6032-5614
10. Ilyashevich M.V., Khakhina A.A. On the Issue of International Legal Recognition of States. Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2014. No. 1. P. 236 – 242.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

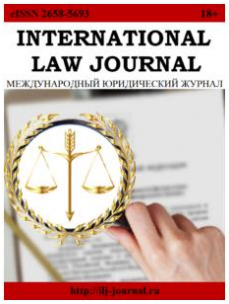
Информация об авторах

Горская Ю.А., аспирант, Дипломатическая академия, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации; генеральный директор, ООО «Долгов Нет», Julia_gorskaya@list.ru

Щербаков С.В., Дипломатическая академия, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации

© Горская Ю.А., Щербаков С.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 3.39
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-56-62

Повышение эффективности взаимодействия следователя и специалиста-психолога при расследовании мошенничества и разработка практико-ориентированных рекомендаций для следственных подразделений

[1] Подъячева Ю.В.,
[1] Академия управления МВД России

Аннотация: *в статье взаимодействие следователя и специалиста-психолога рассматривается как практический инструмент расследования мошенничества, совершаемого с использованием социальной инженерии и иных форм направленного речевого воздействия. На материале изученных уголовных дел показано, что при доминировании защитной версии о «добровольности» передачи имущества решающее значение приобретает анализ того, каким образом у потерпевшего формировалось решение и какие признаки порока воли могут быть восстановлены в ходе следственных действий. Выявлен разрыв между реальной потребностью в специальных психологических знаниях и их фактическим использованием на стадии предварительного расследования. Речь идет не только о сопровождении отдельных следственных действий, но и о предварительной аналитической работе с материалами дела. Обоснована целесообразность участия психолога при подготовке и проведении допросов, очных ставок и обысков, а также при анализе цифровой переписки и профилактике вторичной виктимизации потерпевших. Систематизированы основные правовые и организационные ограничения такого взаимодействия: неопределенность границ компетенции специалиста, риск подмены экспертного исследования консультацией, отсутствие единых требований к фиксации результатов и дефицит подготовленных кадров. В качестве практического итога предложена модель планового включения психолога в работу следственной группы с унифицированными алгоритмами и формами документирования.*

Ключевые слова: *взаимодействие следователя и психолога, расследование мошенничества, социальная инженерия, психологическое сопровождение следственных действий, психолингвистический анализ цифровой переписки*

Для цитирования: Подъячева Ю.В. Повышение эффективности взаимодействия следователя и специалиста-психолога при расследовании мошенничества и разработка практико-ориентированных рекомендаций для следственных подразделений // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 56 – 62. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-56-62

Поступила в редакцию: 21 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Enhancing the effectiveness of interaction between investigator and specialist psychologist in fraud investigation and development of practice-oriented recommendations for investigative units

[1] Pod'yacheva Yu.V.,
[1] Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Abstract: *the article considers interaction between the investigator and the specialist psychologist as a practical instrument for investigating fraud committed through social engineering and other forms of targeted verbal influence. Based on the analysis of studied criminal case materials, it is shown that when the defense relies*

on the version of the "voluntary" transfer of property, decisive importance belongs to reconstructing how the victim's decision was formed and what signs of a defect of will can be identified during investigative actions. The study reveals a gap between the actual demand for specialized psychological knowledge and its real use at the stage of preliminary investigation. This concerns not only individual investigative actions, but also preliminary analytical work with case materials and communication records. The paper substantiates the relevance of psychologist participation in the preparation and conduct of interrogations, confrontations, and searches, as well as in the analysis of digital correspondence and in preventing secondary victimization. The main legal and organizational limits of such interaction are systematized: uncertainty of competence boundaries, the risk of substituting expert examination with consultation, the lack of uniform rules for recording results, and the shortage of trained specialists. As a practical outcome, a model is proposed for the planned inclusion of a psychologist in the investigative team with unified algorithms and documentation forms.

Keywords: *interaction between investigator and psychologist, fraud investigation, social engineering, psychological support of investigative actions, psycholinguistic analysis of digital correspondence*

For citation: Pod'yacheva Yu.V. Enhancing the effectiveness of interaction between investigator and specialist psychologist in fraud investigation and development of practice-oriented recommendations for investigative units. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 56 – 62. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-56-62

The article was submitted: January 21, 2026; Approved after reviewing: March 19, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

В структуре имущественной преступности мошенничество сохраняет устойчиво высокую распространенность, однако современные его формы заметно отличаются от традиционных моделей обмана. В криминалистических исследованиях сложных и скрытых способов совершения преступлений подчеркивается необходимость учитывать не только следовую картину, но и поведенческий механизм деяния [4]. Для дел о мошенничестве этот вывод особенно важен, поскольку значительная часть преступного результата достигается за счет использования специальных знаний, доверительных сценариев общения и психологического давления на потерпевшего [1]. Особенно это касается дистанционных схем, в которых обман реализуется через серию согласованных контактов, подмену значимых для потерпевшего социальных ролей и создание иллюзии неотложности решения. Поэтому в центре внимания следствия оказывается не только сам факт передачи имущества, но и процесс формирования решения потерпевшего.

Следователь располагает процессуальными средствами доказывания, однако не всегда обладает специальными психологическими знаниями, необходимыми для анализа внушения, манипуляции и защитного поведения подозреваемого. В научной литературе о специальных знаниях в уголовном судопроизводстве справедливо отмечается, что их ценность состоит не в подмене следователя, а в расширении его тактических возможностей [11]. По делам о мошенничестве это особенно заметно при подготовке к допросу, очной ставке и проверке показаний, когда требуется быстро оценить реакцию участника и выбрать рабочую модель общения. Без такой поддержки следователь чаще вынужден действовать по интуиции, а не на основе профессионально интерпретированных поведенческих признаков. Отсюда возникает потребность в осмысленном включении специалиста-психолога в структуру предварительного расследования.

Наиболее уязвимой категорией остаются потерпевшие по делам о дистанционном мошенничестве. Для них типичны эмоциональная перегрузка, чувство стыда из-за утраты денег и попытки рационализировать собственные действия, что осложняет первоначальный допрос и снижает полноту показаний [2]. Нередко именно переживание собственной доверчивости заставляет их умалчивать обстоятельства, которые кажутся компрометирующими, но для следствия являются доказательственно значимыми. При отсутствии психологически выверенной тактики следователь получает фрагментарные сведения: в рассказе выпадают ключевые детали разговора, последовательность манипулятивных сообщений и собственные мотивы передачи средств. В результате утрачивается именно та информация, которая позволяет доказать наличие обмана как способа хищения.

Расширение участия психолога требует при этом аккуратного процессуального оформления. Следователю необходимы быстрые тактические рекомендации, но они не должны превращаться в подмену судебной экспертизы, в оценку виновности лица или в навязывание готовых выводов по делу. Поэтому вопрос об оптимальной модели взаимодействия следует рассматривать одновременно в правовой,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

организационной и тактической плоскостях. Практически это означает необходимость заранее определять задачи специалиста, пределы его участия и форму отражения результатов в материалах дела. Только при таком подходе психологическое сопровождение становится частью доказывания, а не внешним, слабо оформленным консультированием.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую основу исследования составили материалы изученных уголовных дел о мошенничестве, включая эпизоды дистанционного хищения, групповых схем и ситуации, в которых защита строилась на версии о добровольной передаче имущества. Сопоставление этих материалов показало, что в 65% случаев спор вокруг события преступления фактически смещался к вопросу о наличии или отсутствии порока воли потерпевшего. В таких делах следователю недостаточно подтвердить сам факт перечисления денег или передачи имущества; необходимо восстановить последовательность речевого и психологического воздействия, под влиянием которого потерпевший принимал решение. Сопоставлялись не только отдельные следственные действия, но и общая логика доказывания: как формулировалась версия следствия, какие обстоятельства проверялись в первую очередь и каким образом объяснялось поведение потерпевшего. Отдельно анализировались протоколы допросов, очных ставок и иные процессуальные документы, позволяющие увидеть, как в конкретных эпизодах использовались либо, напротив, не использовались специальные психологические знания.

Выявлен заметный разрыв между объективной потребностью в психологическом сопровождении и его реальным применением. Лишь в 12% изученных дел специалисты-психологи привлекались на стадии досудебного производства для консультаций либо участия в допросах взрослых потерпевших и подозреваемых. Сравнение этих дел с массивом материалов, где следователь действовал без профильной поддержки, показало повторяющиеся проблемы: преждевременное предъявление доказательств, неудачный выбор темпа и тональности общения, слабую фиксацию эмоциональных реакций участников. Кроме того, в делах без психологического сопровождения заметно чаще встречались неполные вопросы, пропуски в уточнении мотивации потерпевшего и слабая работа с цифровым контекстом общения. Это позволило рассматривать участие специалиста не как факультативный элемент, а как один из факторов качества тактических решений.

Результаты и обсуждения

Судебная оценка материалов, полученных с участием психолога, во многом зависит от того, насколько четко следователь разграничивает консультацию специалиста и экспертное исследование. В работах, посвященных взаимодействию следователя с носителями специальных знаний, подчеркивается, что смешение этих процессуальных ролей неизбежно ставит вопрос о допустимости и доказательственной ценности результата [3]. Эта граница должна быть понятна не только самому психологу, но и стороне защиты, прокурору и суду, оценивающим содержание полученного материала. По этой причине вопросы психологу должны касаться особенностей коммуникации, эмоционального состояния и наблюдаемых поведенческих реакций, но не юридических выводов о виновности, умысле или достоверности показаний. Чем точнее следователь удерживает эту границу, тем устойчивее собранный материал в суде.

Не менее важной остается проблема качества самих специалистов, привлекаемых к расследованию экономических преступлений. Наличие базового психологического образования еще не означает готовности работать в условиях допроса, очной ставки или обыска, где требуется понимание процессуальных ограничений, конфликтной среды и логики доказывания. Межведомственное взаимодействие в делах, где используются специальные знания, оказывается эффективным только тогда, когда каждый участник ясно понимает пределы своей компетенции и специфику общей задачи [10]. Подготовка такого специалиста должна включать основы уголовного процесса, требования к допустимости доказательств и навыки работы в условиях высокой коммуникативной напряженности. Отсюда следует практический вывод: для следственных подразделений нужен не просто список психологов, а пул специалистов, прошедших подготовку по юридической и криминальной психологии.

Анализ материалов дел показал, что заметный резерв повышения результативности связан с психологическим сопровождением обыска. В условиях внезапного следственного действия подозреваемые и иные присутствующие лица часто не контролируют полностью собственные реакции: меняют траекторию взгляда, демонстрируют тревожность при приближении к определенным предметам, стремятся отвлечь внимание следователя. Исследования тактико-психологической культуры обыска подтверждают, что учет подобных реакций способен существенно повысить качество поиска и снизить долю случайных

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

действий [8]. Речь, разумеется, идет не о произвольном толковании жестов, а о профессиональном наблюдении за динамикой поведения в конкретной следственной ситуации. Психолог в такой ситуации не подменяет следователя, а помогает быстрее выделить зоны, требующие приоритетной проверки.

Одной из наиболее слабых точек действующей практики остается фиксация результатов участия специалиста. Закон допускает использование специальных знаний и технических средств при организации следственных действий, однако без продуманной формы документирования даже полезные наблюдения быстро теряют доказательственное и тактическое значение [12]. На практике это проявляется в широком диапазоне форм – от краткой справки до объемного консультативного текста, который трудно сопоставить с содержанием конкретного следственного действия. Стандартизированная форма облегчила бы последующую оценку материала прокурором, руководителем следственного органа и судом, а также снизила бы риск выхода специалиста за пределы своей компетенции. Для дел о мошенничестве целесообразны унифицированные шаблоны, позволяющие отдельно отражать цель консультации, наблюдаемые признаки, пределы выводов и практические рекомендации.

В изученном массиве дел наиболее убедительные результаты достигались там, где взаимодействие следователя и психолога строилось не эпизодически, а последовательно. Для первоначального этапа расследования принципиально важны предварительное планирование, распределение ролей и единая логика тактических решений [15]. Дополнительный эффект состоит в том, что следователь получает возможность заранее согласовать тактические роли и не возвращаться к одним и тем же вопросам в режиме импровизации. Если психолог знакомится с материалами дела заранее, участвует в обсуждении версии и понимает структуру мошеннической схемы, его рекомендации становятся адресными и применимыми. Именно такая модель лучше всего отвечает задачам расследования многоэпизодных и групповых мошенничеств.

Существенным барьером остается установка части практических работников на полностью автономное ведение дела. Исследования взаимодействия следователя с другими участниками расследования показывают, что устойчивость сотрудничества определяется не только нормами закона, но и профессиональной культурой, готовностью делиться информацией и доверием к компетенции партнера [13]. Пока специалист воспринимается как внешнее и обременительное звено, его участие будет формальным и запоздалым. Без налаженного профессионального обмена информацией даже квалифицированные рекомендации остаются невостребованными или используются слишком поздно. Поэтому изменение практики требует не только ведомственных распоряжений, но и системной подготовки следователей.

Перспективным направлением является использование психолога при анализе цифрового следа и переписки участников преступной схемы. Для расследования преступлений, где значимая часть коммуникации происходит в электронном виде, востребованы специальные знания, позволяющие соотносить содержание сообщений с контекстом их восприятия и поведенческой стратегией отправителя [6]. В современных схемах значимы не только отдельные фразы, но и последовательность сообщений, сочетание текста, голосовых записей, изображений и служебных уведомлений. Психолингвистический разбор помогает выделять речевые триггеры, признаки распределения ролей в группе, скрытые инструкции и эмоциональные маркеры давления на потерпевшего. Это особенно важно в делах о социальной инженерии, где текст сообщения сам по себе является частью механизма хищения.

При этом участие психолога не должно работать исключительно на обвинительную версию. Криминалистический подход к использованию специальных приемов ориентирован на объективизацию доказательственной информации и проверку значимых обстоятельств, а не на подтверждение заранее выбранной позиции [14]. На практике психолог может помочь следователю оценить устойчивость алиби, выявить причины противоречий в показаниях и отделить намеренную ложь от последствий стресса, внушения или когнитивной перегрузки. Именно такая нейтральная позиция позволяет использовать специальные знания как средство проверки версии, а не как аргумент в пользу заранее принятого решения. Такая роль специалиста соответствует задачам уголовного судопроизводства и снижает риск односторонней оценки доказательств.

Судебная перспектива материалов, полученных с участием специалиста, определяется не количеством консультаций, а качеством их процессуального включения в дело. Для предварительного расследования в целом принципиально различать ориентирующую информацию и доказательства, вводимые в процесс в установленной законом форме [5]. Для дел о мошенничестве это особенно важно, поскольку консультация специалиста помогает связать разрозненные факты общения с логикой манипулятивного воздействия на потерпевшего. Если мнение психолога начинает подменять правовую оценку, оно ослабляет позицию

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

следствия и создает дополнительные основания для возражений стороны защиты. Напротив, корректно оформленные консультации по вопросам коммуникации, восприятия и эмоционального состояния усиливают доказательственную конструкцию, поскольку помогают объяснить механизм преступного поведения без выхода за пределы компетенции специалиста.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что для дел о мошенничестве специальные психологические знания имеют не вспомогательное, а прикладное значение. Наиболее заметно это проявляется в ситуациях, где требуется восстановить механизм манипулятивного воздействия на потерпевшего, оценить коммуникативное поведение подозреваемого и своевременно скорректировать тактику следственного действия. Результаты анализа материалов дел показывают, что наиболее чувствительными к тактическим ошибкам оказываются допросы потерпевших и подозреваемых, очные ставки и обыски. Эпизодическое обращение к психологу не решает этих задач в полном объеме, поскольку не позволяет встроить его наблюдения и рекомендации в общую логику доказывания.

Правовая и организационная сторона проблемы состоит не столько в отсутствии формальной возможности привлечь специалиста, сколько в неустойчивости сложившейся практики. Для повышения эффективности расследования необходимо точнее разграничить консультационную помощь специалиста и экспертное исследование, определить минимальные требования к фиксации результатов и предусмотреть механизмы более раннего включения психолога в работу по сложным и многоэпизодным делам. Иначе даже полезные наблюдения специалиста остаются на периферии дела и не влияют на итоговую оценку собранных сведений. Это позволит сохранить процессуальную чистоту и одновременно повысить качество тактических решений.

Практический вывод состоит в необходимости перехода от разовых приглашений к более системной модели взаимодействия. Следственным подразделениям требуются подготовленные специалисты, понятные алгоритмы совместной работы при допросе, очной ставке, обыске и анализе цифровой переписки, а также единые формы документирования полученных результатов. При наличии такой инфраструктуры следователь получает не отвлеченную консультацию, а встроенный в процесс инструмент анализа поведения и коммуникации участников. Именно такая организация работы дает возможность использовать психологическое сопровождение как реальный ресурс повышения качества расследования, а не как формальную процессуальную опцию.

Список источников

1. Пивень А.В., Жегет В.С. Использование специальных знаний при расследовании мошенничества // Epomen. Global. 2025. № 67. С. 144 – 150.

2. Ионин А.В. Уголовно-процессуальные проблемы расследования мошенничества // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2025. № 6. С. 22 – 24.

3. Калинин А.Н. К вопросу об организационных особенностях взаимодействия следователя и судебно-медицинских экспертов в обстановке особых условий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2025. № 4. С. 90 – 95.

4. Петросян М.А. Совершенствование методики расследования убийств, совершаемых путем отравления: криминалистические и процессуальные аспекты // Юриспруденция: теория и практика. 2025. № 8. С. 28 – 31.

5. Ефремов Д.А., Финогенов Н.А. Оперативно-розыскная информация и основные векторы ее использования в организации и производстве предварительного расследования по уголовным делам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 4 (165). С. 253 – 261.

6. Ермошкин Д.А. Использование специальных знаний в области исследования компьютерной информации при расследовании преступлений, связанных со склонением к самоубийству или содействием совершению самоубийства // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. Т. 9. № 4 (36). С. 615 – 623.

7. Кубанцева А.А. Отдельные проблемы расследования уголовных дел о взяточничестве // Юстиция. 2025. № 1. С. 75 – 80.

8. Яворский М.А., Дашин А.В., Захарова Е.Ю. Тактико-психологическая культура производства обыска // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 5 (66). С. 68 – 76.

9. Бегова Д.Я., Селимова Ш.С. Особенности доследственной проверки по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств // Human Progress. 2025. Т. 11. № 7. С. 1 – 12.

10. Сотовалдиева С.Ш. При расследовании изнасилований межведомственное взаимодействие, связанных с наркотиками: роль следственных подразделений МВД КР и судебно-медицинской экспертизы // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2025. № 4/1. С. 487 – 493.

11. Бегишев И.Р. О концепции криминалистического учения об использовании специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 4 (62). С. 202 – 209.

12. Арский А.А. К вопросу об оценке невербального поведения реципиента в процессе изобличения искренности его высказываний во время допроса, проводимого сотрудником полиции // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 5. С. 87 – 95.

13. Телигисова С.С. Актуальные аспекты процесса взаимодействия следователя с органом дознания при расследовании уголовных дел // Правовые технологии. 2023. № 2 (22). С. 108 – 116.

14. Цинова М.В. Оперативное отождествление личности и следственное опознание: ключевые различия и точки соприкосновения // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2025. № 26. С. 46 – 48.

15. Дулепина О.В. Общая характеристика организационно-методических проблем первоначального этапа расследования убийств // Юриспруденция: теория и практика. 2025. № 8. С. 19 – 22.

References

1. Piven A.V., Zheget V.S. Using Specialized Knowledge in Fraud Investigation. Epomen. Global. 2025. No. 67. P. 144 – 150.

2. Ionin A.V. Criminal Procedure Problems of Fraud Investigation. Current Issues in Combating Crime. 2025. No. 6. P. 22 – 24.

3. Kalinin A.N. On the Organizational Features of Interaction between an Investigator and Forensic Experts in a Special Environment. Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2025. No. 4. P. 90 – 95.

4. Petrosyan M.A. Improving the Methodology for Investigating Murders Committed by Poisoning: Forensic and Procedural Aspects. Jurisprudence: Theory and Practice. 2025. No. 8. P. 28 – 31.

5. Efremov D.A., Finogenov N.A. Operational-search information and the main vectors of its use in the organization and conduct of preliminary investigations in criminal cases. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 4 (165). P. 253 – 261.

6. Ermoshkin D.A. Use of specialized knowledge in the field of computer information research in the investigation of crimes related to incitement to suicide or assistance in committing suicide. Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 9. No. 4 (36). P. 615 – 623.

7. Kubantseva A.A. Certain problems of the investigation of criminal cases of bribery. Justice. 2025. No. 1. P. 75 – 80.

8. Yavorsky M.A., Dashin A.V., Zakharova E.Yu. Tactical and psychological culture of conducting a search. Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. No. 5 (66). P. 68 – 76.

9. Begova D.Ya., Selimova Sh.S. Features of pre-investigation checks on crimes related to illegal drug trafficking. Human Progress. 2025. Vol. 11. No. 7. P. 1 – 12.

10. Sotovaldieva S.Sh. Interagency cooperation in the investigation of drug-related rapes: the role of investigative units of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic and forensic medical examination. Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev. 2025. No. 4/1. P. 487 – 493.

11. Begishev I.R. On the Concept of the Forensic Doctrine of Using Special Knowledge in Investigating Crimes Involving Minors. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 16. No. 4 (62). P. 202 – 209.

12. Arsky A.A. On the Issue of Assessing the Recipient’s Non-verbal Behavior in the Process of Establishing the Sincerity of His Statements During Interrogation Conducted by a Police Officer. Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 5. P. 87 – 95.

13. Teligisova S.S. Relevant Aspects of the Process of Interaction Between the Investigator and the Inquiry Body During the Investigation of Criminal Cases. Legal Technologies. 2023. No. 2 (22). P. 108 – 116.

14. Tsinova M.V. Operational Identification of a Person and Investigative Identification: Key Differences and Points of Contact. Bulletin of the Educational Consortium of the Central Russian University. Series: Jurisprudence. 2025. No. 26. P. 46 – 48.

15. Dulepina O.V. General Characteristics of Organizational and Methodological Problems of the Initial Stage of Murder Investigation. Jurisprudence: Theory and Practice. 2025. No. 8. P. 19 – 22.

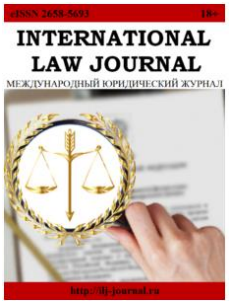
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Подъячева Ю.В., Академия управления МВД России, yul100785@yandex.ru

© Подъячева Ю.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 004.7:34
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-63-67

Закон о ЦОД принят. Что дальше?

[1] Степанова И.А.,
[1] Академия Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация: *принятие Федерального закона № 244-ФЗ от23 июля 2025 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи и отдельные законодательные акты Российской Федерации» завершило длительный этап формирования правового поля для развития центров обработки данных (ЦОД) в России. В статье анализируется историческая ретроспектива становления и развития вычислительных центров от ЭВМ первого поколения до современных ДАТА-центров. Рассматриваются ключевые положения нового закона, а также некоторые проблемы, связанные с его применением, выявленные в процессе профессиональных дискуссий. Отдельное внимание уделено перспективам развития рынка ЦОД в контексте технологического суверенитета, энергоэффективности и вопросам регионального развития. Выдвигаются предложения по совершенствованию нормативной базы, включая создание профильного общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), создание ДАТА-парков, а также обеспечения необходимых условий для согласованного функционирования и взаимодействия всех участников правовых отношений в указанной сфере.*

Ключевые слова: *центр обработки данных, дата-центр, цифровая инфраструктура, правовое регулирование, реестр ЦОД, энергоэффективность, технический суверенитет, государственно-частное партнерство*

Для цитирования: Степанова И.А. Закон о ЦОД принят. Что дальше? // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 63 – 67. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-63-67

Поступила в редакцию: 23 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Data centers act has been passed. What's next?

[1] Stepanova I.A.,
[1] Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract: *the adoption of Federal Law No. 244-FZ dated July 23, 2025, "On Amendments to the Federal Law on Communications and Certain Legislative Acts of the Russian Federation," marked the end of a long process of establishing a legal framework for the development of data processing centers (DPCs) in Russia. This article provides an historical overview of the evolution of computing centers, from the first-generation computers to modern DPCs. It explores the key provisions of the new law and highlights some of the challenges associated with its implementation, which have been identified through professional discussions. Special attention is paid to the prospects for the development of the data center market in the context of technological sovereignty, energy efficiency, and regional development. Proposals are made to improve the regulatory framework, including the creation of a specialized all-Russian classifier of economic activities (OKVED), the creation of DATA parks, and the provision of necessary conditions for the coordinated functioning of.*

Keywords: *data center, data processing center, digital infrastructure, legal regulation, data center registry, energy efficiency, technical sovereignty, public-private partnership*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Stepanova I.A. Data centers act has been passed. What's next? International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 63 – 67. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-63-67

The article was submitted: January 23, 2026; Approved after reviewing: March 20, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Вопрос нормативного правового регулирования создания дата-центров не нов. Необходимость обсуждалась научным и техническим сообществом долгие годы. Однако лето 2025 года стало важным моментом для российской индустрии центров обработки данных. Принятие Государственной Думой закона, вносящего изменения в Федеральный закон «О связи» [1] и закрепляющего понятие ЦОД на законодательном уровне, наконец-то придало правовой статус объектам, которые уже многие годы являются неотъемлемой частью цифровой экономики. Заметим, что в последние годы отрасль демонстрирует взрывной рост – с 42,9 млрд рублей в 2020 году до 113,1 млрд рублей в 2024 году [2], – и тот факт, что существовала она в условиях правовой неопределенности, существенно сдерживало ее развитие и никак не способствовало реализации крупных инфраструктурных проектов. Однако принятие Закона – это не финишная черта, а лишь отправная точка для нового этапа развития. В данной статье мы рассмотрим эволюцию ЦОД, проанализируем текущие вызовы, постараемся определить некоторые перспективы совершенствования нормативной базы, опираясь на экспертные оценки и актуальные дискуссии в профессиональной сфере.

Материалы и методы исследований

Процесс возникновения и развития центров обработки данных имеет свою многолетнюю историю. Она прошла путь от вычислительного центра до объекта критической инфраструктуры и можно утверждать, что генезис современных ЦОДов неразрывно связан с историей развития вычислительной техники. В 1940-х годах в Университете Пенсильвании появился прообраз современного ЦОД - ENIAC (Electronic Numerical Integrator and Computer). Это был первый электронный компьютер, созданный для армии США, который при необходимости можно было перепрограммировать для решения широкого спектра задач. Машины того времени были огромными и сложными в эксплуатации, а «дата-центры» представляли собой обычные залы, в которых было размещено оборудование.

В 1960-1970-х годах компании IBM и Intel начали выпускать доступные компьютеры, которые в 1980-х годах массово вошли в жизнь пользователей. Чтобы разместить серверы, организации стали выделять для них специальные серверные комнаты. Как справедливо отмечает Г.И. Рузайкин, с появлением первых электронных вычислительных машин (ЭВМ) сразу возникла проблема их эффективной эксплуатации. что привело к созданию особой организационной структуры – вычислительного центра (ВЦ) [3].

В СССР одним из первых стал Вычислительный центр АН СССР, созданный в 1955 году под руководством академика А.А. Дородницына. ВЦ того времени представлял собой не просто помещение с ЭВМ (БЭСМ «Стрела»), но и сложный организм, в котором работали отделы программирования, численных методов, эксплуатации. Уже тогда сформировались и укрепились ключевые принципы деятельности центров: централизация ресурсов, специализация персонала и обеспечение бесперебойной работы [3]. В дальнейшем к ним добавились надёжность, безопасность, энергоснабжение и управление. Все принципы направлены на защиту данных и обеспечение устойчивости инфраструктуры к сбоям.

В последующие десятилетия с развитием микроэлектроники, появлением архитектуры «клиент-сервер» и распространением интернета вычислительные центры эволюционировали в дата-центры. Отличительным моментом их назначения стал переход от решения узких научных и оборонных задач к предоставлению коммерческих услуг по хранению и обработке данных. В России бум строительства коммерческих ЦОДов пришелся на 2000-е годы. Знаковым событием стало открытие в 2015 году Федерального центра обработки данных Федеральной налоговой службы в Дубне. Этот проект стоимостью 7,9 млрд рублей позволил сконцентрировать все налоговые данные страны в «едином налоговом файле». Таким образом была создана система АСК «НДС-2», которая успешно работает и сейчас, автоматизирует налоговые процедуры и сводит к минимуму влияние человеческого фактора [4].

Проект ФНС наглядно продемонстрировал, что ЦОД – это не просто склад серверов, а инструмент качественного изменения государственного управления. В дальнейшем это было признано и подтверждено на самом высоком уровне: 19 ноября 2025 года, выступая на X Международной конференции по искусственному интеллекту (ИИ) и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2025, президент России Владимир Путин обозначил развитие центров обработки данных как национальный стратегический приоритет.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Он подчеркнул, что формирование этой инфраструктуры является драйвером для создания новых компаний и рабочих мест в перспективных отраслях цифровой экономики.

Следующий этап эволюции ЦОДов связан с развитием облачных технологий. Спрос на вычислительные мощности для искусственного интеллекта (ИИ) и интернета вещей (IoT) кардинально меняет требования к инфраструктуре. Традиционные ЦОДы уступают место гипермасштабным дата-центрам, способным постоянно наращивать ресурсы. В этих условиях 2025 год стал переломным: с одной стороны рынок столкнулся с огромным спросом, с другой – с острейшим дефицитом предложений и отсутствием четкого правового регулирования указанной сферы.

Результаты и обсуждения

Итак, Федеральный закон №244-ФЗ принят. Он вступил в силу 1 марта 2026 года (за исключением отдельных положений). Закон вносит принципиальные изменения в регулирование отрасли [5; 6].

Во-первых, в законе «О связи» закреплено определение ЦОД как «совокупности зданий, частей зданий или помещений с комплексом инженерно-технического обеспечения для размещения оборудования, обеспечивающего обработку и хранение данных» [1].

Во-вторых, закон вводит создание единого реестра ЦОД, ведение которого поручается Минцифры. Реестр будет разделен на два раздела (коммерческие и корпоративные ЦОДы) с подразделениями по уровням надежности (наивысший, высший, средний) [7]. Включение в Реестр будет происходить на добровольной основе, что позволит операторам сохранить гибкость и последовательность и избежать в этом вопросе избыточного давления на участников процесса. Важно и то, что помимо учётной функции, реестр теперь может быть использован для подтверждения права на получение мер государственной поддержки (льготное кредитование, субсидии и т.д.).

В-третьих, закон вводит прямой запрет на размещение в ЦОД, включенных в Реестр, оборудования для майнинга криптовалют [7]. Эта норма, связанная с защитой электросетей от чрезмерных нагрузок, обусловлена еще и необходимостью сохранения вычислительных мощностей в первую очередь для социально значимых и государственных сервисов.

Наконец, важным позитивным шагом стало расширение перечня объектов концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном партнерстве (ГЧП) за счет включения в них ЦОД [5]. Это открывает путь для привлечения частных инвестиций в строительство дата-центров, особенно в регионах, где без участия государства такие проекты часто нерентабельны и даже нежизнеспособны.

Несмотря на сдвинувшийся с места законодательный процесс, который, несомненно, следует рассматривать в позитивном ключе, отрасль стоит перед рядом проблем, существенно влияющих на ее ближайшие перспективы.

1. Дефицит мощностей и региональный дисбаланс. По данным на 2025 год, 76% мощностей коммерческих ЦОД сосредоточены в Москве и лишь 9,3% – в Санкт-Петербурге [2]. Этот дисбаланс тормозит развитие цифровых сервисов в регионах. Эксперты Фонда «Сколково» фиксируют замедление темпов прироста стойко-мест, что усугубляет дефицит [2]. По данным аналитиков удовлетворить растущие потребности ИИ и облачных сервисов существующими темпами ввода мощностей (10-15% в год) не представляется возможным [2; 10].

2. Технологический суверенитет и импортозамещение. Санкционные ограничения последних лет, с которыми столкнулась Российская Федерация, обнажили серьезную зависимость от импортного оборудования: от источников бесперебойного питания до систем охлаждения. Член Совета Федерации А. Шейкин подчеркивает необходимость создания комплексной программы импортозамещения, включающей не только производство аналогов, но и финансирование научных разработок [8]. Без этого устойчивость критической информационной инфраструктуры остается под угрозой. На это обстоятельство обращает внимание и научное сообщество при обсуждении указанных вопросов в процессе проведения профессиональных дискуссий.

3. Энергетика как главный ограничитель. ЦОД – исключительно энергоемкие объекты. Доступ к электросетям и стоимость подключения становятся ключевыми факторами размещения. В Москве свободные мощности практически исчерпаны, что толкает инвесторов в регионы с профицитом генерации [10]. Премьер-министр М. Мишустин, выступая на X юбилейной конференции «Цифровая индустрия промышленной России-2025», поддержал идею льготных тарифов на электроэнергию для ЦОД в таких регионах [10]. Кроме того, остро встает вопрос энергоэффективности (PUE). Видимо, внедрение интеллектуальных систем управления и использование естественного охлаждения – магистральный путь снижения эксплуатационных расходов [2].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

4. Кадровый голод. Индустрия ЦОД требует высококвалифицированных инженеров, специалистов по эксплуатации и проектированию, дефицит которых ощущается достаточно остро. Рынок нуждается в системной подготовке кадров через профильные программы в вузах и стажировки на базе действующих дата-центров [2].

Представленный выше анализ законодательных новелл и отдельных экспертных мнений, позволяет сформулировать ряд предложений по дальнейшему развитию законодательства в этой сфере.

Выводы

Первое: введение отдельного кода ОКВЭД для деятельности ЦОД. Эта мера неоднократно озвучивалась профессиональным сообществом [2; 10]. Отсутствие собственного кода не позволяет точно учитывать вклад отрасли в ВВП, анализировать ее состояние и, самое главное, разрабатывать адресные меры поддержки. Включение ЦОД в раздел «Связь» (как это делает новый закон) или «Деятельность информационная» является промежуточным решением, не отражающим специфики объекта.

Второе: создание дата-парков. Необходимо законодательно закрепить понятие «дата-парк». Например, это может быть «комплекс специально подготовленных территорий (кластеров) с подведенными энергомощностями, магистральными каналами связи и льготным налоговым режимом». Это позволит развивать успешный опыт особых экономических зон, адаптировав его под технологические нужды ЦОД. Такой подход снизит входные барьеры для инвесторов и будет способствовать планомерному развитию региональной инфраструктуры.

Третье: мало построить ЦОД – нужно гарантировать его загрузку. Государство может и должно выступать заказчиком, размещая свои информационные системы и сервисы в коммерческих дата-центрах. Это уже происходит, но процесс необходимо интенсифицировать. Одновременно следует увязать меры поддержки (льготные кредиты, субсидии) с обязательствами по использованию отечественного оборудования и ПО. Необходимо стимулировать не просто сборку, а именно разработку и производство ключевых компонентов – серверов, систем хранения данных, инженерной инфраструктуры.

Четвертое: уточнение требований энергоэффективности и экологичности. Целесообразно разработать и внедрить систему стимулирующих мер поддержки для операторов, стремящихся и добивающихся низких значений PUE. Для них это могут быть субсидии, льготы по налогу на имущество или иные особые условия. Также важно урегулировать вопрос утилизации тепла, выделяемого дата-центрами, превратив его из проблемы в возможный источник энергии для теплоснабжения близлежащих объектов.

Пятое: совершенствование механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП). Несмотря на включение ЦОД в перечень объектов концессий, требуется четкая проработка этого механизма. Необходимо разработать типовые модели государственно-частного партнерства для дата-центров разного масштаба, учитывающие длительные сроки окупаемости (5-7 лет и более) и специфику распределения рисков между государством и инвестором.

Принятие закона о ЦОД – это важный шаг, открывающий новые возможности для развития отрасли. Однако, чтобы дата-центры стали надежным фундаментом цифрового суверенитета России, предстоит большая работа по совершенствованию нормативной базы. Ключевыми звеньями этой работы должны стать: создание системы адресной поддержки, стимулирование спроса на отечественные технологии, решение энергетических проблем и подготовка квалифицированных кадров. Только комплексный подход, учитывающий как интересы бизнеса, так и стратегические задачи государства, позволит преодолеть дефицит мощностей и обеспечить качественный рост цифровой экономики в ближайшее десятилетие.

Список источников

1. Федеральный закон от 23.07.2025 N 244-ФЗ "О внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона "О связи" и отдельные законодательные акты Российской Федерации".
2. Компании РФ испытывают дефицит дата-центров // Российская газета. 2025. 28 ноября. URL: https://rg.ru/2025/11/28/servisy-ishchut-propisku.html
3. Рузайкин Г.И. Полвека в вычислениях // Мир ПК. 2007. № 3. URL: https://osp.ru/pcworld/2007/03/4203005
4. Большой и очень жесткий диск // Коммерсантъ. 2015. 26 мая. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2734183 (цитируется по публикации ФНС).
5. Госдума приняла закон о центрах обработки данных // Роскомсвобода. 2025. 15 июля. URL: https://roskomsvoboda.org/ru/post/russia-establishes-datacenter-registry-ban-mining/

6. «Миграция» российских ЦОДов: из ИТ в телеком? // IT Channel News. 2025. 15 июля. URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=189629

7. В Минцифры предложили создать реестр центров обработки данных // RUБЕЖ. 2025. 29 сентября. URL: https://ru-bezh.ru/zakonodatelstvo-i-normativyi/news/25/09/29/v-mintsifry-predlozhili-sozdat-reestr-tsentrov-obrabotki-dannyh

8. Центры обработки данных: вызовы, перспективы и стратегия развития // Парламентская газета. 2025. 6 марта. URL: https://www.pnp.ru/economics/centry-obrabotki-dannykh-vyzovy-perspektivy-i-strategiya-razvitiya.html

9. Данные под контролем: как «Росатом» стал ключевым игроком на рынке ЦОД // АтомДата. 2025. 29 июля. URL: https://atomdata.ru/company/press/smi/dannye-pod-kontrolem-kak-rosatom-stal-klyuchevym-igrokom-na-rynke-tsod/

10. Нехватка центров обработки данных сдержит рост облачных сервисов // Российская газета. 2025. 24 ноября. URL: https://rg.ru/2025/11/24/nehvatka-centrov-obrabotki-dannyh-sderzhit-rost-oblachnyh-servisov.html

References

1. Federal Law of July 23, 2025, No. 244-FZ, "On Amendments to Articles 2 and 6 of the Federal Law "On Communications" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation."

2. Russian Companies Experiencing a Data Center Shortage. Rossiyskaya Gazeta. November 28, 2025. URL: https://rg.ru/2025/11/28/servisy-ishchut-propisku.html

3. Ruzaikin, G.I. "Half a Century of Computing". PC World. No. 3, 2007. URL: https://osp.ru/pcworld/2007/03/4203005

4. "A Large and Very Hard Drive". Kommersant. May 26, 2015. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2734183 (cited from a publication by the Federal Tax Service).

5. The State Duma adopted a law on data processing centers. Roskomsvoboda. 2025. July 15. URL: https://roskomsvoboda.org/ru/post/russia-establishes-datacenter-registry-ban-mining/

6. "Migration" of Russian data centers: from IT to telecom? IT Channel News. 2025. July 15. URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=189629

7. The Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media proposed creating a register of data processing centers. RUBEZH. 2025. September 29. URL: https://ru-bezh.ru/zakonodatelstvo-i-normativyi/news/25/09/29/v-mintsifry-predlozhili-sozdat-reestr-tsentrov-obrabotki-dannyh

8. Data Processing Centers: Challenges, Prospects, and Development Strategy. Parliamentary Newspaper. 2025. March 6. URL: https://www.pnp.ru/economics/centry-obrabotki-dannykh-vyzovy-perspektivy-i-strategiya-razvitiya.html

9. Data Under Control: How Rosatom Became a Key Player in the Data Center Market. AtomData. 2025. July 29. URL: https://atomdata.ru/company/press/smi/dannye-pod-kontrolem-kak-rosatom-stal-klyuchevym-igrokom-na-rynke-tsod/

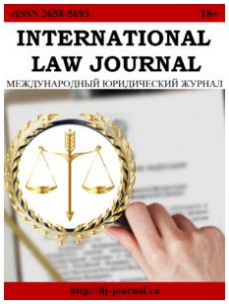
10. Shortage of data centers will hinder the growth of cloud services. Rossiyskaya Gazeta. 2025. November 24. URL: https://rg.ru/2025/11/24/nehvatka-centrov-obrabotki-dannyh-sderzhit-rost-oblachnyh-servisov.html

Информация об авторе

Степанова И.А., кандидат юридических наук, профессор, SPIN-код: 3669-3312, Академия государственной противопожарной службы МЧС России, 7503139@gmail.com

© Степанова И.А., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341.6
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-68-76

Квалификация российских контрсанкционных актов как форс-мажорных обстоятельств в международном коммерческом арбитраже

[1, 2] Жолоб Д.В.,
[1] Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
[2] Адвокатское Бюро «Дякин, Горцунян и Партнеры»

Аннотация: *данная статья посвящена исследованию доктрины признания публично-правового акта форс-мажорным обстоятельством. Здесь и везде, подумайте, нужно ли «в качестве». Рассматривается доктрина отдельного стандарта для признания публично-правовых актов форс-мажорным обстоятельством применительно к обществам с государственного участия, характерная преимущественно для международного коммерческого арбитража. Также исследуется квалификация санкционных ограничений как форс-мажорного обстоятельства в практике и доктрине международного коммерческого арбитража.*

В статье представлен анализ российских контрсанкционных мер и их квалификация кем? в качестве форс-мажорных обстоятельств, используя стандарты, разработанные в практике международного коммерческого арбитража. Особое внимание уделяется единственному на дату публикации статьи публично известному делу в международном арбитраже, в котором российские контрсанкционные меры рассматриваются как форс-мажорное обстоятельство – Gasum v. Gazprom Export.

Ключевые слова*: форс-мажорное обстоятельство, международный коммерческий арбитраж, общество с государственным участием, санкции, ответные меры России*

Для цитирования: Жолоб Д.В. Квалификация контрсанкционных актов как форс-мажорных обстоятельств в международном коммерческом арбитраже // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 68 – 76. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-68-76

Поступила в редакцию: 24 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Qualification of Russian counter-sanctions as force majeure event in international commercial arbitration

[1] Zholob D.V.,
[1] Kutafin Moscow State Law University,
[2] Advocates Bureau “Dyakin, Gortsunyan & Partners”

Abstract: *this article examines the doctrine of recognizing acts of state as force majeure events. It analyzes the doctrine of applying a separate standard for the recognition of acts of state as force majeure with respect to state-owned entities, a practice primarily observed in international commercial arbitration. The article also explores the qualification of sanctions-related restrictions as force majeure in both case law and the doctrine of international commercial arbitration.*

The study provides an analysis of Russian counter-sanctions measures and their qualification as force majeure events using the standards developed in international commercial arbitration case law. Particular attention is paid

to the only publicly known international arbitration case, as of the date of publication, in which Russian counter-sanctions measures were considered as a force majeure event – Gasum v. Gazprom Export.

Keywords: *force majeure event, international commercial arbitration, state-owned company, sanctions, Russian retaliatory measures*

For citation: Zholob D.V. Qualification of Russian counter-sanctions as force majeure event in international commercial arbitration. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 68 – 76. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-68-76

The article was submitted: January 24, 2026; Approved after reviewing: March 22, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

В последние годы международные коммерческие отношения оказались под существенным воздействием односторонних ограничительных мер, введённых рядом государств в отношении Российской Федерации, российских компаний и отдельных категорий товаров и услуг. Эти меры затронули широкий круг действующих контрактов, исполнение которых стало сопряжено с правовыми и фактическими препятствиями, не зависящими от воли сторон. В результате возникла необходимость правовой оценки того, каким образом подобные ограничения влияют на договорные обязательства и могут ли они служить основанием для освобождения от ответственности за неисполнение обязательств.

Одним из ключевых механизмов разрешения подобных ситуаций в международном коммерческом праве является институт обстоятельств непреодолимой силы, закреплённый, в частности, в ст. 79 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Несмотря на то, что положения Конвенции прямо не упоминают санкционные меры, в арбитражной практике и доктрине сложилось понимание того, что публично-правовые акты государства при определённых условиях могут рассматриваться как обстоятельства, препятствующие исполнению обязательств и находящиеся вне контроля сторон.

Дополнительную сложность в оценке таких обстоятельств представляет вовлечение в международную торговлю компаний с государственным участием. В отношении подобных субъектов в международном коммерческом арбитраже был выработан особый подход, учитывающий их институциональную связь с государством и возможность влияния государства на их деятельность. Эти подходы получили теоретическое обоснование в работах немецкого учёного К. Х. Бёкштигеля и впоследствии нашли отражение в арбитражной практике.

Особую актуальность рассматриваемая проблематика приобрела в связи с принятием Российской Федерацией ответных мер на иностранные санкции, включая нормативные акты, напрямую затрагивающие порядок исполнения внешнеэкономических договоров. Рассмотрение таких актов в контексте форс-мажорных обстоятельств стало предметом анализа в международном арбитраже, наиболее значимым примером чего является дело *Gasum v. Gazprom Export*, в котором был поставлен вопрос о возможности освобождения стороны от ответственности вследствие исполнения обязательных предписаний национального законодательства.

Цель исследования – анализ возможности признания санкционных и контрсанкционных публично-правовых актов форс-мажорными обстоятельствами, а также исследование критериев их квалификации применительно к обществам с государственным участием.

Задачи – выявление подходов международного коммерческого арбитража к признанию публично-правовых актов обстоятельствами непреодолимой силы, а также оценка правовых выводов, сформулированных в деле *Gasum v. Gazprom Export*, с точки зрения их значения для дальнейшего развития арбитражной практики.

Гипотеза – санкционные и контрсанкционные публично-правовые акты могут признаваться форс-мажорными обстоятельствами в международном коммерческом арбитраже при условии соответствия установленным в международной практике критериям непредвиденности, неизбежности и неконтролируемости, а также при соблюдении дополнительных требований, применимых к обществам с государственным участием. Предполагается, что в деле *Gasum v. Gazprom Export* сформирован прецедентный подход к оценке контрсанкционных актов, который может быть использован в последующих арбитражных спорах с участием государственных или квазигосударственных компаний.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

В исследовании использованы общенаучные и частно-правовые методы познания, включая сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод, системный подход, метод правового моделирования, а также методы синтеза, обобщения и интерпретации правовых норм. Существенную роль сыграл анализ судебной практики, примененный при рассмотрении арбитражных дел, связанных с применением санкционных и контрсанкционных мер.

Эмпирическую базу исследования составили положения Венской конвенции 1980 г., нормативно-правовые акты Российской Федерации, включая контрсанкционные указы, а также практика международных и российских арбитражных институтов и научная литература по вопросам форс-мажорных обстоятельств и санкционных режимов.

Результаты и обсуждения

После начала Специальной военной операции в 2022 г., рядом иностранных государств были приняты экономические меры ограничительного характера по отношению как к Российской Федерации как государству, так и ее отдельным гражданам и инкорпорированным на территории РФ юридическим лицам, равно как и к ряду российских товаров и услуг. И хотя данные меры колоссальным образом повлияли на договорные отношения между российскими и западным контрагентами, абсолютное большинство санкционных режимов оставляют без ответа вопрос о судьбе обязательств, возникших из договоров, исполнение которых затронуто санкциями.

Несмотря на то, что из ст. 79 Венской Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – «Венская Конвенция») напрямую не следует, что санкционные (равно как и контрсанкционные) акты могут признаваться форс-мажорным обстоятельством, Консультативный Совет Венской Конвенции в своем Заключении № 20 отметил, что «[о]бъективные обстоятельства, препятствующие исполнению, обычно включают в себя […] вмешательство государства или физических лиц, например, новое законодательство, публично-правовые акты» [14]. Данная позиция подтверждается и в ведущем комментарии к Венской Конвенции: «вмешательство государства, препятствующее исполнению обязательств, как правило, находится вне сферы контроля сторон. Именно поэтому некоторые преимущественно немецкоязычные ученые считают, что освобождение от ответственности в соответствии со ст. 79 [Венской Конвенции] возможно в случаях введения квот, запретов на экспорт или импорт, нормирования товаров, валютного контроля или торговых запретов» [12]. Следует полагать, что при квалификации санкционных актов как форс-мажорных обстоятельств, их надлежит относить именно к «новому законодательству» и «публично-правовым актам».

Вместе с тем, в научных работах (а впоследствии и в арбитражной практике) был выработан особый подход в отношении освобождения от ответственности на основании публично-правового акта применительно к обществам с государственным участием и государственным компаниям. Как отмечается многими авторами, в международном торговом обороте недооценивается роль и количество таких обществ, посредством которых в ряде юрисдикций «многие отрасли промышленности и торговли частично, доминирующе или даже полностью контролируются государством» [4].

Впервые данная проблематика была затронута в 1984 г. в работе шведского ученого К. Х. Бёкштигеля «Применимые правовые нормы в международном коммерческом арбитраже с участием государств или контролируемых государством предприятий» [4]. В своем исследовании К. Х. Бёкштигель разработал категоризацию публично-правовых актов как форс-мажорных обстоятельств и применимых правил к ним (далее – «тест К.Х. Бёкштигеля»):

«*A. Публично-правовые акты в форме административных актов:*

I. В силу презумпции того, что государство не будет допускать, чтобы его исполнительные органы действовали в ущерб его собственным обществам, административные акты государства в принципе не должны рассматриваться как форс-мажорные обстоятельства.

2. Однако эта презумпция неприменима, если есть prima facie видимость или общество с государственным участием убедительно докажет, что административный акт носит общий характер и не связанным с данным договором или договором данного вида.

3. Несмотря на правило A 2, презумпция по A 1 вновь применима, если сторона докажет, что в ее конкретном случае общие соображения не были основной причиной издания публично-правового акта.

B. Публично-правовые акты в форме закона:

I. Если закон носит не общий характер, но регулирует специфические общественные отношения, применяются те же правила, что и в пункте A.

2. Закон общего характера, в силу его общего характера per definitionem, должен признаваться форс-мажорным обстоятельством.

3. Правило B 2 не применяется, однако, если сторона представит по крайней мере prima facie доказательства того, что в интересах государства было не выполнить свои договорные обязательства, и это сыграло определенную роль в принятии такого акта» [4].

Таким образом, в соответствии с тестом К. Х. Бёкштигеля, если публично-правовой акт был принят с целью регулирования конкретного договора, его исполнения или расторжения, презумпция заключается в том, что такой публично-правовой акт не должен рассматриваться как форс-мажорное обстоятельство, если только общество с государственным участием не докажет, что акт принимался из соображений регулирования неограниченного круга общественных отношений, не связанных напрямую с данным договором.

В своих последующих работах проф. Бёкштигель дополнил вышеуказанный тест еще одним критерием: неспособность общества с государственным участием исчерпать все средства правовой защиты для обжалования такого публично-правового акта может помешать ему ссылаться на наличие форс-мажорного обстоятельства или аналогичных институтов. В частности, проф. Бёкштигель отметил, что «[публично-правовой] *акт не может рассматриваться как форс-мажорное обстоятельство, если доказано, что сторона в установленном законом порядке или неофициально пыталась оспорить акт или его исполнение*», но «*допустима ситуация, когда сторона может нести ответственность за* [публично-правовой] *акт, поскольку доступные средства оспаривания акта не были исчерпаны*» [3].

Впоследствии тест К.Х. Бёкштигеля и возникшие на его основе научные работы будут восприняты арбитражной практикой и академическим сообществом [10, 5, 1, 11]. Следует заключить, что выводы данных исследований актуальны и применимы и на сегодняшний день.

До принятия антироссийских санкций в 2022 г. квалификация ограничительных мер экономического характера в качестве форс-мажорного обстоятельства ранее изучалась учеными. Так, в работе, исследующей правовую природу и правовые последствия санкций на договорные отношения, К. Брюннер отмечает, что в случае, если санкции влекут «незаконность», т.е. запрещают, исполнение, то их следует квалифицировать как форс-мажорное обстоятельство [6]. Мерседес Азередо Да Сильвейра, рассматривая в этом контексте договор поставки, приходит к выводу, что, если санкционным режимом запрещена поставка из государства, введшего санкции (прямо или косвенно), в государство, против которого направлены санкции, это может стать препятствием по смыслу ст. 79 Венской Конвенции для исполнения продавцом своего обязательства по поставке товаров [2].

Арбитражные решения, которые рассматривали бы подобным образом антироссийские санкции начали становиться публичными лишь в последнее время. Так, следует отметить решение по делу *Power Machines v. Vietnam Oil and Gas Group* [13]. Согласно фактическим обстоятельствам дела, в 2015 г., между АО «Силовые машины» и Vietnam Oil and Gas Group было заключено соглашение о строительстве тепловой электростанции во Вьетнаме. В 2018 г. АО «Силовые машины» было включено в санкционные списки США. Данное санкционирование запрещало всем гражданам и юридическим лицам США участвовать в сделках с участием АО «Силовые машины». В результате ряд субподрядчиков российской компании приостановил исполнение своих обязательств по субподрядам. Соответственно, 5 февраля 2018 года АО «Силовые машины» направило уведомление вьетнамскому обществу, в котором утверждалось, что введение санкций США представляет собой форс-мажорное обстоятельство, как оно определено в договоре. Однако, в результате, состав арбитража постановил, что введение санкций США не удовлетворяет договорным критериям форс-мажорного обстоятельства и отверг этот аргумент российского общества.

В этом отношении существует и примечательная практика спортивного арбитража. Так, в деле *Jarrell Isaiah Brantley v. Basketball Club Unics* Американский баскетболист Джаррелл Айзая Брентли заключил контракт с российским клубом «УНИКС» (Казань) на сезон 2021-2022 гг. После начала военных действий в Украине в феврале 2022 года игрок покинул Россию вместе с семьёй, руководствуясь рекомендациями посольства США и ссылаясь на угрозу безопасности [9]. Клуб расценил это как самовольное оставление команды и нарушение условий договора, после чего немедленно расторг контракт. Брентли обратился в Баскетбольный арбитражный трибунал с иском, утверждая, что его действия были оправданы положениями договора о форс-мажоре, поскольку военные действия и их последствия создавали объективно исключительные обстоятельства, делающие исполнение обязательств невозможным.

Однако, в практике крайне мало примеров рассмотрения российских контрсанкционных актов в контексте их квалификации как форс-мажорных обстоятельств.

В этой связи необходимо рассмотреть дело, значение решения по которому сложно переоценить для целей настоящей темы – *Gasum v. Gazprom Export* [8]. Данный спор, разрешенный в порядке арбитража, ка-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сался договора купли-продажи природного газа между финской компанией Gasum Oy и ООО «Газпром экспорт». Спор возник из-за принятия контрсанкционного Указа Президента РФ N 172, который обязывал иностранных покупателей природного газа оплачивать поставки газа в рублях [15], в то время как договором между сторонами валютой платежа был установлен евро. Во исполнение данного Указа, «Газпром экспорт» закрыл банковский счет, на который ранее производились платежи по договору в Евро, и выставил финской компании счет, запрашивая его оплату в порядке, установленном Указом N 172. Это привело к приостановке поставок газа по договору, поскольку Gasum настаивал на оплате счета исключительно в установленной договором валюте, а «Газпром экспорт» не мог соблюсти данное договорное условие, поскольку это нарушало бы предписания Указа N 172. В результате, «Газпром экспорт» заявил, что издание Указа N 172 являлось форс-мажорным обстоятельством, и потому российское общество освобождалось от ответственности за неисполнение договорного обязательства о принятии оплаты в евро.

Стороны прокомментировали критерии для признания форс-мажорного обстоятельства следующим образом:

Непредвиденность: Финское общество полагает, что любое негативное воздействие на российские государственные предприятия в незападных странах, является предсказуемым, и поэтому статья 79 Венской Конвенции не имеет отношения к этим сторонам в долгосрочных контрактах с западными партнерами.

Российское общество заявляло, что Указ № 172 не был предвидим на момент заключения договора, сторонам было практически невозможно предвидеть принятие Указа на момент заключения договора, в 1980-х годах, чтобы учесть его последствия и распределить соответствующие риски такой меры и утверждение об обратном совершенно коммерчески неразумно. Более того, «Газпром экспорт» заявил, что позиция Gasum приводит к тому, что незападные стороны, особенно государственные, всегда будут сталкиваться с неотъемлемым дисбалансом в любом заключаемом ими договоре. Им необходимо будет учитывать все исторические факторы и потенциальные риски, независимо от того, насколько они маловероятны, и четко отражать их в договоре. Такой подход был бы нелогичным и мог свести на нет десятилетия прогресса в области трансграничной торговли, коммерции и инвестиций.

Неизбежность: Финское общество заявляет, что «Газпром экспорт» участвовал в принятии Указа 172, следовательно, обстоятельство было в зоне контроля российского общества, а значит – не было неизбежным.

Позиция российского общества заключалась в том, что последствия Указа не могут быть обоснованно предотвращены или преодолены – российское общество не может преодолеть или избежать последствий Указа, поскольку он непосредственно применяется к договорам.

Неконтролируемость: Gasum утверждало, что принятие Указа № 172 не выходило за рамки контроля «Газпром экспорт», поскольку (1) , «Газпром экспорт» якобы фактически действует в рамках структуры российского государства в целях реализации государственных политических целей, а также того, что он принимал существенное участие в принятии Указа № 172, который был разработан специально для ее конкретного случая; и (2) российское государство является контролирующим акционером «Газпром экспорт».

«Газпром экспорт» же отвечало, что оно не является частью структуры российского государства, а действует как юридическое лицо. Так, российское общество не участвовало в принятии Указа № 172, и нет никаких доказательств обратного. В частности, принятие президентских указов находится в исключительной компетенции президента России и без обсуждения с частными лицами. Наконец, Указ № 172 не был разработан специально для конкретного случая. Указ № 172 имеет общее применение, представляет собой общий закон как по форме, так и по содержанию и был вызван общими соображениями защиты национальных интересов России.

Рассмотрев позиции сторон, состав арбитража пришел к следующему выводу в отношении применимости требований к форс-мажорным обстоятельствам к Указу N 172:

«После тщательного рассмотрения фактов и взвешивания аргументов Сторон, состав арбитража приходит к выводу, что в данном случае требования форс-мажора выполнены, поскольку действия правительства соответствуют трем необходимым требованиям:

- Непредвиденность: несомненно, что Указ был непредвиденным на момент подписания Сторонами договора в 1994 году, а также в 2019 году, когда было утверждено Дополнительное Соглашение № 17, и даже в 2021 году, когда было заключено последнее Дополнительное Соглашение к договору; Указ является прямым следствием санкций, введенных в отношении Российской Федерации после начала российско-украинского конфликта;

- Неизбежность: Указ 172 является *jus cogens*; несоблюдение «Газпром экспорт» условий Указа может повлечь за собой штрафные меры со стороны государства; кроме того, Российская Центральная энергети-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ческая таможня, которая контролирует исполнение, прямо запретила «Газпром экспорт» поставлять газ Gasum; и

- Неконтролируемость: Указ является нормой общего применения, изданной Президентом Российской Федерации; издание норм общего применения является прерогативой государства; как таковое, оно не поддается контролю со стороны компании, зарегистрированной на Московской фондовой бирже, как это имеет место в случае с ПАО «Газпром» [8].

Аналогичные выводы известны и в российской арбитражной практике. Так, в деле No. D7209-23, рассмотренном в Российском Арбитражном Центре (РАЦ), состав арбитража пришел к выводу, что санкции ЕС, запрещавшие европейским компаниям поставлять товары российской стороне, составляли форс-мажорные обстоятельства и оправдывали неисполнение российским обществом договорных обязательств [7]. Состав арбитража уточнил что учитывая критерии чрезвычайности, непредотвратимости и внешнего характера, что сами по себе политические и экономические санкции против России относятся к обстоятельствам непреодолимой силы, поскольку любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий, то есть одной из характеристик обстоятельств непреодолимой силы.

Рассмотрев особенности применения договорных положений о форс-мажорных обстоятельствах и критериях Венской Конвенции, следует перейти к особенностям применения теста К. Х. Бёкштигеля к санкционным и контрсанкционным актам. Далее будет рассмотрен каждый из элементов теста К. Х. Бёкштигеля в актуальной практике:

Публично-правовой акт носит общий характер: данный элемент теста был подробно рассмотрен в ранее упомянутом споре *Gasum v. Gazprom Export*. Финская компания утверждала, что Указ № 172 был принят для оказания давления на европейские государства путем использования поставок газа. Напротив, российская сторона утверждает, что Указ № 172 был ответом на санкции ЕС, принятые для обеспечения безопасности платежных переводов и защиты национальной валюты и экономики России в целом.

С точки зрения «Газпром экспорт», Указ № 172 является типичным примером меры, мотивированной общими соображениями государственного суверенитета. Так, Указ № 172 является частью антисанкционной политики России, направленной на защиту национальных интересов России. В ответ на санкции ЕС он предотвращает внесудебное замораживание доходов от продажи газа. Указ № 172 обеспечивает безопасную передачу платежей за газ, которые составляют значительный источник налоговых поступлений и экспортной валютной выручки в России. Указ № 172 стабилизировал курс рубля и защитил российскую экономику в целом. Таким образом, Указ № 172, несомненно, является суверенным актом России, мотивированным общими соображениями, не связанными с коммерческими интересами российской стороны, с чем в конечном итоге согласился и состав арбитража.

Наличие prima facie доказательств в незаинтересованности государства/государственных органов в невозможности исполнения обществом договорных обязательств вследствие публично-правового акта: в деле *Gasum v. Gazprom Export* не оценивалась заинтересованность Российской Федерации в невозможности исполнения «Газпром экспорт» своих обязательств. Однако, данное дело демонстрируют, что в первую очередь в неисполнении не был заинтересован сам «Газпром экспорт». Ведь сам этот арбитраж является доказательством того, что Указ 172 и вытекающие из него последствия нанесли ущерб российской стороне – она потеряла прибыль из-за того, что Gasum (наверняка не единственный иностранный контрагент, поступивший таким образом) отказался подчиняться требованиям Указа [8].

Самостоятельная правосубъектность общества с государственным участием: аналогично, Gasum утверждал, что «Газпром экспорт» не может ссылаться на публично-правовые акты Российской Федерации, поскольку материнское общество «Газпром экспорт» является обществом с государственным участием и якобы представляет собой часть структуры государства, действующую под его контролем в качестве инструмента для реализации государственной политики. Кроме того, финское общество заявляло, что российская сторона не может ссылаться на акты своего собственного контролирующего акционера. Данная позиция несостоятельна по целому ряду причин.

Российское же общество заявляло, что в соответствии с российским правом «Газпром экспорт», обладает самостоятельной правосубъектностью, которая не может быть проигнорирована. Более того, как и любое юридическое лицо, «Газпром экспорт», преследует свою основную цель – извлечение прибыли для своих акционеров, а также владеет обособленным имуществом, несёт самостоятельную имущественную ответственность и имеет независимые органы управления. Наконец, «Газпром экспорт» не является частью системы органов государственной власти Российской Федерации и не наделено какими-либо публично-властными полномочиями.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

На основании вышеуказанного следует резюмировать, что российские общества могут успешно отстаивать позицию о признании российских контрсанкционных актов в качестве форс-мажорного обстоятельства при соответствии таких актов признакам форс-мажорного обстоятельства, установленным применимым правом или Венской Конвенцией (в случае ее применимости). Порог доказывания для российских обществ с государственным участием несколько выше: им предстоит соответствовать тесту К. Х. Бёкштигеля и подтвердить следующее:

1. контрсанкционный акт регулирует широкий круг общественных отношений;
2. имеют место *prima facie* доказательства в незаинтересованности государства/государственных органов в невозможности исполнения обществом договорных обязательств вследствие принятия контрсанкционного акта;
3. российское общество с государственным участием не находится под контролем государства/государственных органов; и, факультативно:
4. общество с государственным участием исчерпало внутригосударственные средств правовой защиты для отмены контрсанкционного акта.

Список источников

1. Arab Rep. of Egypt v. S. Pac. Prop. Ltd. and S. Pac. Prop. (Middle East) Ltd., 86 I.L.R. 475 (1984); Final Award on the ICC Case No. 18051/CYK. 14 September 2015 // СПС «JusMundi». URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-devas-multimedia-private-limited-v-antrix-corporation-limited-award-monday-14th-september-2015?su=httpsFjusmundi.comFenFsearchFqueryDFinalAwardontheICCCaseNo.pageangDen&contents[0]=en (дата обращения: 27.03.2025)

2. Azeredo Da Silveira M. Chapter 7: Economic Sanctions, Force Majeure and Hardship // Hardship and Force Majeure in International Commercial Contracts: Dealing with Unforeseen Events in a Changing World / ed. by F. Bortolotti, D.U. Ufot. Dossiers of the ICC Institute of World Business Law. Vol. 17. The Hague: Kluwer Law International; International Chamber of Commerce (ICC), 2018.

3. Böckstiegel K.H. Enterprise v. State: the New David and Goliath. Arbitration International. 2007. Vol. 23. Issue 1. LCIA.

4. Böckstiegel K. H. The Legal Rules Applicable in International Commercial Arbitration Involving States or State-controlled Enterprises. ICC Court of Arbitration 60th Anniversary Conference Proceedings. Paris. May 1984.

5. Bouchez L. J. Prospects for International Arbitration: Disputes between States and Private Enterprises. Journal of International Arbitration. Vol. 8. Issue 1. 1991.

6. Brunner C. Force Majeure and Hardship under General Contract Principles: Exemption for Non-performance in International Arbitration. 2008.

7. Claimant v. Respondent. Арбитражное решение РАЦ. 3 июля 2023 // СПС «Jusmundi». URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/ru-claimant-v-respondent-arbitrazhnoe-peshenie-monday-3rd-july-2023 (дата обращения: 27.10.2025)

8. Gasum v. Gazprom Export, Final Award dated 14 November 2022 // СПС «JusMundi». URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-gasum-oy-v-gazprom-export-party-representatives (дата обращения: 20.10.2025)

9. Jarrell Isaiah Brantley v. Basketball Club UNICS. Arbitral Award. 9 November 2022 // СПС «JusMundi». URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-jarrell-isaiah-brantley-v-basketball-club-unics-arbitral-award-wednesday-9th-november-2022 (дата обращения: 27.10.2025)

10. Maravilla C. S. The Ability of a State-Owned Enterprise to Declare Force Majeure Based Upon Actions of the State. The Journal of International and Comparative Law at Chicago-Kent. 2002. Vol. 2.

11. Phillips Petroleum Company Venezuela Limited, Conocophillips Petrozuata B.V. v. Petroleos De Venezuela, S.A., Corpoguanipa, S.A., PDVSA Petroleo, S.A., ICC Case No. 20549/ASM/JPA (C-20550/ASM). Final Award. 24 April 2018. // СПС «JusMundi». URL: https://jusmundi.com/en/document/other/en-phillips-petroleum-company-venezuela-limited-conocophillips-petrozuata-b-v-v-petroleos-de-venezuela-s-a-corpoguanipa-s-a-pdvsa-petroleo-s-a-request-for-arbitration-phillips-petroleum-company-venezuela-limited-friday-10th-october-2014?su=FenFsearchFqueryDPhillipsPetroleumCompanyVenezuelaLimitedConocophillipsPetrozuataB.V.v.2520PetroleosDeVenezuelapageangDen&contents[0]=en (дата обращения: 27.03.2025)

12. Schlechtriem P., Schwenzer I. Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG). 5th Ed. 2022.

13. Vietnam Oil and Gas Group v Joint Stock Company (Power Machines – ZTL, LMZ, Electrosila Energomachexport) [2025] SGCA 50 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2025_SGCA_50 (дата обращения: 17.10.2025)

14. Заключение Консультативного Совета Венской Конвенции № 20. Затруднения по Венской Конвенции. Принято Консультативным Советом Венской Конвенции на 27-м заседании, состоявшемся в Пуэрто-Вальярте, Мексика. 2 февраля 2020 года. С. 16.

15. Указ Президента РФ от 31 марта 2022 г. № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415872/ (дата обращения: 10.10.2025)

References

1. Arab Rep. of Egypt v. S.Pac. Prop. Ltd. and S. Pac. Prop. (Middle East) Ltd., 86 I.L.R. 475 (1984); Final Award on the ICC Case No. 18051/CYK. 14 September 2015. ATP “JusMundi”. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-devas-multimedia-private-limited-v-antrix-corporation-limited-award-monday-14th-September-2015?su=httpsFjusmundi.comFenFsearchFqueryDFinalAwardontheICCCaseNo.pageangDen&contents[0]=en (date of access: 03.27.2025)

2. Azeredo Da Silveira M. Chapter 7: Economic Sanctions, Force Majeure and Hardship. Hardship and Force Majeure in International Commercial Contracts: Dealing with Unforeseen Events in a Changing World. Ed. by F. Bortolotti, D.U. Ufot. Dossiers of the ICC Institute of World Business Law. Vol. 17. The Hague: Kluwer Law International; International Chamber of Commerce (ICC), 2018.

3. Böckstiegel K.H. Enterprise v. State: the New David and Goliath. Arbitration International. 2007. Vol. 23. Issue 1. LCIA.

4. Böckstiegel K. H. The Legal Rules Applicable in International Commercial Arbitration Involving States or State-controlled Enterprises. ICC Court of Arbitration 60th Anniversary Conference Proceedings. Paris. May 1984.

5. Bouchez L. J. Prospects for International Arbitration: Disputes between States and Private Enterprises. Journal of International Arbitration. Vol. 8. Issue 1. 1991.

6. Brunner C. Force Majeure and Hardship under General Contract Principles: Exemption for Non-performance in International Arbitration. 2008.

7. Claimant v. Respondent. Arbitration Award of the RAC. July 3, 2023. SPS "Jusmundi". URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/ru-claimant-v-respondent-arbitrazhnoe-peshenie-monday-3rd-july-2023 (date of access: 10.27.2025)

8. Gasum v. Gazprom Export, Final Award dated November 14, 2022. SPS "JusMundi". URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-gasum-oy-v-gazprom-export-party-representatives (date of access: 10.20.2025)

9. Jarrell Isaiah Brantley v. Basketball Club UNICS. Arbitral Award. November 9, 2022. SPS "JusMun-di". URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-jarrell-isaiah-brantley-v-basketball-club-unics-arbitral-award-wednesday-9th-november-2022 (date of access: 10.27.2025)

10. Maravilla C.S. The Ability of a State-Owned Enterprise to Declare Force Majeure Based Upon Actions of the State. The Journal of International and Comparative Law at Chicago-Kent. 2002. Vol. 2.

11. Phillips Petroleum Company Venezuela Limited, Conocophillips Petrozuata B.V. v. Petroleos De Venezuela, S.A., Corpoguanipa, S.A., PDVSA Petroleo, S.A., ICC Case No. 20549/ASM/JPA (C-20550/ASM). Final Award. 24 April 2018. ATP “JusMundi”. URL: https://jusmundi.com/en/document/other/en-phillips-petroleum-company-venezuela-limited-conocophillips-petrozuata-b-v-v-petroleos-de-venezuela-s-a-corpoguanipa-s-a-pdvsa-petroleo-s-a-request-for-arbitration-phillips-petroleum-company-venezuela-limited-friday-10th-october-2014?su=FenFsearchFqueryDPhillipsPetroleumCompanyVenezuelaLimitedConocophillipsPetrozuataB.V.v.2520PetroleosDeVenezuelapageangDen&contents[0]=en (date of access: 27.03.2025)

12. Schlechtriem P., Schwenzer I. Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG). 5th Ed. 2022.

13. Vietnam Oil and Gas Group v Joint Stock Company (Power Machines – ZTL, LMZ, Electrosila Energomachexport) [2025] SGCA 50 [Electronic resource]. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2025_SGCA_50 (date of access: 17.10.2025)

14. Opinion of the Vienna Convention Advisory Council No. 20. Difficulties under the Vienna Convention. Adopted by the Vienna Convention Advisory Council at its 27th meeting, held in Puerto Vallarta, Mexico. February 2, 2020. P. 16.

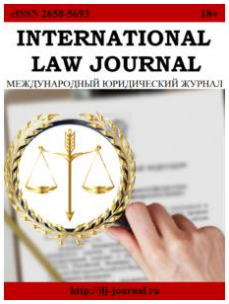
15. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2022 No. 172 "On the special procedure for the fulfillment of obligations by foreign buyers to Russian suppliers of natural gas" [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415872/ (date of access: 10.10.2025)

Информация об авторе

Жолоб Д.В., аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-0440-4443; младший юрист, Адвокатское Бюро «Дякин, Горцунян и Партнеры», jolob.den@yandex.ru

© Жолоб Д.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.464
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-77-81

Злоупотребление договором ренты как способ обхода наследственного права: проблемы правоприменения

[1] Кривицкая Ю.С., Коваль Т.И.,
[1] Донской государственный технический университет

Аннотация: *актуальность исследования, посвящённого правовой природе и современному применению договора ренты, обусловлена комплексом социально-экономических и юридических факторов, определяющих необходимость совершенствования регулирования данного института. В условиях трансформации имущественных отношений и роста числа гражданско-правовых сделок, связанных с передачей собственности, договор ренты приобретает особое значение как инструмент обеспечения пожилых и социально уязвимых лиц средствами к существованию. Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, использование рентных соглашений нередко сопровождается злоупотреблениями, направленными на обход норм наследственного права и лишение наследников их законных прав, следовательно, исследование данного вопроса имеет не только теоретическую, но и значимую практическую направленность. Кроме того, анализ норм главы 33 Гражданского кодекса РФ позволяет утверждать, что существующие законодательные конструкции не в полной мере гарантируют защиту интересов получателей ренты, в частности, отсутствие эффективного механизма контроля за добросовестностью контрагентов создаёт предпосылки для деформации социального назначения данного договора, в связи с чем возникает объективная необходимость в оценке действующих правовых норм и формулированию предложений по их совершенствованию.*

Ключевые слова: *договор ренты, наследство, наследственное право, проблемы правоприменения, право собственности, злоупотребление имущественным правом, свобода гражданского оборота*

Для цитирования: Кривицкая Ю.С., Коваль Т.И. Злоупотребление договором ренты как способ обхода наследственного права: проблемы правоприменения // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 77 – 81. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-77-81

Поступила в редакцию: 25 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Abuse of the rent agreement as a way to bypass inheritance law: problems of law enforcement

[1] Krivitskaya Yu.S., Koval T.I.,
[1] Don State Technical University

Abstract: *the relevance of the study on the legal nature and modern application of the rent agreement is due to a complex of socio-economic and legal factors that determine the need to improve the regulation of this institution. In the context of the transformation of property relations and the growing number of civil law transactions related to the transfer of property, the rent agreement becomes particularly important as a tool for providing livelihoods for the elderly and socially vulnerable individuals. However, as law enforcement practice shows, the use of rent agreements is often accompanied by abuses aimed at circumventing the rules of inheritance law and depriving heirs of their legal rights. Therefore, the study of this issue is not only theoretically important, but also has significant practical implications. In addition, an analysis of the provisions of Chapter 33 of the Civil Code of the Rus-*

sian Federation allows us to conclude that the existing legal structures do not fully guarantee the protection of the interests of the recipients of rent. In particular, the lack of an effective mechanism for monitoring the good faith of counterparties creates the preconditions for the distortion of the social purpose of this contract, which necessitates an assessment of the current legal norms and the formulation of proposals for their improvement.

Keywords: *rent agreement, inheritance, inheritance law, law enforcement issues, property rights, abuse of property rights, freedom of civil circulation*

For citation: Krivitskaya Yu.S., Koval T.I. Abuse of the rent agreement as a way to bypass inheritance law: problems of law enforcement. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 77 – 81. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-77-81

The article was submitted: January 24, 2026; Approved after reviewing: March 22, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Договор ренты (включая договор пожизненного содержания с иждивением) представляет собой социально-правовой институт, сочетающий в себе элементы возмездности и доверительного характера, так как его ключевая особенность – передача имущества рентополучателем в собственность плательщику ренты на момент заключения договора, при условии взамен последующей периодической выплаты (полного или частичного содержания) по договору. При этом закон допускает различные виды ренты: постоянную (бессрочную) или пожизненную (включая специальный договор с иждивением), в частности, по договору пожизненного содержания с иждивением (ст. 601 ГК РФ) [1] гражданин передаёт жилой дом, квартиру или иной объект недвижимости в собственность рентоплательщика, который обязуется осуществлять его пожизненное содержание. Следует отметить, что переход права собственности на переданное имущество, который происходит сразу при заключении договора, порождает правовую неоднозначность, в соответствии с которой передаваемое в собственность имущество не может войти в его наследственную массу после смерти рентополучателя, что и порождает потенциально конфликтную ситуацию между договором ренты и наследственными правами [2].

Отдельное значение в правовом регулировании института пожизненной ренты с иждивением имеет вопрос о содержании и объеме обязанностей плательщика ренты, поскольку основная специфика данного вида договора заключается в том, что понятие «иждивение» предусматривает не только финансовые выплаты рентополучателю, но и иные формы его физического и морального обеспечения, перечень которых не урегулирован ни законом, ни судебной практикой, из чего вытекает вывод о широкой свободе усмотрения сторон при определении объёма соответствующих обязанностей. С одной стороны, это предоставляет получателю ренты возможность требовать включения в содержание всех расходов, которые он считает необходимыми для поддержания достойного уровня жизни, тогда как с другой стороны, подобная неопределённость может породить споры относительно соразмерности требований и обязанностей сторон [3].

Материалы и методы исследований

В этой связи представляется целесообразным учитывать принцип свободы договора, закреплённый в Гражданском кодексе Российской Федерации, который позволяет участникам гражданско-правовых отношений самостоятельно устанавливать конкретные условия исполнения договора, включая перечень расходов, составляющих содержание с иждивением, продиктованных принципом стоимостной соразмерности потребностей рентополучателя и передаваемого рентоплательщику недвижимого имущества.

Как видится, это не только способствует повышению правовой определённости, но и обеспечивает баланс интересов сторон, предотвращая возможные конфликты и обеспечивая реализацию принципа добросовестности в гражданско-правовых отношениях [4].

Исходя из толкования Определения Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1293-О [5], следует сказать, что договор ренты можно отнести к «рисковым сделкам», поскольку риск особенно велик для социально уязвимого человека, передающего имущество чужому лицу, однако даже при сделках с родственниками риск остается, так как отсутствие гарантий добросовестного исполнения условий договора дает право получателю ренты требовать соблюдения договорных обязательств или расторжения договора, поэтому закон и практика придают большое значение защите получателя ренты. В то же время А.В. Белозеров подчеркивает, что договор ренты базируется на доверии сторон, поэтому его можно отнести к фидуциарным сделкам [6]. Как видится, этот договор действительно часто заключается между близкими людьми, и

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

его добросовестность в значительной степени зависит от нравственных качеств плательщика, однако доверие – крайне субъективный критерий, что затрудняет его законодательное регулирование. На практике договор ренты становится проблемной зоной при попытках отдалить или лишить других наследников законных прав на имущество, так как часто такие договоры используются в роли альтернативы завещанию, позволяя передать недвижимое имущество «в обход» процедуры наследования [7].

Результаты и обсуждения

Исходя из выявленных проблем, эффективным представляется усиление контроля при заключении договоров ренты по ряду направлений.

1. Усиление нотариального надзора. Закон (ст. 584 ГК РФ) уже предусматривает обязательное нотариальное удостоверение договора ренты, однако важным условием выполнения этой нормы является полноценное разъяснение нотариусом всех правовых последствий сделки для рентополучателя и, при необходимости, его ближайших родственников. Нотариус должен тщательно проверять дееспособность рентополучателя, уточнять, нет ли на него давления, разъяснять, что недвижимое имущество сразу перейдёт к другой стороне. Выступая гарантом добросовестности сделки, нотариус обязан добиться понимания договора и удостоверить реальную волю сторон, что обеспечит двустороннюю защиту – как рентоплательщика (предотвращение последующих претензий), так и рентополучателя (учитывая его физическое и ментальное состояние), кроме того, необходимо обязательное разъяснение о разнице между договором ренты и дарения или наследования.
2. Дополнительные гарантии дееспособности и воли. При заключении договора ренты необходимо вводить отдельные процедуры проверки психического состояния и самостоятельности воли пожилых граждан, например, требовать проведения медицинского освидетельствования или присутствия представителей опеки в случаях, когда рентополучатель пожилой и одинокий.
3. Концепция «условной регистрации» права собственности. В юридической литературе обсуждается идея особой формы оформления сделок с пожизненным содержанием, в частности, предлагается реализовать схожий механизм с «условным завещательным отказом», в рамках которого после нотариального заключения договора сразу регистрировать договор и обременение квартиры, но отсрочить окончательный переход права собственности до смерти рентополучателя [8]. Это означало бы, что рентополучатель формально остаётся собственником при жизни, а плательщик получает лишь обременённое право на него (с фиксированной обязанностью по содержанию). Как видится, такой механизм позволил бы сохранить контроль над недвижимостью до выполнения обязательств и не лишил бы наследников сразу возможных прав (аналогично тому, как завещательный отказ предоставляет имущество в будущем).
4. Совершенствование судебной практики и расширение оснований оспаривания. Необходимо дальнейшее развитие формулировок судебной практики по договорам ренты, а также широкое использование уже существующих норм о недействительности сделок. В частности, стоит активнее применять положения ст. 178 и 179 ГК РФ, которые прямо предусматривают, что сделка, совершённая под влиянием существенного заблуждения или обмана, может быть признана недействительной. Если в договорах ренты выявляется, что рентополучатель был введён в заблуждение (например, по поводу суммы содержания) или что плательщик умолчал о своих финансовых или семейных обстоятельствах (что может расцениваться как обман), суд должен рассматривать иск о недействительности [9]. По ст. 178 ГК РФ сделка под влиянием заблуждения может быть отменена, если получатель ренты при знании всех обстоятельств «разумно и объективно» не заключил бы её. Аналогично по ст. 179 ГК РФ сделка, совершённая под влиянием обмана (которым считается умолчание о существенном для волеизъявления), подлежит отмене по иску потерпевшего. На практике это означает, что наследники могут оспорить договор, если докажут, что рентополучатель недопустимо доверял плательщику, не понимал условий или был обманут.
5. Расширение ответственности за злоупотребление доверием. Важно дать судам и органам опеки дополнительные инструменты защиты рентополучателей. Необходимо ужесточить ответственность за недобросовестное поведение плательщика, в частности, вводя уголовно-правовые или административные меры за мошенничество при оформлении ренты [10]. Российское право уже предусматривает ответственность за мошенничество (ст. 159 УК РФ), но иногда такие случаи трактуются исключительно как гражданско-правовые споры. Если же официально признать схемы «незаконного завладения имуществом через ренту» составом преступления, это создаст более строгий барьер, обеспечивающий правомерность использования рассматриваемого вида договоров.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Выводы

Таким образом договором ренты часто используется не по прямому назначению, а как инструмент для обхода норм наследственного права. На практике это проявляется в том, что имущество, которое должно было бы перейти к наследникам по закону или по завещанию, отчуждается по договору ренты, зачастую с минимальными или формальными выплатами, что фактически лишает наследников их прав на наследство.

Важно собирать доказательства недобросовестности плательщика или фиктивности сделки (свидетельские показания, документы о выплатах, медицинские справки о состоянии здоровья получателя ренты).

Наследникам рекомендуется при подозрении на злоупотребление договором ренты немедленно обратиться в уполномоченные органы для защиты своих прав и интересов.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

2. Лазарева Е.В. Пожизненная рента в гражданском праве России: автореф. дис. … к.ю.н. Томск, 2005. 12 с.

3. Фадеев А.В. Проблемы института договора пожизненной ренты // Вопросы экономики и права. 2023. № 7 (181). С. 40 – 46.

4. Андреев Ю.Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография. Москва: ИНФРА-М, 2023. 272 с.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1293-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Репиной Светланы Алексеевны на нарушение ее конституционных прав главой 33 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30052023-n-1293-o/ (дата обращения: 05.11.2025)

6. Белозеров А.В., Дехтярь И.Н., Гаврилов В.Н., Симонихин В.С. Особенности злоупотребления правом в отдельных видах гражданских правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 124 – 126.

7. Вавилин Е.В., Родионова О.М. Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики: монография. Москва: Статут, 2024. 482 с.

8. Вантеева А.С. Злоупотребление субъективным гражданским правом: сущность и механизм осуществления // Социальная компетентность. 2023. № 8(1). С. 4 – 19.

9. Мусалов М.А. Договорное право: актуальные проблемы и судебная практика // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 187 – 190.

10. Милинчук Д.С. Коллизии как одна из причин препятствий для создания единообразного применения норм права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 133 – 139.

References

1. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation, No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on June 24, 2025). Collected Legislation of the Russian Federation. January 29, 1996. No. 5. Article 410.

2. Lazareva E.V. Lifetime Annuity in Russian Civil Law: Abstract of Candidate of Law's Dissertation. Tomsk, 2005. 12 p.

3. Fadeev A.V. Problems of the Lifetime Annuity Contract. Issues of Economics and Law. 2023. No. 7 (181). P. 40 – 46.

4. Andreev Yu.N. Contract in Russian Civil Law: Comparative Legal Study: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2023. 272 p.

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 30, 2023 No. 1293-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Svetlana Alekseevna Repina Regarding the Violation of Her Constitutional Rights by Chapter 33 of the Civil Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30052023-n-1293-o/ (date of access: 11.05.2025)

6. Belozerov A.V., Dekhtyar I.N., Gavrilov V.N., Simonikhin V.S. Features of Abuse of Rights in Certain Types of Civil Legal Relations. Law and State: Theory and Practice. 2022. No. 4 (208). P. 124 – 126.

7. Vavilin E.V., Rodionova O.M. Modern Civil and Family Law: Prospects for the Development of Doctrine, Legislation, and Law Enforcement Practice: Monograph. Moscow: Statut, 2024. 482 p.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

8. Vanteeva A.S. Abuse of Subjective Civil Right: Essence and Mechanism of Implementation. Social Competence. 2023. No. 8(1). P. 4 – 19.
9. Musalov M.A. Contract Law: Current Issues and Judicial Practice. Agrarian and Land Law. 2024. No. 4 (232). P. 187 – 190.
10. Milinchuk D.S. Conflicts as one of the reasons for obstacles to creating a uniform application of legal norms in Russia. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2018. No. 3. P. 133 – 139.

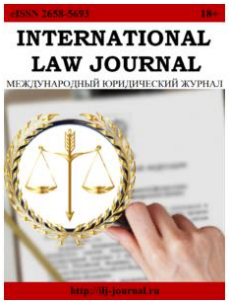
Информация об авторах

Кривицкая Ю.С., старший преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0007-8676-1271, Донской государственный технический университет, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д. 162, корпус 25, julia-424@yandex.ru

Коваль Т.И., старший преподаватель, Донской государственный технический университет, 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, д. 162, корпус 25, a88koval@gmail.com

© Кривицкая Ю.С., Коваль Т.И., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.62
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-82-88

Ответственность сторон по договору транспортной экспедиции

[1, 2] Скворцова Т.А., [1] Манукян М.А.,
[1] Ростовский государственный университет путей сообщения,
[2] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: *в статье исследуются теоретические и практические вопросы ответственности сторон по договору транспортной экспедиции. Рассматриваются основные доктринальные подходы к определению правовой природы договора транспортной экспедиции, включая его понимание как самостоятельного гражданско-правового договора, как разновидности посреднических обязательств, а также как комплексного договора, сочетающего элементы различных договорных конструкций. На этой основе раскрывается специфика ответственности экспедитора и клиента. Особое внимание уделяется ответственности экспедитора за утрату, недостачу и повреждение груза, за нарушение срока исполнения обязательств, а также ответственности клиента за непредставление необходимой информации, неоплату расходов и просрочку внесения вознаграждения. Исследуются проблемные вопросы распределения рисков между клиентом, экспедитором, перевозчиком и иными привлеченными лицами. Обосновывается необходимость совершенствования действующего законодательства путем более четкого закрепления статуса экспедитора как основного договорного должника перед клиентом и уточнения правовых последствий нарушения сторонами обязанностей по предоставлению информации.*

Ключевые слова*: договор транспортной экспедиции, экспедитор, клиент, ответственность сторон, убытки, утрата груза, просрочка исполнения*

Для цитирования: Скворцова Т.А., Манукян М.А. Ответственность сторон по договору транспортной экспедиции // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 82 – 88. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-82-88

Поступила в редакцию: 26 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Liability of the parties under the freight forwarding agreement

[1, 2] Skvortsova T.A., [1] Manukyan M.A.,
[1] Rostov State Transport University,
[2] Rostov State University of Economics

Abstract: *this article examines the theoretical and practical aspects of the parties' liability under a freight forwarding contract. It examines the main doctrinal approaches to defining the legal nature of a freight forwarding contract, including its understanding as an independent civil law contract, as a type of intermediary obligation, and as a complex contract combining elements of various contractual structures. Based on this, the specific responsibilities of the freight forwarder and client are revealed. Particular attention is given to the freight forwarder's liability for loss, shortage, and damage to cargo, for failure to fulfill obligations on time, as well as the client's liability for failure to provide necessary information, non-payment of expenses, and late payment of remuneration. The article also examines the problematic issues of risk allocation between the client, freight forwarder, carrier, and other parties involved. The need to improve the current legislation by more clearly defining the status of the*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

forwarder as the main contractual debtor to the client and clarifying the legal consequences of the parties' violation of their obligations to provide information is substantiated.

Keywords: *freight forwarding agreement, forwarder, client, liability of the parties, damages, loss of cargo, delay in performance*

For citation: Skvortsova T.A., Manukyan M.A. Liability of the parties under the freight forwarding agreement. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 82 – 88. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-82-88

The article was submitted: January 26, 2026; Approved after reviewing: March 24, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Договор транспортной экспедиции закреплен в российском гражданском законодательстве как самостоятельная договорная конструкция, предназначенная для правового оформления услуг, связанных с перевозкой груза. Его нормативная модель построена таким образом, что экспедитор за вознаграждение и за счет клиента выполняет либо организует выполнение услуг, обеспечивающих перевозочный процесс. Уже на уровне легального определения видна двойственность поведения экспедитора: он может совершать как фактические действия, так и юридические действия, а также координировать деятельность иных участников транспортной цепочки. Правильное понимание правовой природы этого договора имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку от квалификации отношений зависит круг подлежащих применению норм, режим распределения рисков и пределы ответственности сторон. Верховный Суд Российской Федерации исходит из того, что разграничение перевозки и транспортной экспедиции должно осуществляться по содержанию принятого на себя обязательства: если лицо обязуется доставить груз в пункт назначения и выдать его получателю, речь идет о перевозке; если же оно принимает на себя обязанность выполнить или организовать выполнение услуг, связанных с перевозкой, отношения квалифицируются как транспортная экспедиция [4].

В доктрине отсутствует полное единство взглядов на сущность договора транспортной экспедиции. Одна группа авторов рассматривает его как самостоятельный гражданско-правовой договор в сфере транспортных услуг, имеющий собственный предмет и специальную хозяйственную цель [7]. Другая группа исследователей склонна рассматривать транспортную экспедицию прежде всего как разновидность посреднических обязательств, близкую к поручению, комиссии или агентированию, поскольку экспедитор во многих случаях действует в чужом интересе и может заключать сделки от имени клиента либо от собственного имени [8]. Представляется, что наиболее убедительной является позиция, согласно которой договор транспортной экспедиции следует признавать самостоятельным договором с комплексным содержанием. Именно данное понимание позволяет наиболее последовательно решить вопрос об ответственности сторон.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе действующего законодательства, доктрины и судебной практики определить сущность ответственности сторон по договору транспортной экспедиции, выявить основные проблемные вопросы правоприменения и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Задачи: установить место договора транспортной экспедиции в системе транспортных обязательств, проанализировать основные подходы к ответственности экспедитора, исследовать ответственность клиента и оценить влияние новых законодательных изменений на распределение рисков между сторонами.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что договорная ответственность экспедитора в современном российском праве должна рассматриваться преимущественно через модель ответственности основного должника перед клиентом за весь организованный им транспортно-логистический процесс, а не через производную от ответственности перевозчика конструкцию; закрепление такого подхода в законодательстве позволит устранить существующие коллизии правоприменения.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено с использованием формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов. Проанализированы нормы главы 41 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), положения Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности», изменения, внесенные Федеральным законом от 07.06.2025 № 140-ФЗ [2] (далее – Закон о транспортно-экспедиционной деятельности), разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и ар-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

битражная практика. В качестве доктринальной базы использованы труды, посвященные правовой природе договора транспортной экспедиции и особенностям ответственности экспедитора. Эмпирическую основу работы составили судебные акты.

Результаты и обсуждения

Проблема ответственности сторон по договору транспортной экспедиции тесно связана с вопросом о сущности самого договора. Если исходить из того, что экспедитор является лишь посредником, действующим между клиентом и перевозчиком, его ответственность логично ограничивать рамками совершения юридических действий и степенью осмотрительности при выборе исполнителей. Если же признавать экспедитора самостоятельным должником по обязательству об организации перевозочного процесса, то ответственность должна охватывать весь комплекс действий, которые входят в согласованную модель экспедиционного обслуживания. Современное законодательство и судебная практика в большей степени ориентируются именно на второй подход. Статья 803 ГК РФ устанавливает, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору транспортной экспедиции экспедитор и клиент несут ответственность по общим основаниям, предусмотренным главой 25 ГК РФ. Одновременно специальное регулирование содержится в статьях 6–11 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности. Тем самым законодатель выстраивает двухуровневую модель ответственности: общий гражданско-правовой режим дополняется специальными правилами для отдельных видов нарушений. На это справедливо обращается внимание в литературе: специфика транспортной экспедиции состоит не в полном вытеснении общих правил, а в их модификации применительно к перевозочному процессу [9].

Ключевое значение для определения ответственности экспедитора имеет статья 805 ГК РФ, согласно которой экспедитор вправе возложить исполнение своих обязанностей на третье лицо, если из договора не следует обязанность личного исполнения, однако такое возложение не освобождает его от ответственности перед клиентом. Эта норма выражает фундаментальный принцип: перед клиентом экспедитор остается основным договорным должником, даже если фактические операции осуществляются перевозчиком, складом, терминалом либо иным привлеченным лицом. Верховный Суд РФ последовательно поддерживает такой подход и исходит из того, что экспедитор несет ответственность за утрату груза, допущенную привлеченным им лицом, в том числе когда он не воспользовался предусмотренным договором правом мотивированного отказа от исполнения поручения клиента [5].

Именно в этой точке обнаруживается первая крупная проблема действующего регулирования. С одной стороны, статья 805 ГК РФ закрепляет принцип полной договорной ответственности экспедитора перед клиентом за действия привлеченных исполнителей. С другой стороны, пункт 2 статьи 803 ГК РФ допускает применение к ответственности экспедитора тех правил, по которым перед ним отвечает соответствующий перевозчик, если экспедитор докажет, что нарушение вызвано ненадлежащим исполнением договора перевозки. На практике это нередко порождает попытки перенести на отношения клиента и экспедитора ограничения, свойственные перевозочному режиму ответственности. В результате возникает коллизия между двумя моделями: либо экспедитор отвечает как самостоятельный организатор транспортного процесса, либо он фактически превращается в промежуточное звено, способное ссылаться на пределы ответственности перевозчика уже в отношениях с клиентом. Такая неопределенность снижает уровень защиты клиента и осложняет единообразное применение закона.

Не менее значимым является вопрос о пределах обязанности экспедитора по надлежащему информационному и организационному сопровождению перевозки. После принятия Федерального закона от 07.06.2025 № 140-ФЗ [3] стандарт поведения экспедитора был заметно ужесточен. В действующей редакции статьи 4 Закона № 87-ФЗ прямо установлено, что экспедитор обязан получить информацию о свойствах груза и условиях его перевозки, запросить недостающие сведения, не вправе приступать к исполнению при отсутствии необходимых данных и документов, обязан принимать организационные меры по выявлению запрещенных и ограниченных к перемещению предметов, а также хранить в течение трех лет информацию о договорах, маршрутах и иных существенных параметрах оказанных услуг.

Эти изменения имеют важное значение: если ранее обязанность экспедитора по проверке сведений о грузе воспринималась в основном как элемент надлежащего исполнения договора, то после реформы 2025 года она приобрела характер повышенного профессионального стандарта. Одновременно закон сохраняет и усиливает встречную обязанность клиента. Согласно статье 5 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности клиент обязан своевременно представить экспедитору полную, точную и достоверную информацию о свойствах груза, условиях перевозки, а также документы, необходимые для таможенного, транспортного и иного государственного контроля.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Отсюда вытекает вторая проблемная зона ответственности: распределение неблагоприятных последствий неполного или несвоевременного обмена информацией между сторонами. Судебная практика показывает, что суды все чаще исследуют не только формальное наличие договора и факт нарушения срока, но и то, какая именно сторона допустила сбой в информационном взаимодействии и находился ли этот сбой в причинной связи с возникшими потерями. Так, в деле № А56-107142/2024 суд признал, что несвоевременное сообщение клиенту о выпуске телекс-релиза повлекло сверхнормативное хранение контейнера в порту, поскольку без такой информации получение груза и последующее таможенное оформление были невозможны [10]. Этот пример важен тем, что убытки были взысканы не вследствие физической утраты груза, а вследствие ненадлежащего информационного сопровождения перевозки.

Специальный режим ответственности наиболее подробно урегулирован применительно к несохранности груза. Статья 7 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности закрепляет, что экспедитор возмещает клиенту реальный ущерб за утрату, недостачу либо повреждение груза после его принятия и до выдачи получателю, если не докажет наличие обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. Закон дифференцирует размер ответственности в зависимости от объявления ценности груза, фактической стоимости и характера повреждения. По существу это означает, что ответственность экспедитора за несохранность груза носит специальный характер и не может определяться исключительно общими правилами о неисполнении обязательств.

Вместе с тем даже в этой части законодательство не устраняет всех вопросов. Формально закон говорит о возмещении реального ущерба, но одновременно предусматривает возможность взыскания упущенной выгоды в случае виновного причинения клиенту имущественных потерь вследствие утраты, недостачи или повреждения груза. Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики № 2 (2022) указал, что клиент вправе требовать полного возмещения упущенной выгоды, а соглашение об уменьшении ее размера по таким требованиям является ничтожным [6]. Однако из этого не следует, что упущенная выгода взыскивается автоматически. Напротив, арбитражная практика демонстрирует высокую требовательность судов к доказыванию ее реальности и размера. В деле № А56-36718/2025 суд отказал во взыскании упущенной выгоды, указав, что истец не подтвердил реальность неполученного дохода, не доказал, что нарушение со стороны ответчика являлось единственным препятствием для извлечения дохода, и не представил надлежащих доказательств размера потерь [11]. Следовательно, третья проблема современного правоприменения состоит в разрыве между формально широким объемом права на возмещение убытков и крайне сложным механизмом их фактического доказывания.

Особое место занимает ответственность экспедитора за нарушение срока исполнения обязательства. Статья 9 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности предусматривает возмещение убытков, причиненных клиенту просрочкой, если иное не установлено договором и если экспедитор не докажет наличие непреодолимой силы либо вины клиента. Такая конструкция имеет диспозитивный характер и позволяет сторонам предусматривать договорную неустойку или иной порядок компенсации. В то же время судебная практика исходит из того, что одной только просрочки недостаточно для взыскания убытков: необходимы доказательства конкретных неблагоприятных имущественных последствий и причинной связи между ними и нарушением срока. Именно поэтому судами подчеркивается, что само по себе указание на просрочку доставки не заменяет доказывания фактического ущерба [14].

Ответственность клиента по договору транспортной экспедиции также закрепляется нормативно. Закон прямо устанавливает последствия непредставления информации, необоснованного отказа от оплаты расходов экспедитора и просрочки оплаты вознаграждения. За необоснованный отказ от оплаты дополнительных расходов клиент обязан не только возместить сами расходы, но и уплатить штраф в размере 10 процентов от их суммы; за просрочку оплаты он несет ответственность в виде неустойки. Арбитражные суды последовательно признают такие требования правомерными. Так, в деле № А51-225/2025 суд удовлетворил иск о взыскании дополнительных расходов, пени и штрафа, указав на подтвержденный факт просрочки денежных обязательств клиента [12]. Аналогичным образом в деле № А40-25864/2025 суд исходил из того, что клиент обязан оплатить оказанные экспедитором услуги, если перевозка была организована, груз доставлен и получен грузополучателем [13]. В научной литературе нередко подчеркивается, что договор транспортной экспедиции является обязательством сотрудничества, где обе стороны должны действовать добросовестно и согласованно [9]. Именно эта характеристика в современных условиях приобретает особое значение. После реформы 2025 года законодатель усилил требования к профессиональному поведению экспедитора, но одновременно не устранил неопределенность в вопросе о том, как соотносятся последствия нарушений информационной обязанности клиента с обязанностью экспедитора запросить недостающие сведения и отказаться от исполнения до получения необходимой информации. Отсюда возникает парадоксаль-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ная ситуация: клиент может ссылаться на пассивность экспедитора, а экспедитор — на неполноту сведений, предоставленных клиентом. При отсутствии четкого нормативного приоритета распределение убытков в значительной степени оказывается зависимым от оценки конкретного суда.

Представляется, что разрешение указанных проблем требует корректировки законодательства. Во-первых, в статье 803 ГК РФ либо в статье 7 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности следует прямо закрепить, что если экспедитор принял поручение клиента к исполнению и не заявил мотивированный отказ в порядке, установленном договором или законом, он отвечает перед клиентом за действия привлеченных лиц как основной договорный должник. Ссылка на ненадлежащее исполнение договора перевозки в таком случае должна сохранять значение лишь для внутреннего распределения рисков между экспедитором и перевозчиком, то есть для регрессных требований, но не для освобождения от ответственности перед клиентом. Такая формулировка привела бы закон в большее соответствие со статьей 805 ГК РФ и подходом Верховного Суда.

Во-вторых, в статье 10 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности целесообразно специально указать, что экспедитор, который не запросил у клиента недостающую информацию в случаях, когда ее недостаточность была очевидной либо могла быть выявлена при обычной степени профессиональной осмотрительности, не вправе впоследствии ссылаться на неполноту сведений как на основание освобождения от ответственности. Исключение должно составлять лишь сокрытие клиентом особых свойств груза, которые объективно не могли быть обнаружены экспедитором.

В-третьих, заслуживает обсуждения вопрос о введении презумпции причинной связи между нарушением экспедитором обязанностей по информационному сопровождению перевозки и документально подтвержденными дополнительными расходами клиента, непосредственно возникшими в период такого нарушения. Речь может идти о расходах на сверхнормативное хранение, демередж, вынужденное переоформление документов и иные обычные последствия организационного сбоя. Подобное решение упростило бы защиту клиента в тех случаях, когда нарушение экспедитора очевидно, а спор концентрируется вокруг размера потерь, а не вокруг самого факта ненадлежащего исполнения.

Выводы

Итак, можно заключить, что цель работы выполнена, поставленные задачи успешно реализованы, а выдвинутая гипотеза нашла своё подтверждение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ответственность сторон по договору транспортной экспедиции основывается на общих положениях гражданского законодательства об ответственности за нарушение обязательств, однако в ключевых точках конкретизируется специальными нормами Закона о транспортно-экспедиционной деятельности. Такая конструкция в целом оправданна, поскольку учитывает специфику транспортного оборота, но в ряде аспектов остается внутренне противоречивой.

Современное законодательство, особенно после изменений 2025 года, заметно повысило стандарт поведения профессионального экспедитора. Это означает, что частноправовая ответственность экспедитора должна оцениваться с учетом более высокого стандарта профессиональной заботливости, чем ранее. Судебная практика подтверждает стремление судов защищать клиента от перекладывания на него рисков, связанных с действиями привлеченных экспедитором лиц и ненадлежащей организацией перевозочного процесса. Вместе с тем сохраняются три основные проблемные зоны: неопределенность в соотношении статей 803 и 805 ГК РФ, неурегулированность последствий взаимных информационных нарушений сторон и высокая сложность доказывания причинной связи и упущенной выгоды.

В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным прямо закрепить приоритет ответственности экспедитора перед клиентом как основного договорного должника; ограничить возможность экспедитора ссылаться на неполноту сведений о грузе в случаях, когда он сам не выполнил обязанность по их запросу; а также нормативно усилить защиту клиента по требованиям о возмещении обычных дополнительных расходов, вызванных организационными нарушениями со стороны экспедитора. Реализация этих мер способствовала бы большей определенности правового регулирования и единообразию судебной практики.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

2. Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ (ред. от 07.06.2025) «О транспортно-экспедиционной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 07.07.2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2701.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

3. Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О транспортно-экспедиционной деятельности” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 07.06.2025.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 11.

7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. 5-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 910 с.

8. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. В.Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

9. Безрук В.С. Гражданско-правовая ответственность экспедитора за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств из договора транспортной экспедиции // Эпомен. 2019. № 22. С. 42–46.

10. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01.04.2025 по делу № А56-107142/2024.

11. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.08.2025 по делу № А56-36718/2025.

12. Решение Арбитражного суда Приморского края от 24.03.2025 по делу № А51-225/2025.

13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.06.2025 по делу № А40-25864/2025.

14. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2025 по делу № А65-24353/2024.

References

1. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025). Collected Legislation of the Russian Federation. January 29, 1996. No. 5. Art. 410.

2. Federal Law dated June 30, 2003 No. 87-FZ (as amended on June 7, 2025) "On Transport and Forwarding Activities". Collected Legislation of the Russian Federation. July 7, 2003. No. 27 (Part 1). Art. 2701.

3. Federal Law of 07.06.2025 No. 140-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Transport and Forwarding Activities" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information. 07.06.2025.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.06.2018 No. 26 "On Certain Issues of the Application of Legislation on the Contract for the Carriage of Freight, Passengers, and Baggage by Road and on the Transport Forwarding Contract". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 8.

5. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.06.2020). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 10.

6. Review of the Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2022) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 12, 2022). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 11.

7. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book Four: Contracts for Transportation, Towing, Freight Forwarding, and Other Services in the Field of Transport. 5th ed., reprinted. Moscow: Statut, 2011. 910 p.

8. Commercial (Entrepreneurial) Law: Textbook: in 2 volumes. Vol. 2ю edited by V.F. Popondopulo. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2016.

9. Bezruk V.S. Civil Liability of a Freight Forwarder for Failure to Perform or Improper Performance of Obligations under a Freight Forwarding Contractю Epomen. 2019. No. 22. P. 42 – 46.

10. Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 01.04.2025 in case No. A56-107142/2024.

11. Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 04.08.2025 in case No. A56-36718/2025.

12. Decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai dated 24.03.2025 in case No. A51-225/2025.

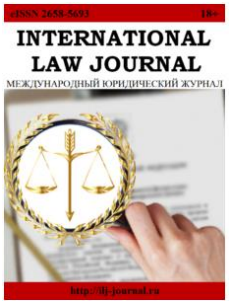
13. Decision of the Moscow Arbitration Court dated June 25, 2025, in case No. A40-25864/2025.
14. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated March 18, 2025, in case No. A65-24353/2024.

Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9605-0966, Ростовский государственный университет путей сообщения; профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), tas242@yandex.ru

Манукян М.А., кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, manukian.marina2015@yandex.ru

© Скворцова Т.А., Манукян М.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.3/.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-89-97

Криминологические риски генной инженерии и нейротехнологий: сравнительный этико-правовой анализ

[1] Сопин И.О.,
[1] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию криминологических, этико-правовых и духовно-нравственных рисков, обусловленных стремительным развитием генной инженерии и нейротехнологий. Рассматриваются наиболее социально значимые направления биотехнологического прогресса, включая редактирование генома человека с использованием технологии CRISPR-Cas9, репродуктивное и терапевтическое клонирование, применение нейроинтерфейсов, а также отдельные аспекты пренатальной генетической диагностики. На основе сравнительно-правового анализа международного и национального регулирования исследуются существующие подходы к ограничению опасных биомедицинских практик, в том числе через призму прецедента Хэ Цзянькуя и зарубежного опыта уголовно-правовой охраны генетической безопасности личности. Особое внимание уделяется проблеме несоответствия действующего уголовного законодательства Российской Федерации новым видам угроз, возникающих в результате вмешательства в геном человека и использования нейротехнологий. Также анализируется позиция Русской Православной Церкви, которая выражает обеспокоенность по поводу моральных и этических последствий вмешательства в природу человека, включая редактирование генома и клонирование. РПЦ подчеркивает важность защиты достоинства личности и предупреждения возможных злоупотреблений в области биотехнологий. Обосновывается вывод о необходимости нормативного закрепления специальных уголовно-правовых запретов, направленных на пресечение незаконного редактирования эмбриона, репродуктивного клонирования человека и неправомерного оборота нейронных данных. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования сформулированных выводов и предложений в процессе совершенствования уголовной политики государства, ориентированной на обеспечение биотехнологической безопасности, защиту достоинства личности и предупреждение новых форм преступного поведения.*

Ключевые слова: *генная инженерия, нейротехнологии, криминологические риски, уголовная ответственность, клонирование человека, CRISPR-Cas9, нейроправа, биоэтика, антропологический кризис, редактирование генома, биотехнологическая безопасность, уголовно-правовая охрана*

Для цитирования: Сопин И.О. Криминологические риски генной инженерии и нейротехнологий: сравнительный этико-правовой анализ // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 89 – 97. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-89-97

Поступила в редакцию: 27 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Criminological risks of genetic engineering and neurotechnologies: a comparative ethical and legal analysis

[1] Sopin I.O.,
[1] Dostoevsky Omsk State University

Abstract: *the article is dedicated to a comprehensive study of criminological, ethical-legal, and moral risks associated with the rapid development of genetic engineering and neurotechnologies. It examines the most socially significant areas of biotechnological progress, including human genome editing using CRISPR-Cas9 technology, reproductive and therapeutic cloning, the use of neurointerfaces, as well as prenatal genetic diagnostics. Through a comparative legal analysis of international and national regulations, the study explores existing approaches to limiting hazardous biomedical practices, particularly through the lens of the He Jiankui case and foreign experience in criminal law protection of genetic security. Special attention is given to the issue of the mismatch between current criminal legislation in the Russian Federation and new threats emerging from interventions in the human genome and the use of neurotechnologies. The position of the Russian Orthodox Church (ROC) is also analyzed, which expresses concerns about the moral and ethical consequences of intervening in human nature, including genome editing and cloning. The ROC emphasizes the importance of protecting personal dignity and preventing potential abuses in the field of biotechnology. The conclusion is drawn that it is necessary to legally enshrine special criminal prohibitions aimed at preventing illegal embryo editing, human reproductive cloning, and the unlawful circulation of neural data. The practical significance of the study is determined by the potential application of the conclusions and recommendations in the process of improving state criminal policy, focusing on ensuring biotechnological security, protecting personal dignity, and preventing new forms of criminal behavior.*

Keywords: *genetic engineering, neurotechnologies, criminological risks, criminal liability, human cloning, CRISPR-Cas9, neurorights, bioethics, anthropological crisis, genome editing, biotechnology security, criminal-law protection*

For citation: Sopin I.O. Criminological risks of genetic engineering and neurotechnologies: a comparative ethical and legal analysis. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 89 – 97. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-89-97

The article was submitted: January 27, 2026; Approved after reviewing: March 25, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Бурное развитие генной инженерии, нейротехнологий и смежных биомедицинских технологий ставит перед обществом острые этико-правовые вопросы. Геномное редактирование (например, метод CRISPR-Cas9), терапевтическое и репродуктивное клонирование человека, нейротехнологии (включая мозгово-компьютерные интерфейсы) и методы пренатальной диагностики способны радикально вмешиваться в природу человека. Насколько допустимо такое вмешательство? Подобные технологии несут как надежды на лечение болезней, так и серьезные *риски для общества и личности*. Уже в 2018 году в России осознание стратегической важности генетических исследований было закреплено на государственном уровне (Указ Президента РФ о развитии генетических технологий, 2018 г.) [1]. Одновременно растет понимание и общественной опасности безконтрольного применения этих достижений науки.

Исторически идеи улучшения человеческой природы через науку не новы. Ещё в начале XX века возникла евгеника, стремившаяся предотвратить рождение «неполноценных» детей, что сочеталось с сомнительными теориями о «вырождении» наций. Эти теории, противоречащие традиционным религиозным воззрениям, продемонстрировали опасность попыток «усовершенствовать» человечество вне нравственных ориентиров. Современные технологии генетического вмешательства фактически возвращают нас к подобным дискуссиям, но на новом этапе развития науки. Русская Православная Церковь предупреждает, что попытки человека поставить себя на место Бога, самовольно изменяя и «улучшая» Его творение, могут принести человечеству тяжкие страдания [2]. Таким образом, помимо правовых регуляторов, большое значение имеет и религиозно-нравственный компонент оценки новых технологий.

Генетическое вмешательство изменяет природу человека: генетические технологии, такие как генная терапия, редактирование генома, генная инженерия, клонирование генома человека (например, CRISPR-Cas9), ставят серьезные вопросы о том, насколько допустимо вмешательство в человеческую природу. Во-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

просы касаются как моральных, правовых так и религиозных аспектов: можно ли изменять геном человека и каким должен быть предел этих изменений? Инновационным можно назвать вышеупомянутый метод «молекулярных ножниц» (CRISPR-Cas9), который проводит изменения с комплексом белков и рибонуклеиновых кислот, по мнению ученых генетиков, данный метод позволяет детектировать и изолировать «дефектные гены», заменять триплет ДНК на здоровый, с целью предупреждения наследственных заболеваний. В таком случае, мы видим первостепенные цели и задачи современной холистической и превентивной медицины и технологий ЭКО [9].

Цель данной статьи – проанализировать этико-правовые, религиозно-нравственные и криминологические аспекты новейших генетических технологий, выявить *пробелы* в уголовно-правовом регулировании и предложить меры по совершенствованию законодательства Российской Федерации с учетом международного опыта.

Гипотеза исследования заключается в том, что современные генетические и нейротехнологии обладают новым уровнем общественной опасности, не охваченным полностью действующим уголовным законодательством, что требует выработки специальных правовых норм, опирающихся на нравственные ценности.

Материалы и методы исследования

В последние годы появилось значительное количество научных работ, посвященных правовым и этическим проблемам биоинженерии. *Международная биоэтическая дискуссия* особенно активизировалась после случая рождения генетически отредактированных детей в Китае в 2018 году. Уже первый прецедент применения CRISPR-Cas9 на эмбрионах человека вызвал глобальный резонанс и осуждение научного сообщества. Как отмечает Ш. Лю, в большинстве стран мира действуют законодательные или нормативные запреты на редактирование генома человека, особенно наследуемое редактирование, и китайский случай стал первым уголовным делом в этой сфере [3]. В конце 2019 г. учёный Хэ Цзянькуй был осуждён китайским судом за проведение незаконного геномного эксперимента на эмбрионах, получив 3 года тюрьмы и крупный штраф. Данный инцидент актуализировал призывы к разработке *строгих международных норм* контроля за генной инженерией человека [4]. Эксперты подчёркивают, что геномное редактирование несёт не только пользу (перспектива лечения генетических заболеваний), но и риск непредсказуемых мутаций, затрагивающих будущие поколения. Комиссии ВОЗ и национальные этические советы в 2019–2021 гг. выпустили ряд рекомендаций, настаивая на глобальном мониторинге подобных исследований. Таким образом, литература фиксирует консенсус: без надлежащего надзора эксперименты по изменению человеческого генома недопустимы.

Обширно рассматриваются и проблемы клонирования человека – технологии, практически повсеместно признанной этически неприемлемой. Ещё в 1998 г. был подписан Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине, запрещающий *репродуктивное клонирование* в европейских странах. В большинстве государств мира с начала 2000-х гг. введена уголовная ответственность за попытки клонировать человека. Например, в Испании Уголовный кодекс 1995 г. прямо запрещает создание генетически идентичных человеческих существ (клонирование) и другие манипуляции над геномом человека, карая за это лишением свободы [5]. В Колумбии статья 133 УК (Закон №599/2000) устанавливает наказание за *генерацию идентичных человеческих существ посредством клонирования[6]*. Во Франции, Германии, Республике Корея и ряде других стран специальные законы или нормы УК также категорически запрещают клонирование человека, предусматривая многолетние сроки тюремного заключения за подобные действия. Следует подчеркнуть, что запреты касаются именно репродуктивного клонирования (создания человека-клона); при этом исследования клонирования клеток, тканей и эмбрионов в терапевтических целях иногда регулируются мягче, но под строгим контролем.

Не остаются без внимания исследователей и нейротехнологии. Профессор Рафаэль Юсте (США) инициировал концепцию “NeuroRights” (нейроправ) – нового поколения прав человека, направленных на защиту *свободы воли и приватности мыслей* в эпоху нейротехнологий. Фонд NeuroRights в своих отчётах указывает на активный сбор и коммерческую монетизацию нейронных данных рядом компаний (производители нейрогаджетов для медитации, игровых интерфейсов и др.) [7]. В недавнем докладе отмечено, что 29 из 30 коммерчески доступных нейротехнологических устройств собирают данные мозга пользователей и практически не ограничивают доступ к ним третьих лиц. Эти данные представляют огромный интерес для крупных IT-корпораций, которые могут использовать сведения о мозговой активности для таргетированной рекламы, оценки психоэмоционального состояния потребителей или даже манипулирования поведением. Учёные предупреждают: хотя современное состояние нейротехнологий ещё не позволяет “читать мысли” напрямую, прогресс в этой области стремителен, и законодательство отстаёт. В 2021 г. Чили первой в мире внесла поправку в конституцию о защите *нейроправ* – неприкосновенности данных мозговой деятельности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В 2024-2025 гг. несколько штатов США (Колорадо, Калифорния, Монтана) приняли законы о защите нейронных данных потребителей, требуя явного согласия на их сбор и запрещая продажу таких данных без разрешения субъекта. В научной литературе подчёркивается, что без своевременной правовой реакции нейротехнологии могут стать инструментом беспрецедентного вмешательства в частную жизнь и психику человека, поэтому необходимы превентивные меры на международном уровне.

Отдельное направление дискуссии – философско-этические аспекты трансгуманизма. Трансгуманизм рассматривается как идеология радикального улучшения человеческой природы посредством технологий (генетической инженерии, кибернетических имплантов, продления жизни и даже "загрузки сознания"). В работах зарубежных авторов (B. Couderc и др.) отмечается, что трансгуманизм бросает вызов самим основаниям человеческой идентичности и равенства. Стремление к физическому бессмертию и сверхспособностям выглядит утопично, но уже сейчас появляются сообщества, продвигающие идеи крионики, киборгизации, генетического "улучшения" потомства. Этико-правовой анализ (Letov O. Siluyanova M.) выявляет опасность подрыва принципа достоинства личности: превращение человека в объект инженерии противоречит как религиозным ценностям, так и нормам права, закрепляющим ценность *неповторимости* каждого индивида [8, 9]. В российской литературе (Иванова Т.С., Блинов А.Г. и др.) подчёркивается необходимость разработки норм биоэтики в праве, способных противостоять дехуманизирующим практикам [10, 11]. Ряд авторов указывает, что без духовно-нравственного развития общества научные достижения могут привести к нравственной деградации и новым видам преступности. Таким образом, обзор литературы демонстрирует комплексность проблемы: она изучается междисциплинарно – правоведами, философами, теологами, социологами, – и требует синтеза этих подходов.

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование проведено на основе комплексной методологии, сочетающей сравнительно-правовой, системно-аналитический и теолого-этический подходы. Применен метод сравнительного анализа зарубежного законодательства (уголовно-правовые запреты на клонирование, генный инжиниринг, оборот генетического материала и др.) и отечественных нормативных актов. Использован также *криминологический прогнозный анализ*– оценка потенциальных угроз преступности, связанных с новыми технологиями, исходя из тенденций их развития. Этическая оценка проводится на основе христианской антропологии (документы Русской Православной Церкви) в сочетании с принципами секулярной биоэтики.

Гипотеза исследования состоит в том, что существующие генетические и нейротехнологии обладают *качественно новым уровнем общественной опасности*, который в настоящее время не адекватно отражён в Уголовном кодексе РФ. Мы предполагаем, что отсутствие прямых запретительных норм создает лакуну в правовом поле, позволяя потенциальным злоумышленникам пользоваться правовой неопределенностью. Например, в России с 2002 г. действует временный запрет на клонирование человека (ФЗ №54) [12], но нарушение этого запрета формально не признано преступлением – специальная уголовно-правовая норма до сих пор не принята. Аналогично, сбор и незаконное использование нейроданных пока что регулируется лишь общими нормами о персональных данных, недостаточными перед лицом уникальности такой информации. Гипотеза заключается в том, что *разработка специальных составов преступлений* (клонирование человека, незаконные генетические эксперименты на эмбрионах, злоупотребление нейротехнологиями и т.п.), подкреплённых санкциями, позволит снизить риски неконтролируемого применения этих технологий и будет способствовать превентивному сдерживанию наиболее опасных посягательств.

Для проверки гипотезы проанализированы законодательные решения в ряде других стран, уже столкнувшихся с необходимостью регулирования рассматриваемых сфер. Международный опыт послужит основой для формулирования конкретных предложений по реформе российского законодательства.

Результаты и обсуждения

Анализ показал, что в России требуется восполнение законодательных пробелов в области генетических технологий. Ниже сформулированы предложения по внесению изменений в уголовное законодательство и смежные нормативные акты с учётом мирового опыта:

1. Криминализация репродуктивного клонирования человека. Необходимо закрепить в УК РФ самостоятельный состав преступления, запрещающий *клонирование человека* в любых целях. Диспозицию можно сформулировать как «создание идентичного человека посредством клонирования или других методов воспроизводства человека вне естественного процесса». Санкция должна предусматривать серьёзное наказание, соразмерное тяжкому преступлению против основ нравственности и порядка воспроизводства. Напри-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

мер, лишение свободы на срок до 5-7 лет за сам факт проведения репродуктивного клонирования. Следует также установить квалифицирующие признаки (более тяжкий состав) для случаев, если деяние совершено: а) из корыстных побуждений (например, ради продажи «услуги» клонирования); б) группой лиц или организованно; в) с использованием должностного положения или в отношении несовершеннолетних и др. – что указывает на повышенную общественную опасность. В литературе уже предлагались подобные конструкции нормы. Так, Н.Е. Крылова разработала проект ст. УК РФ «Клонирование человека», включающий три части: базовый состав (несанкционированное терапевтическое или репродуктивное клонирование человека), состав с отягчающими обстоятельствами (ввоз/вывоз клонированных эмбрионов) и особо квалифицированный состав (деяния в корыстных целях, группой, с извлечением органов и т.д.) [13]. Данный проект заслуживает поддержки – его реализация устранила бы правовой вакуум и однозначно обозначила клонирование человека как *преступление*.

2. Введение ответственности за незаконные генетические эксперименты на эмбрионах и половых клетках. Помимо клонирования, уголовно наказуемыми должны стать *несанкционированные вмешательства в человеческий геном*, способные повлиять на наследуемые свойства. Речь идёт о редактировании генома эмбриона (геритативное редактирование) и создании так называемых генетически модифицированных детей. Учитывая, что подобные деяния могут совершаться под видом научных исследований или методов лечения, важно очертить их противоправность. Предлагается закрепить норму, запрещающую применение генно-инженерных технологий на человеческих эмбрионах в целях изменения наследственной информации, если это делается вне рамок, разрешённых законом экспериментов. В настоящее время в РФ действует запрет на редактирование генома эмбриона, приводящий к рождению человека, на уровне подзаконных актов и этических правил, но отсутствует прямая уголовная санкция. Для сравнения, Китай после случая 2018 г. оперативно ужесточил закон: с 2021 г. Уголовный кодекс КНР (дополнение к ст. 336) предусматривает до 3 лет лишения свободы (а в особо тяжких случаях – до 7 лет) за имплантацию генно-редактированных эмбрионов человеку или животному. Российскому законодателю следует установить схожую норму. Санкцию можно определить дифференцированно: например, до 3 лет лишения свободы за совершение незаконного генетического вмешательства, повлёкшего изменения зародышевой линии, и более строгие меры, если такие действия привели к рождению ребёнка с изменённым геномом или иным тяжким последствиям. Данная норма будет выполнять превентивную функцию – остужать пыл потенциальных “энтузиастов” и коммерческих структур, желающих повторить опыт Хэ Цзянькуя.

3. Защита нейроинформации и ответственность за злоупотребление нейротехнологиями. Предлагается легализовать понятие «нейронные данные» (данные, полученные в результате регистрации биоэлектрической активности мозга и нервной системы человека) и признать их особо чувствительной информацией о личности. Вопрос защиты и нейроданных требует повышенного внимания как в сфере информационной безопасности, так и с точки зрения законодательства. Необходимо накапливать и интегрировать международный опыт в этой области, чтобы создать эффективные механизмы защиты и регуляции использования нейроданных, учитывая их потенциальные воздействия на индивидуумов и общество в целом. На сегодняшний день, под опасностью генно-инженерных технологий следует понимать целый комплекс потенциальных рисков. Генно-инженерные технологии, несмотря на их огромный потенциал для улучшения качества жизни и лечения заболеваний, могут нести значительные угрозы как для отдельного человека, так и для общества и экосистемы в целом. Потенциальная утрата генетического разнообразия может привести к уязвимости популяции человека, все больше ощущая себя «предметом», «вещью». Наступает время, в котором человек становится опасным для самого себя. Выходом из настоящего кризиса справедливо видится повышение религиозной культуры населения страны, следование социальным основам РПЦ и глубокое осознание сотворения человека по образу и подобию Бога, с недопустимостью искусственных вторжений, которые являются результатом человеческой гордыни. Также, необходимо усовершенствование юридической техники с включением актуальных запретительных диспозиций в действующую редакцию Уголовного кодекса РФ. Манипуляции с геномом человека, путем его изменения возможны и логичны исключительно с целью недопущения ряда серьезных наследственных заболеваний, а также только с согласия пациента или его законных представителей. Пока подобная норма выглядит во многом *превентивной*, однако именно такой подход соответствует принципу превенции: закон должен опережать преступника в освоении новых технологий. Международная практика показывает тренд к признанию нейронных данных охраняемой ценностью. Так, законы штатов США Колорадо и Калифорнии (2023-2024) включили нейроданные в категорию *конфиденциальной биометрической информации*, требующей специальной защиты [14]. В перспективе можно ожидать появления и международных договоров в этой сфере. Включение же соответствующих

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

норм в российское законодательство продемонстрирует проактивную позицию государства в защите прав граждан от новых угроз.

4. Регламентация использования методов пренатальной диагностики. Хотя *пренатальная (дородовая) генетическая диагностика* сама по себе не является преступлением, необходимо законодательно очертить её пределы, чтобы пресечь аморальные практики. В частности, стоит запретить использование генетического тестирования эмбрионов и плодов для целей, не связанных с медицинскими показаниями. Например, прямым текстом законом запретить отбор эмбрионов по желаемому полу (пол ребенка не может быть "выбран" родителями, кроме случаев устранения наследственных заболеваний, сцепленных с полом). Аналогичные запреты существуют во многих странах (в Индии, Великобритании, КНР и др. строго запрещены гендерные тесты для выбора пола ребенка) как мера борьбы с дискриминацией и селективными абортами. Российское законодательство могло бы дополнить Уголовный кодекс статьёй о *незаконном производстве аборта по мотивам пола либо иных не медицинских показаний после проведения генетического теста*, квалифицируя такие действия как нарушение нравственно-правовых основ. Кроме того, следует усилить просветительскую работу: истинно благой целью пренатальной генодиагностики должно быть подготовить родителей к рождению особого ребенка, а не избавляться от него. Здесь уголовный закон вряд ли станет основным регулятором – большую роль играет мораль и поддержка семьи. Однако законодатель может, например, установить обязанность врачей информировать родителей о недопустимости принуждения к прерыванию беременности только на основании генетического анализа, а за нарушение – предусмотреть санкции (вплоть до уголовной ответственности медработника, если имело место склонение к незаконному аборту по мотивам "нежелательных" генетических отклонений).

5. Международное сотрудничество и имплементация лучших практик: РФ следует активнее перенимать успешный зарубежный опыт правового регулирования генно-инженерных и нейротехнологий. Например, можно инициировать заключение многостороннего соглашения в рамках СНГ или Евразийского союза о противодействии преступлениям в сфере биотехнологий, по аналогии с международными конвенциями о киберпреступности. Такой договор мог бы установить единые определения (что считать «клонированием человека», «незаконным редактированием генома» и т.п.) и обязать государства участников вводить ответственность за эти деяния. Также важно участие России в глобальных форумах UNESCO по обсуждению нейроправ и генетической безопасности. Интеграция в мировое научно-этическое пространство поможет своевременно обновлять отечественное законодательство. Уже сейчас можно адаптировать некоторые формулировки, успешно применяемые за рубежом. К примеру, в Испании в 2025 г. были внесены изменения в УК, чётко разграничивающие допустимые терапевтические генетические вмешательства и запрещённые действия, "противоречащие достоинству человека". Испанский законодатель специально упомянул технологию CRISPR-Cas9 и ввёл наказание за создание человеко-животных химер и генетическую модификацию зародышевой линии без лечебной цели.

Выводы

Проведённое исследование подтверждает гипотезу о том, что мир вступил в новую эпоху – эпоху биотехнологических вызовов, где грандиозные научные открытия несут одновременно благо и угрозу. Одним из важнейших выводов работы является необходимость *неизменного соблюдения постулатов социальной нравственности* при развитии технологий. Человек не должен утрачивать понимание своего места и предназначения. Недопустимо превращение жизни и генома в объект купли-продажи или дизайнерский проект – иначе мы рискуем утратить человеческое достоинство, превратить будущие поколения в «предметы» с заданными свойствами. Генно-инженерные технологии, несмотря на их огромный потенциал для медицины, несут значительные угрозы – от утраты генетического разнообразия (уязвимость популяции) до появления нового типа преступлений и злоупотреблений. Наступает время, когда *человек становится опасен самому себе* – если не поставить разумные ограничения на вседозволенность науки.

Практические рекомендации, предложенные в статье, сводятся к тому, что уголовно-правовой механизм должен реагировать на новые вызовы. Введение запретительных норм (на клонирование, незаконное редактирование генома, злоупотребление нейроданными) в УК РФ представляется обоснованным и своевременным шагом. Эти меры повысят профилактику преступности и обозначат «красные линии», переступать которые наука не вправе. Вместе с тем, одних законов недостаточно. Требуется и повышение религиозности, общей биоэтической культуры, просвещение населения о рисках "игры в Бога". Не менее важно укреплять международное сотрудничество: обмен опытом и единые подходы помогут избежать превращения какой-либо страны в «тихую гавань» для опасных экспериментов.

В заключение подчеркнём: научный прогресс необратим, но его направление зависит от нашего морального выбора. Человек, созданный по образу и подобию Божию, обладает уникальным достоинством, и никакие технологии не должны его умалять. Законодательство должно не только наказывать соответствующих субъектов преступной деятельности, но и служить ориентиром, указывающим обществу границы допустимого. Восполнение пробелов в уголовно-правовом регулировании генетических технологий – насущная задача, от решения которой зависит, будут ли достижения науки служить истинному благу или обратятся против самого человека. Вера, религия, нравственность и право должны идти рука об руку, чтобы сохранить гуманистические основы общества перед лицом биотехнологической революции.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2018 № 642 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации».
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XII. Проблемы биоэтики // Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. URL: https://mospat.ru/ru/documents/87568-problemy-bioetiki/ (дата обращения: 15.11.2025)
3. Liu S. Legal reflections on the case of genome-edited babies // Global Health Research and Policy. 2020. Vol. 5. Article 24. URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s41256-020-00153-4 (дата обращения: 15.11.2025)
4. Xie S. et al. Genome editing with the CRISPR-Cas system: an art, ethics and global regulatory perspective // Plant Biotechnology Journal. 2020. Vol. 18. No. 8. P. 1651 – 1669. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/pbi.13383 (дата обращения: 15.11.2025)
5. España. Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal: arts. 159-161: Delitos relativos a la manipulación genética // Boletín Oficial del Estado. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444 (дата обращения: 15.11.2025)
6. Colombia. Ley 599 de 2000. Código Penal : art. 133 “Repetibilidad del ser humano” : modificado por la Ley 890 de 2004 // Función Pública. Gestor Normativo. URL: https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=6388 (дата обращения: 15.11.2025)
7. Additional Protocol to the Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine, on the Prohibition of Cloning Human Beings: Paris, 12.I.1998. ETS No. 168 // Council of Europe. URL: https://www.coe.int/en/web/Conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=168 (дата обращения: 15.11.2025)
8. Силуянова И.В. Этико-правовые проблемы генетических технологий в медицине // CyberLeninka : научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovye-problemy-geneticheskih-tehnologiy-v-meditsine (дата обращения: 15.11.2025)
9. Letov O.V. Ethical issues of genetic development (Review) // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/368598534_ethical_problems_of_the_development_of_genetic_technologies (дата обращения: 15.11.2025)
10. Блинов А.Г. Некоторые направления уголовно-правового противодействия клонированию человека // Общество и право. 2014. № 1. С. 82 – 86. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-napravleniya-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-klonirovaniyu-cheloveka (дата обращения: 15.11.2025)
11. Овчинский В.С. Криминология и биотехнологии. Москва: Норма, 2005 // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002682579/ (дата обращения: 15.11.2025)
12. О временном запрете на клонирование человека: федер. закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody (дата обращения: 15.11.2025)
13. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. Москва: ИНФРА-М, 2006 // Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). URL: https://nlrs.ru/open/17866 (дата обращения: 15.11.2025)
14. Robinson M. Neurotechnology and the Law: A Legal Perspective // *Clio Blog*. 15.09.2025. URL: https://www.clio.com/blog/neurotechnology-law/ (дата обращения: 15.11.2025)
15. Dodonov V.N., Kapinus O.S., Shcherba S.P. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast’. Moscow: Yurlitinform, 2010. URL: https://journals.bsu.by/index.php/law/en/article/view/1566 (дата обращения: 15.11.2025)

16. Ruder K. States Pass Privacy Laws to Protect Brain Data Collected by Devices // KFF Health News. 23.07.2025. URL: https://kffhealthnews.org/news/article/colorado-california-montana-states-neural-data-privacy-laws-neurorights/ (дата обращения: 15.11.2025)

17. Couderc B. Transhumanism: Towards a new Adam? // Ethics, Medicine & Public Health. 2025. Vol. 33. Article 101091. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352552525000507 (дата обращения: 15.11.2025)

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 28, 2018, No. 642 "On the Development of Genetic Technologies in the Russian Federation."

2. Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. XII. Problems of Bioethics. Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate. URL: https://mospat.ru/ru/documents/87568-problemy-bioetiki/ (date of access: 11.15.2025)

3. Liu S. Legal reflections on the case of genome-edited babies. Global Health Research and Policy. 2020. Vol. 5. Article 24. URL: https://link.springer.com/article/10.1186/s41256-020-00153-4 (date of access: 11.15.2025)

4. Xie S. et al. Genome editing with the CRISPR-Cas system: an art, ethics and global regulatory perspective. Plant Biotechnology Journal. 2020. Vol. 18. No. 8. P. 1651 – 1669. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/pbi.13383 (date of access: 11.15.2025)

5. Spain. Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal: arts. 159-161: Delitos relativos a la manipulación genetica. Boletín Oficial del Estado. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444 (access date: 11/15/2025)

6.Colombia. Ley 599 de 2000. Código Penal : art. 133 “Repetibilidad del ser humano”: modificado por la Ley 890 de 2004. Función Publica. Gestor Normativo. URL: https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=6388 (accessed: 15.11.2025)

7. Additional Protocol to the Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine, on the Prohibition of Cloning Human Beings: Paris, 12.I.1998. ETS No. 168. Council of Europe. URL: https://www.coe.int/en/web/Conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=168 (date of access: 15.11.2025)

8. Siluyanova I.V. Ethical and legal problems of genetic technologies in medicine. CyberLeninka: scientific electronic library. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiko-pravovye-problemy-geneticheskih-tehnologiy-v-meditsine (date of access: 15.11.2025)

9. Letov O.V. Ethical issues of genetic development (Review). ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/368598534_ethical_problems_of_the_development_of_genetic_technologies (date of access: 15.11.2025)

10. Blinov A.G. Some directions of criminal-legal counteraction to human cloning. Society and Law. 2014. No. 1. P. 82 – 86. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-napravleniya-ugolovno-pravovogo-protivodeystviya-klonirovaniyu-cheloveka (date of access: 15.11.2025)

11. Ovchinsky V.S. Criminology and Biotechnology. Moscow: Norma, 2005. National Electronic Library. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002682579/ (date of access: 15.11.2025)

12. On the temporary ban on human cloning: federal law of 20.05.2002 No. 54-FZ. Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody (date of access: 15.11.2025)

13. Krylova N.E. Criminal Law and Bioethics: Problems, Discussions, Search for Solutions. Moscow: INFRA-M, 2006. National Library of the Republic of Sakha (Yakutia). URL: https://nlrs.ru/open/17866 (date of access: 15.11.2025)

14. Robinson M. Neurotechnology and the Law: A Legal Perspective. Clio Blog. 15.09.2025. URL: https://www.clio.com/blog/neurotechnology-law/ (date of access: 15.11.2025)

15. Dodonov V.N., Kapinus O.S., Shcherba S.P. Comparative Criminal Law. Special Part. Moscow: Yurlitinform, 2010. URL: https://journals.bsu.by/index.php/law/en/article/view/1566 (date of access: 15.11.2025)

16. Ruder K. States Pass Privacy Laws to Protect Brain Data Collected by Devices. KFF Health News. 23.07.2025. URL: https://kffhealthnews.org/news/article/colorado-california-montana-states-neural-data-privacy-laws-neurorights/ (date of access: 15.11.2025)

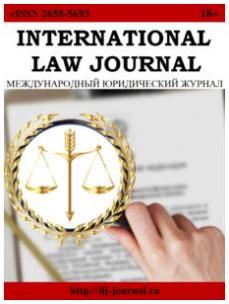
17. Couderc B. Transhumanism: Towards a new Adam? Ethics, Medicine & Public Health. 2025. Vol. 33. Article 101091. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352552525000507 (date of access: 11.15.2025)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Сопин И.О., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

© Сопин И.О., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.35
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-98-101

Проблемы ограничительного толкования некоторых признаков должностного лица

[1] Тищенко М.С.,
[1] Российский государственный университет правосудия

Аннотация: *в современном правовом поле понятие «должностное лицо» играет ключевую роль в регулировании ответственности, распределении полномочий и обеспечении законности в деятельности государственных органов и организаций. Однако на практике нередко возникают сложности с точным определением, кто именно является должностным лицом. Это порождает ряд проблем, связанных с применением законодательства, привлечением к ответственности и защитой прав граждан. В статье представлены результаты анализа определения должностого лица, выделены несколько из существующих проблем, а также проведена работа по разработке концептуально нового решения.*

Ключевые слова*: должностное лицо, органы единой системы публичной власти, государственные органы, государственные и муниципальные учреждения, унитарные предприятия*

Для цитирования: Тищенко М.С. Проблемы ограничительного толкования некоторых признаков должностного лица // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 98 – 101. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-98-101

Поступила в редакцию: 28 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Problems of restrictive interpretation of some features of an official

[1] Tishchenko M.S.,
[1] Russian State University of Justice

Abstract: *in the modern legal field, the concept of "official" plays a key role in regulating responsibility, allocating powers, and ensuring legality in the activities of government agencies and organizations. However, in practice, it is often difficult to accurately determine who exactly is an official. This creates a number of problems related to the application of legislation, accountability and protection of citizens' rights. The article presents the results of an analysis of the definition of an official, highlights several of the existing problems, and also works to develop a conceptually new solution.*

Keywords: *official, bodies of the unified system of public authority, state bodies, state and municipal institutions, unitary enterprises*

For citation: Tishchenko M.S. Problems of restrictive interpretation of some features of an official. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 98 – 101. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-98-101

The article was submitted: January 28, 2026; Approved after reviewing: March 26, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Введение

На сегодняшний день в правоприменении остается нерешенной проблема с принадлежностью к должностным лицам работников некоторых из организаций, а также самостоятельных должностных единиц, которые не охватываются понятием «должностное лицо», но их деятельность непосредственно влияет на нормальную деятельность государственного аппарата. Обусловлено это, по нашему мнению, стремлением законодателя уйти от расширительного толкования, раскрыв понятие через конкретный перечень (добавляются новые признаки должностного лица в части его принадлежности к числу работников той или иной организации в примечание к ст. 285 УК РФ, но при этом его границы «очерчиваются» более строго, оставляя без внимания категории лиц, нарушение обязанностей которыми посягает на нормальную деятельность государства).

Такая тенденция способствует декриминализации деяний лиц, оказываемых непосредственное негативное влияние на деятельность государственного аппарата, а также защищенность интересов государства и общества. Кроме того, использование в определении должностного лица конкретного перечня, вызывает необходимость его постоянной актуализации (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 [4] содержит устаревшее определение должностного лица в п.8) в случае изменения названий или структуры указанных в нем организаций, не говоря уже о перегруженности данного определения, влияющей на восприятие его содержания. Все перечисленное несомненно обуславливает актуальность темы исследования.

Целью исследования является внесение предложения по расширению границ определения должностного лица, устранения перегруженности определения.

Задачи – проанализировать действующее законодательство на предмет установления перечня лиц, не включенных в определение должностного лица, но деятельность которых непосредственно связана с обеспечением нормальной работы деятельности государственного аппарата.

Гипотеза – существует необходимость замены перечня организаций, перечисленных в определении должностного лица, общим термином, ззакрепленным действующим законодательством.

Материалы и методы исследований

В исследовании были использованы: метод сравнительного анализа и синтеза, а также аналогия, индукция и дедукция; метод социологического исследования. Так, по результатам проведенного социологического опроса, получены сведения о мнении респондентов об эффективности выдвигаемых предложений обозначенной в работе прблемы.

Эмпирическую базу исследования составляют доктринальные положения, нормативные правовые акты, судебная практика.

Результаты и обсуждения

Действующая редакция определения должностного лица содержит указание на обязательный признак принадлежности такого лица к числу работников поименованных в примечании к ст. 285 УК РФ организаций. Анализируя данный перечень, необходимо обратить внимание, что на сегодняшний день им не охватываются, например, Центральный банк РФ, а также «органы» и «добровольческие формирования», которые входят в структуру военного ведомства.

Важным для исследования представляется введение понятия системы публичной власти Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее – ФЗ о Госсовете) [10], которое включает: органы государственной власти (как федеральные, так и уровня субъекта), государственные органы, органы местного самоуправления [3]. Под данное определение даже без детального рассмотрения перечисленных организаций уже попадает основная часть упомянутого перечня, а кроме того и Центральный банк РФ и органы военной структуры. Учитывая, что поседними создаются добровольческие формирования для выполнения задач в области обороны, их можно обозначить как «организации, создаваемые органами системы публичной власти».

Рассматривая каждую из организаций индивидуально, целесообразно выделить следующие аспекты, имеющие значение для разработки предложения по расширению его границ:

1) на основании положений Федерального законодательства о некоммерческих организациях [7, 9] государственные, муниципальные учреждения создаются органами публичной власти, а государственные внебюджетные фонды являются типом государственного учреждения, что уже само по себе говорит об отсутствии необходимости отдельного указания на них в определении должностного лица.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

2) Государственные корпорации, компании, а также публично-правовые компании и унитарные предприятия создаются Российской Федерацией в лице органов государственной власти в рамках их компетенции [8].

Таким образом, организации, перечисленные в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, охватываются общим понятием «органы единой системы публичной власти, а также организации, создаваемые такими органами, и иные организации, создавыемые Российской Федерацией и действующие в ее интересах», что исключает необходимость их детального перечисления, а также делает возможным расширение перечня таких организаций в примечании случае изменения в законодательство без изменения при этом самого примечания, что является вполне практичным для законодателя.

В целях установления эффективности реализации такого предложения для правоприменения, среди судей, рассматривающих уголовные дела, проходивших обучение на факультетах повышения квалификации в ФГБУ ВО РГУП, был проведен опрос, в соответствии с которым из 139 опрошенных 76,3 % отметили необходимость и важность внесения такого изменения, что подкрепляет позицию автора о его обоснованности.

Выводы

Беря в расчет вышесказанное, для устранения обозначенных проблем видится возможным уйти от конкретизации перечня организаций, не теряя при этом содержания, но заметно разгружая определение, посредством замены указания на рассмотренные выше организации (в примечании 1 к ст. 285 УК РФ) указанием на *«органы единой системы публичной власти, а также организации, создаваемые та-кими органами, и иные организации, создавыемые Российской Федерацией и действующие в ее интересах»*.

При внесении данного изменения защита государственных интересов будет осуществлена уголовным законом в полной мере, охватив деятельность должностных лиц любых органов, а также организаций, создаваемых государством, что позволит обеспечить нормальную деятельность государства и защитить права, свободы и законные интересы людей в сфере взаимоотношений с его представителями.

Список источников

1. Безверхов А.Г. Должностные (служебные) преступления и проступки: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. 234 с.

2. Волженкин Б.В. Квалификация должностных преступлений (злоупотребление служебным положением, халатность, взяточничество): пособие для следователей / науч. ред. Л.А. Андреева; Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и МВД. Ленинград: Ин-т усовершенствования следств. ра-ботников органов прокуратуры и МВД, 1973. 136 с.;

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 3. М., 2020. 63 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru/ (дата обращения: 01.02.2025)

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025)

6. Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Росс-ийской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025)

7. Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 № 161-ФЗ// Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025)

8. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025)

9. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025)

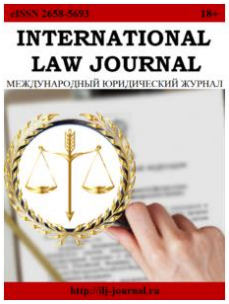
References

1. Bezverkhov A.G. Official (Service) Crimes and Misdemeanors: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Kazan, 1995. 234 p.
2. Volzhenkin B.V. Qualification of Official Crimes (Abuse of Office, Negligence, Bribery): A Manual for Investigators. Ed. L.A. Andreeva; Institute for Advanced Training of Investigative Workers of the Prosecutor's Office and the Ministry of Internal Affairs. Leningrad: Institute for Advanced Training of Investigative Workers of the Prosecutor's Office and the Ministry of Internal Affairs, 1973. 136 p.;
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020), Art. 3. Moscow, 2020. 63 p.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.10.2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official powers". Official website of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://www.vsrf.ru/ (date of access: 01.02.2025)
5. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ. Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 01.02.2025)
6. Federal Law of 14.07.2022 No. 236-FZ "On the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 01.02.2025)
7. Federal Law "On State and Municipal Unitary Enterprises" of 14.11.2002 No. 161-FZ. Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 01.02.2025)
8. Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations". Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 01.02.2025)
9. Federal Law of December 8, 2020 No. 394-FZ "On the State Council of the Russian Federation". Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: www.pravo.gov.ru (date of access: 01.02.2025)

Информация об авторе

Тищенко М.С., аспирант, Российский государственный университет правосудия, mstishchenko.uvomintrans@mail.ru

© Тищенко М.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 338.242
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-102-107

Государственное регулирование импортозамещения в производственном секторе: стратегии и результаты

[1] Ткачев А.О.,
[1] Славяно-греко-латинская академия

Аннотация: *работа направлена на разработку рекомендаций для государственного регулирования процессов импортозамещения, рассматриваемого в качестве ключевого вектора национального развития. В основу исследования положен анализ двух групп барьеров, первая обусловлена введёнными санкционными ограничениями и носит ситуативный характер, вторая определяется в самой природе импортозамещающей политики и представляет собой структурную проблему. Теоретическую базу составили концепции международной торговли и государственного управления, которые позволили систематизировать ключевые препятствия, возникающие при управлении данным процессом в условиях масштабных экономических систем. Российская политика импортозамещения, а также специфика функционирования экономики в режиме внешнего санкционного давления выступают непосредственным объектом проводимого анализа. В качестве методологической основы исследования сравнительный анализ, а также обобщение статистических данных. Отраслевые программы и приказы Министерства промышленности и торговли Российской Федерации стали ключевыми источниками информации при оценке результатов реализации политики импортозамещения. Автор рассматривает импортозамещение в качестве значимого элемента государственной экономической стратегии, реализуемой в соответствии с приоритетами, установленными Президентом Российской Федерации, и комплексом мер, ориентиров и ценностей, определённых российским Правительством. Рекомендации по укреплению позиций отечественных производителей на рынке были сформулированы на основе комплексного изучения инструментов государственной поддержки промышленного импортозамещения и оценки результативности их применения. Авторская позиция по данному вопросу нашла отражение в итоговой части работы, где также представлены выводы, вытекающие из проведённого исследования. Это предполагает интенсификацию усилий, в частности по разработке национального проекта, связывающего все уровни национального проектирования и реализации отраслевых программ с доказательным обоснованием ресурсов и приоритетов в рамках задач по замещению импорта.*

Ключевые слова*: государственное регулирование, импортозамещение, аналог, Российская Федерация, Министерство промышленности и торговли, регулирование, рынок, международная торговля, национальный проект*

Для цитирования: Ткачев А.О. Государственное регулирование импортозамещения в производственном секторе: стратегии и результаты // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 102 – 107. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-102-107

Поступила в редакцию: 29 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

State regulation of import substitution in the manufacturing sector: strategies and results

[1] Tkachev A.O.,
[1] Slavic-Greek-Latin Academy

Abstract: *this study aims to develop recommendations for government regulation of import substitution processes, which are considered a key vector of national development. The study is based on an analysis of two groups of barriers: the first is determined by imposed sanctions restrictions and is situational in nature, while the second is determined by the very nature of import substitution policy and represents a structural problem. The theoretical framework is based on concepts of international trade and public administration, which allowed us to systematize the key obstacles that arise when managing this process in the context of large-scale economic systems. Russian import substitution policy, as well as the specifics of economic functioning under external sanctions pressure, are the direct object of this analysis. The methodological basis of the study is a comparative analysis and a summary of statistical data. Sectoral programs and orders of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation served as key sources of information in assessing the results of import substitution policy implementation. The author examines import substitution as a significant element of the state economic strategy, implemented in accordance with the priorities established by the President of the Russian Federation and a set of measures, guidelines, and values defined by the Russian Government. Recommendations for strengthening the market position of domestic producers were formulated based on a comprehensive study of government support instruments for industrial import substitution and an assessment of their effectiveness. The author's position on this issue is reflected in the final section of the paper, which also presents the conclusions drawn from the study. This entails intensifying efforts, particularly in developing a national project linking all levels of national planning and implementation of industry programs with evidence-based justification of resources and priorities within the framework of import substitution objectives.*

Keywords: *government regulation, import substitution, analogue, Russian Federation, Ministry of Industry and Trade, regulation, market, international trade, national project*

For citation: Tkachev A.O. State regulation of import substitution in the manufacturing sector: strategies and results. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 102 – 107. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-102-107

The article was submitted: January 29, 2026; Approved after reviewing: March 27, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Зависимость отечественной экономики от зарубежных поставок высокотехнологичной продукции складывалась на протяжении десятилетий: Россия традиционно занимала место поставщика сырьевых ресурсов на мировые рынки, получая взамен готовые технологические решения преимущественно от западных партнёров. Подобная модель встраивания в глобальное разделение труда породила существенную уязвимость национального хозяйства. Начиная с конца 90-х годов XX в. страна неоднократно оказывалась в условиях, при которых переориентация на собственное производство превращалась в ключевой драйвер экономического развития. Именно поэтому задача развития отечественного производства сегодня приобретает особую остроту и практическую значимость.

Исторические обстоятельства, складывающиеся в тот или иной период, задают специфические условия для реализации курса на импортозамещение, определяя его ключевые черты и неизбежно требуя переосмысления подходов к анализу получаемых результатов, оценке воздействия на хозяйственную динамику и уровень национального благосостояния. При этом стратегия импортозамещения отечественными аналогами давно вошла в арсенал инструментов государственного регулирования и детально изучена как в рамках экономической теории, так и в контексте практики управления позицией страны на глобальных рынках. Следует подчеркнуть, что подобный курс не представляет собой исключительную особенность российской модели развития, поскольку к нему в разное время прибегали многие государства мира [1].

Цель исследования – разработка и обоснование предложений по укреплению позиций отечественных производителей на рынке на основе комплексного изучения инструментов государственной поддержки промышленного импортозамещения и оценки результативности их применения.

Задачи – провести теоретическое исследование по основам государственного регулирования импортозамещения в производственном секторе, дать авторские выводы и рекомендации.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

Ключевыми источниками фактических данных при оценке достигнутых результатов в сфере импортозамещения послужили отраслевые программные документы и нормативные акты Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. Для выявления и структурирования основных барьеров, характерных для управления подобными процессами в крупных экономических системах, были задействованы теоретические положения в области международной торговли и государственного регулирования. Применительно к методам исследования следует выделить сравнительный анализ и обобщение статистической информации. Предметом проводимого изучения выступает отечественная практика импортозамещения, рассматриваемая в контексте функционирования экономики под воздействием внешних санкционных ограничений.

Результаты и обсуждения

Вопросы принятия управленческих решений, корректировки допущенных просчётов и учёта возникающих ограничений нередко остаются за рамками научных исследований. При этом академическое сообщество накопило обширный массив публикаций, касающихся политики импортозамещения в различных государствах, в частности в Российской Федерации. Что касается взаимосвязи экспортных и импортных потоков, формирующих специфику макроэкономического регулирования, а также их раздельного воздействия на хозяйственный рост, эта проблематика широко представлена в современном научном дискурсе.

В работе Д. Ирвина «Взлет и падение импортозамещения» рельефно показано, что соответствующая политика имела популярность в 1950-е гг., но затем возник «реалистический пессимизм» относительно ее силы и полезности [9].

Импортозамещение как направление государственной политики представляет собой неотъемлемую часть более широкой системы государственного управления (ГУ). В свою очередь, данная система функционирует в рамках концептуальных координат, определяемых «новым менеджерализмом» и современными теориями администрирования [8].

Ключевым ориентиром в этих концепциях выступает повышение результативности государственных институтов, прежде всего применительно к реформированию и регулированию публичного сектора. При этом особое внимание уделяется психологическим и поведенческим аспектам управленческой деятельности, механизмам функционирования бюрократических структур, выстраиванию коммуникационных процессов, а также согласованию ценностных установок с целевыми ориентирами [10].

Взаимодействие формальных и неформальных институтов способно оказывать существенное воздействие на систему ГУ. Однако вопрос о том, каким образом данные факторы соотносятся с концепцией «целей и инструментов», по-прежнему остаётся малоисследованным. Это порождает разрыв между макроэкономической политикой и государственным управлением, в последнем принятие решений носит преимущественно рутинный характер и строго регламентируется формальными правовыми нормами.

Сталкиваясь с последствиями введённых отраслевых санкций, производственные предприятия обозначили круг актуальных проблем, на основе которых Министерство промышленности и торговли Российской Федерации сформировало специальный реестр. Данный документ, направленный на обеспечение национальной безопасности и реализацию политики импортозамещения, охватывает приоритетные и критически значимые категории товаров, услуг и программных решений, а его первоначальный объём составлял чуть более 800 наименований. Благодаря созданию этого реестра стало возможным провести оценку импортозамещающего потенциала, как на уровне отдельных отраслей, так и в масштабах всей экономики. Принимаемые впоследствии управленческие и организационные решения выстраивались с ориентацией на замещение зарубежной продукции конкретными отечественными аналогами в разрезе отдельных секторов промышленности [2, 5].

В 2015 году при Общественном совете Минпромторга России была учреждена специальная Правительственная комиссия по импортозамещению в промышленности. Её деятельность охватывала два основных направления, реализуемых через соответствующие подкомиссии. Одна занималась вопросами оборонно-промышленного комплекса, другая – гражданскими отраслями экономики. Отбору проектов импортозамещения предшествовала масштабная совместная работа трёх ведомств, таких как Минпромторг, Минэкономразвития и Минфин России, в ходе которой была выработана единая методология. Помимо этого, каждый из проектов был вынесен на публичное обсуждение с привлечением представителей профессиональных отраслевых объединений. В круг обязанностей комиссии входит не только организация публичных слушаний, но и обеспечение взаимодействия между различными структурами, федеральными исполнительными

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ведомствами, региональными органами власти, муниципальными образованиями и предприятиями, в целях реализации государственного курса на импортозамещение [4, 7].

Среди наиболее показательных примеров успешного импортозамещения в сфере информационных технологий можно выделить ряд отечественных разработок: операционная система для мобильных устройств «Аврора», платформа для хранения данных Яндекс Диск, пришедшая на смену GoogleDrive, магазин приложений RuStore, а также офисный пакет «МойОфис», созданный как полноценная замена продуктам MicrosoftOffice. Государственная поддержка данного направления нашла своё отражение в президентских поручениях 2023 года, адресованных Правительству России. В частности, предусматривалась разработка инструментов промышленной ипотеки, расширение программ льготного кредитования и наращивание объёмов субсидирования отечественных производителей. Особенно хотелось бы остановиться на Концепции технологического развития на период до 2030 года, внедренной Правительством РФ в 2023 году. Данный документ закрепил принципы, определил вызовы и цели технологического развития России на период до 2030 года [3, 6].

Выводы

Оглядываясь на десятилетний период реализации курса на импортозамещение, можно составить достаточно полное представление о том, насколько избранная стратегия оправдала возложенные на неё ожидания. Отечественная экономика получила ряд очевидных преимуществ в результате проводимой политики. В частности, существенно возросла деловая инициатива граждан, а промышленный сектор страны заметно укрепил свои позиции за счёт активного внедрения передовых технологий и ускорения индустриального развития. Немаловажно и то, что зависимость от зарубежных поставок сырья, готовой продукции и комплектующих изделий значительно снизилась. Параллельно с этим на рынке труда наметились позитивные тенденции, такие как открытие современных высокотехнологичных производств дало толчок к созданию большого числа рабочих мест, что фактически свело безработицу к минимуму. Требования к профессиональной квалификации сотрудников при этом существенно возросли, что закономерно повлекло за собой повышение общего уровня подготовки специалистов. Таким образом, комплексная оценка правительственных мер позволяет судить об их результативности и практической значимости для развития российской экономики.

Негативные стороны были заметны с самого начала, тем не менее сложившиеся обстоятельства требовали их преодоления и трансформации в преимущества. Всё это в совокупности укрепило сплочённость гражданского общества, что само по себе является значимым достижением. На мировой арене страна получила возможность отстаивать государственные интересы на качественно ином уровне, опираясь на мощную производственную базу. Отечественные производители заметно расширили линейку своей продукции, а на рынке появились новые российские бренды, способные на равных конкурировать с зарубежными аналогами. Помимо этого, были разработаны операционные системы, по своим техническим характеристикам не уступающие иностранным решениям.

Рост бюджетных расходов на субсидирование отраслей и модернизацию производственных мощностей стал одним из заметных последствий сложившейся ситуации. При этом конкурентная среда внутри страны остаётся недостаточно развитой, что существенно сдерживает прогресс. Немаловажно и то, что производимые товары нередко уступают зарубежным аналогам по своим качественным характеристикам, а их номенклатура на начальном этапе заметно сократилась. Всё это закономерно повлекло за собой удорожание отечественной продукции для конечного потребителя, поскольку возросшие издержки неизбежно отразились на ценовой политике предприятий. Капитальные вложения и производственные расходы российских компаний при этом существенно увеличились. В сфере информационных технологий обнаружились существенные пробелы и недостатки. Усиление государственного контроля над предпринимательской деятельностью стало неизбежным следствием вынужденного пересмотра подходов к налогообложению. Первопричиной же послужило сокращение поступлений в государственную казну, спровоцированное предоставленными федеральными властями налоговыми послаблениями для бизнеса.

Санкционное давление, охватывающее все отрасли российской экономики и нацеленное на её сдерживание, формирует целый ряд существенных барьеров. В этих условиях возникает необходимость выработки конкретных механизмов, способных преодолеть данные барьеры и придать новый импульс курсу на импортозамещение. По существу, речь идёт о конструировании новых точек роста в системе ГУ. Центральным элементом этой работы должно стать создание национального проекта «Импортозамещение в условиях новой реальности», который придаст управленческим решениям необходимую системность. Именно такой подход позволит возвести импортозамещение в ранг приоритетного направления

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

макроэкономической повестки. Ключевым аспектом является определение отраслей с наибольшим мультипликативным и социальным воздействием, в частности, медицинской промышленности и агропромышленного комплекса, в качестве первоочерёдных векторов импортозамещения. Единая платформа должна объединить все национальные проекты государства, направив их на комплексное развитие внутреннего рынка по множеству направлений. Процесс необходимо разбить на временные отрезки продолжительностью от 3 до 5 лет, в рамках которых будет проводиться оценка требуемых ресурсов по каждому из приоритетных направлений. Не менее значимым представляется чёткое обозначение ключевых задач в рамках самой политики повышения значимости отечественной продукции. Системное импортозамещение станет возможным благодаря налаживанию масштабного выпуска компьютеров, сельскохозяйственной техники, измерительных приборов, медицинского оборудования и фармацевтической продукции. При этом ключевую роль сыграет последовательное вовлечение смежных отраслей в единую производственно-технологическую цепочку, что придаст данному процессу комплексный и взаимосвязанный характер.

Таким образом, импортозамещение способно выступить тем связующим звеном, которого сегодня не хватает российской экономической системе, выстроенной вокруг национальных проектов и отраслевых программ. Без подобного объединяющего механизма проектный подход к ГУ остаётся неполным. В основу данного направления должна быть положена логика максимального тиражирования и развития отечественных производственных мощностей вместе с их технологической составляющей, а регуляторная среда при этом должна претерпеть соответствующие изменения. Ресурсная база и чёткая расстановка приоритетов по взаимосвязанным сферам деятельности станут фундаментом для формирования комплексной стратегии в данной области.

Список источников

1. Гоголева Т.Н., Косенков А.Ю., Канапухин П.А., Шишкина Н.В. Импортозамещение в современных условиях: методология анализа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 3. С. 5 – 18. DOI: https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11403

2. Кобзарь-Фролова М.Н. Импортозамещение: государственная политика, правовой и экономический инструментарий // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 2 (74). С. 84 – 91. doi:10.29039/2312-7937-2025-2-84-91

3. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // Собр. законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

4. О Правительственной комиссии по импортозамещению» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по импортозамещению»): постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 785 // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.11.2025)

5. Официальный сайт Минпромторга России // сайт: URL: https://minpromtorg.gov.ru/ (дата обращения: 28.11.2025)

6. Перечень поручений по итогам пленарного заседания съезда и встречи с членами бюро РСПП (утв. Президентом РФ 29.04.2023 № Пр-872) // Президент России: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 29.11.2025)

7. Положение о подкомиссии по вопросам гражданских отраслей экономики Правительственной комиссии по импортозамещению: утв. постановлением Правительства РФ 29.08.2015) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://m.government.ru по состоянию на 08.09.2015.

8. Cutler T. New Managerialism and New Public Sector Management (P. 770 – 775). In: J.D. Wright. (Ed.). International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd ed.). Elsevier. 2015.

9. Irwin D.A. The rise and fall of import substitution. World Development. 2021. Vol. 139. P. 105306.

10. Mauro S.G., Cinquini L., Pianezzi D. New Public Management between reality and illusion: Analysing the validity of performance-based budgeting // The British Accounting Review. 2021. Vol. 53. Issue. № 6. P. 100825. DOI: 10.1016/j.bar.2019.02.007

References

1. Gogoleva T.N., Kosenkov A.Yu., Kanapukhin P.A., Shishkina N.V. Import substitution in modern conditions: methodology of analysis. Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2023. No. 3. P. 5 – 18. DOI: https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11403

2. Kobzar-Frolova M.N. Import substitution: state policy, legal and economic instruments. Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2025. No. 2 (74). P. 84 – 91. doi:10.29039/2312-7937-2025-2-84-91

3. On Approval of the Concept of Technological Development for the Period up to 2030" (together with the "Concept of Technological Development for the Period up to 2030"): Order of the Government of the Russian Federation of 20.05.2023 No. 1315-r. Coll. Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 22. Art. 3964.

4. On the Government Commission on Import Substitution" (together with the "Regulation on the Government Commission on Import Substitution"): Resolution of the Government of the Russian Federation of 04.08.2015 No. 785. Official Internet Portal of Legal Information: website. URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 28.11.2025)

5. Official website of the Ministry of Industry and Trade of Russia. website: URL: https://minpromtorg.gov.ru/ (date of access: 28.11.2025)

6. List of instructions following the plenary session of the congress and the meeting with members of the RSPP bureau (approved by the President of the Russian Federation on 29.04.2023 No. Pr-872). President of Russia: official website. URL: http://www.kremlin.ru (date of access: 29.11.2025)

7. Regulation on the subcommission on civil sectors of the economy of the Government Commission on Import Substitution: approved. Resolution of the Government of the Russian Federation dated August 29, 2015). The text of the document is provided in accordance with the publication on the website http://m.government.ru as of September 8, 2015.

8. Cutler T. New Managerialism and New Public Sector Management (P. 770 – 775). In: J.D. Wright. (Ed.). International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (2nd ed.). Elsevier. 2015.

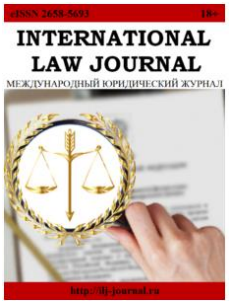
9. Irwin D.A. The rise and fall of import substitution. World Development. 2021. Vol. 139. P. 105306.

10. Mauro S.G., Cinquini L., Pianezzi D. New Public Management between reality and illusion: Analyzing the validity of performance-based budgeting. The British Accounting Review. 2021. Vol. 53. Issue. No. 6. P. 100825. DOI: 10.1016/j.bar.2019.02.007

Информация об авторе

Ткачев А.О., аспирант, Славяно-греко-латинская академия, tkachev.a@mail.ru

© Ткачев А.О., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.426.42
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-108-118

Институт морального вреда в делах о банкротстве

[1] Климова А.Н., [1] Клепикова О.Г.,
[1] Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Аннотация: *в статье исследуются проблемы применения института компенсации морального вреда и защиты личных неимущественных прав граждан в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Актуальность темы обусловлена существенной трансформацией компетенции арбитражных судов, вызванной введением института банкротства граждан, что привело к необходимости разрешения вопросов, выходящих за пределы традиционной экономической юрисдикции и затрагивающих конституционно-правовой статус личности. Несмотря на многочисленные научные дискуссии и обращение к органу конституционного правосудия, вопросы защиты личных неимущественных прав граждан, чьи персональные данные и сведения о частной жизни опубликованы в судебных актах по делам о банкротстве, возбужденные в отношении иных лиц, остаются неурегулированными. Цель исследования заключается в установлении тенденций правоприменения арбитражными судами норм о моральном вреде и защите личных неимущественных прав гражданина в условиях действия специального режима имущественной ответственности в деле о банкротстве, а также в обосновании необходимости формирования правозащитного компенсаторного механизма при нарушении личных неимущественных прав граждан и в выработке предложений по устранению правовых неопределенностей в данной сфере. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи: проанализировать практику арбитражных судов по разрешению требований о компенсации морального вреда в рамках обособленных споров о банкротстве граждан; выявить правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, сформированные при реализации ими контрольно-интерпретационных полномочий по вопросам защиты личных неимущественных прав в процедурах несостоятельности; систематизировать подходы судов к определению очередности удовлетворения требований о компенсации морального вреда при их включении в реестр требований кредиторов; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и унификации судебной практики в исследуемой сфере. Авторами сделаны выводы об общей тенденции конституционализации арбитражного судопроизводства в части правового регулирования института морального вреда в делах о банкротстве граждан.*

Ключевые слова*: банкротство граждан, моральный вред, защита личных неимущественных прав, арбитражное судопроизводство, компенсаторный механизм*

Для цитирования: Климова А.Н., Клепикова О.Г. Институт морального вреда в делах о банкротстве // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 108 – 118. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-108-118

Поступила в редакцию: 31 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 28 марта 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

The institute of moral harm in bankruptcy cases

[1] Klimova A.N., [1] Klepikova O.G.,
[1] Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Abstract: *the article examines the problems of applying the institution of compensation for moral damage and protection of personal non-property rights of citizens in the framework of insolvency (bankruptcy) cases. The relevance of the topic is due to the significant transformation of the competence of arbitration courts caused by the introduction of the institution of bankruptcy of citizens, which led to the need to resolve issues beyond the traditional economic jurisdiction and affecting the constitutional and legal status of the individual. Despite numerous scientific discussions and appeals to the body of constitutional justice, the issues of protecting the personal non-property rights of citizens whose personal data and information about private life are published in judicial acts on bankruptcy cases initiated against other persons remain unresolved. The purpose of the study is to establish trends in the enforcement by arbitration courts of norms on moral harm and protection of personal non-property rights of citizens under the special regime of property liability in bankruptcy proceedings, as well as to substantiate the need to form a human rights compensatory mechanism for violations of personal non-property rights of citizens and to develop proposals to resolve legal uncertainties in this area. To achieve this goal, the following tasks are being solved in the work: to analyze the practice of arbitration courts in resolving claims for compensation for moral damage in the framework of separate bankruptcy disputes; to identify the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, formed during the exercise of their control and interpretative powers on the protection of personal interests and the insolvency of non-property rights in procedures; to systematize the approaches of courts to determining the order of satisfaction of claims for compensation for moral damage when they are included in the register of creditors' claims; to formulate proposals for improving legislation and unifying judicial practice in the field under study. The authors draw conclusions about the general trend of the constitutionalization of arbitration proceedings in terms of the legal regulation of the institution of moral damage in bankruptcy cases of citizens.*

Keywords: *bankruptcy of individuals, moral damage, protection of personal non-property rights, arbitration proceedings, compensation mechanism*

For citation: Klimova A.N., Klepikova O.G. The institute of moral harm in bankruptcy cases. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 108 – 118. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-108-118

The article was submitted: January 31, 2026; Approved after reviewing: March 28, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

При введении института банкротства граждан в российскую правовую систему и отнесении данной категории дел о несостоятельности к подсудности арбитражного суда кардинально изменился субъектный состав участников арбитражного процесса, что явилось началом конституционализации арбитражного судопроизводства. Институт банкротства граждан существенно расширил юрисдикцию арбитражных судов, но породил множество неразрешенных законодателем вопросов при реализации права судебной защиты гражданина в арбитражном суде.

До настоящего времени арбитражные суды планомерно переходят от классического экономического правосудия к экономической реабилитации граждан с учетом специфики тех отношений, которые возникают в банкротных делах. В научной литературе активно исследуется процессуальная роль арбитражного суда при рассмотрении дел с участием граждан, что обусловлено изначальной непроработанностью арбитражным процессуальным законодательством конституционно-правового статуса личности, вследствие чего до сих пор отсутствует учет всех процессуальных особенностей, сопровождающих рассмотрение дела с участием гражданина в арбитражном суде [1, 2].

Процессуальная конструкция дел о несостоятельности (банкротстве) отличается сложной организацией, так как в рамках основного производства возникает множество самостоятельных конфликтов, оформляемых в виде обособленных споров, каждый из которых имеет собственную процессуальную логику и предмет рассмотрения. Например, вопросы о включении в реестр требований кредиторов, оспаривание сделок должника, исключение из конкурсной массы должника имущества и др. Основное дело о банкротстве мо-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

жет находиться в производстве у одного судьи, а обособленный спор передан в производство другого судьи по причине большой нагрузки на судью.

Судьи арбитражного суда указывают, что в настоящее время основная масса их служебного времени посвящена выяснению вопросов потребительского кредитования (проверка оснований возникновения обязательств, включение требований в реестр требований кредиторов), а также вопросов, возникающих в рамках семейных правоотношений (квалификация общей совместной либо долевой собственности с участием членов семьи должника, а также общих обязательств) и социальных правоотношений (определение прожиточного минимума при исключении денежных средств из конкурсной массы, квалификация полученных пособий и материальных благ в качестве мер социальной поддержки, например, многодетных семей) [3].

В связи с указанными обстоятельствами меняется и компетенция арбитражного суда, который вынужден теперь значительную часть времени разрешать вопросы, традиционно относимые к разрешению судами общей юрисдикции и не имеющими экономической, предпринимательской природы. В ряду таких вопросов, недостаточно разработанных в доктрине и правоприменительной практике, выступает институт компенсации морального вреда, рассматриваемый в механизме защиты личных неимущественных прав в рамках дела о несостоятельности.

Перед арбитражными судами возникла необходимость разрешения требований о компенсации морального вреда, заявляемых в рамках различных категорий обособленных споров. К их числу относятся: обжалование действий (бездействия) финансового управляющего; разногласия, возникающие при рассмотрении вопроса о включении взысканной компенсации морального вреда в реестр требований кредиторов; исключение из конкурсной массы должника взысканной в пользу должника компенсации морального вреда, а также споры по заявлению финансовых управляющих о взыскании в их пользу компенсации морального вреда за предъявление к ним необоснованных жалоб в процедуре банкротства и другие.

Цель исследования заключается в установление тенденций правоприменения арбитражными судами норм о моральном вреде и защите личных неимущественных прав гражданина в условиях действия специального режима имущественной ответственности в деле о банкротстве, а также в обосновании необходимости формирования правозащитного компенсаторного механизма при нарушении личных неимущественных прав граждан и в выработке предложений по устранению правовых неопределенностей в данной сфере.

В основу исследования положена **гипотеза** о том, что институт морального вреда в делах о банкротстве граждан обладает существенной спецификой, обусловленной особым субъектным составом (участие граждан-должников, их родственников, несовершеннолетних, кредиторов-физических лиц, третьих лиц, арбитражных управляющих), публично-правовым характером процедур банкротства, вступающим в противоречие с частноправовой природой института компенсации морального вреда, множественностью процессуальных форм, в которых могут заявляться требования о компенсации морального вреда (обособленные споры, самостоятельные исковые требования), отсутствием специального законодательного регулирования, что обусловливает необходимость выработки судебной практикой единообразных подходов.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось в несколько этапов. Сначала был осуществлен сбор и первичный анализ судебных актов арбитражных судов по делам о банкротстве граждан, содержащих признаки неправомерного раскрытия персональных данных (таких как информация о состоянии здоровья, данные о несовершеннолетних). Затем был проведен детальный правовой анализ отобранных судебных актов арбитражного суда с использованием формально-юридического и сравнительно-правового методов. Выявлены пробелы в законодательном регулировании и типичные ошибки правоприменения. Систематизированы виды раскрываемой конфиденциальной информации. На основе проведенного анализа сформулированы выводы, выявлены взаимосвязи между отсутствием правового регулирования и нарушением личных неимущественных прав граждан. Определены направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Разработаны предложения по внесению изменений в нормативные правовые акты арбитражного процессуального законодательства.

Метод анализа судебной практики применялся при обобщении правовых позиций судов, выявлении устойчивых тенденций и противоречий в правоприменении, в том числе при решении вопроса об исключении сумм взысканного морального вреда из конкурсной массы должника, о взыскании компенсации морального вреда в пользу финансового управляющего за предъявление к нему необоснованных жалоб, при определении очередности включения требований о компенсации морального вреда в реестр требований кредиторов.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Эмпирическая база исследования: судебная практика арбитражных судов по делам о банкротстве граждан, содержащая выводы относительно возможности взыскания компенсации морального вреда, квалификации таких требований (реестровые / текущие), а также определения судьбы взысканных сумм (включение в конкурсную массу / исключение из нее); решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятые в рамках реализации ими контрольно-интерпретационных полномочий; нормативно-правовые акты; научная и правовая литература, посвященные вопросам конституционализации арбитражного судопроизводства.

Результаты и обсуждения

Одним из последствий внедрения в правовую систему института банкротства граждан стало появление множества вопросов, не получивших своевременного законодательного разрешения. К числу наиболее острых относится проблема публикации судебных актов арбитражных судов в Картотеке арбитражных дел (КАД) без изъятия персональных и личных данных. Как показывает анализ судебной практики, необоснованному раскрытию подвергаются сведения не только о самих должниках (в отношении которых законом установлены специальные ограничения), но и о лицах, не вовлеченных в процедуру банкротства и не подвергаемых установленным Законом о банкротстве ограничениям. Содержание таких сведений может быть систематизировано по категориям: данные о несовершеннолетних; сведения о состоянии здоровья (в том числе об онкологических заболеваниях); иные сведения, составляющие охраняемую законом тайну частной жизни.

Несмотря на то, что данная проблема неоднократно поднималась в научном сообществе (в том числе на научно-практических конференциях), получила широкое освещение в специализированной литературе и была отражена в решении органа конституционного контроля, сложившаяся правоприменительная практика арбитражного суда продолжает воспроизводить прежние подходы, допускающие публикацию подобных сведений.

Например, 09 февраля 2026 года Арбитражный суд Волгоградской области в определении по делу №А12-26191/2025 при разрешении заявления должника об исключении из конкурсной массы автомобиля указал полное имя и дата рождения супруга должника, наличие троих несовершеннолетних детей, их имена, год рождения, место и класс обучения, название и адрес места нахождения танцевальной студии, которую посещают дети [4].

03 марта 2026 года Арбитражный суд Республики Татарстан по делу №А65-16243/2025 при рассмотрении обособленного спора об исключении транспортного средства должника указал полное имя и дата рождения супруги должника, полные имена пятерых несовершеннолетних детей и даты их рождения, место их обучения [5].

Вопросы обеспечения конфиденциальности по делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних, поднимались в научных публикациях, в которых предлагались и способы защиты прав детей в рамках арбитражного судопроизводства [6, 7, 8]. Интерес к данному вопросу обусловлен тем, что до введения института банкротства граждан арбитражные суды не рассматривали споры, непосредственно связанные с правами и законными интересами несовершеннолетних лиц. Соответственно, арбитражное процессуальное законодательство не содержит специальных положений, регламентирующих порядок обработки персональных данных и сведений о частной жизни несовершеннолетних при осуществлении арбитражного судопроизводства.

Предметом критического анализа в научной литературе неоднократно выступала недопустимость отражения в судебных актах арбитражного суда сведений о несовершеннолетних, сведений о состоянии здоровья как самих должников, так и членов их семей, а также иной информации, составляющей охраняемую законом тайну частной жизни и не имеющей отношения к публичным аспектам процедуры банкротства [9, 10].

Однако, 12 марта 2026 года Арбитражный суд Республики Саха (Якутия) в определении по делу №А58-8147-3/25 при рассмотрении заявления должника об исключении из конкурсной массы земельного участка указывает сведения о бывшем супруге должника и наличие на иждевении троих несовершеннолетних детей, их имена и даты рождения [11].

Изложенные обстоятельства выявляют системный характер проблемы: институт защиты личных неимущественных прав граждан в арбитражном процессе остается нормативно не обеспеченным, что влечет его фактическую нереализуемость.

В подтверждение сказанного можно привести определение Арбитражного суда Челябинской области от 28 октября 2024 года по делу № А76-23633/2024, в котором при рассмотрении ходатайства об исключении

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

из конкурсной массы должника 25 000 рублей на приобретение лекарственных средств суд раскрывает сведения о заболевании должника с указанием даты постановки диагноза «рак шейки матки» [12]. Аналогичным образом в определении Арбитражного суда Белгородской области от 29 января 2026 года по делу №А08-9568/2025 оглашению подлежит диагноз должника — «рак кишечника с подозрением на рак мочевого пузыря» [13]. При этом часть 5 статьи 213.7 Закона о банкротстве не включает сведения об установленных диагнозах в перечень идентифицирующих данных, подлежащих опубликованию арбитражным судом в рамках процедур несостоятельности [14].

Исследование судебной практики арбитражных судов позволяет констатировать массовый характер публикации в судебных актах по делам о банкротстве граждан сведений о состоянии здоровья не только должников, но и членов их семей. В качестве примеров можно привести определение Арбитражного суда Нижегородской области от 05 июня 2025 года по делу № А43-32261/2024, в котором указан диагноз супруга должника – «рак предстательной железы» [15], а также определение Арбитражного суда Московской области от 12 мая 2025 года по делу № А41-105055/23, где раскрыт диагноз супруги должника – «злокачественное новообразование (рак) прямой кишки» [16].

Актуальность проблемы обеспечения защиты конфиденциальных данных граждан, не являющихся участниками процедур банкротства, определяется отсутствием в действующем законодательстве правозащитного механизма, предоставляющего таким лицам возможность эффективно защищать свои права и законные интересы при опубликовании и распространении их личных сведений в судебных актах арбитражных судов, то есть не предусмотрен какой-либо компенсаторный механизм.

О наличии системной проблемы, связанной с отсутствием компенсаторного механизма защиты прав граждан, не проходящих процедуру банкротства, но вовлеченных в сферу арбитражного судопроизводства, свидетельствует позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Определении от 26 октября 2021 года № 2353-О [17].

Основанием для обращения к органу конституционного контроля послужила ситуация, при которой гражданин, рассчитывавший на получение компенсации ущерба, причиненного арбитражным судом в результате размещения его персональных данных в судебных актах по делу о банкротстве, возбужденного не в отношении него, предпринял попытку судебной защиты, предъявив иск к арбитражному суду в суд общей юрисдикции. Между тем судебные инстанции констатировали невозможность разрешения данного спора в рамках гражданского судопроизводства и отказали в принятии иска к производству суда.

Орган конституционного контроля воздержался от признания наличия законодательного пробела в части отсутствия правозащитных механизмов, нормативно установленных и позволяющих своевременно отстаивать права лиц, чьи персональные данные опубликованы в судебных актах по делам о банкротстве. С одной стороны, такая позиция может быть обусловлена тем, что орган конституционного правосудия не всегда принимает к производству жалобы, связанные с выявлением пробелов в законодательстве, поскольку их восполнение предполагает внесение изменений в нормативные акты, что не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. С другой стороны, все решения органа конституционного контроля обладают одинаковыми юридическими свойствами, адресованы не только правотворческим, но и правоприменительным органам. И в данном рассматриваемом решении Конституционного Суда Российской Федерации было отражено, что до обращения к органу конституционного контроля председатель арбитражного суда направил гражданину ответ, в котором указал, что «приводить в судебных актах полные его данные о месте жительства заявителя не было необходимости, такие нарушения исправлены, и судебные акты размещены в соответствии с требованиями указанных нормативных актов».

Из изложенного следует, что Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев обращение гражданина, фактически дал свою реакцию на сложившуюся ситуацию, поддержав позицию председателя арбитражного суда о том, что размещение в судебных актах полных данных лиц, не являющихся должниками в процедуре банкротства, не является необходимым. Вместе с тем, констатировав факт устранения выявленных нарушений, орган конституционного правосудия не сформулировал правовой позиции, направленной на восполнение существующего законодательного пробела и создание эффективного механизма защиты прав указанной категории лиц. Такое решение органа конституционного правосудия, хотя и подтверждает недопустимость избыточного раскрытия персональных данных, не обеспечивает превентивной защиты прав граждан, чьи личные сведения могут быть опубликованы в судебных актах в будущем, и не создает процессуальных возможностей для своевременного восстановления нарушенных прав и получения компенсации причиненного вреда.

Следующим аспектом реализации института компенсации морального вреда в арбитражном судопроизводстве выступают дела, связанные с оспариванием действий (бездействия) финансового управляющего.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Формируется судебная практика арбитражного суда при рассмотрении требований к финансовым управляющим о взыскании морального вреда за неправомерное распространение ими персональных данных.

Такие ситуации предъявления к финансовым управляющим требований о прекращении незаконного распространения персональных данных могут возникать и в случаях, когда ранее излишние персональные данные были размещены в судебном акте арбитражного суда, а затем опубликованы финансовым управляющим в виде сообщения в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ), содержащего в электронном виде соответствующий судебный акт из Картотеки арбитражных дел (КАД). Впоследствии по заявлению заинтересованного лица арбитражный суд переопубликовал судебный акт, исключив из него излишние персональные данные, а финансовый управляющий не удалил свою первоначальную публикацию. То есть, после устранения нарушения со стороны арбитражного суда сохраняется его последствие в виде продолжающегося распространения персональных данных в сообщении финансового управляющего в ЕФРСБ, что порождает самостоятельные основания для предъявления требований о защите нарушенных прав непосредственно к финансовому управляющему.

Анализ определения Арбитражного суда Новосибирской области от 27 января 2026 года по делу № А45-22576/2024 показывает, что арбитражные суды предъявляют завышенные требования к доказыванию как факта распространения персональных данных, так и факта причинения нравственных страданий, требуя представления медицинских документов и свидетельских показаний [18]. Такой подход не учитывает, что при нарушении личных неимущественных прав сам факт неправомерного распространения охраняемых сведений (при его доказанности) является достаточным основанием для компенсации морального вреда.

Из вышеуказанного следует, что защита личных неимущественных прав в арбитражном судопроизводстве посредством института компенсации морального вреда при незаконном распространении персональных данных, фактов частной жизни, находится в процессе становления.

Одновременно, в арбитражной судебной практике формируется новое направление применения института компенсации морального вреда – защита деловой репутации арбитражных управляющих от необоснованных жалоб участников дела о банкротстве. Специфика данной категории споров обусловлена публично-правовым характером деятельности управляющего, открытостью сведений о поданных жалобах на сайтах Росреестра и СРО, а также негативным воздействием неопределенности исхода рассмотрения жалобы на психоэмоциональное состояние управляющего.

В определении от 02 октября 2023 года по делу № А40-245757/2015 Верховный Суд Российской Федерации сформулировал ключевые подходы к разрешению споров о компенсации морального вреда в пользу арбитражных управляющих [19]. Суд установил, что сам факт необоснованного обвинения (жалобы) презюмирует причинение нравственных страданий, а отсутствие медицинских документов влияет лишь на определение размера компенсации, но не является основанием для отказа в удовлетворении требования.

Однако обозначенный подход не нашел последовательного применения в нижестоящих судах. Иллюстрацией служит определение Арбитражного суда города Москвы от 28 декабря 2024 года по делу № А40-170918/2021, которым арбитражному управляющему было отказано в удовлетворении требования о компенсации морального вреда [20]. В обоснование отказа суд указал на отсутствие судебного акта суда общей юрисдикции, подтверждающего право на компенсацию, а также на то, что споры о компенсации морального вреда не входят в компетенцию арбитражных судов и не подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве.

Представляется, что правовая позиция, сформулированная Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 02 октября 2023 г. по делу № А40-245757/2015, согласно которой подача необоснованной жалобы на действия (бездействия) арбитражного управляющего презюмирует возникновение права на компенсацию морального вреда, требует дополнительного доктринального осмысления и уточнения. Конституционное право граждан на обжалование действий должностных лиц и иных субъектов, наделенных публичными функциями (статья 46 Конституции РФ), реализуемое в состязательном процессе, не должно ограничиваться риском возмещения морального вреда за сам факт обращения, если не доказан умысел на причинение вреда или злоупотребление правом. В противном случае возникает ограничение в реализации конституционного права на судебную защиту. Данный вопрос требует проведения самостоятельного исследования, включающего: сравнительно-правовой анализ статуса арбитражного управляющего в деле о банкротстве и судебного пристава-исполнителя в рамках исполнительного производства с точки зрения объема их публично-правовых функций; оценку соответствия взыскания морального вреда в пользу управляющего за подачу жалобы конституционным принципам доступа к правосудию, состязательности и равенства; определение критериев добросовестно-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сти/недобросовестности заявителя, позволяющих дифференцировать ответственность за необоснованное обжалование.

В рамках исследования проблем конституционализации арбитражного судопроизводства также заслуживает внимания вопрос о правовом режиме денежных средств, поступивших в конкурсную массу должника в качестве компенсации морального вреда, и возможности их исключения из конкурсной массы. Значимость рассматриваемого вопроса определяется необходимостью достижения баланса между имущественными интересами кредиторов, нуждающихся в максимальном удовлетворении своих требований, и личными неимущественными правами должника, для которого компенсация морального вреда имеет особое нематериальное (мемориальное) значение.

Реализуя свои контрольно-интерпретационные полномочия Верховный Суд Российской Федерации в определении от 18 февраля 2026 г. № 304-ЭС25-1316 (5) по делу № А70-9027/2023 обозначил условия включения денежных средств в счет компенсации морального вреда в конкурсную массу должника, указал на то, что компенсация морального вреда обладает иммунитетом только при отсутствии злоупотреблений. Судом могут быть установлены недобросовестные умышленные действия должника в отношении своих кредиторов, за счет которых должник фактически уже получил требуемую им компенсацию. В этом случае кредиторы вправе рассчитывать на деньги, поступившие в конкурсную массу в виде компенсации морального вреда [21].

Ранее уже рассматривались Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 07 июля 2021 года № 309-ЭС21-4917 по делу №А71-1097/2020 вопросы об исключении из конкурсной массы должника денежных сумм, поступающих в конкурсную массу как компенсация морального вреда, тогда злоупотребления правом со стороны должника выявлено не было, и с учетом других обстоятельств дела Верховный Суд РФ установил, что выплата денежных средств в качестве компенсации морального вреда является для должника «прежде всего, духовной, мемориальной ценностью, имеющей особую нематериальную значимость, не свойственную другим (обычным) участникам гражданских отношений», а также что для кредиторов не будет иметь реальный экономический смысл в качестве способа погашения долгов [22].

Анализ указанных определений Верховного Суда Российской Федерации 2021 и 2026 годов свидетельствует о том, что в рамках конституционализации арбитражного судопроизводства при рассмотрении дел о банкротстве граждан лишь в настоящее время намечается тенденция к формированию дифференцированных условий исключения из конкурсной массы должника денежных средств, полученных в качестве компенсации морального вреда.

Обращаясь к следующему проблемному аспекту, отметим, что особую сложность в правоприменительной практике вызывает определение очередности удовлетворения требований о компенсации морального вреда при их включении в реестр требований кредиторов.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 августа 2023 года № 308-ЭС23-5080 по делу № А32-36241/2021 компенсация морального вреда была включена в первую очередь реестра требований кредиторов [23]. Данный судебный акт обозначил важный вектор развития правоприменительной практики, однако оставил открытым вопрос о единообразном подходе к определению очередности для всех категорий требований о компенсации морального вреда.

Как представляется, дальнейшее развитие судебной практики пойдет по пути дифференцированного подхода, при котором очередность удовлетворения требований о компенсации морального вреда будет определяться не единообразно, а в зависимости от правовой природы требования. Если моральный вред причинен в связи с повреждением здоровья или смертью гражданина (то есть непосредственно связан с причинением вреда жизни и здоровью), такие требования, руководствуясь принципом приоритетной защиты наиболее социально значимых благ, будут подлежать включению в первую очередь реестра. Если же моральный вред вытекает из иных правоотношений (например, защита чести, достоинства, деловой репутации, нарушение прав потребителя, незаконное распространение персональных данных, компенсация), то, вероятно, будут относиться к третьей очереди.

Выводы

Проведенное исследование проблем конституционализации арбитражного судопроизводства в части правового регулирования института морального вреда в делах о банкротстве граждан и защиты личных неимущественных прав, включая анализ судебной практики арбитражных судов, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, позволяет сформулировать следующие основные выводы.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Установлена устойчивая зависимость между отсутствием в законодательстве специальных норм об обезличивании персональных данных граждан, в отношении которых не вводилась процедура банкротства, и систематическим раскрытием в судебных актах арбитражных судов конфиденциальной информации об этих гражданах. Выявлено, что наиболее часто публикуемыми сведениями выступают данные о несовершеннолетних детях (полные имена, даты рождения, места обучения, адреса образовательных учреждений), сведения о состоянии здоровья (включая онкологические заболевания) как самих должников, так и членов их семей при разрешении обособленных споров об исключении имущества из конкурсной массы должника.

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие прямой корреляции между отсутствием в арбитражном процессуальном законодательстве компенсаторных механизмов защиты прав граждан, персональные данные которых оказались опубликованными в судебных актах по делам о банкротстве иных лиц, и фактической невозможностью для таких граждан восстановить нарушенные права и получить соразмерную компенсацию причиненного вреда.

Обнаружена дифференциация подходов к ответственности за неправомерное распространение персональных данных в зависимости от субъекта правонарушения: в отношении финансовых управляющих формируется устойчивая практика привлечения к ответственности в виде компенсации морального вреда, тогда как в отношении арбитражных судов (как органов публичной власти) аналогичный механизм отсутствует, что создает дисбаланс в правовой защите граждан.

Установлена зависимость между сложившимися в судебной практике требованиями к доказыванию морального вреда (необходимость предоставления медицинских документов, свидетельских показаний, информации из СМИ) и низкой эффективностью защиты личных неимущественных прав в арбитражном процессе. При этом правовая позиция Верховного Суда РФ, выраженная в определении от 02.10.2023 по делу № А40-245757/2015, ориентирует на то, что отсутствие медицинских справок свидетельствует не об отсутствии нравственных страданий, а лишь влияет на определение размера компенсации, однако данная позиция не получила единообразного применения в практике арбитражных судов.

Выявлена связь между публично-правовым характером деятельности арбитражного управляющего и формированием судебной практики о взыскании морального вреда в его пользу за необоснованные и немотивированные жалобы, подрывающие деловую репутацию. При этом установлено отсутствие единообразия в подходах арбитражных судов: наряду с применением ориентиров Верховного Суда РФ сохраняется практика отказа в рассмотрении таких требований со ссылкой на неподведомственность споров о компенсации морального вреда арбитражным судам.

Обоснована необходимость законодательного восполнения выявленных пробелов путем внесения изменений в положения статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» с установлением перечня сведений, подлежащих обязательному обезличиванию. Представляется необходимым дополнить часть 8 статьи 11 АПК РФ положением, предусматривающим возможность ограничения публичного объявления судебных актов арбитражного суда в случаях, если они затрагивают права и законные интересы несовершеннолетних лиц. Данное предложение основано на аналогии с нормами, закрепленными в ГПК РФ и КАС РФ, которые уже содержат соответствующие гарантии защиты прав несовершеннолетних при оглашении судебных постановлений.

Установлена эволюция правовых подходов Верховного Суда РФ к определению правового режима компенсации морального вреда в делах о банкротстве граждан. Ранее высшая инстанция акцентировала внимание на мемориальной природе компенсации и ее особой нематериальной значимости для должника, квалифицировав ее как «духовную, мемориальную ценность», то в дальнейшем Верховный Суд РФ сформулировал условия оценки недобросовестного поведения должника, при которых компенсация утрачивает иммунитет и подлежит включению в конкурсную массу.

Установлена возможность определения очередности удовлетворения требований о компенсации морального вреда при их включении в реестр требований кредиторов.

Проведенное исследование подтверждает, что институт защиты личных неимущественных прав в арбитражном судопроизводстве посредством компенсации морального вреда находится на начальном этапе формирования и требует дальнейшего доктринального и законодательного развития для обеспечения баланса между принципом гласности правосудия и конституционным правом граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Развитие контрольно-интерпретационных полномочий Верховного Суда РФ в сфере регулирования правового режима компенсации морального вреда в делах о банкротстве граждан отражает общие тенденции конституционализации арбитражного судопроизводства, ориентированного на поиск справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными неимущественными правами граждан-должников.

Список источников

1. Клепикова О.Г. Роль суда в арбитражном судопроизводстве через призму принципов цивилистического процесса // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 119 – 127.

2. Ремизова О.Н. Роль арбитражного суда в конкурсном процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 4. С. 46 – 55. DOI 10.46279/ASMO.2025.38.59.005

3. Фадеева С.В. Об отдельных аспектах осуществления экономического правосудия судами первой инстанции на современном этапе // Неволинские чтения – 2025: Сборник докладов X Всероссийской научно-практической конференции, Киров, 11 декабря 2025 года. Киров: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 54 – 61.

4. Определение Арбитражного суда Волгоградской области от 09 февраля 2026 года по делу №А12-26191/2025. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3ca2a6a-c5a7-4293-8195-20a630cdac0e/5207773c-cb4f-40c8-b3bf-0bcecebbf349/A12-26191-2025_20260209_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращение: 28.11.2025)

5. Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 03 марта 2026 года по делу №А65-16243/2025. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3bddf031-3811-4ce1-ae7e-f015779cf8b5/8dbffcf2-cd04-4836-aa61-cba7b0183187/A65-16243-2025_20260303_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

6. Клепикова О.Г. Защита конфиденциальных данных в арбитражном судопроизводстве как форма информационной безопасности личности // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 500 – 504.

7. Клепикова О.Г. Правовые основы защиты права несовершеннолетнего на конфиденциальность в арбитражном судопроизводстве // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Т. 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 88 – 91.

8. Клепикова О.Г., Кошкина И.Г. Нарушение прав несовершеннолетнего при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Детство – территория безопасности: Сборник материалов конференции, Москва, 17-18 ноября 2022 года. Москва: Издательство «Саратовский источник», 2022. С. 55 – 58.

9. Клепикова О.Г. Конституционные основы защиты прав гражданина при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 127 – 130.

10. Климова А.Н., Клепикова О.Г. Судебные акты в деле о банкротстве гражданина: пробелы законодательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 294 – 298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294

11. Определение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 12 марта 2026 года по делу №А58-8147-3/25. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8147-2025_20260312_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

12. Определение Арбитражного суда Челябинской области от 28 октября 2024 года по делу А76-23633/2024. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf//A76-23633-2024_20241028_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

13. Определение Арбитражного суда Белгородской области от 29 января 2026 года по делу №А08-9568/2025 Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9568-2025_20260129_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

14. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

15. Определение Арбитражного суда Нижегородской области от 05 июня 2025 года по делу А43-32261/2024. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ace54f8b-5a52-4981-be11-32261-2024_20250605_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

16. Определение Арбитражного суда Московской области от 12 мая 2025 года по делу №А41-105055/23 Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fe055-2023_20250512_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 2353-О. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision567874.pdf (дата обращения: 28.11.2025)

18. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 27 января 2026 года по делу № А45-22576/2024. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15b48514-98bd-477b-20260127_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

19. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02 октября 2023 г. по делу № А40-245757/2015. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/02b572db-1100-442a-bbe9-95789a89eeb6/55ff6308-7fb3-4f50-94af-b68d33e4df48/A40-245757-2015_20231003_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

20. Определение Арбитражного суда города Москвы от 28 декабря 2024 по делу № А40-170918/2021 Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/9040-170918-2021__20241228.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

21. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2026 г. № 304-ЭС25-1316 (5) по делу № А70-9027/2023. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf-4dd5-4892-970d-144e93e5512f/A70-9027-2023_20260218_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2021 № 309-ЭС21-4917 по делу №А71-1097/2020 Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL:https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/A71-1097-2020_20210707_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

23. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 августа 2023 года № 308-ЭС23-5080 по делу №А32-36241/2021 Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/36241-2021_20230821_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025)

References

1. Klepikova O.G. The Role of the Court in Arbitration Proceedings through the Prism of the Principles of Civilistic Process. Legal Epistemology. 2024. No. 6. P. 119 – 127.

2. Remizova O.N. The Role of the Arbitration Court in Bankruptcy Proceedings. Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2025. No. 4. P. 46 – 55. DOI 10.46279/ASMO.2025.38.59.005

3. Fadeeva S.V. On Certain Aspects of the Administration of Economic Justice by Courts of First Instance at the Present Stage. Nevolin Readings – 2025: Collection of Reports of the X All-Russian Scientific and Practical Conference, Kirov, December 11, 2025. Kirov: O.E. Kutafina (MSAL), 2025. P. 54 – 61.

4. Determination of the Arbitration Court of the Volgograd Region dated February 9, 2026, in case No. A12-26191/2025. Inf. system "Arbitration Case File". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3ca2a6a-c5a7-4293-8195-20a630cdac0e/5207773c-cb4f-40c8-b3bf-0bcecebbf349/A12-26191-2025_20260209_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

5. Determination of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated 3 March 2026 in case No. A65-16243/2025. Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3bddf031-3811-4ce1-ae7e-f015779cf8b5/8dbffcf2-cd04-4836-aa61-cba7b0183187/A65-16243-2025_20260303_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

6. Klepikova O.G. Protection of Confidential Data in Arbitration Proceedings as a Form of Personal Information Security. Legal Science. 2025. No. 4. P. 500 – 504.

7. Klepikova O.G. Legal basis for protecting the right of a minor to confidentiality in arbitration proceedings. Novels of law, economics and management 2022: Proceedings of the VIII International scientific and practical conference, Gatchina, November 25, 2022. Vol. 1. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2023. P. 88 – 91.

8. Klepikova O.G., Koshkina I.G. Violation of the rights of a minor in the implementation of the principle of publicity in arbitration proceedings. Childhood is a territory of safety: Collection of conference materials, Moscow, November 17-18, 2022. Moscow: Saratovsky Istochnik Publishing House, 2022. P. 55 – 58.

9. Klepikova O.G. Constitutional foundations for protecting the rights of a citizen in the implementation of the principle of publicity in arbitration proceedings. Legal science. 2023. No. 3. P. 127 – 130.

10. Klimova A.N., Klepikova O.G. Judicial acts in a citizen's bankruptcy case: legislative gaps. Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 4. P. 294 – 298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294

11. Determination of the Arbitration Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated March 12, 2026 in case No. A58-8147-3/25. Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8147-2025_20260312_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

12. Determination of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region dated October 28, 2024, in case A76-23633/2024. Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf//A76-23633-2024_20241028_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date accessed: 28.11.2025)

13. Determination of the Arbitration Court of Belgorod Region dated 29 January 2026 in case No. A08-9568/2025 Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9568-2025_20260129_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

14. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated 26.10.2002 No. 127-FZ. Legal reference system "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

15. Determination of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region dated 5 June 2025 in case A43-32261/2024. Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ace54f8b-5a52-4981-be11-32261-2024_20250605_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

16. Determination of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 12 May 2025 in case No. A41-105055/23 Inf. system "Arbitration Case File". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fe055-2023_20250512_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

17. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 26, 2021 No. 2353-O. Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision567874.pdf (date of access: 28.11.2025)

18. Determination of the Arbitration Court of Novosibirsk Oblast of January 27, 2026 in case No. A45-22576/2024. Inf. system "Card Index of Arbitration Cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15b48514-98bd-477b-20260127_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

19. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 2, 2023, in case No. A40-245757/2015. Inf. system "Arbitration Case File". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/02b572db-1100-442a-bbe9-95789a89eeb6/55ff6308-7fb3-4f50-94af-b68d33e4df48/A40-245757-2015_20231003_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

20. Determination of the Moscow Arbitration Court dated December 28, 2024, in case No. A40-170918/2021. Information system "Arbitration Case File." URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/9040-170918-2021__20241228.pdf?isAddStamp=True (date of access: 11.28/2025)

21. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 18, 2026, No. 304-ES25-1316 (5) in case No. A70-9027/2023. Information system "Arbitration Case File." URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf-4dd5-4892-970d-144e93e5512f/A70-9027-2023_20260218_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

22. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2021 No. 309-ES21-4917 in case No. A71-1097/2020 Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/A71-1097-2020_20210707_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

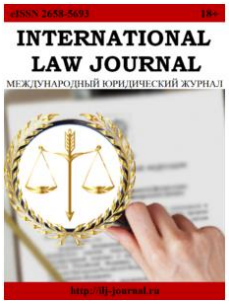
23. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 21, 2023 No. 308-ES23-5080 in case No. A32-36241/2021 Inf. system "Card index of arbitration cases." URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/36241-2021_20230821_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 28.11.2025)

Информация об авторах

Климова А.Н., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-2781-6210, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, a.klimova@rsu-rzn.ru

Клепикова О.Г., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-6469-6748, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, o.klepikova@rsu-rzn.ru

© Климова А.Н., Клепикова О.Г., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 34.343
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-119-124

Значение следственной и судебной практики в совершенствовании уголовного законодательства

[1] Лоскутова К.В., [1, 2] Капица Т.А.,
[1] Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
[2] Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: *в современных условиях развития российского уголовного законодательства, отмечаются тенденции гуманизации уголовной политики, повышения эффективности правоприменения и адаптации норм к вызовам цифровизации. Следственная и судебная практика приобретает значение ключевого механизма выявления пробелов, коллизий и несоответствий действующего уголовного законодательства. Следственная практика, опирающаяся на опыт органов предварительного расследования, и судебная практика, представленная массивом судебных решений, постановлений Пленума Верховного Суда РФ и обзоров практики, выступают не только показателями эффективности действия уголовного закона. Она определяет направление его совершенствования. В статье анализируется значение следственной и судебной практики как ключевого механизма совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации. Целью исследования является выявление роли эмпирического правоприменительного опыта органов предварительного расследования и судов в обнаружении коллизий, пробелов и несоответствий действующих норм Уголовного кодекса РФ, а также в обосновании законодательных инициатив. В ходе исследования ставятся и решаются задачи: раскрыть сущность и функции следственной и судебной практики, показать их взаимосвязь с процессом законотворчества, выявить типичные проблемы правоприменения в сфере уголовного права (в том числе в области киберпреступлений и тяжких преступлений против жизни и собственности) и предложить меры по повышению эффективности учёта практики в уголовно правовом регулировании. Полученные результаты имеют серьёзную практическую значимость: они могут быть использованы законодателем при подготовке поправок в УК РФ, а также правоохранительными органами, судами и образовательными учреждениями для совершенствования правоприменительной деятельности, методики обучения и повышения квалификации специалистов в области уголовного права.*

Ключевые слова*: судебная практика, следственная практика, влияние, совершенствование, уголовное законодательство, Уголовный кодекса РФ, Верховный Суд РФ, следственные органы, органы дознания*

Для цитирования: Лоскутова К.В., Капица Т.А. Значение следственной и судебной практики в совершенствовании уголовного законодательства // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 119 – 124. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-119-124

Поступила в редакцию: 2 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The importance of investigative and judicial practice in improving criminal law

[1] Loskutova K.V., [1, 2] Kapitsa T.A.,
[1] Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
[2] North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Abstract: *in the modern conditions of the development of Russian criminal legislation, there are trends in humanizing criminal policy, increasing the effectiveness of law enforcement and adapting norms to the challenges of digitalization. Investigative and judicial practice is becoming a key mechanism for identifying gaps, conflicts and inconsistencies in current criminal legislation. Investigative practice, based on the experience of the preliminary investigation authorities, and judicial practice, represented by an array of court decisions, rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and reviews of practice, are not only indicators of the effectiveness of the criminal law. It determines the direction of its improvement. The article analyzes the importance of investigative and judicial practice as a key mechanism for improving the criminal legislation of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the role of empirical law enforcement experience of preliminary investigation bodies and courts in detecting collisions, gaps and inconsistencies in the current norms of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as in substantiating legislative initiatives. The research sets and solves the following tasks: to reveal the essence and functions of investigative and judicial practice, to show their relationship with the process of lawmaking, to identify typical problems of law enforcement in the field of criminal law (including in the field of cybercrimes and serious crimes against life and property) and to propose measures to improve the effectiveness of accounting practices in criminal law regulation. The results obtained have serious practical significance: they can be used by the legislator in the preparation of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, as well as by law enforcement agencies, courts and educational institutions to improve law enforcement activities, training methods and professional development of specialists in the field of criminal law.*

Keywords: *judicial practice, investigative practice, influence, improvement, criminal legislation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, investigative bodies, bodies of inquiry*

For citation: Loskutova K.V., Kapitsa T.A. The importance of investigative and judicial practice in improving criminal law. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 119 – 124. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-119-124

The article was submitted: February 2, 2026; Approved after reviewing: April 1, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Следственная практика представляет собой систематизированный опыт работы органов предварительного расследования. Сущность следственной практики заключается в ее эмпирическом характере, позволяющим установить реальные алгоритмы применения норм УК РФ на этапе досудебного производства. Она формируется в процессе повседневной оперативно-розыскной и процессуальной деятельности следователей и дознавателей. В ней объединены типовые проблемы доказывания, квалификации составов преступлений и индивидуализации процессуальных решений. В отличие от абстрактных доктринальных конструкций, следственная практика носит прикладной характер. Он позволяет обнаружить диспозитивные пробелы норм УК РФ. Например, неопределенность признаков субъективной стороны или объективных обстоятельств. Источниками следственной практики выступают обзоры следственной практики: ежегодные аналитические сборники СК РФ по категориям дел, например, об обобщении практики расследования экономических преступлений за 2024-2025 гг., а также статистические отчеты Генеральной прокуратуры РФ, а материалы ведомственного контроля и прокурорского надзора [1].

Материалы и методы исследований

Следственная практика выполняет правоприменительную роль, обеспечивая единообразие толкования правовых норм на этапе расследования. Помимо этого, следует выделить функцию толкования правовых норм, воспитательную и прогностическую. Примером влияния на квалификацию преступлений служит практика расследования убийств, совершенных в состоянии аффекта. В обзорах СК РФ 2023-2025 гг. выявлена неоднозначность критериев «внезапного сильного душевного волнения», что привело к корректировке судебной практики и инициировало дискуссии о декриминализации отдельных случаев [2].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты и обсуждения

Судебная практика определяется как систематизированный, обобщенный и официально признанный массив судебных актов, отражающий устоявшиеся подходы судов общей юрисдикции, арбитражных судов, а также Верховного Суда Российской Федерации к разрешению уголовных дел. Ее заключается в способности формировать ориентиры без формального признания прецедента источником права. Кроме того, судебная практика служит катализатором законодательных преобразований. Разграничение судебной практики с прецедентным правом принципиально. В России она не обладает нормативно-правовой силой, но является обязательной для нижестоящих судов в целях обеспечения законности и единообразия. Это подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, отраженной в Постановлении № 15-П от 16.06.1998 г., согласно которому, формами судебной практики выступают постановления Пленума ВС РФ, обзоры судебной практики ВС РФ. Судебная практика обладает таким признаков как иерархичность, в соответствии с ним постановления Пленума ВС РФ носят обязательный характер для всех судов, обзоры имеют рекомендательный характер [3].

Следственная и судебная практика совершенствуют УК РФ, позволяют дать оценку эффективности уголовно-правовых норм и сформировать законодательные инициативы. Это обеспечивает взаимодействие правовых норм и практики в условиях динамичного развития преступности и правовых отношений. Их влияние выражается посредством обнаружения коллизий и пробелов в нормах УК РФ. Это связано с систематическим анализом типовых правоприменительных противоречий. Например, в сфере киберпреступлений, где следственная практика Следственного комитета РФ фиксирует недостаточную конкретизацию объективной стороны. Сложности возникают, прежде всего, с доказыванием удаленного доступа без физического контакта. Верховный Суд РФ в обзорах подчеркивает отсутствие единообразной квалификации киберпреступлений. Поэтому возникают предложения по уточнению диспозиций. Кроме того, обобщенная судебная практика в виде обзоров и постановлений Пленума ВС РФ нередко становится законодательной инициативой [4].

Сравнительно-правовой анализ роли практики в совершенствовании уголовного законодательства подчеркивает специфику российской модели. В США судебная практика имеет нормативную силу и напрямую модифицирует уголовный закон. Это обеспечивает гибкость уголовного законодательства, но сохраняет риски субъективизма. В Германии) судебная практика не является формальным источником права, но обзоры Федерального суда и Федерального конституционного суда играют ключевую роль. Например, практика по делам о киберпреступлениях влияет на поправки Бундестага, а следственная практика обобщается в ежегодных отчетах [10].

Следственная и судебная практика оказывают определяющее влияние на эволюцию ключевых институтов УК РФ, выступая в роли ориентира для законодательных изменений, адаптации правовых норм к реальным условиям. Это обеспечивает достижение баланса между абстрактной нормой и конкретным социальным контекстом. В общей части УК РФ, регулирующей фундаментальные начала уголовной ответственности, практика конкретизирует и уточняет принципы законности и вины, устраняет неоднозначность путем постоянного анализа противоречий правовых норм [11]. Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ фиксируют типовые ошибки в квалификации, например, например, при оценке умысла в неосторожных преступлениях. Следственная практика Следственного комитета РФ выявляет чрезмерное расширение понятия «легкомыслия», что приводит к необоснованным переквалификациям на умышленные формы. Суды, опираясь на эти обзоры, уточняют критерии «предвидения общественно опасных последствий», что способствует единообразию и стимулирует законодателя уточнять диспозиции [5].

Применительно к Особенной части УК РФ влияние практики наиболее ярко проявляется в совершенствовании норм о тяжких преступлениях против жизни и собственности. Пробелы, имеющиеся в диспозициях правовых норм, могут быть обнаружены этапе расследования и судебного разбирательства. Например, применительно к ст. 105 УК РФ следственная практика констатирует неопределенность квалифицирующих признаков «особо жестоким способом». Поэтому нередко сроки расследования затягиваются из-за отсутствия критериев. Аналогично со ст. 159.6 УК РФ практика фиксирует пробелы при установлении признака, связанного с доказывания «заведомо ложных сведений» использования компьютерной информации. Применительно к институту наказания следственная и судебная оказывают влияние на назначение, в частности, на реализацию принципа индивидуализации, интегрируя смягчающие обстоятельства, связанные с поведением потерпевшего. Следственная практика предлагает фиксировать провокацию, например, систематические угрозы со стороны потерпевшего [9].

Несмотря на значительный позитивный вклад следственной и судебной практики в эволюцию УК РФ, в настоящее время сохраняются системные проблемы, ограничивающие эффективность механизма обратной

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

связи между эмпирическим опытом и нормативной базой. Это приводит к противоречиям между декларативными принципами уголовного права и их практическим воплощением. Первая ключевая проблема заключается в несогласованности практики с нормами УК РФ. Несогласованность проявляется в отсутствии единообразия толковании диспозиций уголовно-правовых, возникновении коллизий при квалификации. Например, следственные органы нередко расширительно толкуют субъективную сторону преступлений [6].

Вторая фундаментальная проблема связана с пробелами в доказывании преступлений, связанных с использованием электронной цифровой среды. Это приводит к признанию доказательств недопустимыми из-за отсутствия унифицированных стандартов аутентификации. Следственная практика сталкивается с фрагментацией баз данных, а суды с проблемами оценки цифровых следов, с отсутствием необходимых методик.

Для преодоления выявленных проблем предлагается комплекс научно обоснованных мер по совершенствованию механизмов учета следственной и судебной практики. Во-первых, необходимо внедрение системы единых разъяснений посредством издания постановлений Пленума ВС РФ. В них должны отражаться толкование ключевых понятий и алгоритмы квалификации. Это позволит снизить субъективизм. Во-вторых, требуется систематизация обобщенной практики для формирования предложений по совершенствованию УК РФ. Для этого требуется создание Межведомственного совета по подготовке ежегодных докладов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ с проектами федеральных законов. В-третьих, необходима реформа обучения, позволяющая проводить подготовку кадров на основе судебных решений, использования платформы «Электронное правосудие».

Реализация данных мер позволит сделать судебную и следственную практику инструментом уголовно-правовой политики, повышая ее адаптивность к вызовам XXI века и укрепляя верховенство права в Российской Федерации [7]. Как известно «в основе деятельности государства и функционирования его важнейших институтов, заложено формирование и реализация внутренней политики оказывающей регулятивное воздействие на общество» [8].

Проведенный анализ роли следственной и судебной практики в совершенствовании УК РФ позволяет подвести итоги. В ходе рассмотрения было установлено системообразующее значение судебной и следственной практики как объективного инструмента достижения баланса между репрессивными и гуманистическими началами уголовной политики. Учет судебной и следственной практики позволит обеспечить развитие нормативной базы в соответствии с динамикой общественных отношений, трансформацией преступности.

Выводы

Следственная практика, объединяет опыт работы органов предварительного расследования, судебная практика, систематизированная в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, обзорах практики, выступает не просто показателем эффективности правовых норм, но и источником предложений по изменению законодательства. Судебная и следственная практика позволяют выявлять коллизии, конкретизировать диспозиции уголовно-правовых норм, индивидуализировать наказание. В условиях цифровизации правосудия практика доказала свою способность устранять пробелы. Тем самым она сокращает риски произвола, повышает предсказуемость права и укрепляя доверие к системе уголовного правосудия. Однако сохраняющиеся проблемы подчеркивают необходимость целенаправленного совершенствования механизмов трансформации практики в способ уголовно-правового регулирования.

Список источников

1. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: учебник. М.: Проспект, 2025. 784 с.

2. Лупинская П.А. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2024. 672 с.

3. Тарасова Л.Я. Роль судебной практики и науки в формировании и реализации норм уголовного права // АЮВ. 2024. № 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sudebnoy-praktiki-i-nauki-v-formirovanii-i-realizatsii-norm-ugolovnogo-prava (дата обращения: 21.11.2025)

4. Лебедев В.М., Давыдов В.А., Иванова И.Н. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практическое пособие / под общей ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/425160 (дата обращения: 21.11.2025)

5. Фаргиев И.А., Чечель Г.И. Судебно-следственная практика как один из источников возникновения учения о потерпевшем в уголовном праве России // Наука. Инновации. Технологии. 2006. № 44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-sledstvennaya-praktika-kak-odin-iz-istochnikov-vozniknoveniya-ucheniya-o-poterpevshem-v-ugolovnom-prave-rossii (дата обращения: 21.11.2025)

6. Удодова М.А. Механизм воздействия судебной практики на законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 27.

7. Салимьянова Э. И. Судебная практика как источник российского уголовного права // Форум молодых ученых. 2017. № 11 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-rossiyskogo-ugolovnogo-prava-1 (дата обращения: 21.11.2025)

8. Капица В.С., Капица Т.А. Криминализация как инструмент защиты национальной безопасности // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 248 – 249.

9. Бархатова Е.Н. К вопросу о системе российского уголовного законодательства // Пенитенциарная наука. 2023. № 3. URL: https://jurnauka-vipe.ru/media/filer_public/82/penitentiary_science_volume_16_issue_3_ru.pdf (дата обращения: 27.11.2025)

10. Баранова А. В. Роль судебной практики в совершенствовании уголовного законодательства Российской Федерации // Форум молодых ученых. 2020. № 16 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sudebnoy-praktiki-v-sovershenstvovanii-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 27.11.2025)

11. Шамонов А. Ю. Влияние следственной практики на формирование уголовно правовой политики // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства. 2021. № 1. URL: http://op.raj.ru/pdf/act_probl_2019.pdf (дата обращения: 27.11.2025)

References

1. Naumov A.V. Criminal Law. General Part: Textbook. Moscow: Prospect, 2025. 784 p.

2. Lupinskaya P.A. Criminal Procedure: Textbook. Moscow: Norma, 2024. 672 p.

3. Tarasova L.Ya. The Role of Judicial Practice and Science in the Formation and Implementation of Criminal Law Norms. AYuV. 2024. No. 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sudebnoy-praktiki-i-nauki-v-formirovanii-i-realizatsii-norm-ugolovnogo-prava (date of access: 21.11.2025)

4. Lebedev V.M., Davydov V.A., Ivanova I.N. Judicial Practice of the Criminal Code of the Russian Federation: A Scientific and Practical Handbook. edited by V. M. Lebedev. 7th edition, revised and expanded. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. Text: electronic. Yurait Educational Platform [website]. URL: https://urait.ru/bcode/425160 (date of access: 21.11.2025)

5. Fargiev I.A., Chechel G.I. Forensic Investigative Practice as One of the Sources of the Emergence of the Doctrine of the Victim in Russian Criminal Law. Science. Innovations. Technologies. 2006. No. 44. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-sledstvennaya-praktika-kak-odin-iz-istochnikov-vozniknoveniya-ucheniya-o-poterpevshem-v-ugolovnom-prave-rossii (date of access: 21.11.2025)

6. Udodova M.A. Mechanism of influence of judicial practice on legislation: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2018. P. 27.

7. Salimyanova E.I. Judicial practice as a source of Russian criminal law. Forum of young scientists. 2017. No. 11 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-praktika-kak-istochnik-rossiyskogo-ugolovnogo-prava-1 (date of access: 21.11.2025)

8. Kapitsa V.S., Kapitsa T.A. Criminalization as a Tool for Protecting National Security. Eurasian Law Journal. 2022. No. 3 (166). P. 248 – 249.

9. Barkhatova E.N. On the System of Russian Criminal Legislation. Penitentiary Science. 2023. No. 3. URL: https://jurnauka-vipe.ru/media/filer_public/82/penitentiary_science_volume_16_issue_3_ru.pdf (date of access: 27.11.2025)

10. Baranova A.V. The role of judicial practice in improving the criminal legislation of the Russian Federation. Forum of young scientists. 2020. No. 16 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sudebnoy-praktiki-v-sovershenstvovanii-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii (date of access: 27.11.2025)

11. Shamonov A.Yu. The influence of investigative practice on the formation of criminal legal policy. Current problems of the theory and practice of application of criminal legislation. 2021. No. 1. URL: http://op.raj.ru/pdf/act_probl_2019.pdf (date of access: 27.11.2025)

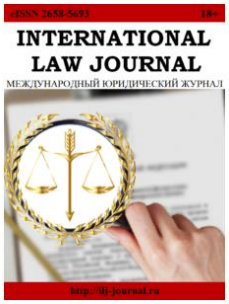
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторах

Лоскутова К.В., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Ksushasun19@gmail.com

Капица Т.А., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева; доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

© Лоскутова К.В., Капица Т.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)
УДК 341
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-125-132

Региональные механизмы международно-правового обеспечения безопасности на Ближнем Востоке

[1] Сальникова А.К.,
[1] Центр междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Аннотация: *Ближний Восток остается одним из наиболее конфликтогенных регионов мира, где переплетаются традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности (межгосударственные противоречия, гражданские войны, терроризм, распространение оружия массового уничтожения, киберугрозы).*

Обеспечение безопасности как во всем мире, так и в рассматриваемом регионе остается одной из первостепенных задач. При этом обеспечение безопасности возможности двумя путями: универсальными институтами и региональными механизмами. Неэффективность глобальных институтов в урегулировании этих кризисов актуализирует анализ именно региональных подходов к обеспечению безопасности через призму международного права.

Ключевые слова: *безопасность, право международной безопасности, ООН, Лига арабских государств (ЛАГ), ОИС (Организация исламского сотрудничества), ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), Ближний Восток*

Для цитирования: Сальникова А.К. Региональные механизмы международно-правового обеспечения безопасности на Ближнем Востоке // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 125 – 132. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-125-132

Поступила в редакцию: 3 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Regional legal mechanisms to enforce international security in the Middle East

[1] Salnikova A.K.,
[1] Center for Interdisciplinary Research Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Abstract: *the Middle East remains one of the most conflict-prone regions in the world, where traditional and non-traditional security threats (inter-state conflicts, civil wars, terrorism, proliferation of weapons of mass destruction, cyber threats) are intertwined.*

Ensuring security, both globally and in the region under consideration, remains a priority. Providing security in two ways: universal institutions and regional mechanisms. The ineffectiveness of global institutions in dealing with these crises is highlighted by the analysis of regional approaches to security through the lens of international law.

Keywords: *security, international security law, UN, League of Arab States (LAS), OIC (Organization of Islamic Cooperation), GCC (Gulf Cooperation Council), Middle East*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Salnikova A.K. Regional legal mechanisms to enforce international security in the Middle East. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 125 – 132. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-125-132

The article was submitted: February 3, 2026; Approved after reviewing: April 1, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Вопрос безопасности на Ближнем Востоке не уходит с повестки дня. При этом, перспективы налаживания обстановки в регионе представляются туманными ввиду того, что многие привычные механизмы не работают. Так, большая часть универсальных институтов, представленная системой ООН, не показывают эффективности в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке. Причин этому явлению масса: и необходимость корректирования универсальных подходов с целью их адаптации под правовые системы региона, и политизированность структур ООН, сильное влияние на внутрирегиональные процессы со стороны внешних акторов и т.д. Еще принимая во внимания то, что на уровне региона многослойные конфликты урегулируются эффективнее, ввиду того, что страны региона заинтересованы в этом как никто другой, желая нормализовать обстановку, логистические маршруты и привлечь инвестиционные средства. Поэтому имеет смысл рассмотреть региональные механизмы, которые уже есть в Ближневосточном регионе и оценить эффективность их работы.

Материалы и методы исследований

Теоретико-правовые основы региональной безопасности

Региональная система коллективной безопасности является дополнением к глобальной системе, основу которой составляет Организация Объединенных Наций. В соответствии с нормами Устава ООН любая региональная система коллективной безопасности находится в подчинении СБ ООН, несет обязательства по предоставлению последнему всей информации по возникшему спору, получению санкций СБ на применение мер с участием военного контингента [1]. При этом, рассмотрение спора на уровне региона не запрещает впоследствии рассмотреть тот же конфликт на уровне СБ ООН или иного учреждения, в том числе и судебного.

Сложно утверждать о наличии системы коллективной безопасности в рассматриваемом регионе. Скорее, есть ее «зачатки» в виде отдельных механизмов, которые, к сожалению, не отличаются эффективной работой или активным действенным участием в разрешении множества конфликтов. При этом, регион отличается специфическими чертами, оказывающими непосредственное влияние на область безопасности. Во-первых, отсутствие «жестких» механизмов принуждения, а преобладание «мягкой безопасности». То есть создание консультативных механизмов, объединений, решения или заключения которых не обладают обязательной юридической силой, а их рекомендательный характер не влечет за собой беспрекословного исполнения. Также еще одной чертой будет отсутствие единой для всего региона организации, в сферу ведения которой входят вопросы коллективной региональной безопасности. Такие организации есть, но не включают все страны Ближнего Востока по политическим разногласиям. Нельзя не принимать во внимание еще одну специфическую черту – влияние исламского фактора и конкуренцию нормативных порядков: западной модели с созданием подобия НАТО и концепцией исламской безопасности.

Результаты и обсуждения

Многоуровневая система региональных механизмов: структура и правовые основы

Основной чертой, свойственной всем системам региональной безопасности, является наличие международной межправительственной организации, в компетенцию которой входят вопросы коллективной безопасности региона. Отличиями же выступают как методы обеспечения, так и средства, в том числе и контроля. В рамках Ближнего Востока существуют несколько основных организаций, в ключевых документах которых содержатся упоминания или отсылки к коллективной безопасности стран-участниц.

Во-первых, Лига арабских государств (ЛАГ). Данная межправительственная организация объединяет 14 государств Ближневосточного региона. Безусловно, в нее входят не все государства региона (к примеру, отсутствует Израиль и Иран, поскольку не являются арабскими). В Уставе Лиги Арабских государств в статьях 5 и 6 содержатся положения, относящиеся к тематике безопасности. Статья 5 Устава ЛАГ упоминает принцип неприменения силы при разрешении споров, а ст. 6 – порядок реагирования по акт агрессии по отношению к одному из членов ЛАГ. Так, в случае агрессии или угрозы агрессии со стороны государства против государства-члена незамедлительно созывается заседание Совета и определяются меры для отраже-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ния агрессии. Именно положения ст. 6 Устава ЛАГ являются прототипом построения системы коллективной безопасности, когда существует «система реагирования» на поступающую угрозу и страны-члены организации готовы направить свои ресурсы (будь то военные силы и подразделения или материальные) на помощь другому. Помимо Устава ЛАГ стоит рассмотреть и Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве, который был принят в 1950 году [2]. Договор, вновь подтверждая приверженность государств-подписантов принципу мирного разрешения международных споров, рассматривает любое нападение на какое-либо государство как нападение на всех договаривающихся, а также представляет собой обязательство договаривающихся сторон прийти на помощь подвергнувшимся нападению. При этом к приведенному выше договору разработано «Военное приложение», закрепляющее права и обязанности договаривающихся сторон и объем их полномочий. Для реализации положений заключенного приложения к договору создается Постоянный военный комитет – орган, подотчетный Совету совместной обороны в рамках ЛАГ.

Во-вторых, Организация исламского сотрудничества (ОИС). В рамках данной организации положения о безопасности содержатся в ключевых документах: Уставе и Мекканской декларации [3]. При этом, положения Устава относятся больше к защите исламской идентичности и всего арабского мира, традиций [4]. Мекканская декларация – религиозный документ, принятый учеными богословами, также содержит лишь общие постулаты развития исламского мира, основной угрозой которого выступает терроризм и борьба с которым определена одной из ключевых целей. Помимо приведенных документов нельзя не отметить Конвенцию по борьбе с международным терроризмом, принятую в 1999 г. Фактор международного терроризма имеет колоссальное значение для региона, а также выступает одной из причин напряженности. Тематика борьбы с терроризмом нашла свою реализацию в создании профильной организации в 2015 году - Исламской военной контртеррористической коалиции. Данное межправительственное объединение было создано в 2015 году по инициативе Саудовской Аравии. На настоящий момент коалиция включает в себя более 40 государств. Основные цели деятельности данной коалиции состоят в пресечении пропаганды террористической деятельности и распространении информации о «толерантных исламских принципах и ценностях» [5]. Так, в документах ОИС не представлены положения о совместном реагировании, в том числе военными силами, на поступающие угрозы, что говорит о преобладании формата межправительственных сессий и встреч по актуальным вопросам.

В-третьих, Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ). В рамках данной межправительственной организации действует Устав, закрепляющий цели создания организации, ключевыми из которых выступают интеграция и взаимодействие стран-участниц в различных сферах [6]. При этом в данном документе не содержится положений о безопасности и обороне. Но в рамках ССАГПЗ принят отдельный акт - Договор о совместной обороне. «Государства-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, осознавая особые связи между ними, основанные на общей исламской вере, схожих ценностях и системах, и руководствуясь принципами коллективной безопасности и взаимопомощи, опираясь на собственные возможности для защиты своего суверенитета, территориальной целостности и интересов» [7], договорились о том, что любое нападение на одно из государство-член приравнивается к нападению на все государства-члены. Также государства обязуются немедленно оказать помощь подвергнувшемуся нападению государству, в том числе военную, уведомить о происходящем ЛАГ, а также развивать совместными усилиями силы быстрого реагирования договаривающихся сторон – «Щит полуострова». Несмотря на существование институциональной основы, действенных мер данные силы быстрого реагирования не применяли.

Особенностью организаций в рассматриваемом регионе выступает создание коалиций ad hoc. Принцип ad hoc, широко известный международному праву, применительно к созданию объединений подразумевает образование коалиций «для данного случая», применительно к одной конкретно ситуации. То есть практика взаимодействия объединившихся государств распространяется только на одну спорную ситуацию, и не подразумевает пролонгированного эффекта. С одной стороны, это позволяет гибко реагировать на возникающие угрозы и объединять усилия без стеснения рамками правовых норм, с другой же – наличие правовых рамок регламентирует деятельность сформированного объединения и накладывает обязанности на подписантов.

Исходя из представленной выше характеристики ключевых межправительственных организаций Ближнего Востока можно заключить следующее. Во-первых, наличие в рассмотренных организациях нормативно-правовой базы по оборонному сотрудничеству или взаимодействию в данной сфере. Во-вторых, отсутствие результатов от встреч в рамках данных организаций, за исключением призывов к соблюдению общепризнанных принципов международного права. В-третьих, из трех наиболее крупных организаций лишь

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

две имеют прямое и непосредственное отношение к оборонному сотрудничеству: ЛАГ и ССАГПЗ. При этом последний отличается наиболее разработанной нормативно-правовой базой.

Договоры

Договорные механизмы составляют «ядро» любой системы. Не является исключением и система региональной коллективной безопасности. На Ближнем Востоке договорные механизмы распространены, но по большей части в виде двусторонних соглашений. При этом, страны рассматриваемого региона также являются участниками и ключевых международно-правовых актов.

Ниже представлена информация по ключевым договорам в сфере права международной безопасности и по участию стран Ближнего Востока в эти многосторонних договорах, разделенных на ключевые группы:

1) Устав ООН

Устав ООН стоит отдельно выделить, в отрыве от остальных договоров ввиду его системообразующей позиции и нахождения в виде «ядра» всей системы универсальной коллективной безопасности. Именно данный многосторонний договор закрепляет принцип неприменения силы или угрозы применения силы [8]. В отдельных положениях Устав ООН формирует ключевые характеристики универсальной системы коллективной безопасности, а также предусматривает возможность создания региональных систем, включая требование о взаимодействии универсального и регионального уровней.

Подписантами Устава ООН выступают все страны рассматриваемого региона.

2) Договоры в области контроля над вооружениями и разоружения

К данной группе можно отнести следующие нормативные правовые акты:

- Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.;

Среди стран Ближнего Востока Израиль, хоть и являющийся обладателем ядерного оружия, не участвует в данном соглашении, сохраняя политический вектор «ядерной неопределенности». Помимо Израиля в данном договоре не участвует Султанат Оман, Королевство Бахрейн и Палестина. Остальные государства региона участвует, но в разной степени принятия. Так, большая часть стран региона ратифицировала данный международный договор, но есть и те, кто только подписали или приняли. К последним относятся: Катар и ОАЭ.

- Конвенция о запрещении химического оружия 1993 г.;

К данной конвенции из стран рассматриваемого региона не присоединились только Бахрейн и Египет. Меньшая часть стран региона не ратифицировала положения Конвенции, а лишь подписала и присоединилась. Исключением стал Израиль, который лишь подписал Конвенцию. При этом, странами, которые ратифицировали данный международный договор стали: Иран, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Турция.

- Конвенция о запрещении биологического оружия 1972 г.;

Все страны Ближнего Востока участвуют в данном международном договоре, за исключением Израиля, Омана и Палестины. Также Бахрейн и Судан лишь приняли документ без ратификации, как и Египет, Йемен и Сирия – лишь подписали.

- Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г.;

Данный договор является относительно новым и включает не так много государств-участников. Из рассматриваемого региона к ним относятся лишь Палестина и Судан (не ратификация, а лишь подписание).

- Совместный всеобъемлющий план действий 2015 г.;

Данный договор косвенно относится к этой группе ввиду того, что не является общемировым и включает лишь ограниченный круг участников: Российская Федерация, Китай, Франция, Германия, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, Высокий представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности и Исламская Республика Иран. А также посвящено не ограничению отдельного вида вооружения в целом, а недопущения его производства у одного государства - Ирана.

- Конвенция о запрещении противопехотных мин 1997 г.;

К данному международному нормативно-правовому акту присоединились Иордания, Йемен, Катар, Кипр, Судан, а также не ратифицировали, но приняли: Ирак, Кувейт, Оман, Палестина и Турция.

- Конвенция о кассетных боеприпасах 2008 г.;

В числе участников данного договора можно встретить следующие страны Ближневосточного региона: Ирак, Ливан, которые ратифицировали акт, а также Кипр, который только подписал, и Палестину, которые только принявшую.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г.;

Участниками данной конвенции среди стран Ближнего Востока выступают следующие страны. Во-первых, Йемен и Кипр, которые и подписали, и ратифицировали данный акт. Помимо них еще в формате присоединения участвуют Египет, Кувейт и Палестина. А формате подписания Иран, Ирак, Ливан, Сирия и Турция.

- Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Доп. протокол II к Женевским конвенциям) 1980 г.;

К данному дополнительному протоколу из стран Ближнего Востока присоединились только Израиль, Ирак, Кипр и Ливан.

- Договор о торговле оружием 2013 г.

К данной конвенции из стран рассматриваемого региона присоединились только 7 стран. Кипр и Ливан ратифицировали текст документа, Бахрейн, Израиль, ОАЭ и Турция лишь подписали, а Палестина приняла текст.

3) Договоры по борьбе с новыми угрозами безопасности

К данной категории документов можно отнести такие договоры, которые касаются следующих вопросов: борьба с терроризмом, с захватом заложников, противодействие финансированию терроризма, кибербезопасность. При этом, если в конвенциях и договорах по тематике борьбы с террористическими угрозами страны региона, в большинстве своем, участвуют, то в части киберпространство - не особо. Киберсфера не однородно развита в странах региона, в связи с чем, не в каждой из них становится первостепенной. Стоит отметить, что в рамках региона отсутствуют какие-либо соглашения по киберсфере, объединяющие все страны.

4) Договоры о региональной безопасности и оборонительных союзах

- Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве Лиги арабских государств 1950 г.;
- Устав Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) 1981 г. и Совместная оборонная договоренность 2000 г.;
- Арабская мирная инициатива (Инициатива саудовского короля Абдаллы) 2002 г.;
- «Соглашения Авраама» 2020 г.;
- Двусторонние договоры

Данный блок международно-правовых документов можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, наличие ряда документов в рамках межправительственных организаций, что свидетельствует о готовности государств развивать сотрудничество на региональном уровне и в подобных договорных форматах. Во-вторых, разнообразие вопросов. К примеру, есть ряд договоров о безопасности, в том числе и коллективной, а также по вопросам экономического сотрудничества, использования киберпространства, по религиозному наследию и иные. В-третьих, наличие стран «изгоев», исключенных из форматов региональной кооперации. К примеру, Иран не участвует ни в ЛАГ, ни в ССАГПЗ. В связи с чем не является участников договоров и остается «исключенным» из межрегиональных договорных механизмов.

Исходя из приведенного выше анализа, можно заключить, что страны рассматриваемого региона достаточно неактивно участвуют в договорной работе как на универсальном, так и на региональном уровнях. Так, в ключевых универсальных договорах и конвенциях в сфере безопасности ряд стран не участвует. Также остаются неразвитыми региональные механизмы, что говорит о серьезной разобщенности региона и неготовности к вступлению в договоры и взятию на себя обязательств даже по наиболее ключевым вопросам.

Международные судебные и квазисудебные механизмы

Международные судебные и квазисудебные механизмы являются значимой частью в архитектуре региональной системы международной безопасности. Данные механизмы создают правовые прецеденты и вносят вклад в развитие международного права, устанавливая рамки для оценки законности тех или иных действий государств. Помимо развития теории международного права, угроза международной уголовной юрисдикции должна оказать сдерживающий эффект на стороны конфликта. Также международное судебное разбирательство призвано восстановить нарушение прав государств. Помимо этого, факт обвинения государства в нарушении международного права, влияет на его имидж и политическую позицию, вплоть до разрыва дипломатических отношений и политической и экономической изоляции.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

К ключевым судебным механизмам можно отнести следующие:

1. Международный суд ООН

Международный суд ООН рассматривает споры между государствами по вопросам трактовки норм международного права, по спорным неурегулированным вопросам или по вопросам наличия нарушения норм международного права. При этом, обратиться в Международный суд ООН может как государство-участник международного спора, так и третье государство. Касаемо рассматриваемого региона, государства Ближнего Востока не активно участвуют в процессах Международного суда ООН. За весь период было рассмотрено не более 10 дел с участием стран региона. Из них к тематике безопасности косвенно относятся только два консультативных заключения Международного суда ООН по Палестино-израильскому конфликту: «Правовые последствия строительства стены на оккупированной Палестинской территории» [9] и «Правовые последствия политики и действий Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, и незаконности продолжающегося присутствия Израиля на оккупированной палестинской территории» [10]. При этом, данные заключения не имеют обязательной юридической силы.

2. Международный уголовный суд

Международный уголовный суд (МУС) – является первым постоянным органом международного правосудия. В перечень рассматриваемых вопросов входят вопросы преследования лиц, ответственных за геноцид, военные преступления и преступления против человечности.

В отношении Ближневосточного региона МУС рассматривает следующие ключевые дела:

- Ситуация в государстве Палестина [11]

Данное дело рассматривается судом с 2021 года и охватывает предполагаемые преступления, совершенные на оккупированных палестинских территориях, включая Западный берег, Восточный Иерусалим и сектор Газа. В разные периоды времени прокурором МУС были запрошены ордеры на арест идеров ХАМАС, а также премьер-министра и министра обороны Израиля за преступления, предположительно совершенные после 7 октября 2023 года. Расследование также включает в себя рассмотрение израильской поселенческой политики.

- Ситуация в Ливии [12]

Расследование в Ливии было инициировано в феврале 2011 года на основании резолюции Совета Безопасности ООН. Международный уголовный суд работает по делам в отношении лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях во время и после гражданской войны. В январе 2025 года МУС выдал ордер на арест Осомы Эльмасри, который обвиняется в преступлениях против человечности и военных преступлениях, включая убийства, пытки и изнасилования, совершенные в тюрьме Митига . Ранее ордера были выданы на Сейфа аль-Ислама Каддафи (сына Муаммара Каддафи) и других лиц.

Нередко обсуждается необходимость инициирования рассмотрения дел рамках международного уголовного суда по ситуациям в Сирии и Ираке. В Сирии после прихода новой власти появились новости о возможности присоединения к суду и обеспечения ответственности за военные преступления, совершенные на территории [13]. По поводу Ирака прокуратура МУС проводила предварительное изучение ситуации в связи с предполагаемыми преступлениями, совершенными военнослужащими Великобритании в период с 2003 по 2008 гг. В декабре 2020 года дело было закрыто, а прокурор пришла к выводу, что, хотя преступления, вероятно, имели место, национальные расследования, проведенные Великобританией, не позволяли сделать вывод о ее нежелании или неспособности вести судебное преследование, что является обязательным условием для вмешательства МУС.

Таким образом, МУС рассматривает несколько дел с участием стран Ближнего Востока и сталкивается с вызовами, которые, в первую очередь, связаны с готовностью государств сотрудничать с данным органом международного правосудия и политическими аспектами.

3. Специальные трибуналы

Данная категория судебных механизмов представляет собой временные судебные органы, которые создаются непосредственно для расследования и наказания за тягчайшие международные преступления, совершенные в конкретной стране или в ходе конкретного конфликта.

За всю историю существования подобных механизмов был создан один специальный трибунал по государству рассматриваемого региона – специальный трибунал по Ливану. Данный трибунал действовал в период с 2009 по 2023 гг. и был создан по инициативе ООН путем заключения соглашения между ООН и правительством Ливана для расследования убийства премьер-министра Рафика Харири.

К категории квазисудебных механизмов относятся органы или процедуры, которые не являются частью официальной судебной системы государства, но выполняют похожие функции. Так, они могут обладать

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

некоторыми чертами правосудия (рассматривают жалобы, изучают доказательства, выносят решения), но их решения, как правило, не имеют обязательной юридической силы или имеют ограниченную сферу применения.

К квазисудебный механизмам Ближнего Востока следует отнести следующие:

- Международная комиссия по Сирии [4]

Данная комиссия была создана ООН и ее эксперты собирают доказательства военных преступлений в Сирии, интервьюируют жертв и переживших пытки, публикуют списки имен преступников. Основная цель данной комиссии - собрать базу доказательств и свидетельств преступлений.

- Комитет ООН по правам человека (в части Палестины):

Помимо общей работы активно занимается проблематикой Палестины. Комитет регулярно рассматривает жалобы от жителей оккупированных территорий.

- Совет ООН по правам человека

Данный орган проводит универсальный периодический обзор по всем странам, включая Израиль, Иран, Саудовскую Аравию, где государства отчитываются о ситуации с правами человека.

Несмотря на отсутствие у квазисудебных механизмов полномочий по привлечению виновных лиц к ответственности, они выполняют важные функции, а именно дают правовую оценку событиям, фиксируют факты нарушений.

Судебные и квазисудебные механизмы в структуре региональной системы коллективной безопасности являются не ключевым основополагающим институтом, как, зачастую, международная межправительственная организация, а представляют собой важный элемент, который формирует правовые рамки для деятельности государств и негосударственных акторов, выступают инструментом политической борьбы. Но, в тоже время, их эффективность в качестве механизма сдерживания или принуждения к миру крайне ограничена в условиях глубоких политических расколов как внутри региона, так и на глобальном уровне.

Выводы

В рамках проведенного анализа можно заключить об отсутствии на Ближнем Востоке сформированной системы региональной коллективной безопасности. Во-первых, ввиду отсутствия всеобъемлющей, инклюзивной региональной организации, включающей всех ключевых игроков региона (а особенно Иран, Израиль и Турцию). Во-вторых, ввиду конфликтогенности региона и высокой конкуренции региональных держав. Борьба между ключевыми региональными державами за роль гегемона приводит к торпедированию любых проектов коллективных механизмов. В-третьих, исходя из анализа договорных и судебных (как и квазисудебных) механизмов видно нежелание государств региона ими пользоваться и активно вступать. Подобная позиция, присущая большинству стран, сформировалась исходя из исторического развития и трагичного опыта редких случаев обращения стран региона к ним и не получивших результатов. Региону присуще доминирование силовых подходов решения конфликтов, а также отношение к международно-правовым нормам как к нормам светского и европейского права, отчасти чуждого национальной идентичности региона. В связи с этим, наблюдаются перспективы налаживания кооперации, особенно в вопросах коллективной безопасности, но не в рамках региональной организации, а в рамках небольших объединений или двусторонних отношений.

Список источников

1. Устав ООН Статья 54 [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 20.11.2025)

2. Treaty of Joint Defense and Economic Cooperation Between the States of the Arab League [Электронный ресурс] URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arabjoin.asp (дата обращения: 20.11.2025)

3. Мекканская декларация. [Электронный ресурс] URL: https://islamnews.ru/news-mekkanskaya-deklaraciya/ (дата обращения: 15.11.2025)

4. Charter of the Organisation of Islamic Cooperation [Электронный ресурс] URL: https://bdrive.oic-oci.org/index.php/s/ww4mTX6sNKrKH24 (дата обращения: 15.11.2025)

5. https://una-oic.org/ru/стратегические_партнеры/Исламский-военный-альянс-по-борьбе-с-ИГИЛ/

6. Primary law [Электронный ресурс] URL: https://www.gcc-sg.org/en/AboutUs/Pages/PrimaryLaw.aspx (дата обращения: 15.11.2025)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

7. Joint Defence Agreement of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf [Электронный ресурс] URL: https://data.qanoon.om/treaties/2001-0081AAR.pdf?_ (дата обращения: 20.11.2025)
8. Устав ООН Статья 2 https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 20.11.2025)
9. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/advisory-opinions/advisory-opinions-2004-ru.pdf (дата обращения: 20.11.2025)
10. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-00-en.pdf (дата обращения: 20.11.2025)
11. https://www.icc-cpi.int/palestine (дата обращения: 20.11.2025)
12. https://www.icc-cpi.int/situations/libya (дата обращения: 20.11.2025г)
13. https://www.aa.com.tr/ru/мир/адвокаты-жертв-сирийского-режима-призвали-мус-вынести-ордер-на-арест-асада-и-его-соратников/3446903# (дата обращения: 20.11.2025)
14. https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/hrc/iici-syria/independent-international-commission (дата обращения: 20.11.2025)

References

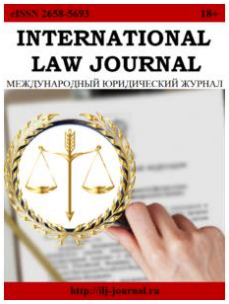
1. UN Charter, Article 54 [Electronic resource] URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (date of access: 20.11.2025)
2. Treaty of Joint Defense and Economic Cooperation Between the States of the Arab League [Electronic resource] URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arabjoin.asp (date of access: 20.11.2025)
3. Mecca Declaration. [Electronic resource] URL: https://islamnews.ru/news-mekkanskaya-deklaraciya/ (date of access: 15.11.2025)
4. Charter of the Organization of Islamic Cooperation [Electronic resource] URL: https://bdrive.oic-oci.org/index.php/s/ww4mTX6sNKrKH24 (date of access: 15.11.2025)
5. https://una-oic.org/ru/strategic_partners/Islamskiy-voennyy-alyans-po-bor'be-s-IGIL/
6. Primary law [Electronic resource] URL: https://www.gcc-sg.org/en/AboutUs/Pages/PrimaryLaw.aspx (date of access: 15.11.2025)
7. Joint Defense Agreement of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf [Electronic resource] URL: https://data.qanoon.om/treaties/2001-0081AAR.pdf?_ (date of access: 20.11.2025)
8. Charter of the UN Article 2 https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (date of access: 20.11.2025)
9. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/advisory-opinions/advisory-opinions-2004-ru.pdf (date of access: 20.11.2025)
10. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/186/186-20240719-adv-01-00-en.pdf (date of access: 20.11.2025)
11. https://www.icc-cpi.int/palestine (date of access: 20.11.2025)
12. https://www.icc-cpi.int/situations/libya (date of access: 20.11.2025)
13. https://www.aa.com.tr/ru/mir/advocates-of-the-victims-of-the-Syrian-regime-called-on-mus-to-issue-an-order-for-the-arrest-of-asada-and-his-comrades/3446903# (date of access: 20.11.2025)
14. https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/hrc/iici-syria/independent-international-commission (date of access: 20.11.2025)

Информация об авторе

Сальникова А.К., младший научный сотрудник, Центр междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, salnikova_ak_inion@mail.ru

© Сальникова А.К., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-133-138

Банкротство умершего должника по российскому праву: проблемы правопреемства и защиты интересов кредиторов

[1] Васильев Е.В.,
[1] Самарский государственный экономический университет

Аннотация: *настоящая статья посвящена исследованию института банкротства умершего гражданина (наследственной массы) в российском праве. Исследуется правовая природа процедуры, основания её возбуждения и особенности субъектного состава, включая правовой статус наследников и роль нотариуса в конкурсном процессе. Уделяется внимание дискуссионным вопросам формирования конкурсной массы, пределам ответственности наследников по долгам наследодателя и проблеме оспаривания сделок, совершенных умершим должником. На основе анализа Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», новейших изменений законодательства (Федеральный закон № 407-ФЗ от 23.11.2024) и судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов округов за 2024-2025 годы выявляются пробелы правового регулирования. Автором обосновывается необходимость совершенствования норм об оспаривании сделок наследодателя и корректировки правил об освобождении от долгов в случае недобросовестности умершего должника.*

Ключевые слова: *банкротство наследственной массы, умерший должник, наследники, нотариус, финансовый управляющий, конкурсная масса, ответственность наследников, оспаривание сделок, наследственное правопреемство*

Для цитирования: Васильев Е.В. Банкротство умершего должника по российскому праву: проблемы правопреемства и защиты интересов кредиторов // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 133 – 138. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-133-138

Поступила в редакцию: 4 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Bankruptcy of a deceased debtor under Russian law: problems of succession and protection of creditors' interests

[1] Vasilyev E.V.,
[1] Samara State University of Economics

Abstract: *this article is devoted to the study of the institution of bankruptcy of a deceased citizen (hereditary mass) in Russian law. The legal nature of the procedure, the grounds for its initiation and the features of the subject composition are examined, including the legal status of heirs and the role of the notary in the bankruptcy process. Attention is paid to controversial issues of forming the bankruptcy estate, the limits of heirs' liability for the testator's debts and the problem of challenging transactions made by the deceased debtor. Based on the analysis of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)", the latest legislative changes (Federal Law No. 407-FZ of 23 November 2024) and the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and arbitration courts of the okrugs for 2024-2025, gaps in legal regulation are identified. The author substantiates the need to improve the norms on challenging the testator's transactions and to adjust the rules on release from debts in the case of bad faith by the deceased debtor.*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Keywords: *bankruptcy of the hereditary mass, deceased debtor, heirs, notary, financial manager, bankruptcy estate, liability of heirs, challenging of transactions, hereditary legal succession*

For citation: Vasilyev E.V. Bankruptcy of a deceased debtor under Russian law: problems of succession and protection of creditors' interests. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 133 – 138. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-133-138

The article was submitted: February 4, 2026; Approved after reviewing: April 2, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Смерть должника, обременённого долгами, традиционно порождала коллизию между нормами наследственного и обязательственного права. До введения в 2015 году параграфа 4 главы X в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) защита прав кредиторов умершего лица осуществлялась исключительно в рамках наследственного правопреемства, где ответственность наследников ограничена стоимостью перешедшего к ним имущества (ст. 1175 ГК РФ).

Как справедливо отмечают О.В. Моисеева и К.В. Шмелев, проблематика наследования долгов вне процедуры банкротства осложняется отсутствием законодательно закреплённой очерёдности удовлетворения требований кредиторов, что на практике приводит к неравномерному распределению активов и злоупотреблениям со стороны отдельных наследников. Однако развитие имущественного оборота потребовало создания специализированного механизма, позволяющего проводить пропорциональное удовлетворение требований всех кредиторов в условиях недостаточности наследственной массы [1].

С 2015 года российское право восприняло концепцию «банкротства наследственной массы», которая была существенно модернизирована Федеральным законом от 30.12.2021 № 476-ФЗ и получила обширное толкование в судебной практике 2024-2025 годов [2]. Актуальность темы обусловлена не только ростом количества соответствующих дел, но и наличием нерешенных теоретических и практических проблем: двойственность правового статуса наследников, отсутствие специальных правил об оспаривании сделок наследодателя и неопределенность в вопросах взаимодействия нотариата и суда.

Анализ ст. 223.1 Закона о банкротстве позволяет выделить две модели банкротства умершего лица. Первая модель – трансформация существующего дела: если процедура банкротства была возбуждена при жизни должника и он умирает в ходе ее рассмотрения, суд по ходатайству финансового управляющего или иного лица выносит определение о применении правил параграфа 4. В этом случае процедура реструктуризации долгов автоматически трансформируется в процедуру реализации имущества.

Вторая модель – возбуждение дела после смерти: дело может быть возбуждено и после смерти (или объявления умершим) гражданина. Круг заявителей здесь расширен: помимо конкурсных кредиторов и уполномоченного органа, право на подачу заявления предоставлено наследникам, а также нотариусу по месту открытия наследства. Особенностью второй модели является то, что суд, признавая заявление обоснованным, сразу вводит процедуру реализации имущества, минуя стадию реструктуризации долгов, что логично, поскольку должник физически отсутствует и не может представить план реструктуризации.

Материалы и методы исследований

Судебная практика 2025 года конкретизирует условия возбуждения таких дел. Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 18 июня 2025 года подчеркивается [2], что при рассмотрении заявления кредитора о банкротстве умершего должника суд обязан проверить не только формальное наличие долга, но и отсутствие спора о праве. Например, Арбитражный суд Волго-Вятского округа в одном из постановлений 2025 года указал [3], что если банк на дату смерти должника обладал правом выгодоприобретателя по договору страхования, это порождает спор о праве, подлежащий разрешению вне рамок дела о банкротстве, что может являться основанием для оставления заявления без рассмотрения. Кроме того, кассационная практика исходит из того, что возбуждение дела о банкротстве умершего невозможно без определения круга наследников и состава наследственного имущества. Как указал Арбитражный суд Московского округа, направляя дело на новое рассмотрение, суду первой инстанции надлежит запросить у нотариуса копию наследственного дела, поскольку без этих данных невозможно определить размер ответственности потенциальных правопреемников [4].

Ключевой особенностью банкротства умершего лица является расщепление субъектного состава. Должник (умерший гражданин) физически отсутствует, но его правосубъектность в конкурсном процессе

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сохраняется для целей распределения активов. Права и обязанности должника реализуют иные лица. Согласно п. 4 ст. 223.1 Закона о банкротстве, до истечения срока принятия наследства (шесть месяцев) функции лица, участвующего в деле, выполняет нотариус. По истечении этого срока в процесс вступают наследники, принявшие наследство.

Важно подчеркнуть, что статус наследника в этом процессе двойственен. С одной стороны, он является процессуальным правопреемником должника. С другой стороны, он отвечает по долгам наследодателя лишь в пределах стоимости наследственного имущества (ст. 1175 ГК РФ). В зарубежной и отечественной доктрине обоснованно ставится вопрос о том, что наследники не должны становиться должниками в личном смысле – они лишь управляют наследственной массой в конкурсном процессе. Как отмечает В.В. Журавлёв в своём исследовании 2025 года, концептуализация наследника как «управляющего» (а не должника) позволяет точнее определить границы его ответственности и избежать необоснованного отождествления его личного имущества с наследственным . Данный тезис подтверждается и российской судебной практикой [5]. В деле № А24-3604/23 суд кассационной инстанции отменил решение о введении процедуры банкротства в отношении наследника как физического лица, указав, что если требования кредитора связаны исключительно с долгами наследодателя и обеспечены наследственным имуществом, то применяться должны специальные правила о банкротстве наследственной массы, а не общие положения о банкротстве граждан [6].

Включение нотариуса в число лиц, участвующих в деле о банкротстве (до принятия наследства), является уникальной чертой российского правопорядка. Нотариус, ведущий наследственное дело, обязан передать финансовому управляющему информацию о составе наследства, а также вправе ходатайствовать о переходе к процедуре реализации имущества. Как отмечает Т.В. Андропова, такая конструкция позволяет преодолеть информационный вакуум, возникающий в первые месяцы после смерти должника, когда ни кредиторы, ни суд не обладают полными данными ни об активах, ни о потенциальных наследниках [7]. Однако законодатель не урегулировал вопрос о вознаграждении нотариуса за такого рода действия в конкурсном процессе, что на практике порождает сложности. Важным шагом вперёд стало принятие Федерального закона от 23.11.2024 № 407-ФЗ, который вводит обязанность нотариуса запрашивать информацию о долгах наследодателя в Центральном каталоге кредитных историй (ЦККИ) [8]. Данная новелла, по мнению Е.О. Лексаковой, существенно повышает информированность как наследников, так и потенциальных кредиторов на стадии открытия наследства, позволяя ещё до возбуждения дела о банкротстве оценить масштаб долговых обязательств [9].

Результаты и обсуждения

В конкурсную массу включается все имущество, составляющее наследство (ст. 223.1 Закона о банкротстве). Однако закон вводит важные особенности, связанные с действием исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья. Если в жилом помещении проживают лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве (нетрудоспособные дети, супруг, родители), и для них это жилье является единственным, оно не включается в конкурсную массу до истечения срока принятия наследства. После истечения этого срока иммунитет сохраняется, если наследник (например, переживший супруг) продолжает там проживать и иного жилья у него нет. Обзор ВС РФ от 18 июня 2025 года уточнил, что при решении вопроса о реализации единственного жилья в конкурсной массе умершего суды должны применять выработанные ранее подходы о предоставлении замещающего жилья проживающим в нем наследникам, если это жилье явно превышает разумные потребности [2].

Специфика банкротства умершего проявляется и в установлении особой очередности. Пункт 8 ст. 223.1 Закона о банкротстве относит к требованиям первой очереди не только обычные текущие платежи, но и расходы на погребение, охрану наследства и совершение нотариальных действий. Данные расходы имеют приоритет даже перед требованиями залоговых кредиторов, что представляется социально обоснованным. Как справедливо указывается исследователями-прводедами, достойные похороны и охрана имущества — это неотъемлемые издержки, связанные с переходом имущества, которые должны покрываться за счет наследственной массы в первоочередном порядке.

Между тем постановление Пленума Верховного Суда РФ № 54 от 22.11.2016 также закрепляет общие принципы солидарной ответственности, которые применяются судами при рассмотрении споров о наследовании долгов [10], однако, как подчёркивают О.В. Моисеева и К.В. Шмелев, зачастую суды используют формулировки о солидарной ответственности наследников, не учитывая её строгую ограниченность стоимостью наследства, что создаёт путаницу в правоприменении.

Несмотря на, казалось бы, подробное правовое регулирование, институт банкротства умершего должника сохраняет ряд пробелов. Первый из них – оспаривание сделок наследодателя. В текущей редакции Закона о банкротстве отсутствуют специальные правила о сроках оспаривания сделок, совершенных наследодателем до смерти. Применение общих трёхлетних сроков часто неэффективно, так как наследники могут не обладать информацией о давних сделках. Как отмечает С.А. Можилян [11], на практике финансовые управляющие сталкиваются с трудностями доказывания недобросовестности контрагентов по сделкам, совершённым наследодателем за несколько лет до смерти, особенно если документы были утрачены. Исследователи, включая З.У. Гасанова [см. напр. 12], предлагают ввести специальный сокращённый срок для оспаривания сделок, совершенных наследодателем в течение года до смерти, либо закрепить обязанность финансового управляющего проводить углубленный анализ сделок именно за этот период.

Дискуссионным остаётся вопрос о возможности привлечения наследников к субсидиарной ответственности, в случае когда наследственного имущества недостаточно, но наследники действовали недобросовестно (например, сокрыли имущество). В научной среде высказывается мнение о допустимости такой ответственности, однако судебная практика пока осторожна, и исходи из принципа ограниченной ответственности наследников (только в пределах стоимости имущества). А.Р. Гаджиахмедова в своём исследовании подчёркивает, что для решения этого вопроса необходима более чёткая межотраслевая координация между нормами наследственного права и законодательства о банкротстве, поскольку в действующей редакции ответственность наследника как физического лица и как правопреемника должника размыта [13].

Особого внимания заслуживает норма п. 10 ст. 223.1 Закона о банкротстве, устанавливающая, что после завершения расчетов с кредиторами умерший должник освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов. При этом правила об отказе в освобождении от долгов при недобросовестном поведении (п. 3-6 ст. 213.28), применяемые к живым должникам, в данном случае не действуют. Данная норма вызвала обоснованную критику. С.Г. Колесникова обращает внимание на тревожный статистический факт: в ряде случаев смерть должника наступает после того, как суд отказался освобождать его от долгов в связи с недобросовестностью. Это создаёт риск того, что положения закона могут восприниматься как «привилегия», стимулирующая к уходу из жизни [14].

Представляется, что данная норма требует корректировки: смерть не должна автоматически «аннулировать» факты недобросовестности, установленные при жизни должника. Такой подход поддержан и в международных исследованиях: В.В. Журавлёв, анализируя европейскую практику, отмечает, что в ряде правопорядков недобросовестность наследодателя может быть вменена наследникам, если они знали о ней и способствовали сокрытию активов [5].

Выводы

Таким образом, институт банкротства умершего должника в российском праве прошёл внушительный путь развития и представляет собой взаимосвязанный межотраслевой правовой механизм, призванный сбалансировать интересы кредиторов и наследников. Введение специальных правил о субъектном составе, роли нотариуса и особенностях формирования конкурсной массы позволило упорядочить процедуру удовлетворения требований кредиторов в условиях смерти должника. Вместе с тем, правоприменительная практика 2024-2025 годов выявила ряд проблем, требующих законодательного вмешательства: необходимость урегулирования порядка оспаривания сделок наследодателя, уточнение последствий недобросовестного поведения и совершенствование взаимодействия между судом и нотариатом. Решение этих вопросов будет способствовать дальнейшему развитию института и повышению эффективности защиты прав участников гражданского оборота.

Список источников

1. Моисеева О.В., Шмелев К.В. О некоторых наследования долгов и заработной платы // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11. № 4. С. 61 – 66. DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-4-61-66

2. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 8.

3. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.03.2025 № Ф01-824/2025 по делу № А43-28976/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.01.2025 № Ф05-32145/2024 по делу № А40-123456/2024 // СПС «Гарант».

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

5. Журавлёв В.В. (Zhuravlyov V.V.). Наследники как ключевые фигуры в деле о банкротстве в случае смерти гражданина (Heirs as Key Persons in Insolvency Proceedings in the Event of a Citizen's Death) // Law Studies. 2025. № 9. P. 107 – 124. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75789

6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 10.10.2024 № Ф03-4123/2024 по делу № А24-3604/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Андропова Т.В. Особенности участия нотариуса при банкротстве наследственной массы и банкротстве наследника // Нотариальный вестник. 2021. № 10. С. 32 – 39.

8. Федеральный закон от 23.11.2024 № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 48. Ст. 7123.

9. Лексакова Е.О. Наследство должника: некоторые аспекты совершения нотариальных действий по обращению кредитора // Государственная служба. 2024. № 1 (147). С. 26 – 32. DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-26-32

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

11. Можилян С.А. Оспаривание сделок при банкротстве умершего гражданина: актуальные вопросы судебной практики // Арбитражные споры. 2020. № 4 (92). С. 107 – 116.

12. Гасанов З.У. Основные особенности нотариата в Российской Федерации // Нотариус. 2019. № 2. С. 15 – 19.

13. Гаджиахмедова А.Р. Организация согласованного правового регулирования процедуры банкротства умершего гражданина через разные отрасли права // Молодой ученый. 2024. № 35 (534). С. 60 – 63.

14. Колесникова С.Г. Особенности рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти // Арбитражные споры. 2024. № 2. С. 44 – 51.

References

1. Moiseeva O.V., Shmelev K.V. On Certain Inheritances of Debts and Wages. Legal Bulletin of Samara University. 2025. Vol. 11. No. 4. P. 61 – 66. DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-4-61-66

2. Review of Judicial Practice in Bankruptcy Cases of Individuals (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. No. 8.

3. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated March 15, 2025, No. F01-824/2025 in case No. A43-28976/2024. SPS "ConsultantPlus".

4. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated January 22, 2025, No. F05-32145/2024 in case No. A40-123456/2024. SPS "Garant".

5. Zhuravlyov V.V. "Heirs as Key Persons in Insolvency Proceedings in the Event of a Citizen's Death". Law Studies. 2025. No. 9. P. 107 – 124. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.9.75789

6. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated October 10, 2024, No. F03-4123/2024 in case No. A24-3604/2023. SPS ConsultantPlus.

7. Andropova T.V. Features of Notary Participation in Bankruptcy of the Estate and Bankruptcy of the Heir. Notarial Bulletin. 2021. No. 10. P. 32 – 39.

8. Federal Law of 23.11.2024 No. 407-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 48. Article 7123.

9. Leksakova E.O. Debtor's Inheritance: Certain Aspects of Notarial Acts at the Request of a Creditor. State Service. 2024. No. 1 (147). P. 26 – 32. DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-26-32

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016 No. 54 "On Certain Issues of the Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfilment". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. No. 1.

11. Mozhilyan S.A. Challenging Transactions in the Bankruptcy of a Deceased Citizen: Current Issues of Judicial Practice. Arbitration Disputes. 2020. No. 4 (92). P. 107 – 116.

12. Gasanov Z.U. Main Features of the Notariat in the Russian Federation. Notary. 2019. No. 2. P. 15 – 19.

13. Gadzhiakhmedova A.R. Organization of Coordinated Legal Regulation of the Bankruptcy Procedure of a Deceased Citizen through Different Branches of Law. Young Scientist. 2024. No. 35 (534). P. 60 – 63.

14. Kolesnikova S.G. Features of Consideration of a Citizen’s Bankruptcy Case in the Event of His Death. Arbitration Disputes. 2024. No. 2. P. 44 – 51.

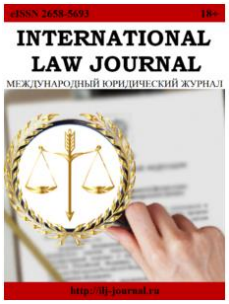
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Васильев Е.В., аспирант, Самарский государственный экономический университет, v.e.v1@yandex.ru

© Васильев Е.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.453.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-139-144

Правовые коллизии защиты авторских прав на пользовательский контент, создаваемый с использованием искусственного интеллекта

[1] Воронова О.Н., [1] Баркалова Г.И., [1] Коломыцев А.Ю.,
[1] Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация: *коллизии защиты авторских прав на пользовательский контент, создаваемый с использованием ИИ, являются не «фантастическим» сценарием будущего, а текущей проблемой правоприменения. Российская практика уже демонстрирует принципиальный подход: ИИ-технологии (квалифицируются как инструмент обработки, который не лишает результат охраноспособности при доказанном человеческом творческом вкладе.*

В рамках действующей модели российского авторского права точка напряжения в спорах об AI-контенте состоит в том, что нормы не создавались под ситуацию вероятностной генерации, где «результат» не детерминирован волей человека так же, как при традиционном творческом акте. Однако правоприменителю приходится «встраивать» ИИ в привычную схему: субъект (человек) – объект (произведение) – способы использования – нарушение – способы защиты.

Государственные программные документы РФ фиксируют задачу адаптации регулирования к ИИ и робототехнике, включая вопросы правовой охраны результатов. В частности, на уровне правительства была утверждена концепция развития регулирования отношений в сфере ИИ и робототехники до 2024 г., задающая рамку для последующей нормотворческой работы.

На уровне политики и нормативных ориентиров международные документы (ВОИС, ЮНЕСКО, Совет Европы, ЕС) формируют контуры того, какие вопросы будут доминировать в ближайшие годы: дефиниции AI-generated/AI-assisted, прозрачность и подотчётность, роль данных обучения и баланс стимулирования творчества с инновациями.

Ключевые слова: *авторское право, искусственный интеллект, генеративный ИИ, пользовательский контент, авторство, производное произведение, доказательства, платформы, провайдеры*

Для цитирования: Воронова О.Н., Баркалова Г.И., Коломыцев А.Ю. Правовые коллизии защиты авторских прав на пользовательский контент, создаваемый с использованием искусственного интеллекта // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 139 – 144. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-139-144

Поступила в редакцию: 4 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Legal conflicts in copyright protection for user-generated content generated with artificial intelligence

[1] Voronova O.N., [1] Barkalova G.I., [1] Kolomytsev A.Yu.,
[1] Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract: *conflicts over copyright protection of user-generated content using AI are not a "science fiction" scenario of the future, but a current enforcement issue. Russian practice already demonstrates a principled approach: AI technologies are classified as a processing tool that does not deprive the result of protectability if human creative input is proven.*

Under the current Russian copyright model, the point of tension in disputes over AI content is that the regulations were not created for the situation of probabilistic generation, where the "result" is not determined by human will in the same way as in a traditional creative act. However, law enforcement must "integrate" AI into the familiar framework: subject (human) – object (work) – methods of use – infringement – methods of protection.

Russian government policy documents address the task of adapting regulation to AI and robotics, including issues of legal protection of results. In particular, a concept for the development of regulation in the field of AI and robotics until 2024 was approved at the government level, setting the framework for subsequent rulemaking.

At the level of policy and regulatory guidelines, international documents (WIPO, UNESCO, Council of Europe, EU) are shaping the contours of what issues will dominate in the coming years: definitions of AI-generated/AI-assisted, transparency and accountability, the role of training data, and balancing incentives for creativity with innovation.

Keywords: *copyright, artificial intelligence, generative AI, user-generated content, authorship, derivative works, evidence, platforms, providers*

For citation: Voronova O.N., Barkalova G.I., Kolomytsev A.Yu. Legal conflicts in copyright protection for user-generated content generated with artificial intelligence. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 139 – 144. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-139-144

The article was submitted: February 4, 2026; Approved after reviewing: April 2, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

В рамках действующей модели российского авторского права точка напряжения в спорах об AI-контенте состоит в том, что нормы не создавались под ситуацию вероятностной генерации, где «результат» не детерминирован волей человека так же, как при традиционном творческом акте.

Однако правоприменителю приходится «встраивать» ИИ в привычную схему: субъект (человек) – объект (произведение) – способы использования – нарушение – способы защиты [3].

Государственные программные документы РФ фиксируют задачу адаптации регулирования к ИИ и робототехнике, включая вопросы правовой охраны результатов.

Материалы и методы исследований

По исследуемому вопросу на международном уровне получили развитие два направления:

1) повестка интеллектуальной собственности и ИИ (ВОИС): постановка вопросов (авторство AI-результатов, данные и доступ к ним, ответственность и др.) [9].

2) повестка этики/прав человека/рисков и прозрачности: этический стандарт ЮНЕСКО [1] (2021) и правозащитно-ориентированное договорное регулирование Совета Европы (конвенционный трек 2024-2025).

Наиболее конфликтная зона – граница между «ИИ-содействием» и «ИИ-замещением».

Результаты и обсуждения

В доктрине и правоприменении прослеживаются (минимум) три практических сценария [11]:

Первый: ИИ как инструмент в человеческом творческом процессе. Сюда относятся ситуации, когда пользователь (или команда) формирует замысел, подбирает исходные элементы (референсы, фрагменты текста/изображения), многократно итеративно изменяет запросы, отбирает варианты и осуществляет пост-обработку (монтаж, ретушь, компоновка).

Второй: контент, полученный в результате преимущественно автоматической генерации при минимальном участии пользователя.

Здесь возникает коллизия: можно ли считать «ввод промпта» творческим трудом, достаточным для возникновения авторских прав. Российская доктрина последних лет активно спорит о статусе «машинного творчества», о возможности признания ИИ субъектом авторского права и о критериях человеческого вклада [5].

Третий: «коллективное производство» AI-контента, где участвуют: пользователь-инициатор (промпты), оператор/дизайнер (пост-обработка), продюсер (организация процесса), правообладатель исходного контента (если использованы референсы), а также ИИ-провайдер (техническая инфраструктура). В этом сценарии коллизия авторства переходит в коллизию правообладания и распределения исключительных прав по договорам (заказ, отчуждение, лицензии, служебные произведения).

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Для цивилистического анализа методологически важна презумпция: соавторство предполагает совместный творческий труд по созданию произведения, а не просто предоставление инструмента.

Именно поэтому подход «ИИ-провайдер = соавтор» в подавляющем числе случаев выглядит слабо: предоставление модели и интерфейса типологически ближе к предоставлению сложного технического средства, чем к творческому участию.

Однако остаётся договорная коллизия: условия использования ИИ-сервиса могут заявлять, что пользователь получает определённый объём прав использования результата, сервис сохраняет широкую лицензию на использование результата и ограничивает коммерческое использование на бесплатных тарифах.

Такие условия могут фактически «перераспределять» экономическую ценность AI-контента независимо от того, возникло ли авторское право на результат как на произведение.

В научной литературе обсуждается вопрос о возможности признания результатов генеративного ИИ объектами авторских и смежных прав [7].

Практическая конфликтность AI-контента обусловлена тем, что генеративные модели могут имитировать стиль; воспроизводить узнаваемые элементы; при определённых условиях выдавать фрагменты, близкие к обучающим данным.

В российском правопорядке основной риск связан с тем, что итог может быть квалифицирован как переработка (производное произведение) или как незаконное воспроизведение/доведение до всеобщего сведения [4].

Пользовательский запрос упоминает «добросовестное использование» как блок анализа. В российской системе это следует рассматривать как коллизию между закрытым перечнем случаев свободного использования и фактической технологической практикой обучения/генерации, которая массово использует чужие произведения как данные [6].

Сравнительно-правовой ориентир показывает, что даже в юрисдикциях с гибкими подходами к охране AI-производных регулятор отдельно подчёркивает: промпты сами по себе не дают авторства на выходе, а охрана возможна при творческой селекции/аранжировке/модификации и наличии в результате объективной формы творческого самовыражения человека [8].

Договорные конструкции в спорах об AI-контенте работают на трёх уровнях:

Уровень пользователя и заказчика. Включение ИИ в рабочий процесс требует описывать в договоре:

- допустимость использования ИИ-инструментов;
- гарантию оригинальности/ненарушения прав третьих лиц;
- порядок предоставления исходников, промптов, логов и версий (как доказательств);
- распределение ответственности при претензиях.

Уровень пользователя и ИИ-сервиса (лицензионные условия). Здесь основные коллизии: «кому принадлежит» результат; какие права сохраняет сервис; можно ли коммерчески использовать результат; можно ли использовать результат как доказательство авторства без доступа к логам системы [2].

На уровне доктрины и отраслевых публикаций подчёркивается необходимость:

- фиксировать версии результата и процесс отбора/редактирования;
- документировать промпты (как часть творческого процесса, но не как «автоматическое» основание авторства);
- сохранять исходные материалы (собственные фото/тексты, разрешённые референсы);
- использовать экспертизы (компьютерно-техническую, искусствоведческую /лингвистическую и др.) для оценки сходства и характера преобразований.

Системная судебная практика РФ именно об «авторстве генеративного результата» пока ограничена; однако практика уже формирует важный принцип: сам факт использования нейросети не исключает авторско-правовую охрану, если доказан человеческий творческий вклад и если ИИ выполнял вспомогательную/инструментальную функцию обработки.

Применительно к российскому подходу тест может включать [11]:

Первое: контроль и предсказуемость результата. Суду надлежит оценить, был ли человек (или группа лиц) способен управлять формированием выразительных элементов итогового объекта либо его роль сводилась к «принятию» случайного результата, сгенерированного моделью.

Второе: творческий вклад в выражение, а не только в идею. В российской традиции это выражается в проверке признаков творческого труда. Суду целесообразно описывать вклад через объективные маркеры (эскизы, варианты, слои, монтажные решения, текстовые редакции), а не через декларации стороны.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Третье: роль ИИ как инструмента. Если ИИ выполняет функцию технической обработки/монтажа/ускорения, суд может прямо фиксировать инструментальный характер ИИ и сохранять охрану произведения, как это сделано 9ААС.

Четвёртое: проверка «производности» и рисков заимствования. Суду важно требовать от сторон конкретизации: «какие именно охраняемые элементы» якобы заимствованы, и как это подтверждается. При отсутствии конкретизации спор рискует стать абстрактным.

Пятое: стандарты цифровых доказательств. Судам целесообразно прямо указывать, какие цифровые доказательства считаются наиболее надёжными (логи платформ, доказательства ERID/маркировки рекламного размещения, нотариальная фиксация, исходные файлы и метаданные) [10].

С учётом того, что программные документы РФ признают необходимость адаптации регулирования к отношениям в сфере ИИ, а повестка ВОИС прямо выделяет авторское право и «данные» как ключевой блок, разумным выглядит путь точечных поправок и подзаконных стандартов.

Выводы

Предлагаются три направления:

Первое: дефиниции и презумпции для квалификации AI-контента. В гражданско-правовой плоскости целесообразно закрепить (на уровне закона либо разъяснений высших судов/методических рекомендаций):

- различие «ИИ-сгенерированного» и «ИИ-созданного с участием человека» результата (AI-generated vs AI-assisted);
- презумпцию инструментального характера ИИ при доказанном творческом вкладе человека;
- критерии «достаточного творческого вклада» (не закрытый перечень, а ориентиры).

Второе: режим прозрачности AI-контента и доступ к доказательствам. Даже если права на результат возникают у человека, остаётся проблема доказывания. Поэтому необходимы:

- правила хранения логов генерации (по разумным срокам) для ИИ-сервисов;
- процедурный механизм выдачи таких логов по запросу суда/эксперта;
- требования к маркировке AI-контента на крупных платформах (как элемент добросовестности и профилактики введения в заблуждение). Международные ориентиры: риск-ориентированная логика регулирования ИИ в ЕС и правозащитные стандарты Совета Европы подчёркивают ценность прозрачности и процедурной защиты прав.

Третье: правовой канал для использования данных обучения. Без правового режима данных обучение ИИ находится в зоне хронического конфликта с авторами исходных произведений.

Таким образом, полагаем, что для российской цивилистики и судебной практики наиболее реалистична стратегия: не ломая базовый принцип «автор – человек», уточнить критерии творческого вклада, стандарты цифровых доказательств и обязанности прозрачности для платформ/ИИ-сервисов, а также создать правовой канал для правомерного обучения моделей на защищённом контенте.

Такая стратегия согласуется и с фактической линией российских судов, и с международной повесткой ИС и ИИ, в которой авторство и данные рассматриваются как ключевые «узлы» будущего регулирования.

Список источников

1. Пересмотренный концептуальный документ по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: Документ ВОИС WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 Rev. / Секретариат ВОИС. 21.05.2020. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/wipo_ip_ai_2_ge_20/wipo_ip_ai_2_ge_20_1_rev.pdf

2. Баркалова Г.И., Наумов Я.В. Корпоративные конфликты: актуальные проблемы и пути их разрешения // Юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Материалы VIII Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Белгород, 20-21 февраля 2025 года. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2025. С. 155 – 160.

3. Воронова О.Н., Падалко Е.А. Некоторые правовые аспекты защиты интеллектуальных прав // Юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Материалы VII Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Белгород, 20-21 февраля 2024 года. Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2024. С. 154 – 163.

4. Воронова О.Н., Коломыцев А.Ю. Некоторые правовые способы передачи прав на использование объектов интеллектуальной собственности // Юриспруденция: вопросы истории, теории и практики: Материалы VII Международной научно-практической и научно-методической конференции, Белгород, 26-27 марта 2025 года. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2025. С. 187 – 192.

5. Кухно М.О. Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 72 – 86. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_8. Режим доступа: https://www.ipcmagazine.ru/articles/1729283

6. Медведев А.И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Вып. 4 (38). С. 48 – 63. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_48. Режим доступа: https://ipcmagazine.ru/articles/1729271

7. Милюков С.А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Вып. 1 (47). С. 63 – 73. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1. Режим доступа: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1799896

8. Прыгунова М.Д. Нейросети и сгенерированные объекты: информационно-правовой подход // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 175 – 189. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_19. Режим доступа: https://ipcmagazine.ru/articles/1729281

9. Синенко В.С. Нормотворческий и правоприменительный процессы в условиях цифровизации общественных отношений // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции: в 6-ти т. Казань, 23 сентября 2022 года. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 417 – 422.

10. Чернышов М.С. Проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 48. № 2. С. 124 – 137. DOI: 10.17323/tis.2024.21721. Режим доступа: https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/279227

11. Шешуков А.Ю. Княжева Е.А. Автор мертв. Почему нейросеть не может стать субъектом авторских прав // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 45. № 2. С. 95 – 102. DOI: 10.17323/tis.2023.17377. Режим доступа: https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/288492/ru_RU

References

1. Revised Concept Paper on Policy Issues in the Field of Intellectual Property and Artificial Intelligence [Electronic resource]: WIPO Document WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 Rev. WIPO Secretariat. May 21, 2020. Access mode: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/ru/wipo_ip_ai_2_ge_20/wipo_ip_ai_2_ge_20_1_rev.pdf

2. Barkalova G.I., Naumov Ya.V. Corporate Conflicts: Current Issues and Ways to Resolve Them. Jurisprudence: Current Issues, Achievements and Innovations: Proceedings of the VIII National (All-Russian) Scientific and Practical Conference, Belgorod, February 20-21, 2025. Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2025. P. 155 – 160.

3. Voronova O. N., Padalko E. A. Some Legal Aspects of Intellectual Property Protection. Jurisprudence: Current Issues, Achievements and Innovations: Proceedings of the VII National (All-Russian) Scientific and Practical Conference, Belgorod, February 20-21, 2024. Belgorod: Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education “Belgorod University of Cooperation, Economics and Law”, 2024. P. 154 – 163.

4. Voronova O.N., Kolomytsev A.Yu. Some Legal Methods of Transferring Rights to Use Intellectual Property. Jurisprudence: Historical, Theoretical and Practical Issues: Proceedings of the VII International Scientific, Practical and Scientific and Methodological Conference, Belgorod, March 26-27, 2025. Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2025. P. 187 – 192.

5. Kukhno M.O. Artificial Intelligence – a New Subject of Copyright: Near Future or Fiction? Journal of the Intellectual Property Court. 2023. Issue 3 (41). P. 72 – 86. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_8. Available at: https://www.ipcmagazine.ru/articles/1729283

6. Medvedev A.I. Legal Aspects of Artificial Intelligence and Related Technologies. Journal of the Intellectual Property Court. 2022. Issue 4 (38). P. 48 – 63. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_48. Access mode: https://ipcmagazine.ru/articles/1729271

7. Milyukov S.A. Objects created using artificial intelligence as objects of copyright and related rights. Journal of the Intellectual Property Court. 2025. Issue 1 (47). P. 63 – 73. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1. Access mode: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1799896

8. Prygunova M.D. Neural networks and generated objects: an information and legal approach. Journal of the Intellectual Property Court. 2023. Issue 3 (41). P. 175 – 189. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_19. Access mode: https://ipcmagazine.ru/articles/1729281

9. Sinenko V.S. Norm-making and law enforcement processes in the context of digitalization of public relations. Digital technologies and law: Collection of scientific papers of the I International scientific and practical conference: in 6 volumes. Kazan, September 23, 2022. Kazan: Poznanie Publishing House, 2022. P. 417 – 422.

10. Chernyshov M.S. The problem of distribution of intellectual rights to works generated by artificial intelligence. Works on intellectual property. 2024. Vol. 48. No. 2. P. 124 – 137. DOI: 10.17323/tis.2024.21721. Access mode: https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/279227

11. Sheshukov A.Yu. Knyazheva E.A. The author is dead. Why a neural network cannot become a subject of copyright. Proceedings on Intellectual Property. 2023. Vol. 45. No. 2. P. 95 – 102. DOI: 10.17323/tis.2023.17377. Access mode: https://journals.rcsi.science/2225-3475/article/view/288492/ru_RU

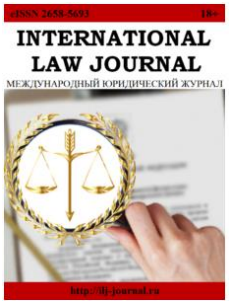
Информация об авторах

Воронова О.Н., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, ул. Садовая 116а, civitasis@mail.ru

Баркалова Г.И., доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, ул. Садовая 116а, civitasis@mail.ru

Коломыцев А.Ю., аспирант, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, ул. Садовая 116а, civitasis@mail.ru

© Воронова О.Н., Баркалова Г.И., Коломыцев А.Ю., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 34.01
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-145-153

Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности

[1] Сурилов М.Н.,
[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: *статья анализирует становление и усложнение антикоррупционного регулирования в Российской Федерации через призму конституционных принципов правового государства, публичной ответственности, правовой определенности и соразмерности ограничений прав. Показано, что ранняя ориентация на уголовно-правовое преследование взяточничества постепенно сменилась системной моделью, сочетающей профилактические инструменты, контрольные процедуры и многоуровневую юридическую ответственность. Существенное место отведено трансформации института конфликта интересов и формированию судебных подходов к его доказыванию, включая смещение акцента на формальные обязанности уведомления и последствия в виде утраты доверия. Рассматривается механизм контроля расходов и обращения имущества в доход государства как функциональный аналог внесубъектной конфискации, выявляются его коллизии с гарантиями собственности и презумптивными стандартами защиты. Обобщаются результаты правоприменения по кратным штрафам, мелкому взяточничеству, посредничеству, ответственности юридических лиц, а также последствия расширения круга субъектов антикоррупционного контроля на организации с публичными функциями. Отдельно оценивается влияние цифровизации и автоматизированного сопоставления данных на выявляемость рисков при одновременном усилении требований к защите персональной информации. Делается вывод о наличии устойчивых проблем: размытость оценочных понятий, неоднородность судебной практики, риск избирательности и дисбаланс между жесткостью норм и качеством их исполнения, что снижает предсказуемость правовых последствий и легитимность антикоррупционной политики.*

Ключевые слова: *антикоррупционное законодательство, конституционные принципы, конфликт интересов, публичная ответственность, правовая определенность*

Для цитирования: Сурилов М.Н. Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 145 – 153. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-145-153

Поступила в редакцию: 5 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Evolution of anti-corruption legislation of the Russian Federation in the context of constitutional principles of the rule of law and public accountability

[1] Surilov M.N.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: *the article analyzes the formation and complication of anti-corruption regulation in the Russian Federation through the prism of constitutional principles of the rule of law, public accountability, legal certainty, and proportionality of restrictions on rights. It is shown that the early focus on criminal prosecution of bribery has gradually been replaced by a systemic model combining preventive tools, control procedures, and multi-level legal liability. Considerable attention is given to the transformation of the conflict of interest institution and the formation of judicial approaches to its proof, including a shift in emphasis to formal notification duties and consequences in the form of loss of trust. The mechanism of control over expenses and conversion of property into state revenue is examined as a functional analogue of non-subjective confiscation, with identification of its collisions with property guarantees and presumptive protection standards. The results of law enforcement practice regarding multiple fines, petty bribery, mediation, liability of legal entities, as well as the consequences of expanding the circle of subjects of anti-corruption control to organizations with public functions are summarized. The impact of digitalization and automated data matching on the detectability of risks is separately assessed, alongside the strengthening of requirements for the protection of personal information. The conclusion is drawn about persistent problems: vagueness of evaluative concepts, heterogeneity of judicial practice, risk of selectivity, and imbalance between the rigidity of norms and the quality of their enforcement, which reduces the predictability of legal consequences and the legitimacy of anti-corruption policy.*

Keywords: *anti-corruption legislation, constitutional principles, conflict of interest, public accountability, legal certainty*

For citation: Surilov M.N. Evolution of anti-corruption legislation of the Russian Federation in the context of constitutional principles of the rule of law and public accountability. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 145 – 153. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-145-153

The article was submitted: February 5, 2026; Approved after reviewing: April 3, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Конституция 1993 года выстроила архитектуру российской государственности на двух несущих опорах – верховенстве права и дееспособности публичного управления. И вот в точке пересечения этих двух идей как раз и оказался вопрос о коррупции. Не где-то на периферии, а в самом ядре государственно-правовой проблематики. Правовое государство, заявленное в первой статье Основного закона, не может существовать там, где чиновник обращает публичный ресурс в личную выгоду, – тут рушится доверие к институтам, а принцип равенства перед законом и судом превращается в фикцию. Что касается пути, который проделало отечественное законодательство в этой сфере, – он причудлив, полон откатов и повторов, и меньше всего напоминает прямую линию. По существу, перед нами хроника поиска баланса: с одной стороны – потребность в жёсткой репрессии против коррупционеров, с другой – обязательства по соблюдению прав человека, зафиксированные на международном и национальном уровнях. А понимание того, что коррупция – это не просто россыпь уголовных дел, а системная угроза конституционному строю, складывалось постепенно, через десятилетия законодательных проб и правоприменительных просчётов [4].

Ранние годы новой российской государственности мало что дали в плане антикоррупционного инструментария. Имевшийся арсенал был точечным, можно даже сказать – случайным: уголовное преследование за взяточничество и хищения, и, собственно, всё. Понятно, что таким набором невозможно было дотянуться до корневых причин теневых отношений ни в экономике, ни в управлении. Настоящий перелом случился позже – когда стало очевидно, что одна лишь карательная политика, не подкреплённая превентивными механизмами и институциональными переделками, воспроизводит те же проблемы, с которыми призвана бороться. Отсюда – ратификация международных конвенций, появление национальных стратегий [11]. И тут нельзя пройти мимо конституционного принципа соразмерности: права и свободы ограничиваются только ради защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обороны и безопасности. Декларирование доходов, запрет на совместительство, прочие ограничения для

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

госслужащих – всё это, в сущности, плата за властные полномочия. Но граница, за которой вмешательство в частную жизнь становится непропорциональным, до сих пор прочерчена нечётко, и в науке по этому поводу единого мнения нет.

Сейчас законодательство дрейфует в сторону унификации. Требования к лицам на публичных должностях растут, контур подконтрольных субъектов расширяется – туда уже попали работники госкорпораций, организаций с публичными функциями. Меняется и природа ответственности: к уголовной и административной прибавилась конституционно-правовая и дисциплинарная – увольнение по утрате доверия. Штука в том, что работает этот институт небезупречно: критерии утраты доверия прописаны рыхло, поле для субъективного усмотрения – просторное [2]. Поэтому задача науки на этом этапе – не пересказывать тексты законов, а вытаскивать на свет зазоры между заявленными целями антикоррупционной политики и их реальным воплощением в судах и следственных кабинетах.

Есть и ещё один момент, который требует внимания: насколько действующие правовые конструкции отвечают принципу правовой определённости – без него верховенство права не работает. Размытые формулировки, оценочные категории, которыми пересыпан закон о противодействии коррупции, – всё это почва для избирательного правоприменения. И вот парадокс: сама эта размытость становится коррупциогенным фактором [9]. Если разбирать судебную практику внимательно, проступают болевые точки: запутанная квалификация конфликта интересов, споры вокруг обращения имущества в доход государства, когда легальность приобретения не доказана. И ещё один занятный сюжет – как менялась позиция высших судебных инстанций и как эти сдвиги возвращались в законодательство, запуская цикл регулирования заново.

Материалы и методы исследований

В методологическом отношении работа построена на сочетании общенаучных и специально-юридических приёмов, обычных для исследований такого рода. Ведущим инструментом стал формально-юридический метод – через него разбиралась внутренняя логика нормативных актов, обнаруживались противоречия и лакуны. Параллельно использовался сравнительно-правовой подход, необходимый для сопоставления разных редакций законов и альтернативных регуляторных решений. Эмпирическую базу составили свыше 200 нормативных правовых актов – от Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, УК и КоАП до Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и подзаконных актов Президента и Правительства.

Самостоятельный массив источников – акты судебной власти: постановления и определения Конституционного Суда, постановления Пленума Верховного Суда, обзоры практики по коррупционным делам. В работу вошли более 500 судебных актов – решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов разных инстанций за 2010-2023 годы; этого хватило, чтобы зафиксировать устойчивые тренды и увидеть региональные расхождения. Для оценки действенности антикоррупционных мер привлекалась статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ и данные Генеральной прокуратуры, которые обрабатывались методами статистического анализа и синтеза. Теоретическим каркасом послужили труды ведущих специалистов в области конституционного, уголовного и административного права – их концептуальные наработки задали оптику для интерпретации собранного материала.

Результаты и обсуждения

Если выбирать точку, в которой антикоррупционное законодательство России сменило качество, – это 2008 год, Федеральный закон № 273-ФЗ. До него единого понимания коррупции на уровне закона попросту не существовало. Были разрозненные нормы Уголовного кодекса 1996 года, заточенные под взяточничество, – и целые массивы коррупционного поведения оставались вне правового охвата: конфликт интересов, эксплуатация служебной информации, незаконное обогащение. Закон № 273-ФЗ и последовавшие Национальные планы противодействия коррупции обозначили иной курс – системную государственную политику, где профилактика, уголовное преследование и минимизация последствий связаны в единую цепочку. Здесь Россия двигалась в русле международных стандартов, и прежде всего Конвенции ООН против коррупции [7].

Ядром новой конструкции стал институт конфликта интересов – и надо признать, что для российского правоприменителя это была территория совершенно неосвоенная, terra incognita в полном смысле слова. Конфликт интересов по закону – это ситуация, в которой личная заинтересованность (прямая либо косвенная) лица, обязанного принимать меры к урегулированию, влияет или способна повлиять на объективное и беспристрастное исполнение его должностных обязанностей. Формулировка, на первый

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

взгляд, чёткая. Но практика быстро показала её коварство: доказать требовалось не только сам факт заинтересованности, но ещё и потенциал её влияния на служебное поведение. А для этого надо было копаться в должностных регламентах, поднимать фактуру дела, сопоставлять хронологию решений и личных связей. Первые годы применения дали разнобой, который трудно назвать иначе как хаосом: одни суды настаивали на доказательствах реального ущерба, по существу отрицая саму превентивную логику института, другие занимали более широкую позицию.

Переломить ситуацию помогли разъяснения Верховного Суда и методические рекомендации Минтруда – постепенно укоренился подход, при котором неуведомление о конфликте интересов рассматривается как самостоятельное и достаточное основание для санкций, вплоть до увольнения по утрате доверия. Тут произошло нечто любопытное в догматическом смысле: охраняемым благом стала не материальная сторона – не ущерб бюджету и не конкретный вред, – а сама чистота публичной службы, доверие граждан к институтам власти [13]. Фактически правоприменитель перешёл от материального к формальному составу. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается зыбкая грань: где заканчивается реальный конфликт интересов и начинается лишь гипотетическая возможность его возникновения? Встречаются дела, в которых чиновника наказывают за действия дальних родственников – свойственников, двоюродных братьев и сестёр, – при том что он мог о них вообще ничего не знать. Тут закономерно возникает вопрос о границах вины в коррупционных дисциплинарных делах – и удовлетворительного ответа пока нет.

Нужно сказать и вот о чём: проблема конфликта интересов в российской практике не сводится только к кругу родственников. Суды в последние годы всё чаще сталкиваются с ситуациями, где заинтересованность носит неочевидный, опосредованный характер. Скажем, чиновник не извлекает прямой финансовой выгоды, но продвигает решения, благоприятные для организации, в которой он ранее работал, или для бизнеса своего бывшего одноклассника. Формально – ни родства, ни свойства. А конфликт есть, и подчас весьма серьёзный. Существующие нормы с трудом схватывают такие ситуации, потому что законодатель сфокусировался на формальных признаках связи – семейной, имущественной – и оставил за бортом связи социальные, сетевые, вообще неформальные. Попытки расширить перечень оснований для признания заинтересованности наталкиваются на встречную проблему: если круг потенциально конфликтных связей станет безразмерным, норма утратит определённость и превратится в карт-бланш для любого начальника, желающего убрать неудобного подчинённого.

Возвращаясь к теме контроля расходов – здесь тоже картина неоднозначная. Федеральный закон № 230-ФЗ дал правовую основу для обращения в доход государства имущества, по которому не представлены доказательства легального происхождения. Институт по природе – гражданско-правовой, но по функции – это конфискация in rem, хорошо знакомая англосаксонским юрисдикциям, и споры о совместимости с презумпцией невиновности и конституционными гарантиями собственности тянутся до сих пор [1]. Конституционный Суд проверял эти нормы не раз. Итоговая позиция: законодатель вправе устанавливать повышенные требования к носителям власти, но формальный подход – когда не разбираются реальные обстоятельства приобретения – недопустим. На практике же формализм никуда не делся: прокуроры нередко идут по простому пути – фиксируют разрыв между декларированными доходами и стоимостью имущества и подают иск, а разбираться с происхождением денег (подарки от родственников, накопления прошлых лет, доходы супруга от предпринимательской деятельности) предоставляют ответчику. Бремя доказывания фактически переворачивается, и хотя формально это не уголовный процесс, ощущение несправедливости у многих фигурантов таких дел остаётся.

Практика по обращению имущества в госдоход эволюционировала заметно. Вначале иски шли к чиновникам и их супругам – и этого казалось достаточно. Потом прокуратура стала тянуть нить дальше: имущество на родителях, на взрослых детях, на знакомых, – если удавалось показать, что реальный бенефициар – должностное лицо. Суды поддержали эту логику, исходя из того, что мнимые сделки и формальная регистрация прав не спасают от изъятия коррупционных активов. Но вот что получается: для разбора подобных дел судья должен ориентироваться в финансовых схемах, которые далеко за пределами обычного гражданского спора, – трасты, номинальные владельцы, цепочки аффилированных компаний. И стандарт доказывания тут отличается от классического гражданского процесса, что само по себе создаёт методологическую неопределённость.

Отдельного разговора заслуживает вопрос о том, как соотносятся иски об обращении имущества и параллельные уголовные дела. Нередко прокуратура подаёт гражданский иск, не дожидаясь приговора, – формально это допустимо, потому что речь идёт о разных видах производства. Но на деле фигурант оказывается в положении, когда ему нужно одновременно защищаться и в уголовном деле (где действует презумпция невиновности и право на молчание), и в гражданском (где от него ожидают доказательств

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

легальности доходов). Эти два процесса создают перекрёстное давление, а их стандарты доказывания плохо стыкуются между собой. Научная литература эту коллизию фиксирует, но системного решения на законодательном уровне пока не предложено.

Теперь об уголовно-правовой стороне. Кратные штрафы за взятку, введённые в 2011 году, задумывались как двойной удар – и гуманизация, и подрыв экономической базы коррупции. Звучало убедительно. А на практике вышло иначе: осуждённые не располагали легальными активами для уплаты многомиллионных сумм, штрафы висели мёртвым грузом, и суды раз за разом заменяли их реальным лишением свободы [15]. Законодатель сделал выводы – вернул возможность назначения лишения свободы со штрафом в качестве дополнительного наказания. Это прибавило гибкости, но оставило вопрос: чего, собственно, хотели добиться кратными штрафами? Если финансовой невыгодности коррупции – то при отсутствии легальных активов у осуждённого цель не достигается. Если морального осуждения – то для этого штрафы вообще не лучший инструмент.

Тут же нужно сказать про практику конфискации имущества, полученного в результате коррупционных преступлений. Статья 104.1 УК РФ предусматривает конфискацию как иную меру уголовно-правового характера, но на деле суды применяют её нечасто. Причина банальна: к моменту приговора имущество, как правило, уже переоформлено, выведено за рубеж или формально принадлежит третьим лицам. Розыск и арест таких активов требуют координации между следственными органами, Росфинмониторингом и – всё чаще – иностранными юрисдикциями. В нынешних геополитических условиях с международной правовой помощью дело обстоит скверно, и это не секрет. Получается, что конфискация существует скорее как норма-угроза, чем как реально работающий инструмент.

Мелкое взяточничество по статье 291.2 УК – ещё один сюжет, который заслуживает того, чтобы задержаться. Идея была прагматичной: разгрузить следствие и суды от громоздких процедур по делам на незначительные суммы. Что вышло? Статистические перекосы и, что хуже, удобный инструмент для манипулирования показателями. Цифры говорят сами за себя: основная масса приговоров – это врачи, преподаватели, гаишники. А масштабные схемы с участием высокопоставленных чиновников требуют совершенно иного ресурса – и следственного, и, скажем прямо, политического. Результат – иллюзия активности: дел возбуждается больше, а реальная коррупция в стратегических отраслях экономики не сокращается [6]. Добавлю от себя: тут есть и ещё одна ловушка. Когда система настроена на массовый вылов мелких взяток, она волей-неволей формирует у оперативников и следователей соответствующий навык. Людям проще работать с тем, что они умеют. Переориентация на крупные дела потребовала бы не только ресурсов, но и иных компетенций – финансового анализа, работы с цифровыми следами, знания корпоративных структур. Этих компетенций в правоохранительных органах остро не хватает.

Институт освобождения от ответственности за дачу взятки при условии добровольного сообщения и содействия раскрытию – конструкция, работающая в две стороны. Она действительно ломает круговую поруку и помогает выявлять получателей. Но она же открывает дверь для провокации – и от правоохранителей, и от частных лиц, которые могут использовать её для расправы с конкурентом или сведения личных счетов. Верховный Суд неоднократно разъяснял: согласие должностного лица на взятку должно быть свободным, а не вырванным давлением или искусственно сконструированной ситуацией [10]. На практике, впрочем, граница между оперативным экспериментом и провокацией остаётся размытой. Суды первой инстанции далеко не всегда критически оценивают действия оперативников, особенно если дело уже получило медийный резонанс.

И вот ещё что. Сама процедура оперативного эксперимента – её регламентация в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» – оставляет правоохранителям довольно широкое поле для усмотрения. Критерий «наличия информации о подготавливаемом преступлении» размыт, и судебный контроль за проведением ОРМ, по факту, формален. Суд санкционирует мероприятие на основании рапорта оперативника, не имея практической возможности проверить достоверность изложенных сведений. Это проблема не только антикоррупционная, она шире – но именно в коррупционных делах она проявляется особенно остро, потому что ставки высоки, а соблазн «подтолкнуть» фигуранта к нужным действиям – велик.

Цифровизация – тут отдельная история. ГИС «Посейдон» агрегирует данные из государственных реестров и выявляет несоответствия в декларациях, признаки конфликта интересов – всё в автоматическом режиме. Звучит многообещающе, и на стадии первичного анализа человеческий фактор действительно снижается. Но конечное решение – о наличии нарушения и о санкциях – принимают люди, кадровые комиссии и руководители. И здесь возникает деликатный момент: технология обнаруживает «красные флажки», а интерпретация отдаётся на откуп тем, кто может быть лично заинтересован в том или ином

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

исходе. Большие данные и машинное обучение дают инструменты предиктивного анализа коррупционных рисков, но ставят и встречные вопросы – о защите персональных данных и о том, какова цена технической ошибки. Неверная корреляция в алгоритме может запустить проверку, которая разрушит карьеру невиновного человека, – и ответственность за такой сбой сегодня не определена ни в одном нормативном акте.

Стоит также сказать про электронные декларации. Переход на электронный формат декларирования доходов и расходов – шаг вперёд, но далеко не панацея. Система позволяет быстрее обрабатывать массивы данных и выявлять арифметические несоответствия. Но содержательная проверка – откуда у чиновника появилась квартира, за какие деньги куплена машина – по-прежнему лежит на плечах кадровиков, а у них, как правило, нет ни ресурсов, ни полномочий для полноценного финансового расследования. В результате декларирование нередко превращается в ритуал: форма заполнена, галочка стоит, а по существу ничего не проверено.

Гармонизация законодательства о госслужбе и трудового права – ещё одно больное место. Работники госкорпораций и фондов с публичными функциями подпадают под антикоррупционные ограничения, но привлекаются к ответственности по процедурам Трудового кодекса. А ТК не учитывает специфику коррупционных правонарушений: давностные сроки, порядок служебных проверок, процедуры обжалования – всё это вызывает трудности на каждом шагу [12]. Суды вынуждены латать лакуны аналогией права – приём допустимый, но единообразию не способствующий. В одном субъекте федерации увольнение по утрате доверия работника госкорпорации будет признано законным, в другом – аналогичное дело развалится из-за процедурного нарушения, потому что суд применит иную аналогию. И поскольку ВС РФ пока не дал исчерпывающего обобщения по этой категории дел, разнобой воспроизводится.

Ответственность юридических лиц за коррупцию – ст. 19.28 КоАП – заслуживает внимательного разбора. Уголовной ответственности корпораций в России нет; есть административные штрафы за незаконное вознаграждение от имени юрлица. Суммы могут быть гигантскими – сотни миллионов рублей. На бумаге – мощный инструмент. Но механизм освобождения от ответственности для компаний, содействовавших выявлению нарушения, работает плохо: критерии «содействия» не прописаны чётко, и компания, которая сама пришла с повинной и рассказала о подкупе чиновника её сотрудником, всё равно может получить штраф – из-за буквального, формального подхода контролёров [5]. Это убивает мотивацию к самоочищению. Зачем компании раскрывать факт подкупа, если это не гарантирует ей смягчения? Сравните с американским FCPA, где cooperation credit – реально работающий стимул. У нас же бизнес делает рациональный выбор в пользу молчания, и винить его в этом сложно.

Между прочим, тут есть и проблема комплаенса. Крупные компании, особенно с иностранным участием, выстраивают внутренние антикоррупционные программы. Но российское законодательство не предусматривает зачёта комплаенс-усилий при определении ответственности юрлица. Даже если у компании идеальная антикоррупционная политика, обучение персонала, горячая линия – всё это не защитит от штрафа, если конкретный менеджер нарушил закон. Получается, что система не стимулирует превентивную работу на корпоративном уровне, а это серьёзный упущенный ресурс.

Попытки закрыть лазейки продолжаются: запрет на владение иностранными финансовыми инструментами, ограничения по цифровым финактивам и криптовалюте – законодатель следует глобальному тренду деофшоризации. Но эффективность упирается в международное сотрудничество и обмен информацией, а тут, в нынешних геополитических обстоятельствах, – стена. Жёсткие нормы рискуют остаться декоративными, а реальные активы будут прятаться через более изощрённые схемы и юрисдикции, куда российское правосудие не дотянется.

Расширение понятия «должностное лицо» в уголовном праве – сюжет принципиальный. Теперь туда входят лица с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями в госучреждениях, ГУПах, АО с госучастием. Уголовная ответственность за взятку распространилась на управленцев в реальном секторе, суды это подтверждают – руководители «дочек» госкомпаний тоже признаются субъектами коррупционных преступлений при наличии полномочий. Граница между публичной и частной коррупцией тем самым стирается, что логично: государство заинтересовано в честности управления своей собственностью вне зависимости от организационно-правовой формы [8]. Но здесь возникает и обратная сторона: менеджеры крупных АО с госучастием начинают избегать принятия решений, перестраховываться, перекладывать ответственность – и это уже вредит деловой эффективности. Баланс между антикоррупционным контролем и управленческой свободой – тема, которая в литературе почти не затронута, а между тем на практике она проявляется всё острее.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Обязательная антикоррупционная экспертиза нормативных актов – процедура, которая позволяет ловить потенциально опасные нормы на подступах. Типовые коррупциогенные факторы – чрезмерная дискреция, неопределённость сроков и оснований, дублирование компетенций – прокуратура и органы юстиции фиксируют тысячами ежегодно. Но качество нормотворчества, в первую очередь на муниципальном уровне, остаётся удручающим. Формулировки административных регламентов нередко усложняются намеренно: выстраиваются барьеры, которые гражданин способен преодолеть лишь «в ручном режиме» – через «нужного человека». Вот она, почва для бытовой коррупции [3]. Тема защиты заявителей о коррупции – из тех, где разрыв между буквой закона и практикой бросается в глаза особенно сильно. Гарантии на бумаге есть. А в жизни человек, сообщивший о коррупции, рискует остаться без работы, подвергнуться давлению, стать изгоем в коллективе. Программа защиты свидетелей рассчитана на уголовный процесс и физическую безопасность, а заявитель нуждается совсем в другом – в трудовых и социально-правовых гарантиях. Пока эффективной системы защиты информаторов нет, гражданская активность остаётся подавленной, а латентная коррупция – невидимой для правоохранительной машины.

Теперь – момент, который нельзя обойти. Антикоррупционная борьба не должна превращаться в инструмент политического давления или передела собственности. Равенство перед законом – это неотвратимость ответственности вне зависимости от должности и политической лояльности. Но резонансные уголовные дела наводят на мысль об избирательности: один чиновник попадает под каток за то, за что другой – при аналогичных обстоятельствах – не несёт даже дисциплинарного взыскания. Это подрывает и легитимность политики, и остатки правового идеализма в обществе [14].

Квалификация посредничества во взяточничестве – тема, где юридическая догматика сталкивается с житейской реальностью. Ответственность за обещание или предложение посредничества ужесточена – законодатель метит в профессиональных «решал». Суды исходят из того, что посредник действует умышленно и осознаёт противоправность. Сложность – в разграничении с мошенничеством: человек берёт деньги «на взятку», но кладёт в карман. Верная квалификация зависит от установления умысла на момент получения средств – а это требует скрупулёзной работы с доказательствами, которой следствие не всегда готово заниматься.

Роль гражданского общества и медиа – отдельный, плохо проработанный пласт. Закон декларирует открытость госорганов, но доступ к информации сужается под предлогом служебной тайны и персональных данных. Журналистские расследования порой вскрывают факты, которые правоохранители упустили или предпочли не заметить. Иногда публикация приводит к проверке и даже к делу. Иногда – нет. Отношения государства и общественных институтов в антикоррупционной сфере нуждаются в партнёрстве, а не в конфронтации, – и это вопрос не только нормативный, но и ментальный.

Об оценке эффективности. Мерить антикоррупционную политику числом приговоров и суммами ущерба – значит мерить кривым аршином. Нужен качественный анализ: как меняется правосознание, как трансформируется деловой климат. Соцопросы показывают медленное снижение терпимости к коррупции, но бытовая коррупция в здравоохранении, образовании и ЖКХ по-прежнему высока. Отсюда вывод: репрессия без структурных реформ – устранения дефицита услуг, повышения прозрачности процедур – не даст долгосрочного результата.

Общая картина, если свести воедино, – мозаичная. Прогрессивные нововведения сосуществуют с архаичными подходами. Суровость нормы обесценивается необязательностью исполнения. Конституционные принципы правового государства требуют постоянной калибровки курса: верховенство права, защита человека, институты власти, свободные от коррупционного влияния, – всё это не состояние, а процесс.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать: за полтора десятилетия Россия создала обширную нормативную базу, которая покрывает практически весь спектр антикоррупционных отношений. Декларативность уступила место жёсткой вертикали контроля, пронизывающей все этажи публичной власти. Конституционно-правовая ответственность через институт утраты доверия превратилась в реальный кадровый инструмент – оперативный и, при правильном применении, действенный. Механизмы контроля расходов и обращение незаконно нажитого в доход государства взвинтили цену коррупционного поведения, сделав его экономически рискованным для значительной части аппарата.

Однако практика обнажила системные дефекты, требующие и доктринального осмысления, и законодательной работы. Формализация антикоррупционных требований бьёт по добросовестным служащим – за техническую ошибку в декларации, – а организаторы масштабных схем находят обходные

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

пути. Соразмерность ответственности тяжести проступка соблюдается не всегда, и это нервирует среду государственных служащих, рискуя отпугнуть квалифицированных людей от публичной службы. Хрупок и баланс между публичным интересом в борьбе с коррупцией и частными правами на неприкосновенность частной жизни и собственность – он колеблется в зависимости от политической конъюнктуры, и это колебание делает правовые последствия непредсказуемыми.

Дальнейший путь – не в закручивании уголовных санкций, чей ресурс устрашения по большому счёту исчерпан, а в отладке превентивных механизмов и умной цифровизации контроля. Искусственный интеллект и анализ больших данных могут снизить субъективный фактор и обеспечить неизбежность реакции на коррупционные индикаторы. Но технологический рывок без усиления правовых гарантий для лиц, попадающих в зону проверок, – это замена одной проблемы другой. Стержневая задача – гармонизация конституционного, административного, трудового и уголовного права ради непротиворечивой регуляторной системы.

И последнее. Правовое государство не укрепится без судебной системы, способной быть не штампующей инстанцией, а настоящим арбитром – таким, который оценивает доказательства через призму презумпции невиновности и состязательности. Суды должны вырабатывать ясные стандарты поведения, исключающие двойное прочтение нормы и обеспечивающие предсказуемость последствий. Только при реальном – а не прокламированном – верховенстве права и подлинном равенстве перед законом антикоррупционная политика сможет дойти до своей цели: чистой, работоспособной и подотчётной обществу публичной власти, действующей в интересах человека и гражданина.

Список источников

1. Шаймуллин Р.К. Учет отдельных конституционных положений о единстве публичной власти в антикоррупционном законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 203 – 204.

2. Курбатова С.М. Антикоррупционные стандарты как элемент механизма российской государственности // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2023. № 4 (46). С. 135 – 137.

3. Щербаков М.В. Принцип социальной ответственности бизнеса как инструмент балансирования прав собственников и обязательств перед обществом в современном российском законодательстве // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 6. С. 136 – 143.

4. Иванов А.А. О конституционно-правовых механизмах реализации антикоррупционной функции государства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 1 (48). С. 13 – 20.

5. Кожевников О.А., Безруков А.В. Конституционализация антикоррупционного законодательства на примере закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. №3. С. 24 – 27.

6. Подольский Г.В. Основные направления антикоррупционной государственной политики в Российской Федерации // Образование и право. 2025. № 8. С. 34 – 42.

7. Шаймуллин Р.К. 30-летие принятия Конституции Российской Федерации и современная антикоррупционная политика // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 165 – 167.

8. Габибуллаев К.М. Теоретические основы генезиса норм о предупреждении коррупционных правонарушений // Образование и право. 2025. № 8. С. 557 – 562.

9. Саетгараев В.Ф. Особенности реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 2 (74). С. 52 – 62.

10. Фокеева Е.А., Годунов О.И. К вопросу о месте антикоррупционного законодательства в системе современного российского права // Правовая реформа. 2023. № 1. С. 66 – 68.

11. Иванов А.А. Антикоррупционные положения в Конституции Российской Федерации: проблема целесообразности и эффективности // Правовая мысль. 2021. № 2 (3). С. 30 – 34.

12. Шевердяев С.Н. Осмысление конституционного принципа противодействия коррупции: к вопросу о необходимости поддержки антикоррупционных исследований в российском конституционном праве // Законодательство. 2021. № 1. С. 34 – 39.

13. Понежина Л.Ю., Понежин М.Ю. К вопросу об административно-правовых механизмах противодействия коррупции: история и современность // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 141 – 146.

14. Кабанов П.А. Правовое регулирование и основные формы реализации государственной политики противодействия коррупции торгово-промышленными палатами Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2023. № 2 (47). С. 22 – 31.

15. Саидов Х.А., Ниматулаева Р.А. Конституционный принцип разделения властей и проблемы противодействия коррупции // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8 (195). С. 113 – 114.

References

1. Shaimullin R.K. Taking into account certain constitutional provisions on the unity of public authority in the anti-corruption legislation of the Russian Federation. Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 12 (228). P. 203 – 204.

2. Kurbatova S.M. Anti-corruption standards as an element of the mechanism of Russian statehood. Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanov. 2023. No. 4 (46). P. 135 – 137.

3. Shcherbakov M.V. The principle of social responsibility of business as an instrument for balancing the rights of owners and obligations to society in modern Russian legislation. Academic Research Journal. 2025. Vol. 3. No. 6. P. 136 – 143.

4. Ivanov A.A. On the constitutional and legal mechanisms for implementing the anti-corruption function of the state. Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences. 2022. No. 1 (48). P. 13 – 20.

5. Kozhevnikov O.A., Bezrukov A.V. Constitutionalization of anti-corruption legislation on the example of the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority". Municipal service: legal issues. 2023. No. 3. P. 24 – 27.

6. Podolsky G.V. Main directions of anti-corruption state policy in the Russian Federation. Education and Law. 2025. No. 8. P. 34 – 42.

7. Shaimullin R.K. The 30th Anniversary of the Adoption of the Constitution of the Russian Federation and Modern Anti-Corruption Policy. Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 11 (227). P. 165 – 167.

8. Gabibullaev K.M. Theoretical Foundations of the Genesis of Norms on the Prevention of Corruption Offenses. Education and Law. 2025. No. 8. P. 557 – 562.

9. Saetgaraev V.F. Features of the Implementation of the Public-Legal Mechanism of the Anti-Corruption Policy of the Russian Federation. Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (74). P. 52 – 62.

10. Fokeeva E.A., Godunov O.I. On the Place of Anti-Corruption Legislation in the System of Modern Russian Law. Legal Reform. 2023. No. 1. P. 66 – 68.

11. Ivanov A.A. Anti-corruption provisions in the Constitution of the Russian Federation: the problem of expediency and effectiveness. Legal Thought. 2021. No. 2 (3). P. 30 – 34.

12. Sheverdyaev S.N. Understanding the constitutional principle of combating corruption: on the issue of the need to support anti-corruption research in Russian constitutional law. Legislation. 2021. No. 1. P. 34 – 39.

13. Ponezhina L.Yu., Ponezhin M.Yu. On the issue of administrative and legal mechanisms for combating corruption: history and modernity. Jurist-Pravoved. 2022. No. 4 (103). P. 141 – 146.

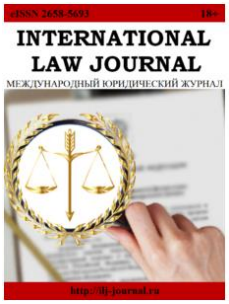
14. Kabanov P.A. Legal regulation and main forms of implementation of state anti-corruption policy by the chambers of commerce and industry of the Russian Federation. Monitoring of law enforcement. 2023. No. 2 (47). P. 22 – 31.

15. Saidov H.A., Nimatulaeva R.A. Constitutional principle of separation of powers and problems of combating corruption. Eurasian Law Journal. 2024. No. 8 (195). P. 113 – 114.

Информация об авторе

Сурилов М.Н., Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Surilov.MN@rea.ru

© Сурилов М.Н., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.736
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-154-163

Деловая репутация арбитражного управляющего как объект правовой защиты

[1] Клепикова О.Г., [1] Климова А.Н.,
[1] Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Аннотация: *в статье исследуются правовые механизмы защиты деловой репутации арбитражных управляющих посредством компенсации морального вреда в контексте развития и совершенствования процедур банкротства. Анализируются такие взаимосвязанные факторы, как определение правового статуса арбитражного управляющего, формирование практики взыскания убытков за его неправомерные действия, а также рост числа жалоб участников дела о банкротстве, направленных на дисквалификацию управляющего и его отстранение от исполнения обязанностей. Установлено, что даже при признании жалобы необоснованной репутационный ущерб для управляющего является значительным. Актуальность темы обусловлена отсутствием единообразия в судебной практике по разрешению вопроса о компенсации морального вреда за подачу необоснованной жалобы на действия (бездействия) арбитражного управляющего, а также репутационными рисками, связанными с публикацией медицинских сведений, представленных арбитражными управляющими в подтверждение факта причинения страданий, в открытом доступе при рассмотрении арбитражным судом таких вопросов. Цель исследования – комплексный анализ правовых механизмов защиты деловой репутации арбитражных управляющих, выявление проблем правоприменения при рассмотрении требований о компенсации морального вреда, причиненного необоснованными жалобами, а также разработка предложений по унификации судебной практики. Выявлено отсутствие единообразия в судебной практике, сформулирована типология подходов судов, установлена зависимость размера компенсации от специального статуса управляющего, а также выявлены репутационные риски, связанные с публикацией судебных актов арбитражного суда о взыскании морального вреда в пользу арбитражного управляющего с медицинскими сведениями в открытом доступе. Предложено ограничить возможность взыскания компенсации морального вреда случаями злоупотребления правом со стороны заявителя жалобы, а также обоснована необходимость дополнительных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и внесения изменений в порядок публикации судебных актов.*

Ключевые слова*: арбитражный управляющий, деловая репутация, компенсация морального вреда, необоснованная жалоба, банкротство, судебная защита*

Для цитирования: Клепикова О.Г., Климова А.Н. Деловая репутация арбитражного управляющего как объект правовой защиты // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 154 – 163. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-154-163

Поступила в редакцию: 6 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The business reputation of an arbitrator as an object of legal protection

[1] Klepikova O.G., [1] Klimova A.N.,
[1] Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Abstract: *the article examines the legal mechanisms for protecting the business reputation of arbitration managers through compensation for moral damage in the context of the development and improvement of bankruptcy procedures. The article analyzes such interrelated factors as the determination of the legal status of the arbitration administrator, the formation of the practice of collecting damages for his illegal actions, as well as the growing number of complaints from participants in the bankruptcy case aimed at disqualifying the administrator and removing him from his duties. It has been established that even if the complaint is recognized as unfounded, the reputational damage to the manager is significant. The relevance of the topic is due to the lack of uniformity in judicial practice in resolving the issue of compensation for moral damage for filing an unjustified complaint against the actions (omissions) of the arbitration manager, as well as reputational risks associated with the publication of medical information provided by the arbitration managers in support of the fact of suffering, in the public domain when considering such issues by the arbitration court. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal mechanisms for protecting the business reputation of arbitration managers, identifying problems of law enforcement when considering claims for compensation for moral damage caused by unfounded complaints, as well as developing proposals for the unification of judicial practice. The lack of uniformity in judicial practice was revealed, a typology of court approaches was formulated, the dependence of the amount of compensation on the special status of the administrator was established, and reputational risks associated with the publication of judicial acts of the arbitration court on the recovery of moral damage in favor of the arbitration administrator with publicly available medical information were identified. It is proposed to limit the possibility of collecting compensation for moral damage to cases of abuse of law by the complainant, and the need for additional clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation and amendments to the procedure for publishing judicial acts is justified.*

Keywords: *arbitration manager, business reputation, compensation for moral damage, unfounded complaint, bankruptcy, judicial protection*

For citation: Klepikova O.G., Klimova A.N. The business reputation of an arbitrator as an object of legal protection. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 154 – 163. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-154-163

The article was submitted: February 6, 2026; Approved after reviewing: April 3, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Институт арбитражного управляющего в процедурах несостоятельности (банкротства) занимает особое место в системе правового регулирования экономических отношений. Арбитражный управляющий, будучи субъектом профессиональной деятельности, осуществляемой в публично-правовом интересе, наделяется широким кругом полномочий, реализация которых напрямую зависит от доверия со стороны кредиторов, должников, контролирующих органов и профессионального сообщества. В этой связи деловая репутация арбитражного управляющего выступает не просто личным нематериальным благом, но и необходимым условием эффективного осуществления профессиональных функций, гарантией стабильности процедур банкротства в целом.

Оценка деловой репутации арбитражного управляющего арбитражным судом имеет существенные правовые последствия. На стадии возбуждения дела о банкротстве и утверждения кандидатуры управляющего положительная деловая репутация выступает необходимым условием для утверждения кандидата, тогда как наличие обоснованных сомнений в его репутации может служить основанием для отказа [1]. При рассмотрении жалоб на действия (бездействие) арбитражного управляющего суд, оценивая его репутацию, определяет, являются ли допущенные нарушения единичным эпизодом либо свидетельствуют о системном пренебрежении профессиональными обязанностями. При взыскании убытков деловая репутация управляющего влияет на оценку его добросовестности и, как следствие, на определение размера ответственности.

Так же арбитражный суд оценивает деловую репутацию при разрешении вопроса об освобождении должника от дальнейшего исполнения обязательств. Например, установленные в судебном акте судом кассационной инстанции обстоятельства, свидетельствующие о возможной согласованности действий арбитражного управляющего с кредитором и иными солидарными должниками, направленных против должника-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

банкрота, являются прямой оценкой деловой репутации арбитражного управляющего [2]. Суд кассационной инстанции, указав на возможность такой согласованности, поставил под сомнение соблюдение арбитражным управляющим фундаментальных принципов профессиональной деятельности — независимости, беспристрастности и добросовестности. Несмотря на то, что суд не сделал категоричного вывода о наличии заинтересованности (использовав формулировку «могут свидетельствовать»), сам факт фиксации в судебном акте обстоятельств, указывающих на возможный конфликт интересов, наносит репутационный ущерб арбитражному управляющему, поскольку формирует у контролирующих органов (Росреестр, СРО) обоснованные сомнения в его профессиональной добросовестности и снижает доверие к нему со стороны потенциальных кредиторов и должников в будущих процедурах банкротства.

Другими словами, судебная практика демонстрирует, что оценка действий арбитражного управляющего на предмет заинтересованности в пользу кредитора является неотъемлемой частью оценки его деловой репутации. Формирование негативного вывода (даже в вероятностной форме) в судебном акте влечет репутационные потери для управляющего и может рассматриваться как основание для применения мер дисциплинарного воздействия со стороны саморегулируемой организации.

Вместе с тем правоприменительная практика последних лет свидетельствует и о возрастающем количестве необоснованных жалоб на действия (бездействие) арбитражных управляющих, подаваемых участниками дела о банкротстве в Управление Росреестра и саморегулируемые организации арбитражных управляющих. Сам факт поступления жалобы, ее нахождения на рассмотрении формирует негативный информационный фон, поскольку сведения о поданных жалобах имеются у контролирующих лиц Управления Росреестра и в саморегулируемых организациях. Независимо от итогового результата рассмотрения жалобы (удовлетворение или отказ) репутационный ущерб арбитражному управляющему уже причинен, а неопределенность исхода и переживания за наносимый деловой репутации вред оказывают негативное психоэмоциональное воздействие.

В этих условиях особую значимость приобретает институт компенсации морального вреда как правовой механизм защиты деловой репутации арбитражного управляющего. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 02 октября 2023 года по делу № А40-245757/2015 сформулировал принципиально важную правовую позицию, согласно которой подача необоснованной жалобы на действия (бездействие) арбитражного управляющего презюмирует возникновение права на компенсацию морального вреда [3].

Вместе с тем, несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика арбитражных судов по рассматриваемой категории споров характеризуется отсутствием единообразия. 26 марта 2026 года Арбитражный суд Тюменской области определением по делу № А70-14668/2021 отказал в удовлетворении требования о компенсации морального вреда за жалобу кредитора на действие (бездействие) арбитражного управляющего [4]. Арбитражный управляющий ссылался на то, что жалоба кредитора причинила вред деловой репутации и это повлекло нравственные страдания и переживания, однако арбитражный суд указал, что в рассматриваемом случае не доказан факт нарушения личных неимущественных прав арбитражного управляющего, так как не установлено, что причинены нравственные страдания, вызванные переживаниями вследствие необоснованной жалобы в порядке статьи 65 АПК РФ.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость комплексного научного анализа правовых механизмов защиты деловой репутации арбитражных управляющих, выявления проблем правоприменения и выработки предложений по унификации судебной практики.

В основе исследования лежит предположение о том, что институт компенсации морального вреда является эффективным, но недостаточно реализованным механизмом защиты деловой репутации арбитражного управляющего от необоснованных жалоб. Формирование единообразных критериев правоприменения, основанных на презумпции причинения морального вреда фактом подачи необоснованной жалобы, позволит повысить эффективность защиты деловой репутации управляющих. При этом размер компенсации должен определяться с учетом добросовестности поведения подателя жалобы и реализации им права на судебную защиту. Указанный подход отражает поиск баланса между защитой деловой репутации арбитражного управляющего и правом на обращение в суд для реализации конституционного права судебной защиты.

Кроме того, предполагается, что существующая правовая неопределенность в вопросах компетенции споров о компенсации морального вреда (особенно при предъявлении требований к физическим лицам), а также репутационные риски, связанные с публикацией медицинских сведений, подтверждающих факт причинения страданий арбитражному управляющему, в открытом доступе в информационной системе «Картотека арбитражных дел», требуют дополнительных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и законодательных изменений. Специальный статус арбитражного управляющего, предполагающий повышенную устойчивость к профессиональным рискам, должен учитываться судами при разрешении дан-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ной категории споров. В целях обеспечения баланса между защитой деловой репутации и конституционным правом на обращение в государственные органы целесообразно ограничить возможность взыскания компенсации морального вреда случаями, когда установлены признаки злоупотребления правом со стороны заявителя жалобы.

Материалы и методы исследований

В работе использованы общенаучные (диалектический, системно-структурный) и частнонаучные методы юридического познания, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, метод анализа судебной практики и правового моделирования.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование позволило выявить ряд существенных закономерностей и проблем, связанных с защитой деловой репутации арбитражных управляющих посредством института компенсации морального вреда. Полученные результаты требуют системного осмысления в контексте сложившихся правовых позиций высших судебных инстанций и существующей практики арбитражных судов.

Реализуя свои контрольно-интерпретационные полномочия, Верховный Суд РФ в определении от 2 октября 2023 г. № 305-ЭС19-22493(50) конкретизировал применение положений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [5] к отношениям с участием арбитражных управляющих, признав, что подача необоснованной жалобы нарушает их нематериальные блага, и подтвердив возможность взыскания компенсации морального вреда. Несмотря на это, остаются открытыми вопросы о пределах применения данного института, его соотношении с конституционным правом на судебную защиту и на обращение в государственные органы, а также о причинах отсутствия единообразия в судебной практике нижестоящих судов.

Анализ правовой природы деловой репутации арбитражного управляющего позволил прийти к следующим выводам: данный объект правовой защиты обладает рядом особенностей, которые не присущи деловой репутации большинства иных участников гражданского оборота.

В отличие от деловой репутации юридического лица, деловая репутация арбитражного управляющего как физического лица неразрывно связана с его личностью, что обусловливает возможность причинения нравственных страданий в результате ее умаления.

03 апреля 2026 года Арбитражный суд Свердловской области по делу А60-9738/2021 частично удовлетворил требование арбитражного управляющего о компенсации морального вреда, причиненного подачей необоснованной жалобы кредитора. Арбитражный суд взыскал компенсацию в размере двадцати пяти тысяч рублей из заявленных пятисот тысяч рублей [6]. В данном случае, кредитор обратился в арбитражный суд с жалобой на действия (бездействия) арбитражного управляющего, которые привели к утрате возможности пополнить конкурсную массу должника, то есть кредитор реализовал конституционное право судебной защиты. Поскольку суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований кредитора о признании действия (бездействия) арбитражного управляющего незаконными, кредитор обжаловал судебный акт в апелляционном порядке. Данные обстоятельства и послужили основанием для обращения арбитражным управляющим с требованием о взыскании морального вреда в связи с подачей в отношении него необоснованной жалобы. Как указал арбитражный управляющий в период обжалования судебного акта в апелляционном порядке у него обострились хронические заболевания и произошло ухудшение здоровья, в подтверждение чего в материалы дела были представлены медицинские документы.

Арбитражный суд, принимая во внимание схожесть правовой природы привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности и рассмотрения жалоб на его действия (бездействие), а также степень значимости и возможные последствия удовлетворения таких жалоб, пришел к выводу о том, что управляющий вправе требовать компенсации морального вреда при посягательстве на его нематериальные блага в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

При оценке размера компенсации морального вреда арбитражный суд исходил из двух групп обстоятельств. С одной стороны, жалобы на действия управляющего влекут для него значительные временные издержки, отвлекают от исполнения профессиональных обязанностей, а неопределенность их исхода и переживания за деловую репутацию (являющуюся условием успешной деятельности) вызывают нравственные страдания. С другой стороны, арбитражный управляющий обладает специальным статусом профессионального участника дела о банкротстве, в силу чего должен осознавать вероятность возникновения споров

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

в связи с осуществляемой деятельностью, что принимается судом во внимание при определении размера компенсации.

Данный судебный акт имеет принципиальное значение для формирования судебной практики по спорам о компенсации морального вреда арбитражным управляющим. С одной стороны, арбитражный суд подтвердил, что необоснованная жалоба кредитора, даже при реализации последним конституционного права на судебную защиту, может причинять нравственные страдания арбитражному управляющему и наносить ущерб его деловой репутации. С другой стороны, арбитражный суд учел специальный статус управляющего как профессионального участника банкротных процедур, что привело к снижению размера компенсации до двадцати пяти тысяч рублей (пяти процентов от заявленного). Указанный подход отражает поиск баланса между защитой деловой репутации арбитражного управляющего и правом кредиторов на обращение в суд для реализации права судебной защиты.

Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 03 апреля 2026 года по делу А55-29944/2021 [7] отказал в удовлетворении требования арбитражного управляющего о взыскании с другого арбитражного управляющего компенсации морального вреда за необоснованную жалобу, которая была рассмотрена судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, поскольку разрешение такого требования одного физического лица к другому физическому лицу не относится к компетенции арбитражного суда, а подлежит рассмотрению судом в общем исковом производстве в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме прочего, Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом сделан вывод о том, что правовая позиция, изложенная в определении ВС РФ от 02.10.2023 по делу №А40-245757/15 не применима в полной мере к настоящему спору. Верховным Судом РФ в деле №А40-245757/2015 сформирован подход, подтверждающий право арбитражного управляющего предъявлять требование о компенсации морального вреда ввиду заявления необоснованных обвинений в совершении административного правонарушения со стороны заявителя по делу об административном правонарушении, однако фактические обстоятельства дела отличаются от фактических обстоятельств в рамках настоящего дела, так как лицами, к которым было предъявлено требование о компенсации морального вреда, в рамках дела №А40-245757/15 являлись юридические лица, при этом в настоящем случае требования предъявлены к физическому лицу.

Из изложенного следует, что в настоящее время происходит становление института защиты деловой репутации арбитражных управляющих посредством компенсации морального вреда. Остаются неразрешенными ключевые вопросы, в том числе, в каких случаях жалоба на действия (бездействие) арбитражного управляющего признается необоснованной: только при возбуждении производства по признакам административного правонарушения при обращении в Росреестр или также при заявлении кредиторами требований о взыскании с управляющего убытков за неоспаривание сделок должника в рамках дела о банкротстве, или при любом оспаривании действий (бездействий) арбитражного управляющего в судебном порядке. Ведь не каждая жалоба на действия (бездействия) арбитражного управляющего является необоснованной, и тот факт, что суд первой инстанции не признал действия (бездействия) арбитражного управляющего незаконными еще не свидетельствует о том, что жалоба являлась необоснованной, так при реализации права судебной защиты есть возможность пройти все судебные инстанции по пересмотру судебного акта и суд кассационной инстанции может отменить судебные акты нижестоящих инстанций. Решение данных вопросов о необоснованности жалобы в значительной степени зависит от судебного усмотрения, которое выступает необходимым условием нормального функционирования арбитражного суда, поскольку невозможно заранее предусмотреть в законе все нюансы, сопровождающие рассмотрение дела в суде [8].

Арбитражный управляющий является специальным субъектом, в отношении которого законодательно установлена презумпция компетентности в различных областях права и экономики. В силу своего статуса он должен осознавать, что обжалование его действий и предъявление требований о взыскании убытков являются нормальной судебной практикой, направленной на обеспечение законности процедур банкротства. Сам по себе факт подачи жалобы или требования, даже при их последующем признании необоснованными, не может безусловно служить основанием для компенсации морального вреда, поскольку такие действия представляют собой реализацию конституционного права на судебную защиту. При разрешении споров о компенсации морального вреда судам надлежит учитывать специальный статус арбитражного управляющего, предполагающий повышенную устойчивость к профессиональным рискам.

В судебной практике нередки случаи отстранения арбитражных управляющих от исполнения обязанностей в связи с выявлением фактов ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, что влечет негативную оценку их деловой репутации со стороны контролирующих органов и профессионального сообщества (например, определение Арбитражного суда Тульской области от 23 мая 2022 года по делу

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

№А68-2919/2021, определение Арбитражного суда Забайкальского края от 10 апреля 2026 года по делу №А78-9270/2023). При этом при наличии соответствующего заявления арбитражный суд обязан освободить управляющего от исполнения обязанностей, поскольку принуждение к их осуществлению помимо его воли не допускается. Иными словами, специальный статус арбитражного управляющего проявляется не только в наличии у него широкого круга полномочий и повышенных требований к квалификации, но и в праве на досрочное прекращение обязанностей по собственному желанию. Реализация данного права может рассматриваться как легитимный способ защиты деловой репутации, позволяющий управляющему избежать негативных последствий, связанных с рассмотрением необоснованных жалоб и возможным принудительным отстранением. В целях сохранения деловой репутации арбитражному управляющему целесообразно оценивать перспективы дальнейшего участия в процедуре банкротства и при наличии обоснованных сомнений в добросовестности участников дела заблаговременно реализовать право на досрочное освобождение от обязанностей.

Кроме прочего, как исследовано авторами в научной статье, судебные акты арбитражного суда публикуются в информационном ресурсе «Картотека арбитражных дел» в полном объеме и без изъятий [9]. И данные обстоятельства многочисленных обращений арбитражных управляющих за компенсацией морального вреда за необоснованную жалобу с представлением медицинских документов также влияют на оценку деловой репутации, так как судебные акты размещаются в сети Интернет с установленными диагнозами арбитражных управляющих и описанием, какие именно переживания они испытывают в связи с обжалованием их действий (бездействий). Например, в судебном акте указано, что «в связи с переживаниями получена тяжелая травма на нервной почве: значительно ухудшилось здоровье, открылась язва двенадцатиперстной кишки, появилась сердечная недостаточность, аритмия сердца, фибрилляция предсердий (выявлена впервые)». Впоследствии арбитражный управляющий прошел дополнительное обследование сердечно-сосудистой системы, по результатам которого поставлен диагноз: «Пролабс свободного края ЗМСК, частичный отрыв хорд, митральная регургитация 2-3 степени. Легочная гипертензия. Гипертрофическая ассиметричная кардиомиопатия. Гипертоническая болезнь 3 стадии, риск 4 (очень высокий), хроническая сердечная недостаточность с сохраненной фракцией выброса, митральная недостаточность». Обострение хронических заболеваний и ухудшение здоровья арбитражный управляющий связывает с моральными страданиями, вызванными подачей жалобы кредитора, в связи с чем требует компенсации морального вреда с кредитора в размере 500 000 рублей [6].

Полагаем, что именно такие обращения арбитражного управляющего за компенсацией морального вреда в неразумных пределах и с хроническими заболеваниями, препятствующими к повышенной устойчивости в сфере профессиональных рисков арбитражных управляющих, создают негативный имидж для внешних пользователей и потенциальных клиентов. Такое неоднократно заявленное требование о возмещении морального вреда также может влиять на оценку деловой репутации арбитражного управляющего.

Проведенный анализ позволяет заключить, что удовлетворение требования арбитражного управляющего о компенсации морального вреда подтверждает необоснованность поданной жалобы, однако не свидетельствует о наличии в действиях заявителя признаков злоупотребления правом. Соглашаясь с авторами, исследовавшими данный вопрос, полагаем, что в целях обеспечения баланса между защитой деловой репутации арбитражных управляющих и конституционным правом на обращение в государственные органы целесообразно ограничить возможность взыскания компенсации морального вреда случаями, когда установлены признаки злоупотребления правом со стороны заявителя жалобы [10].

Представляется необходимым в данном случае сравнить статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве и адвоката с точки зрения объема их публично-правовых функций, в том числе для оценки соответствия взыскания морального вреда в пользу арбитражного управляющего за подачу жалобы на его действия (бездействия) конституционным принципам доступа к правосудию, состязательности и равенства, а также для определения критериев недобросовестности заявителя, позволяющих дифференцировать ответственность за необоснованное обжалование.

Как адвокат, так и арбитражный управляющий относятся к категории лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в публично-правовом интересе. Деловая репутация для обеих категорий является не просто личным нематериальным благом, но и необходимым условием успешного осуществления профессиональной деятельности, поскольку доверие со стороны клиентов (кредиторов, должников) и контролирующих органов напрямую влияет на возможность реализации профессиональных функций.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2019 года по делу № 49-КГ19-23 [11] сформулированы правовые позиции, имеющие значение для защиты деловой репутации адвоката при подаче жалобы на его действия.

Во-первых, Судебная коллегия установила приоритет конституционного права гражданина на обращение в Адвокатскую палату, а также в государственные органы, органы местного самоуправления и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, поскольку такое обращение является реализацией права, гарантированного статьей 33 Конституции Российской Федерации. При этом само по себе обстоятельство, что изложенные в обращении сведения не нашли подтверждения, не может служить основанием для привлечения заявителя к гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, основанием для возникновения ответственности может быть только установленный судом факт того, что обращение не имело цели защиты прав заявителя, а было подано исключительно с намерением причинить вред другому лицу (злоупотребление правом, статья 10 ГК РФ).

Поэтому, полагаем, что необходимы дополнительные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, унифицирующие подходы к защите деловой репутации адвокатов, арбитражных управляющих и иных лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в публично-правовом интересе, с учетом конституционного права на обращение и недопустимости привлечения к ответственности за добросовестную реализацию этого права.

Выводы

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование правовых механизмов защиты деловой репутации арбитражных управляющих посредством института компенсации морального вреда позволяет сформулировать следующие основные выводы, отражающие установленные автором зависимости и связи между параметрами объекта исследования.

Выявлена прямая зависимость между оценкой действий арбитражного управляющего, осуществляемой арбитражным судом, и оценкой его деловой репутации. Судебная практика демонстрирует, что формирование негативного вывода (даже в вероятностной форме) о возможной заинтересованности управляющего в кредиторе, о согласованности его действий с иными участниками дела о банкротстве является неотъемлемой частью оценки его деловой репутации. Установлено, что фиксация в судебном акте обстоятельств, указывающих на возможный конфликт интересов, наносит репутационный ущерб управляющему, формирует у контролирующих органов (Росреестр, саморегулируемые организации) обоснованные сомнения в его профессиональной добросовестности и снижает доверие к нему со стороны потенциальных кредиторов и должников.

Установлена корреляция между возрастающим количеством необоснованных жалоб, направленных на дисквалификацию арбитражного управляющего, и необходимостью использования института компенсации морального вреда в качестве механизма защиты деловой репутации. Жалобы с целью дисквалификации, преследующие отстранение управляющего от исполнения обязанностей в деле о банкротстве либо его исключение из саморегулируемой организации, представляют особую опасность, поскольку их удовлетворение влечет наиболее серьезные последствия – от потери вознаграждения до прекращения профессиональной деятельности. Даже в случае признания такой жалобы необоснованной репутационный ущерб для управляющего оказывается существенным, что обусловливает необходимость повышенной правовой защиты.

Выявлено отсутствие единообразия в судебной практике арбитражных судов по спорам о компенсации морального вреда в пользу арбитражных управляющих, что выражается в формировании трех противоположных подходов. Установлена следующая типология судебных подходов.

Первый подход (позитивный, ориентированный на защиту прав управляющего) заключается в признании права арбитражного управляющего на компенсацию морального вреда при установлении факта необоснованности жалобы, подтвержденного медицинскими документами, с одновременным снижением размера компенсации (до 5% от заявленного) в силу специального статуса управляющего [6].

Второй подход (формальный) основан на отказе в удовлетворении требования по причине недоказанности нравственных страданий вследствие формального подхода к распределению бремени доказывания [4].

Третий подход (процессуальный) выражается в отказе в рассмотрении требования по процессуальным основаниям – спор не относится к компетенции арбитражного суда при предъявлении требования к физическому лицу [7].

Установлена зависимость между субъектным составом спора о компенсации морального вреда и определением его подсудности. Если в деле № А40-245757/2015 Верховный Суд РФ подтвердил право арбит-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ражного управляющего на компенсацию морального вреда при предъявлении требования к юридическим лицам, то в спорах между физическими лицами (в том числе между арбитражными управляющими) суды отказывают в рассмотрении таких требований в рамках дела о банкротстве, указывая на необходимость обращения в суд общей юрисдикции.

Арбитражный управляющий является специальным субъектом профессиональной деятельности, в отношении которого законодательно установлена презумпция компетентности в различных областях права и экономики. В силу своего статуса он должен осознавать, что обжалование его действий и предъявление требований о взыскании убытков являются нормальной судебной практикой, направленной на обеспечение законности процедур банкротства. Установлена зависимость между специальным статусом управляющего и размером присуждаемой компенсации морального вреда: суды учитывают повышенную устойчивость управляющего к профессиональным рискам, что служит основанием для существенного снижения размера компенсации (до 5% от заявленного).

Публикация судебных актов по делам о взыскании морального вреда за необоснованные жалобы в «Картотеке арбитражных дел» без изъятий порождает репутационные риски: медицинские диагнозы и описание страданий управляющего становятся доступными неограниченному кругу лиц, что может необоснованно влиять на оценку его профессиональной пригодности и вступает в противоречие с целями защиты деловой репутации.

Сформулирована зависимость между добросовестностью поведения подателя жалобы и возможностью взыскания компенсации морального вреда. Удовлетворение требования арбитражного управляющего о компенсации морального вреда подтверждает необоснованность поданной жалобы, однако не свидетельствует о наличии в действиях заявителя признаков злоупотребления правом. В целях обеспечения баланса между защитой деловой репутации арбитражных управляющих и конституционным правом на обращение в государственные органы целесообразно ограничить возможность взыскания компенсации морального вреда случаями, когда установлены признаки злоупотребления правом со стороны заявителя жалобы.

Определена необходимость дополнительных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и внесения изменений в законодательство. Установлена зависимость между отсутствием единообразных разъяснений и сохранением правовой неопределенности в следующих вопросах: критерии необоснованности жалобы на действия арбитражного управляющего; разграничение компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции при рассмотрении требований о компенсации морального вреда, предъявляемых к физическим лицам; критерии определения размера компенсации с учетом специального статуса арбитражного управляющего и его индивидуальных особенностей; порядок публикации судебных актов в части обезличивания медицинских сведений.

Выявлены различия в подходах Верховного Суда Российской Федерации к защите деловой репутации адвоката и арбитражного управляющего. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 года по делу № 49-КГ19-23 сформулирована правовая позиция, согласно которой обращение гражданина в Адвокатскую палату (государственный орган, орган местного самоуправления или организацию, на которую возложено осуществление публично значимых функций) является реализацией конституционного права, гарантированного статьей 33 Конституции РФ. Само по себе обстоятельство, что изложенные в обращении сведения не нашли подтверждения, не может служить основанием для привлечения заявителя к гражданско-правовой ответственности. Ответственность наступает только в случае установления факта злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ), то есть, когда обращение продиктовано исключительно намерением причинить вред другому лицу.

При этом в судебной практике по спорам с участием арбитражных управляющих сформирован иной подход, где применительно к арбитражным управляющим установлена презумпция причинения морального вреда самим фактом подачи необоснованной жалобы. При этом вопрос о наличии злоупотребления правом со стороны заявителя жалобы, как правило, не исследуется. Данное различие в подходах создает правовую неопределенность и ставит арбитражных управляющих в более выгодное положение по сравнению с адвокатами с точки зрения возможности получения компенсации морального вреда, одновременно повышая риски для граждан, добросовестно реализующих свое конституционное право на обращение.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что институт защиты деловой репутации арбитражных управляющих посредством компенсации морального вреда находится в стадии становления. Установленные зависимости и связи между параметрами объекта исследования свидетельствуют о необходимости формирования единообразных критериев правоприменения, основанных на презумпции причинения морального вреда фактом подачи необоснованной жалобы, с учетом добросовестности поведения подателя жалобы и реализации им права на судебную защиту, а также с учетом специального статуса арбитражного

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

управляющего. Предложенный подход отражает поиск баланса между защитой деловой репутации арбитражных управляющих и правом на обращение в суд для реализации конституционного права судебной защиты. Реализация изложенных предложений будет способствовать снижению количества злоупотреблений процессуальными правами, повышению авторитета института арбитражного управления и обеспечению стабильности процедур банкротства в целом.

Список источников

1. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве. Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11 октября 2023 г. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33022/?ysclid=mnfu0hh6us747328101 (дата обращения: 08.01.2026)

2. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.10.2023 по делу А54-5488/2019. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/nija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.01.2026)

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02 октября 2023 г. по делу № А40-245757/2015. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.01.2026)

4. Определение Арбитражного суда Тюменской области от 26.03.2026 по делу № А70-14668/2021. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL:https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf-2021__20260326.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.01.2026)

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. 2022. 25 ноября.

6. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 03.04.2026 по делу А60-9738/2021. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf9060-9738-2021__20260403.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.01.2026)

7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2026 по делу А55-29944/2021. Инф. система «Картотека арбитражных дел». URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/765cb0b5-baae-46ee-ad6c-3ac5d6ae5d1a/b02eaff5-5463-400f-8a22-0481526712isAddStamp=True (дата обращения: 08.01.2026)

8. Клепикова О.Г. Роль суда в арбитражном судопроизводстве через призму принципов цивилистического процесса // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 119 – 127.

9. Климова А.Н., Клепикова О.Г. Судебные акты в деле о банкротстве гражданина: пробелы законодательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 294 – 298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294

10. Моисеева О.В. Компенсация морального вреда арбитражному управляющему // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 3 (164). С. 169 – 175. DOI 10.24412/2227-7315-2025-3-169-175

11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 по делу № 49-КГ19-23. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1790370 (дата обращения: 08.01.2026)

References

1. Review of judicial practice on the participation of insolvency practitioners in bankruptcy proceedings. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 11, 2023. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33022/?ysclid=mnfu0hh6us747328101 (date of access: 08.01.2026)

2. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated October 23, 2023, in case A54-5488/2019. Inf. system "Arbitration Case File". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/nija.pdf?isAddStamp=True (date of access: 08.01.2026)

3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 2, 2023 in case No. A40-245757/2015. Inf. system "Card Index of Arbitration Cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 08.01.2026)

4. Determination of the Arbitration Court of Tyumen Oblast dated March 26, 2026 in case No. A70-14668/2021. Inf. system "Card Index of Arbitration Cases". URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf-2021__20260326.pdf?isAddStamp=True (date of access: 08.01.2026)

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2022, No. 33 "On the practice of applying the rules on compensation for moral damage by courts". Rossiyskaya Gazeta. 2022. November 25.

6. Determination of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region of April 3, 2026, in case A60-9738/2021. Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf9060-9738-2021__20260403.pdf?isAddStamp=True (date of access: 08.01.2026)

7. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 03.04.2026 in case A55-29944/2021. Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/765cb0b5-baae-46ee-ad6c-3ac5d6ae5d1a/b02eaff5-5463-400f-8a22-0481526712isAddStamp=True (date of access: 08.01.2026)

8. Klepikova O.G. The Role of the Court in Arbitration Proceedings through the Prism of the Principles of Civilistic Process. Legal Epistemology. 2024. No. 6. P. 119 – 127.

9. Klimova A.N., Klepikova O.G. Judicial Acts in a Citizen's Bankruptcy Case: Gaps in the Legislation. Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 4. P. 294 – 298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294

10. Moiseeva O.V. Compensation for Moral Damage to an Insolvency Practitioner. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 3 (164). P. 169 – 175. DOI 10.24412/2227-7315-2025-3-169-175

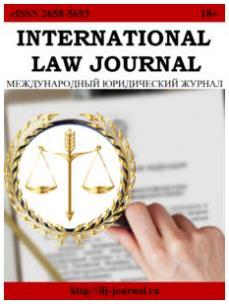
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2019, in case No. 49-KG19-23. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1790370 (date of access: 08.01.2026)

Информация об авторах

Клепикова О.Г., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-6469-6748, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, o.klepikova@rsu-rzn.ru

Климова А.Н., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-2781-6210, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, a.klimova@rsu-rzn.ru

© Клепикова О.Г., Климова А.Н., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 34.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-164-169

Этико-правовой взгляд на институт крайней необходимости в гражданском праве России

[1] Мирзаханян Г.В.,
[1] Министерство экономического развития Российской Федерации

Аннотация: *в статье исследуется нормативная антиномия, порождаемая институтом крайней необходимости, закрепленным в статье 1067 Гражданского кодекса Российской Федерации, в его соотношении с генеральным деликтным составом, предусмотренным статьей 1064 того же кодекса. Анализируется механизм, допускающий перенос обязанности возмещения вреда на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель, либо полное или частичное освобождение от возмещения, что приводит к существенному размыванию границ между правомерным и противоправным поведением в гражданском праве. Особое внимание уделяется этико-правовым основаниям данного института, где идея допустимости причинения меньшего зла ради предотвращения большего вступает в противоречие с различными этическими традициями, включая утилитаристское обоснование минимизации совокупных потерь и деонтологический запрет на инструментализацию личности потерпевшего. Выявляется значительное расхождение между законодательным текстом и судебной практикой, в рамках которой суды общей юрисдикции и арбитражные суды редко применяют указанную норму как самостоятельное основание, чаще используя ссылку на крайнюю необходимость в качестве возражения в общем деликтном споре, что порождает правоприменительную неопределенность и гетерогенность судебных позиций. Проводится межотраслевой анализ, демонстрирующий рассогласованность гражданско-правовой конструкции с более жесткими критериями правомерности в уголовном праве и полным исключением противоправности в административном законодательстве. Рассматриваются основные модели судебного усмотрения, включающие игнорирование условий крайней необходимости, частичное снижение размера возмещения, переложение обязанности на бенефициара и редкие случаи полного освобождения, а также процессуальные аспекты распределения бремени доказывания. Обосновывается необходимость совершенствования нормативной модели путем установления закрытого перечня критериев судебной оценки, таких как соотношение предотвращенного и причиненного вреда, наличие альтернативных способов устранения опасности, степень вовлеченности потерпевшего в создание ситуации риска и имущественное положение участников правоотношения. Такой подход позволяет параметризовать судебную дискрецию, повысить предсказуемость правоприменения и обеспечить более сбалансированное разрешение коллизии между компенсационной функцией деликтного права и стимулированием социально полезного поведения.*

Ключевые слова: *крайняя необходимость, деликтное право, возмещение вреда, судебное усмотрение, нормативная антиномия*

Для цитирования: Мирзаханян Г.В. Этико-правовой взгляд на институт крайней необходимости в гражданском праве России // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 164 – 169. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-164-169

Поступила в редакцию: 6 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

An ethico-legal perspective on the institute of necessity in the civil law of Russia

[1] Mirzakhanyan G.V.,
[1] Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Abstract: *the article examines the normative antinomy generated by the institute of necessity enshrined in Article 1067 of the Civil Code of the Russian Federation in its correlation with the general tort composition provided for in Article 1064 of the same code. The mechanism that permits the transfer of the duty to compensate for harm to a third party in whose interests the tortfeasor acted, or full or partial release from compensation, is analyzed. This leads to a significant blurring of the boundaries between lawful and unlawful conduct in civil law. Particular attention is paid to the ethico-legal foundations of this institute, where the idea of the permissibility of inflicting lesser harm in order to avert greater harm conflicts with various ethical traditions, including the utilitarian justification for minimizing aggregate losses and the deontological prohibition on the instrumentalization of the victim's personality. A substantial divergence is identified between the legislative text and judicial practice, in which courts of general jurisdiction and arbitral tribunals rarely apply the said norm as an independent ground, more frequently invoking necessity as a defense in a general tort dispute. This generates legal uncertainty and heterogeneity in judicial positions. An inter-branch analysis is conducted, demonstrating the inconsistency of the civil-law construction with stricter criteria of lawfulness in criminal law and the complete exclusion of wrongfulness in administrative legislation. The principal models of judicial discretion are considered, encompassing disregard of the conditions of necessity, partial reduction of the amount of compensation, shifting of the obligation onto the beneficiary, and rare instances of full exemption, along with the procedural aspects of allocating the burden of proof. The necessity of improving the normative model through the establishment of a closed list of criteria for judicial evaluation – such as the correlation between prevented and caused harm, the availability of alternative means of averting danger, the degree of the victim's involvement in creating the risk situation, and the financial position of the participants in the legal relationship – is substantiated. This approach permits the parametrization of judicial discretion, enhances the predictability of law application, and ensures a more balanced resolution of the collision between the compensatory function of tort law and the stimulation of socially beneficial behavior.*

Keywords: *necessity, tort law, compensation for harm, judicial discretion, normative antinomy*

For citation: Mirzakhanyan G.V. An ethico-legal perspective on the institute of necessity in the civil law of Russia. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 164 – 169. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-164-169

The article was submitted: February 6, 2026; Approved after reviewing: April 3, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Институт крайней необходимости, закреплённый в ст. 1067 ГК РФ (в действующей редакции на 2025 г.), порождает нормативную антиномию, осознание которой в отечественной цивилистике остаётся фрагментарным. Коллизия обнаруживается уже на уровне соотношения данной нормы с генеральным деликтным составом, предусмотренным ст. 1064 ГК РФ: если последняя устанавливает принцип полного возмещения вреда лицом, его причинившим, то ст. 1067 ГК РФ допускает перенос обязанности возмещения на третье лицо – на того, в чьих интересах действовал причинитель вреда, либо освобождение от возмещения вовсе. Диспозитивность судебного усмотрения здесь достигает степени, не характерной для деликтного права в целом; суду предоставлено право с учётом обстоятельств дела определить не только размер, но и само наличие обязанности возмещения, а также субъекта этой обязанности [7]. Подобная конструкция, по сути, размывает границу между правомерным и противоправным поведением – категориями, которые в классической теории правонарушения трактуются как взаимоисключающие. Этический фундамент такого размывания – идея о допустимости причинения меньшего зла ради предотвращения большего - воспринимается доктриной неоднозначно; в специализированной литературе отсутствует консенсус относительно того, выступает ли крайняя необходимость основанием, исключающим противоправность деяния, или же она лишь модифицирует распределение имущественных последствий уже состоявшегося правонарушения.

Дополнительную остроту проблеме придаёт расхождение между буквой закона и сложившейся практикой. Суды общей юрисдикции и арбитражные суды при рассмотрении дел о возмещении вреда,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

причинённого в состоянии крайней необходимости, крайне редко обращаются к ст. 1067 ГК РФ как самостоятельному основанию; значительно чаще ссылка на крайнюю необходимость возникает в качестве возражения ответчика в рамках общего деликтного спора. Результат – правоприменительная неопределённость. Позиции, занятые разными судебными инстанциями, демонстрируют гетерогенность, которую нельзя объяснить исключительно различием фактических обстоятельств; речь идёт о несовпадении в понимании самой юридической природы института. Е.А. Суханов [3] квалифицировал крайнюю необходимость как обстоятельство, исключающее гражданско-правовую ответственность, тогда как А.П. Сергеев настаивал на том, что она представляет лишь особый случай распределения убытков между участниками правоотношения, не затрагивая вопроса противоправности как таковой. Предложенная последним конструкция нуждается в дополнительной апробации на материале судебной практики, поскольку логическое следствие из неё – обязательное возложение имущественных потерь на кого-либо из участников – вступает в противоречие с абз. 2 ст. 1067 ГК РФ, прямо допускающим полное освобождение от возмещения вреда. Настоящая статья предпринимает попытку выявить этико-правовые основания указанной коллизии, проследить их влияние на судебное усмотрение и предложить корректировку нормативной модели.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на формально-юридический (догматический) метод, применённый при анализе ст. 1064, 1067, 1083 ГК РФ, а также корреспондирующих норм ст. 39 УК РФ (в действующей редакции на 2025 г.) и ст. 2.7 КоАП РФ; историко-правовой метод задействован для прослеживания эволюции нормативного закрепления крайней необходимости от ГК РСФСР 1964 г. к действующему кодексу. Метод системного толкования и телеологическое толкование использованы при сопоставлении целей деликтного регулирования (компенсаторной, превентивной) с логикой ст. 1067 ГК РФ. Герменевтический метод привлечён для интерпретации оценочных категорий «размер причинённого вреда» и «обстоятельства, при которых вред был причинён», содержащихся в абз. 2 ст. 1067 ГК РФ и определяющих границы судебного усмотрения; метод обобщения судебной практики – при анализе решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов за период 2021-2025 гг.

Эмпирическую часть составили постановления и определения Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ (в том числе Постановление Пленума ВС РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда» – в актуальной редакции), обзоры судебной практики ВС РФ за 2023-2024 гг., решения судов субъектов Российской Федерации, доступные в справочных правовых системах. Доктринальная база включает монографии и статьи 2021-2025 гг. издания в рецензируемых журналах (в частности, работы, опубликованные в журналах «Вестник гражданского права», «Закон», «Журнал российского права»), а также диссертационные исследования по смежной проблематике. Анализ нормативных актов, утративших силу до 2020 г., ограничен задачей демонстрации эволюции правового регулирования и не составляет основного массива источников.

Результаты и обсуждения

Норма абз. 1 ст. 1067 ГК РФ содержит императивное предписание: вред, причинённый в состоянии крайней необходимости, подлежит возмещению лицом, причинившим вред. Само по себе это правило не отступает от генерального принципа ст. 1064 ГК РФ. Однако абз. 2 ст. 1067 вводит два исключения; суд вправе возложить обязанность возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель, либо – и здесь обнаруживается наиболее радикальное отступление – полностью или частично освободить от возмещения как причинителя, так и указанное третье лицо. Законодатель не устанавливает критериев, при которых освобождение допустимо, ограничиваясь указанием на необходимость учёта «обстоятельств, при которых вред был причинён». Подобная нормативная модель передаёт суду дискрецию исключительной широты. В уголовном праве, для сравнения, ст. 39 УК РФ формулирует условия правомерности крайней необходимости значительно жёстче – требуя, чтобы причинённый вред был меньше предотвращённого (хотя критерий соразмерности остаётся оценочным и там [1]). Административное законодательство - ст. 2.7 КоАП РФ – идёт ещё дальше, квалифицируя действия в состоянии крайней необходимости как непротивоправные, полностью исключая административную ответственность при соблюдении условий соразмерности.

Гражданско-правовая конструкция занимает в этой иерархии особое место. Она не объявляет действие правомерным; она не квалифицирует его как безусловно противоправное. Межотраслевая

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

рассогласованность порождает вопрос, оставшийся без ответа в доктрине: если одно и то же фактическое действие (скажем, уничтожение чужого имущества для предотвращения пожара) в уголовном праве при соблюдении условий ст. 39 УК РФ признаётся правомерным, то каков его гражданско-правовой статус? Ответы, предлагаемые в литературе, распадаются на две несовместимые группы. Б.С. Антимонов [4] ещё в середине XX века обосновывал позицию, согласно которой крайняя необходимость исключает не только вину, но и противоправность в гражданском праве; обязанность возмещения вреда сохраняется лишь в силу принципа справедливого распределения убытков (по существу – внедоговорного алеаторного механизма). Этот подход был развит рядом современных авторов. Иная позиция, изложенная в работах О.С. Иоффе, а впоследствии поддержанная В.Т. Смирновым и А.А. Собчаком, квалифицирует причинение вреда в состоянии крайней необходимости как объективно противоправное деяние, совершённое при обстоятельствах, исключающих вину причинителя.

Различие далеко не схоластическое. Принятие первой позиции влечёт за собой вывод о том, что ст. 1067 ГК РФ закрепляет не деликтную ответственность, а обязательство sui generis, основанное на принципе распределительной справедливости; вторая позиция сохраняет деликтную квалификацию, модифицируя лишь субъектный состав обязательства. Для правоприменения разница ощутима: если обязательство из ст. 1067 ГК РФ не является деликтным, то к нему неприменимы нормы ст. 1083 ГК РФ об учёте вины потерпевшего и имущественного положения причинителя вреда – либо, по крайней мере, их применение нуждается в дополнительном обосновании [9]. Судебная практика, однако, не демонстрирует устойчивого предпочтения ни одному из подходов.

Анализ доступных судебных актов за период 2021-2025 гг. позволяет выделить следующие модели поведения судов при рассмотрении споров, связанных с причинением вреда в состоянии крайней необходимости:

1. Возложение обязанности возмещения на причинителя вреда по общим правилам ст. 1064 ГК РФ без обращения к ст. 1067 – преобладающая модель, при которой суд фактически игнорирует довод о крайней необходимости, ссылаясь на недоказанность её условий (наличие реальной опасности, невозможность её устранения иными средствами, соразмерность причинённого и предотвращённого вреда).
2. Частичное освобождение причинителя от возмещения с учётом обстоятельств дела – модель, реализуемая через механизм абз. 2 ст. 1067 ГК РФ, при этом суды, как правило, снижают размер возмещения, но полного освобождения не допускают.
3. Переложение обязанности возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель, – наименее распространённая модель, встречающаяся преимущественно в спорах с участием юридических лиц.
4. Полное освобождение от возмещения – встречается в единичных случаях; в подавляющем большинстве обнаруженных актов суды отклоняли требование о полном освобождении, ссылаясь на необходимость защиты прав потерпевшего.

Этико-правовой аспект обнаруживается прежде всего в обосновании четвёртой модели – полного освобождения от возмещения вреда. Здесь суд фактически констатирует, что убытки, понесённые потерпевшим, не подлежат компенсации ни причинителем вреда, ни бенефициаром действий в состоянии крайней необходимости; потерпевший вынужден нести имущественные потери самостоятельно. С позиции утилитаристской этики (которая, заметим, имплицитно заложена в конструкцию крайней необходимости: причинение меньшего зла ради предотвращения большего), подобный результат может быть оправдан совокупным снижением общих потерь [5]. Однако с позиции деонтологической этики, восходящей к кантианской традиции и акцентирующей недопустимость инструментализации личности, полное освобождение причинителя вреда от возмещения означает использование имущественной сферы потерпевшего как средства для достижения целей, которые потерпевший не выбирал и к достижению которых не стремился. Конституционный Суд РФ в Определении от 04.12.2003 N 508-О [2] указал на необходимость обеспечения баланса конституционных прав лиц, участвующих в деликтном правоотношении, однако применительно к ст. 1067 ГК РФ развёрнутой конституционно-правовой оценки не дал.

Обращает на себя внимание тот факт, что Постановление Пленума ВС РФ от 26.01.2010 N 1 содержит в п. 13 лишь воспроизведение нормы ст. 1067 ГК РФ без какой-либо детализации критериев освобождения от возмещения вреда. Разъяснение не конкретизирует ни понятие «обстоятельства, при которых вред был причинён», ни процессуальные стандарты доказывания состояния крайней необходимости в гражданском процессе [6]. Между тем в уголовном судопроизводстве бремя доказывания условий крайней необходимости распределено иначе: обвинение обязано опровергнуть наличие состояния крайней

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

необходимости за пределами разумных сомнений. В гражданском процессе, подчинённом принципу состязательности (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ в действующей редакции), бремя доказывания обстоятельств крайней необходимости возлагается на ответчика, заявляющего соответствующее возражение. Несоразмерность процессуальных гарантий усугубляет отмеченную межотраслевую рассогласованность.

Доктринальная дискуссия последних лет обогатилась работами, анализирующими институт крайней необходимости через призму экономического анализа права. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский [8] при анализе обязательств вследствие причинения вреда указывали на то, что рациональный законодатель стремится к минимизации совокупных социальных издержек; с этих позиций, освобождение причинителя вреда от возмещения оправдано лишь тогда, когда стимулирование действий по предотвращению большего вреда перевешивает издержки от отсутствия компенсации потерпевшему. Д.В. Дождев [10], исследуя римские истоки института, продемонстрировал, что классическое римское право знало аналог крайней необходимости – lex Rhodia de iactu (Дигесты Юстиниана, D. 14.2), предусматривавший пропорциональное распределение убытков между всеми участниками рискованного предприятия. Избирательность рецепции примечательна – российский законодатель воспринял идею допустимости причинения вреда для предотвращения большей опасности, но не механизм пропорционального распределения убытков, заменив его судебным усмотрением неограниченного объёма.

Выявленный пробел в регулировании – отсутствие в ст. 1067 ГК РФ закрытого перечня критериев, при которых суд вправе полностью или частично освободить причинителя (либо третье лицо) от возмещения, – представляется не лишённым оснований рассматривать как системный дефект нормы. Предлагается дополнить ст. 1067 ГК РФ абзацем, устанавливающим обязанность суда при решении вопроса об освобождении от возмещения вреда учитывать: соотношение размера предотвращённого и причинённого вреда; наличие или отсутствие у причинителя иной, менее вредоносной возможности устранения опасности; степень вовлечённости потерпевшего в создание ситуации опасности; имущественное положение всех участников правоотношения. Подобная конкретизация не устраняет судебное усмотрение полностью (оценочные категории сохраняются), но задаёт его параметры, снижая дискреционный произвол и обеспечивая минимальную предсказуемость правоприменения. Аналогичный подход реализован, например, в § 904 Германского Гражданского Уложения (BGB), где крайняя необходимость (Notstand) обусловлена требованием несоразмерности предотвращённого вреда по отношению к причинённому.

Выводы

Несогласованность гражданско-правовой конструкции крайней необходимости с корреспондирующими уголовно-правовыми и административно-правовыми нормами обнаруживает проблему, выходящую за рамки технико-юридического несовершенства. По существу, законодатель оставил неразрешённым вопрос о правовой природе причинения вреда в соответствующих условиях – квалификация деяния как правомерного, противоправного-невиновного или объективно-противоправного варьируется в зависимости от отрасли права, применяемой к идентичному фактическому составу. Этический субстрат коллизии – противостояние утилитаристского обоснования (допустимость жертвования меньшим благом) и деонтологического запрета инструментализации личности – не артикулирован в позитивном праве; суды вынуждены разрешать этот конфликт ad hoc, без нормативных ориентиров. Ситуация усугублена тем, что высшие судебные инстанции не выработали развёрнутой правовой позиции по вопросу применения абз. 2 ст. 1067 ГК РФ (оговорка – анализ охватывал лишь акты, размещённые в открытых справочных системах; отдельные неопубликованные определения могли остаться за пределами выборки).

Обнаруженная лакуна имеет прикладное значение. Отсутствие законодательно закреплённых критериев освобождения от возмещения вреда порождает ситуацию, при которой исход спора определяется не содержанием нормы, а индивидуальным восприятием судьёй соотношения ценностей – защиты потерпевшего и стимулирования социально полезного поведения причинителя. Введение в текст нормы закрытого каталога обстоятельств, подлежащих учёту при принятии решения об освобождении, не элиминирует дискрецию, но трансформирует её из неструктурированной в параметризованную. Нерешённым остаётся и процессуальный аспект – стандарт доказывания состояния крайней необходимости в гражданском процессе; данная проблема, впрочем, требует самостоятельного исследования, поскольку затрагивает общие вопросы распределения бремени доказывания при ссылке на обстоятельства, исключающие ответственность.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Список источников

1. Жигжитова Б.Б. О правовой природе крайней необходимости // Закон и право. 2021. № 5. С. 126 – 129.
2. Чочуева З.А., Нурадиева А.А., Иналкаев А.А. Крайняя необходимость: теоретико-правовые критерии правомерности и современные практические вызовы // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 2 (58). С. 224 – 230.
3. Черкасова О.В. Нравственно-этические категории в российском гражданском праве // Юрист. 2021. № 10. С. 2 – 8.
4. Вайлерт А.А. Цель и критерии правомерности самозащиты гражданских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1 (54). С. 113 – 115.
5. Алексеев О.А. Институт крайней необходимости и утилитаристская концепция в российском уголовном праве // Юридическая гносеология. 2023. № 3. С. 23 – 28.
6. Долматов Е.Н., Галятдинов Р.Р., Сандаков В.Д. Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Образование и право. 2024. № 10. С. 300 – 304.
7. Щенникова Л.В. Добросовестность в гражданском праве: законодательство, доктрина, судебная практика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 154 – 168.
8. Кожевников Е.Д. Нормативно правовое регулирование и саморегулирование в области природопользования и охраны окружающей среды и их влияние на конкурентоспособность компаний // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 8. С. 41 – 49.
9. Монастырский Ю.Э. Судебная дискреция в активизации гражданско-правовых механизмов при недобросовестности // Цивилист. 2023. № 3 (43). С. 9 – 16.
10. Ковалев К.С. Судебное усмотрение и принцип добросовестности в гражданском праве. Практика арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 84 – 89.

References

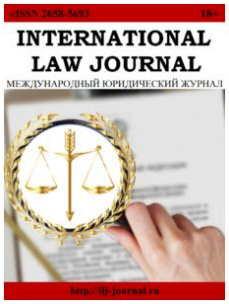
1. Zhigzhitova B.B. On the Legal Nature of Extreme Necessity. Law and Right. 2021. No. 5. P. 126 – 129.
2. Chochueva Z.A., Nuradieva A.A., Inalkaev A.A. Extreme Necessity: Theoretical and Legal Criteria of Legality and Modern Practical Challenges. Bulletin of the A.A. Kadyrov Chechen State University. 2025. No. 2 (58). P. 224 – 230.
3. Cherkasova O.V. Moral and Ethical Categories in Russian Civil Law. Jurist. 2021. No. 10. P. 2 – 8.
4. Weilert A.A. Purpose and Criteria of the Legality of Self-Defense of Civil Rights. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 3-1 (54). P. 113 – 115.
5. Alekseev O. A. The Institute of Extreme Necessity and the Utilitarian Concept in Russian Criminal Law. Legal Epistemology. 2023. No. 3. P. 23 – 28.
6. Dolmatov E.N., Galyatdinov R.R., Sandakov V.D. The Principle of Good Faith in Russian Civil Law. Education and Law. 2024. No. 10. P. 300 – 304.
7. Shchennikova L.V. Good Faith in Civil Law: Legislation, Doctrine, and Judicial Practice. Bulletin of Tomsk State University. Law. 2025. No. 55. P. 154 – 168.
8. Kozhevnikov E.D. Normative-legal regulation and self-regulation in the field of nature management and environmental protection and their impact on the competitiveness of companies. Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 8. P. 41 – 49.
9. Monastyrsky Yu.E. Judicial discretion in activating civil-law mechanisms in case of bad faith. Tsivilist. 2023. No. 3 (43). P. 9 16.
10. Kovalev K.S. Judicial discretion and the principle of good faith in civil law. Practice of arbitration courts. Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. No. 1. P. 84 – 89.

Информация об авторе

Мирзаханян Г.В., главный специалист-эксперт, Министерство экономического развития Российской Федерации, mirzakhanyan.gevorg@bk.ru

© Мирзаханян Г.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.1
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-170-177

Формирование концепции уголовного права Советской России до первой кодификации (1917-1922 годы)

[1] Упоров И.В.,
[1] доктор истоических наук, кандидат юридических наук, профессор,
независимый исследователь

Аннотация: *уголовное законодательство призвано защищать установленный социальный порядок, но при этом в каждой стране имеется своя специфика. После октябрьской революции 1917 г. большевики, взявшие в свои руки власть, кардинальным образом изменили социальный порядок и, соответственно, подход к формированию уголовного права, отвергнув предшествующие законы как Российской империи, так и Временного правительства. В статье рассматриваются особенности формирования концепции уголовного права в первые годы функционирования советского государства – до принятия в 1922г. первого полноценного УК РСФСР. Анализируются принимаемые в этот период правовые акты, содержавшие нормы уголовного права, научные труды, в которых находит отражение заявленная тема. Повышенное внимание уделяется ответственности за преступления против государства, учитывая, что в начальный период советской власти шла ожесточенная политическая борьба, и «классовый» признак в уголовном праве выступал на первый план, предусматривая жесткие наказания в отношении «контрреволюционеров». Вместе с тем в отношении трудящихся, совершавших общеуголовные преступления, власть декларировала гуманность, поскольку этот подход отражал стратегию большевиков в области уголовного права, и эту стратегию, в те годы не изменила тактика в отношении «классовых врагов». При этом идея гуманизма содержалась в Программе РКП (б), где, в частности, предполагалось заменить тюрьмы воспитательными учреждениями. Такой подход нашел определенное воплощение в первом УК РСФСР 1922 г., однако в дальнейшем, как показала история, такой подход оказался утопичным.*

Ключевые слова: *уголовное право, концепция, советское государство, классовый признак, гуманность, социологическая теория наказания*

Для цитирования: Упоров И.В. Формирование концепции уголовного права Советской России до первой кодификации (1917-1922 годы) // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 170 – 177. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-170-177

Поступила в редакцию: 7 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

The development of the concept of criminal law in Soviet Russia before the first codification (1917-1922)

[1] Uporov I.V.,
[1] Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor), Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Professor, Independent Researcher

***Abstract**: criminal legislation is designed to protect the established social order, but each country has its own specifics in this regard. After the October Revolution of 1917, the Bolsheviks, having seized power, radically changed the social order and, accordingly, the approach to the development of criminal law, rejecting the previous laws of both the Russian Empire and the Provisional Government. This article examines the development of the concept of criminal law in the early years of the Soviet state – before the adoption of the first comprehensive Criminal Code of the RSFSR in 1922. The article analyzes the legal acts adopted during this period, which contained criminal law norms, and scholarly works that reflect the stated topic. Particular attention is paid to responsibility for crimes against the state, given that the initial period of Soviet power was marked by a fierce political struggle, and the "class" element in criminal law came to the fore, providing for harsh punishments for "counterrevolutionaries." At the same time, the authorities declared a humane approach to workers who committed common crimes, as this approach reflected the Bolshevik strategy in the field of criminal law, a strategy that remained unchanged in those years by the tactics used against "class enemies." Moreover, the idea of humanism was contained in the Program of the RCP (Bolsheviks), which, in particular, proposed replacing prisons with educational institutions. This approach was embodied in the first Criminal Code of the RSFSR of 1922; however, as history has shown, this approach subsequently proved utopian.*

***Keywords**: criminal law, concept, Soviet state, class, humanity, sociological theory of punishment*

For citation: Uporov I.V. The development of the concept of criminal law in Soviet Russia before the first codification (1917-1922). International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 170 – 177. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-170-177

The article was submitted: February 7, 2026; Approved after reviewing: April 4, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

В период после Октябрьской революции 1917 г. законодательство советского государства получило продолжение в контексте политико- идеологической доктрины, которая была выработана большевиками на предыдущем периоде. Одними из основных документов возможно назвать программные документы партии РСДРП(б)-РКП(б), а также важнейшие разработки государственных деятелей, в числе которых, конечно же, работы В.И. Ленина.

На этой основе был разработан ряд документов, которые содержат концептуально новые, по сравнению с предыдущими, положения о преступлениях и наказаниях, их обоснования и конкретизация состава. Меняется направленность и назначение наказаний: с санкционно- карательного характера на превентивно-воспитательный. Данные попытки интеграции нами анализируются в контексте изучения текстов самих документов и сопоставления различных мнений относительно их содержания и эффективности реализации.

В соответствии с этим целью данного исследования возможно определить выявление специфики формирования концепции уголовного права советской России до первой кодификации. Объектом работы конкретизирована система уголовного права в России исследуемого периода, предметом изменения в концепции уголовных наказаний.

Материалы и методы исследований

В работе были использованы различные группы источников, в том числе, первичные, отражающие содержание уголовно-правового законодательства советской России до первой кодификации (Декреты Всероссийского съезда Советов, Постановления ВЦИК, Декреты СНК РСФСР и пр.). Благодаря данным источникам появляется возможность анализа достоверной, неискаженной информации, изучение состава статей.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Следующую группу составляют научные работы, в том числе, наши более ранние труды (А.В. Грошев, И.В. Упоров, П.В. Максимов, В.А. Смирнов, Л.Б. Ескина). Указанные публикации позволят сопоставить различные точки зрения на изучаемую проблематику, определить наиболее сложные для исследования вопросы и наметить перспективы их разрешения.

Результаты и обсуждения

Уголовно-правовая сфера отражала основные тенденции свержения буржуазии как класса эксплуататоров, а соответственно, исполнителей уголовных преступлений против жизни, здоровья и достоинства личности. Именно поэтому необходимо основной акцент делать на ликвидации преступлений капиталистами и профилактике их совершений самими трудящимися. Подобные действия позволяют не вводить жёсткие уголовные законы. Теоретическое обоснование законотворчества отразилось в Программе Российской компартии с редакцией 1919 г., которая закрепила изменение характера уголовных наказаний: с карательно- санкционного на воспитательный [1, с. 47-48].

Анализируя работы отечественных авторов, мы пришли к выводу, что реализация данного подхода получила продолжение в различных нормативно- правовых актах уголовной направленности. Начальный период развития советского государства основывался на социологической теории наказания, которая являлась основой уголовного права в дореволюционной России [2, с. 43].

Однако в реальности, с учетом необычайного обострения политической обстановки после октября 1917 г., развитие уголовного права Советского государства начального периода отличалось крайней противоречивостью и бессистемностью, учитывая еще и то, что советская власть отвергала как законодательство Российской империи, так и правовую политику Временного правительства [3, с. 40]. С первых дней советской власти правительство озадачилось корректировкой уголовного законодательства и в данный период были приняты два важнейших документа:

- Декрет Всероссийского съезда Советов «О земле», закрепляющий земельные правоотношения и определяющий наказания за порчу имущества, которое конфискуется и с этого момента принадлежит народу. Это рассматривается как тяжкое преступление и карается революционным судом [4].

- Декрет об отмене смертной казни, который указывал на то, что данная мера наказания, которая была восстановлена Керенским на фронте, отменяется. Однако данная корректировка действовала недолго.

Декрет СНК, который был принят в ноябре 1917 г, назывался «О введении государственной монополии на объявления» ввел наказания в виде конфискации имущества и тюремного заключения. Безусловно, нельзя говорить о том, что данные наказания являются абсолютно новыми, однако в данном документе они приобретают характер альтернативных санкций за совершение определенных видов преступлений, касающихся подрыва государственных устоев.

Однако, в основном в нормативно-правовых актах начального периода становления советского государства приоритетной является профилактическая функция, недопущение применения крайне жестких санкционных мер.

Характерным в этом отношении является обращение СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте 11 ноября 1917 г. Данный документ возможно охарактеризовать как сугубо политический, однако и в его содержание интегрирована норма, в содержание которой включено наказание за сокрытие определенных сообщений от солдат, которые в конкретных случаях считаются виновными и подвергаются каре подобно непередаче военных приказов [6].

Одновременно большевики формировали правовые механизмы привлечения к уголовной ответственности за деяния против советской власти, и таковыми были прежде всего революционные трибуналы. В январе 1918 г., с началом работы Учредительного собрания, было принято постановление ВЦИК, которое четко закрепляло опасность и противоправность такого действия как попытка присвоения функции государственной власти лицами или группами, не имеющими на это прав и полномочий. В документе указывалось, что такие попытки будут подавляться всеми силами вплоть до вооруженных сил [7].

Позже Декрет совета народных комиссаров РСФСР «О трибуналах» отделил все виды общеуголовных дел и передал их из ведомства трибуналов в местные суды, а трибуналы приняли ведение дел, которые связаны с деятельностью, посягающей на политический и социальный строй государства (шпионаж, взяточничество и пр.).

Следует заметить, что в первые месяцы функционирования советской власти возникло сложное положение с обеспечением населения основными промышленными и продовольственными товарами. Соответственно деяния, посягающие на общественные отношения в этой области, по своей жесткости соответствовали государственным преступлениям. Например, был принят, декрет СНК «О борьбе со спекуляцией» (22

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

июля 1918 г.). Он не только определял понятие и содержание спекуляции, но и определял вину и наказание за подобные деяния. Наказание было жестким – лишение свободы на срок 10 лет и больше, которое сопровождалось тяжелыми принудительными работами и полной конфискацией имущества [9].

Однако, нужно отметить, что ни в одном документе того периода не было раскрыто понятия «тягчайших» работ, что существенно затрудняло определение наказания.

Таким образом, необходимо определить проблемный момент, связанный с формированием теоретической базы уголовного законодательства, с конкретизацией не только преступлений и их состава, но и с дифференциацией наказаний, степени ответственности пропорционально опасности и масштабности преступления.

Уголовно- правовая новелла документа содержала прямые указания на то, что все лица, имеющие отношение к преступлению (пособники, подстрекатели и иные участники) несут ответственность и наказываются наравне с главным виновником [9]. Другая новелла в этом нормативно-правовом акте отражала уголовно- правовую оценку покушения на преступление, которое квалифицировалось как оконченное деяние и наказание за это было соответствующее.

Издание данного декрета ознаменовало серьезный шаг в развитии уголовно-правовой науки и практики, конкретизируя категории «наказание», «преступление против государственности», принципы назначения наказания для основных исполнителей и соучастников, а также дефиницию феномена «покушение на преступление» [10]. Подобная дифференциация позволила осуществить принцип индивидуализации наказания, учета тяжести и общественной опасности преступления.

Ответственность соучастников, равно как и факт неоконченного преступления в рамках данного нормативно-правового акта, не дифференцировалась и это говорит о том, что государство стремилось достигать прежде всего превентивных целей в работе с общественно опасными деяниями, профилактики преступлений против личности и государства.

В связи с этим максимально важное значение имело Постановление СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г., которое было принято по инициативе ВЧК как основного комитета, обеспечивающего государственную безопасность. В нем актуализировалась необходимость обеспечения охраны Советского государства от классовых врагов, шпионов. Это реализовывалось в контексте их изоляции в концентрационных лагерях и применения крайней меры наказания – смертной казни в виде расстрела. [12]. В данном нормативном акте было представлено самое концентрированное выражение карательной направленности советского уголовного права [13].

Наиболее детально виды политических преступлений отражались в Положении о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г. [14]. В документе конкретизировались составы преступлений, включающие заговоры и восстания против Советской власти, нового социалистического строя, свержение политических устоев и принципов строящегося государства, а также иная деятельность, направленная на то, чтобы новое строящееся государство не могло полноценно функционировать, а политические, экономические и социальные отношения не развивались. Таким образом осуществлялась не только борьба с преступлениями, но и предупредительно-профилактическая деятельность, которая была призвана обеспечить охрану устоев государства.

Рассмотренные выше и другие уголовно-правовые нормы были обобщены только лишь к декабрю 1919 г. с принятием Руководящих начал по уголовному праву [15], которые по сути являются общей частью уголовного закона. Однако тогда особенной части советского уголовного еще не было сформировано, поэтому Руководящие начала можно полагать, как представляется, системно изложенной концепцией (обобщенного его варианта) советского государства в сфере уголовно-правовых отношений. Этот акт был принят коллегией Наркомата юстиции, то есть одним из ведомств Совета Народных Комиссаров, в нем 27 статей, конкретных составов преступлений в нем нет. Данный документ акцентирует внимание на признаках классовой принадлежности, что отражает общую политику Советского государства. Появляются новые для политики и уголовного законодательства понятия «эксплуататор», «представитель буржуазного режима», «угнетатель». В связи с этим говорилось о том, что именно пролетариатом должны быть разработаны правила, которые позволят бороться с классовыми врагами, закреплять созданную власть и реализовывать ее во всех сферах жизнедеятельности, в том числе, и отражать в уголовном законодательстве [15]. В дальнейшем этот тезис найдет свое закрепление в регулировании государственных преступлений в последующих уголовно-правовых нормативных актах. Указанные документы предусматривали достаточно жестокие санкции, которые были направлены на устрашение населения, предотвращение потенциальных внутриполитических и уголовных угроз, а также борьбу с уже совершающимися преступлениями[15]. Важным моментом стало то, что список наказаний позволял осуществлять индивидуальный подход к расследованию преступлений,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

определению объема и содержания санкций, а также предоставлял возможность конкретизации мер ответственности в соответствии с составом и тяжестью преступлений.

Перечень наказаний, определенных в вышеуказанных документах, возможно назвать достаточно широким, представляющим возможность дифференциации наказаний и в принципе, позволяющий обеспечить превентивные меры в отношении потенциально совершаемых преступлений. До 1922 года, до момента принятия первого Уголовного кодекса РСФСР не было разработано значимых нормативно-правовых актов, которые регламентировали составы различных преступлений, в том числе, против государственности, кроме уточнения некоторых отдельных вопросов. К примеру, конкретизация взяточничества отмечена в декрете СНК «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 г., который устанавливал квалифицирующие признаки данного преступления.

К концу 1920 г. в развитии системы советского уголовного права определились два основных направления, которые основывались на политико-идеологических установках правящей партии. По мнению Шаргородского [16] именно период Великой октябрьской социалистической революции обусловил актуальность разработки партией теории об интеграции наказательной и воспитательной функций мер ответственности и о том, что необходимо разделать политический и общеуголовный компоненты [16, с. 8]. Одним компонентом данной задачи была политическая составляющая, которая ориентировала законодательство и юридическую практику на подавление контрреволюции. Эта идея была основной и отражалась еще в Конституции РСФСР 1918 г., где решение подобных вопросов осуществлялось при помощи диктатуры городского и сельского пролетариата, а также беднейших слоев крестьянства, что обеспечивало участие в осуществлении власти и правосудия всех социальных групп. Так как данный период рассматривался как переходный от одного политического строя к другому, к построению нового государства, то Советская власть рассматривалась как мощный инструмент подавления буржуазии, уничтожения всех видов эксплуатации и неравенства, главенства социализма, в котором не будет разделения людей на классы. Отсутствие формально выделенной государственной власти также позиционировалось как высший этап развития человеческого общества, и чтобы в Советском государстве этого достигнуть, нужно было, чтобы преступность исчезла [17].

Анализируя работы различных авторов, возможно подчеркнуть не правовой, а скорее политический характер вышеуказанных целей [18, с. 7]. Л.В. Головко, при этом, отмечает, что основными характеристиками советского уголовного права были жестокость, особенно на начальном этапе, и репрессии рассматривались как основной инструмент подавления контрреволюционных проявлений деятельности отдельных граждан либо организованных групп. [19, с. 62]. Мы, в свою очередь, также подчеркиваем преобладающий политический аспект подобных оценок законодательства как механизма установления норм и правил нового государства и определяем нецелесообразность столь жестоких, карательных мер наказания.

Однако, более эффективной различные авторы [16] называют второй компонент системы советского уголовного права-воспитательный, который обусловил возникновение такой юридической категории как «воспитание правонарушителя», развитие у него социально желаемых и одобряемых свойств и качеств, которые необходимы для гражданина Советского государства.

Несколько позже в правовую науку и практику были введены определения «исправление», «исправление и перевоспитание», также конструктивно направленные на становление законопослушной личности. Максимально содержательная воспитательная работа проводилась с теми, кто содержался в специальных исправительных учреждениях, в которых были созданы условия для исправления, становления тех качеств и свойств, которые желательны для Советского государства.

М.Д. Шаргородский в этой связи отмечал, что при исполнении Советским государством наказания меры принуждения неразрывно связаны с воспитанием личности [16, с. 14].

Из этого следует, что в дальнейшем, с формированием стабильности, в советском государстве принцип гуманизма стал приоритетным и несмотря на множество репрессий и жестоких наказаний, судебная власть руководствовалась общечеловеческими ценностями жизни, справедливости. Наличие жестких мер наказания было объективно обусловлено, т.к. в годы становления советской власти внутригосударственная политическая борьба переросла в жестокие междоусобицы и гражданскую войну. Основной целью было подавление врагов новой власти, их запугивание и уничтожение, которое основывалось на классовом принципе и самые жесткие меры касались именно «классовых врагов». Это служило и необходимыми мерами профилактики, и минимизации опасности для государства. Однако в отношении рабочих и крестьян, которые совершали не политические, а общеуголовные преступления, законодательная и судебная власти обеспечивали гуманность, т.к. ее можно было назвать основной стратегией деятельности большевиков.

Подобная идея была изначально отражена в Программе РКП (б), в которой подчеркивалось, что в обла-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

сти наказания суды пришли к необходимости коренного изменения его характера, заменяя реальное наказание условным, применяя меры морального воздействия (общественное порицание, осуждение). Таким образом, предполагалось воспитательное воздействие, активизация личностного потенциала [1, с. 48]. При этом также важно отметить, что не все принципы соблюдались на практике, многие из них были декларативными, существующими лишь в законе. Кроме того, со второй половины 1920 х. гг. в данную стратегию будут внесены серьезные коррективы, которые связаны с оценкой реальной ситуации в государстве и адаптацией, изменением уже существующих норм уголовного законодательства.

Указанные выше положения многочисленных актов в сфере уголовно-правовых отношений в итоге были воплощены советской властью акты в первом советском полноценном уголовном законе – Уголовном кодексе 1922 г. [20] Статья 5 Уголовного кодекса конкретизировала основную задачу документа в контексте защиты трудящихся граждан государства от посягательств на жизнь, здоровье, реализацию законных прав и от самих преступников, в том числе классово опасных элементов.

Выполнение указанной задачи конкретизировалось в контексте применения различных мер наказания к нарушителям порядка, который устанавливался в новом государстве. Инновационным можно считать подход к дефиниции термина «преступление». Данная правовая категория рассматривалась как общественно опасное действие или бездействие, которое угрожает политическим, экономическим и социальным устоям нового, советского государства, а также правопорядку и реализации вновь разработанного законодательства, которое было создано органами рабоче-крестьянской власти для осуществления перехода к коммунистическому строю в указанный период [20]. Причем, касаемо уголовного наказания отмечалось, что оно являлось скорее оборонительной, нежели карательной, мерой. Поэтому его применение должно быть целесообразным, лишено лишнего мучения и страданий и должно иметь больше воспитательный, нежели карательный аспект. Вышеуказанный факт иллюстрирует то, что на законодательство начального периода советского государства большое влияние имела социологическая теория уголовного права. Максимально подобные тенденции отражены в ст. 24 и 25 УК РСФСР 1922 г., которые говорили о том, что при определении объема и длительности наказания необходимо учитывать характер и степень общественной опасности личности преступника и только потом – анализировать само противоправное деяние. Это отражало личностно-ориентированные основы назначения наказания, которые были призваны обеспечить максимальный превентивный эффект в отношении потенциальных преступлений. Для того, чтобы установить соответствие личности и совершенного им действия, необходимо совершить ряд следственных действий:

- изучение обстановки, в которой было совершено преступление;
- конкретизация личности преступника и определение основных его характеристик, свойств и качеств;
- выяснение мотивов совершения преступлений, основанных, возможно, на прошлом образе жизни [20].

На этапе обсуждения проекта Уголовного кодекса РСФСР некоторые исследователи отмечали, что преступник – для общества тот человек, который небезопасен, может совершить противоправное деяние и поэтому его необходимо изолировать от социума и предпринять попытки к исправлению, но не мстить и не заставлять страдать беспричинно [21, с. 69].

В этом законе с позиций уже не социологической теории наказания, как было у большевиков начального периода, а с позиций современной классической теории наказания, имелись недостатки, в частности, в литературе указывается на придание закону обратной силы, закрепление права судебного усмотрения при применении сроков давности по контрреволюционным преступлениям и др. [22, с. 9].

В сложившихся условиях неопределенности советской власти пришлось с середины 1920-х гг. ужесточать уголовные наказания, было объявлено обострение классовой борьбы, и в 1930-х гг. максимальный срок лишения свободы составит уже 25 лет, а смертная казнь формально не исключалась для преступников-подростков от 12 лет. Соответственно корректировалась и концепция советской власти в сфере уголовно-правовых отношений.

Выводы

В качестве итога необходимо отметить, что советское уголовное законодательство на начальном этапе становления претерпело существенные трансформации по сравнению с предыдущим периодом.

В целом моно отметить, что этот первый советский уголовный закон был самым гуманным в правовой истории России (если иметь в виду полноценные уголовные законы с общей и особенной частями) и опирался концептуально на программную указанную выше позицию рабоче-крестьянской партии. В отношении назначаемых наказаний были введены существенные изменения: к примеру, максимальный срок лишения свободы был определен в 10 лет, при этом были предложения сократить его до 5 лет, однако,

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

они не были одобрены. Однако, дальнейшая практика показала, что указанные действия не способствовали снижению преступлений и тем более, к из полному исчезновению. Превентивные меры не давали желаемого социального эффекта, несмотря на то, что правящие круги предполагали отсутствие условий для совершения подобных преступлений в новом социальном государстве, где приоритетными являются принципы равенства и справедливости.

Список источников

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под общ ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. Т. 2. 1917-1922. М, 1983. 256 с.

2. Грошев А.В., Упоров И.В. Уголовное право России. Общая часть / краткий учебный курс. Ростов-на-Дону, 2006. 174 с.

3. Сизова В.Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1. С. 34 – 41.

4. Декрет Второго Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 27.10. 1917 г. «О земле» // СУ РСФСР. 1917. № 1. 83 с.

5. Декрет Второго Всероссийского съезда советов «Об отмене смертной казни» от 26.10. 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 1. 130 с.

6. Обращение СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» от 11.11.1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 3. 94 с.

7. Постановление ВЦИК «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти» от 05.01. 1918г. // СУ РСФСР. 1918. № 14. 129 с.

8. Декрет СНК РСФСР «О революционных трибуналах» от 04.05. 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 35. 89 с.

9. Декрет СНК «О борьбе со спекуляцией» от 22.07. 1918 г. // В.И.Ленин и ВЧК / Сб. документов. М., 1987. С. 73 – 75.

10. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России: учебное пособие. Краснодар 1999. 139 с.

11. Максимов П.В., Смирнов В.А. Генезис и эволюция уголовного преследования в Советской России после Октябрьской революции // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4. С. 89 – 94.

12. Постановление СНК «О красном терроре» от 05.09. 1918 г. // Известия ВЦИК. 1918. 10 сентября. - 73 с.

13. Постановление Кассац. отдела ВЦИК РСФСР от 6.10.1918 г. «О подсудности революционных трибуналов» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. С. 35 – 37.

14. Декрет ВЦИК «О революционных военных трибуналах» от 20.11.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 58. 83 с.

15. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12.12. 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. С. 34 – 40.

16. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. 129 с.

17. Конституция РСФСР от 10.07.1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. 79 с.

18. Ескина Л.Б. Два юбилея российской Конституции // Правоведение. 1999. № 1. С. 6 – 9.

19. Головко Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. № 3. С. 61 – 65.

20. Постановление ВЦИК РСФСР от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. 129 с.

21. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1958. 271 с.

22. Трошкина Д.Э. Становление и развитие советского законодательства о борьбе с контрреволюцией: историко-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2025. 136 с.

References

1. The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee. edited by A.G. Egorov, K.M. Bogolyubov. Vol. 2. 1917-1922. Moscow, 1983. 256 p.

2. Groshev A.V., Uporov I.V. Criminal Law of Russia. General Part. Short Course. Rostov-on-Don, 2006. 174 p.

3. Sizova V.N. Evolution of Russian Criminal Legislation from 1917 to 1924. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1. P. 34 – 41.

4. Decree of the Second All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers', and Peasants' Deputies of October 27, 2021. 1917. "On the Land". SU RSFSR. 1917. No. 1. 83 p.

5. Decree of the Second All-Russian Congress of Soviets "On the Abolition of the Death Penalty" of October 26, 1917. SU RSFSR. 1917. No. 1. 130 p.

6. Appeal of the Council of People's Commissars to all army organizations, military revolutionary committees, and all soldiers at the front "On the Fight Against the Bourgeoisie and Its Agents Sabotaging the Army's Food Supply and Obstructing the Conclusion of Peace" of November 11, 1917. SU RSFSR. 1917. No. 3. 94 p.

7. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee "On the recognition of all attempts to appropriate the functions of state power as counterrevolutionary actions" of 05.01.1918. SU RSFSR. 1918. No. 14. 129 p.

8. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Revolutionary Tribunals" of 04.05.1918. SU RSFSR. 1918. No. 35. 89 p.

9. Decree of the Council of People's Commissars "On the Fight against Speculation" of 22.07.1918. V.I. Lenin and the All-Russian Extraordinary Commission. Collection of documents. Moscow, 1987. P. 73 – 75.

10. Rasskazov L.P., Uporov I.V. Development of Criminal and Criminal-Executive Legislation in Russia: a textbook. Krasnodar, 1999. 139 p.

11. Maksimov P.V., Smirnov V.A. Genesis and Evolution of Criminal Prosecution in Soviet Russia after the October Revolution. Siberian Legal Bulletin. 2019. No. 4. P. 89 – 94.

12. Resolution of the Council of People's Commissars "On the Red Terror" of September 5, 1918. Izvestiya of the All-Russian Central Executive Committee. September 10, 1918. 73 p.

13. Resolution of the Cassation Department of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of October 6, 1918 "On the Jurisdiction of Revolutionary Tribunals". Collection of Documents on the History of Criminal Legislation of the USSR and the RSFSR 1917–1952. M., 1953. P. 35 – 37.

14. Decree of the All-Russian Central Executive Committee “On revolutionary military tribunals” dated November 20, 1919. Investigative Directorate of the RSFSR. 1919. No. 58. 83 p.

15. Guidelines on criminal law of the RSFSR from 12.12. 1919. SU RSFSR. 1919. No. 66. P. 34 – 40.

16. Shargorodsky M.D. Punishment under Soviet criminal law. M., 1958. 129 p.

17. Constitution of the RSFSR of July 10, 1918. SU RSFSR. 1918. No. 51. Art. 582. 79 p.

18. Eskina L.B. Two Anniversaries of the Russian Constitution. Jurisprudence. 1999. No. 1. P. 6 – 9.

19. Golovko L.V. The Principles of Inevitability of Responsibility and Publicity in Modern Russian Criminal Law and Procedure. State and Law. 1999. No. 3. P. 61 – 65.

20. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of June 1, 1922, "On the Implementation of the Criminal Code of the RSFSR". Investigative Committee of the RSFSR. 1922. No. 15. Article 153. 129 p.

21. Kursky D.I. Selected Articles and Speeches. Moscow, 1958. 271 p.

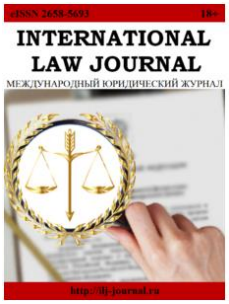
22. Troshkina D.E. Formation and development of Soviet legislation on the fight against counterrevolution: historical and legal research: dis. ... candidate of legal sciences. Belgorod, 2025. 136 p.

Информация об авторе

Упоров И.В., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, независимый исследователь

© Упоров И.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-178-186

Злоупотребление правом со стороны потребителей

[1] Харченко С.В.,
[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

***Аннотация**: остаётся актуальной проблема злоупотребления правом со стороны потребителей. Особого внимания заслуживает недобросовестное поведение потребителей при интернет-торговле, которая бурно развивается в последние годы. В статье рассматриваются различные виды злоупотреблений, в частности, недобросовестный отказ потребителя от договора.*

В качестве правового средства защиты от такого злоупотребления предлагается активнее использовать принцип эстоппель – правовой инструмент, препятствующий лицу ссылаться на какие-либо обстоятельства (например, оспаривать ранее подтверждённые факты), если его предшествующее поведение свидетельствовало об обратном. Автор приводит примеры из судебной практики, связанные с применением эстоппеля: в ряде дел суды отказали потребителям в защите их требований, поскольку те действовали противоречиво и недобросовестно.

В статье выявляются предпосылки для недобросовестных возвратов товаров, приобретённых потребителями через интернет (в т.ч. злоупотребление правом на возврат без объективных причин, фальсификация дефектов и т. д.), а также предлагаются меры по противодействию этому явлению. Автор приходит к выводу, что такие меры должны обеспечивать баланс интересов потребителей и бизнеса. С этой позиции в статье рассматриваются поправки в Закон о защите прав потребителей, вступившие в силу с 01 февраля 2026 г., которые призваны противодействовать злоупотреблениям потребителей.

***Ключевые слова**: злоупотребление правом, дистанционная продажа, отказ от договора, возврат товара*

Для цитирования: Харченко С.В. Злоупотребление правом со стороны потребителей // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 178 – 186. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-178-186

Поступила в редакцию: 7 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Consumer abuse of the law

[1] Kharchenko S.V.,
[1] National Research University Higher School of Economics

***Abstract:** the problem of abuse of rights by consumers remains relevant. Particular attention should be paid to the недобросовестное (unfair) conduct of consumers in online trading, which has been developing rapidly in recent years. The article examines various types of abuses, in particular the недобросовестный (unfair) refusal of a consumer to honour a contract.*

As a legal means of protection against such abuse, it is proposed to make more active use of the estoppel principle – a legal tool that prevents a person from invoking certain circumstances (for example, challenging facts previously confirmed) if their previous conduct indicated the opposite. The author provides examples from judicial

practice related to the application of estoppel: in a number of cases, courts have denied consumers protection of their claims because they acted inconsistently and in bad faith.

The article identifies the prerequisites for unfair returns of goods purchased by consumers online (including abuse of the right to return goods without objective reasons, falsification of defects, etc.) and also proposes measures to counteract this phenomenon. The author concludes that such measures must strike a balance between the interests of consumers and businesses. From this perspective, the article examines the amendments to the Law on Protection of Consumer Rights, which came into force on 1 February 2026 and are designed to counteract consumer abuses.

***Keywords**: abuse of rights, distance selling, withdrawal from the contract, return of goods*

For citation: Kharchenko S.V. Consumer abuse of the law. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 178 – 186. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-178-186

The article was submitted: February 7, 2026; Approved after reviewing: April 4, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

В последние годы в юридической литературе и прессе обсуждаются вопросы, связанные с «потребительским экстремизмом», под которым понимаются недобросовестные действия (бездействие) граждан, направленные не на защиту нарушенных прав, а на получение необоснованной выгоды от реализации прав, предусмотренных законодательством о защите прав потребителей, и (или) на причинение вреда контрагентам-предпринимателям. С этой целью лицо, манипулируя законодательством о защите прав потребителей и используя свое особое правовое положение, специально создает условия для того, чтобы его права, предусмотренные законом, и условия заключенного договора были нарушены [1].

Относительно данного явления высказываются противоположные взгляды. Некоторые авторы видят в нем серьезную проблему, негативно влияющую на потребительские отношения и стабильность гражданского оборота в целом и требующую активного вмешательства законодателя и судов. Другие авторы считают, что «масштаб бедствия» сильно преувеличен и даже что «потребительский терроризм» – не более чем выдумка со стороны бизнеса, который просто не желает выполнять законные требования граждан [2].

Представляется, что истина, как это часто бывает, находится где-то посередине, и необходимо взвешенно подойти к решению указанной проблемы. Не следует впадать в крайности, утверждая, что «потребитель всегда прав» или что большинство потребителей – потенциальные злоумышленники.

Материалы и методы исследований

С одной стороны, потребитель традиционно рассматривается как слабая сторона в отношениях с профессиональными участниками рынка, которой необходимо предоставить дополнительные права и гарантии для защиты своих интересов. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3] (далее – Закон о ЗПП) и другие правовые акты, регулирующие потребительские отношения, с этой задачей достаточно успешно справляются. К тому же Закон о ЗПП устанавливает презумпцию отсутствия у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара, необходимых для его правильного выбора (п. 1 ст. 10, п. 4 ст. 12 Закона о ЗПП).

С другой стороны, Закон о ЗПП, закрепляя для потребителя особые права и гарантии, при регулировании некоторых отношений (например, возникающих при дистанционной продаже) предоставляет ему слишком широкие возможности воздействия на предпринимателя, при отсутствии у последнего адекватных правовых механизмов реагирования. Кроме того, необходимо оценивать действия потребителя как дееспособного участника гражданского оборота, который должен отдавать отчет в своих действиях, понимать их последствия и нести ответственность.

Таким образом, оборотной стороной пропотребительской направленности Закона о ЗПП, с учетом возросшего уровня юридической грамотности и информированности граждан, стало возникновение предпосылок для недобросовестных действий в определенных сферах потребительских правоотношений.

Действующее законодательство не содержит понятия «потребительский экстремизм». По своей юридической природе подобные действия являются злоупотреблением правом – заведомо недобросовестным осуществлением гражданских прав, которое не допускается в силу п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ [4]. Сам термин «экстремизм» носит уголовно-правовой характер, поэтому его использование при исследовании недобросовестного поведения в сфере отношений с участием потребителей является некорректным.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Таким образом, в контексте «потребительского экстремизма» необходимо разграничить злоупотреблением правом, как разновидность гражданского правонарушения, представляющего собой нарушение принципа добросовестности, и умышленные противоправные действия потребителей, целью которых является завладение имуществом предпринимателей путем обмана. В последнем случае речь идет, например, о мошеннических действиях покупателей, которые намеренно выводят из строя приобретенные смартфоны и другие технически сложные товары, получают недостоверные экспертные заключения о производственных дефектах и обращаются в суд для получения соответствующих выплат. По данным газеты «Коммерсант» сейчас насчитываются тысячи подобных исков к крупным ритейлерам бытовой техники и электроники, что вынудило их в декабре 2025г. коллективно обратиться к председателю Верховного Суда РФ с просьбой получить разъяснения от Пленума ВС по вопросам правоприменения Закона о ЗПП [5].

Здесь мы сталкиваемся с мошенническими действиями организованных преступных групп, в которые входят экспертные организации и юристы. Их деятельность подпадает под действие ст. 159 Уголовного кодекса РФ [6]. Поэтому и решать данную проблему надо с использованием имеющихся уголовно-правовых механизмов, не создавая дополнительных ограничений для простых добросовестных потребителей.

Что же касается собственно злоупотреблений потребителями своими правами, то на практике такие нарушения имеют место, когда покупатель, в частности:

- по формальным основаниям требует возврата уплаченной за товар суммы после продолжительного его использования, ссылаясь на нарушение продавцом ст. 10 Закона о ЗПП, которая возлагает на последнего обязанность своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах [7];
- нарушает условия и порядок возврата товара продавцу [8];
- не предоставляет продавцу (изготовителю) товар для проверки качества, заявляя требования относительно его ненадлежащего качества [9];
- уклоняется от принятия исполнения, в том числе, не указывая в претензии контактные данные или банковские реквизиты для возврата денежных средств [10];
- совершает иные действия (бездействие), направленные на затягивание процесса урегулирования спора, в том числе путем лишения (ограничения) продавца возможности исполнить свои обязательства и тем самым конструктивно и оперативно решить проблему. Как правило, это делается с целью искусственно увеличить период для начисления неустойки за просрочку исполнения продавцом своего обязательства или взыскать 50-процентный штраф за отказ добровольно удовлетворить требование потребителя, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона о ЗПП.

Нередко недобросовестные покупатели используют в своих корыстных интересах ст. 25 Закона об ЗПП, устанавливающую последствия приобретения товара, который не подошел покупателю [11]. Данная статья позволяет по сути без объяснения причин требовать обмена товара надлежащего качества на аналогичный, а при его отсутствии устанавливает возможность отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы.

Следует отдельно остановиться на такой форме злоупотребления правом, как недобросовестный отказ потребителя от договора (исполнения договора). Речь идет о ситуации, когда потребитель, предварительно подтвердив действие договора, в том числе приняв по нему исполнение, в дальнейшем отказывается от договора. Чтобы воспрепятствовать такому недобросовестному поведению можно использовать эстоппель – правовое средство обеспечения последовательного поведения участников правоотношений.

Применительно к отказу от договора данный принцип закрепляется п 4 и п. 5 ст. 450.1 ГК РФ, согласно которым сторона, которой законодательством или договором предоставлено право на отказ от договора (исполнения договора), должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно в пределах, предусмотренных законодательством или договором. В случаях, если при наличии оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается.

Для применения эстоппеля нужно учитывать, что недобросовестным является поведение одной из сторон, противоречащее ее предшествующим действиям и заявлениям, на которые разумно положилась другая сторона и вследствие противоречивого поведения понесла ущерб. В частности, недобросовестным является непоследовательное поведение лица в ситуации, когда оно, обладая каким-либо субъективным правом, своими предшествующими действиями создает для другой стороны разумное ожидание, что оно этим

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

субъективным правом воспользоваться не планирует, а впоследствии совершает действия по осуществлению этого права, вопреки предшествующему поведению [12].

По одному из споров суд применил п 4 и п. 5 ст. 450.1 ГК РФ и отказал в удовлетворении требований истцу, который просил расторгнуть договор в связи с ненадлежащим оказанием юридических услуг, возвратить ему денежные средства, уплаченные по договору, взыскать с ответчика штраф и компенсацию морального вреда. Суд исходил из того, что истец принял фактически оказанные услуги, в течение 10 месяцев вносил платежи в качестве оплаты услуг, а после подписания акта об оказании услуг не оспаривал их объем [13].

В другом деле суд также не нашел оснований для расторжения договора и применения последствий, связанных с расторжение договора, поскольку, в частности:

- до предъявления требования о возврате стоимости транспортного средства истец уже реализовал свое право на устранение недостатка, что было надлежащим образом исполнено ответчиком;
- истец длительное время (несколько месяцев) не заявлял о другом недостатке, который существовал на момент продажи автомобиля [14].

В схожем деле суд отметил, что:

- истец воспользовался своим правом на безвозмездное устранение недостатков товара, после последнего ремонта в течение почти трех лет пользовался автомобилем и требований о расторжении договора ответчику не направлял;
- какие-либо существенные недостатки в автомобиле истца на момент обращения в суд отсутствовали.

При таких обстоятельствах суд признал предъявление истцом требования о расторжении договора нарушением принципа добросовестности, что является самостоятельным основанием для отказа в иске в соответствии со статьей 10 ГК РФ [15].

Таким образом, как видно из указанных примеров, потребитель утрачивает право на отказ от договора, когда подтверждает его своими конклюдентными действиями или пассивным поведением (бездействием).

Представляется, что для обеспечения баланса прав сторон в подобных ситуациях суды, применяя эстоппель, должны оценивать и добросовестность стороны, положившейся на действия потребителя. Эстоппель должен защищать только добросовестное лицо, то есть лицо, доверие которого к поведению другой стороны было разумным и обоснованным [16].

Благодатную почву для злоупотреблений со стороны потребителей создают нормы, регулирующие дистанционную продажу товаров, в том числе через интернет. Речь идет о пункте 4 ст. 26.1 Закона о ЗПП, который устанавливает, что потребитель вправе без всякой причины отказаться от товара надлежащего качества в течение семи дней с момента его передачи. А в случае, если информация о порядке и сроках возврата товара не была предоставлена в письменной форме в момент его доставки, потребитель вправе отказаться от товара в течение трех месяцев с момента передачи.

Однако вернуть товар надлежащего качества потребитель может, если сохранены товарный вид, потребительские свойства товара, а также документ, подтверждающий факт и условия покупки указанного товара. Потребитель не вправе отказаться от товара, который имеет индивидуально-определенные свойства, в силу чего может быть использован только приобретающим его лицом. В качестве исключения закреплено также ограничение на отказ от доставленного лекарственного препарата для медицинского применения – от него можно отказаться только до оплаты заказа (п. 25 Правил, утв. Постановлением Правительства РФ от 16.05.2020г. № 697) [17].

Верховный Суд РФ, исходя из содержания п. 4 ст. 26.1 Закона о ЗПП, определил последовательность действий покупателя при отказе от товара надлежащего качества: он должен своевременно заявить о своем отказе от товара, обеспечить продавцу возможность проверить возвращаемый товар на предмет сохранности его товарного вида, потребительских свойств, в том числе его количества (объема), а также совершить действия по передаче данного товара продавцу. В противном случае продавец может быть лишен права на заявление обоснованных возражений против возврата товара надлежащего качества со ссылкой на то, что возвращаемый товар не соответствует требованиям, предусмотренным абз. 3 п. 4 ст. 26.1 Закона о ЗПП [18].

Однако в целом положения указанной статьи не устанавливают понятный механизм реализации права на отказ от товаров надлежащего качества (включая порядок возврата денег) и позволяют недобросовестным покупателям достаточно свободно отказываться от товаров, в том числе после их использования, получая тем самым необоснованную выгоду.

Кроме того, Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, который утвержден постановлением Правительства РФ от 31.12.2020г. № 2463, применяется исключительно в

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

рамках ст. 25 Закона о ЗПП, которая устанавливает право потребителя на обмен товара надлежащего качества на аналогичный товар. А к дистанционной продаже данный перечень не применяется, поскольку содержание ст. 25 Закона о ЗПП принципиально отличается от положений п. 4 ст. 26.1 Закона о ЗПП [19].

Чтобы упорядочить процедуру возвратов товаров надлежащего качества Минэкономики, при поддержке Ассоциации компаний интернет-торговли, предлагает [20]:

- разграничить отказ от приобретения товара после его осмотра в пункте выдачи заказов (ПВЗ) или получения от курьера и возврат товаров после того, как покупатель забрал их в ПВЗ или у курьера;

- определить перечень товаров, отказ от которых невозможен даже при получении в ПВЗ или у курьера (это касается продуктов питания, лекарств, медицинских изделий и т.д.), а также товаров, возврат которых не допускается после получения, но возможен в ПВЗ или курьеру сразу при доставке (например, электроника, парфюмерию, косметика и т.п.).

Как известно, маркетплейсы самостоятельно уже вводят подобные меры, запрещая возврат, в частности, смартфонов, ноутбуков, печатных изданий, средств личной гигиены и т.п.

Представляется, что на основе указанных предложений необходимо предусмотреть нормативный перечень товаров, не подлежащих возврату. Целесообразно включить в него также сезонные товары (соответствующую одежду, праздничную атрибутику) или сократить для них сроки возврата. При этом можно воспользоваться разъяснениями Верховного Суда РФ относительно определения разумного срока, предусмотренного п. 1 ст. 12 Закона о ЗПП, в течение которого потребитель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар суммы: необходимо принимать во внимание срок годности товара, сезонность его использования, потребительские свойства и т.п. [21].

Кроме того, следует конкретизировать положения Закона о ЗПП о порядке и сроках удержания с потребителя расходов на обратную доставку товара.

Однако вводить подобные ограничения необходимо при условии их прозрачности для потребителей. В противном случае риски дистанционной торговли будут переложены на добросовестных потребителей. Особенно это может коснуться жителей отдаленных регионов, для которых процедура возврата товара станет слишком обременительной и несоразмерной по затратам при покупке недорогих вещей.

Скорректировать правила дистанционной розничной купли-продажи товаров и предусмотреть в них дополнительные обязанности для продавцов и покупателей предлагается также в Проекте обновленных Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи. В частности, если лицо намеревается получить обратно деньги за товар, оно должно указать в претензии номер заказа или другой его идентификатор и (или) номер телефона или электронную почту, которые привязаны к личному кабинету покупателя в интернет-магазине. Также нужно написать реквизиты банковского счета [22]. Возможно, это поможет предотвращать случаи, когда потребитель искусственно затягивает процесс урегулирования спора и лишает продавца возможности своевременно перечислить требуемую сумму.

Еще одним проявлением злоупотреблений со стороны интернет-покупателей является ситуация, при которой потребитель регулярно заказывает большое количество товаров, но при этом оставляет себе лишь малую часть. Как правило, в таких случаях покупатель изначально не планирует приобретать много товаров, а имеет намерение лишь расширить возможность для выбора нужного товара за счет продавца, который несет расходы на сборку товаров и их доставку.

Это вынуждает маркетплейсы самим проявлять инициативу, устанавливая сервисный сбор за возврат товаров или вводя соответствующий рейтинг покупателей, что должно стимулировать покупателей меньше заказывать и больше выкупать.

Поэтому для решения данной проблемы необходимо нормативно закрепить механизм, позволяющий ограничить число недобросовестных возвратов качественных товаров. Например, предоставить маркетплейсам возможность переложить соответствующие расходы на лиц, которые неоднократно не выкупали товары, заказанные в большом количестве.

Результаты и обсуждения

Заслуживают отдельного внимания поправки в Закон об ЗПП, которые вступили в силу с 01 февраля 2026г. Предполагается, что новые нормы ограничат возможности для злоупотреблений. С этой целью законодатель, в частности:

- запретил взыскивать 50-процентный штраф за отказ добровольно удовлетворить требование потребителя в случае, если требование не было удовлетворено по вине самого потребителя, в том числе в случае уклонения его от совершения необходимых действий (п. 7 ст. 13 Закона о ЗПП). По идее, это должно уменьшить количество ситуаций, когда потребитель не передает товар на экспертизу, не предоставляет

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

банковские реквизиты для возврата ему стоимости товара, уклоняется от принятие надлежащего исполнения и т.п. Однако решить данную проблему возможно было иначе: предусмотреть, что указанный штраф взыскивается в местный бюджет (как это было до разъяснения Верховного Суда РФ, изложенного в п. 46 Постановления Пленума от 28.06.2012 N 17), а не в пользу потребителя. В таком случае потребитель не смог бы извлекать материальную выгоды от взыскания штрафа, а последний просто выполнял бы свою основную задачу – стимулировать предпринимателя не доводить спор до суда;

- установил предельный размер взыскиваемой неустойки (пени) за нарушение сроков устранения недостатков товаров, замены товара ненадлежащего качества и сроков удовлетворения ряда иных требований потребителя. Раньше пеня в размере одного процента цены товара за каждый день просрочки взыскивалась по день фактического исполнения и не ограничивалась какой-либо суммой [23]. Теперь, если иное не установит закон, независимо от периода просрочки, общая сумма неустойки не может превышать сумму, уплаченную потребителем по договору купли-продажи. Кроме того, суд вправе уменьшить неустойку, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства (п. 1 ст. 23 Закона о ЗПП). Предельный размер неустойки ранее, в частности, был установлен в случае просрочки передачи предварительно оплаченного товара, а также в случае нарушения сроков устранения недостатков выполненной работы или оказанной услуги (п. 3 ст. 23.1, п. 5 ст. 28, абз. 3 ст. 30 Закона о ЗПП). Таким образом, вводя указанную норму, законодатель не придумал ничего экстраординарного. Новое ограничение, скорее всего, объясняется тем обстоятельством, что возможность взыскивать неограниченную сумму неустойки являлось главной предпосылкой для злоупотреблений со стороны потребителей.

Остается надеяться, что новые нормы станут эффективной преградой «потребительскому экстремизму», но в то же время не ослабят защиту прав добросовестных потребителей. Во многом это будет зависеть от того, какую практику их применения будут формировать суды.

На фоне принятия указанных поправок в Закон о ЗПП хотелось бы упомянуть Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей», вступивший в силу 06 декабря 2024г. (далее – Декрет, Единые правила) [24]В отличие от новой редакции Закона о ЗПП, Декрет расширяет возможности для защиты потребителями своих прав, в частности:

- не ограничивает размер неустойки (пени), взыскиваемой за нарушения как при продаже товаров, так и при выполнении работ (оказании услуг), что идет вразрез со ст. 23, 23.1, 28 Закона о ЗПП;

- сокращает максимальный срок устранения недостатков товара по соглашению сторон с 45 дней (согласно п. 1 ст. 20 Закона о ЗПП) до 14 дней (в соответствии с ч. 1 ст. 21 Единых правил), а также сокращает срок замены товара ненадлежащего качества при необходимости дополнительной проверки его качества с 20 дней (согласно п. 1 ст. 21 Закона о ЗПП) до 14 дней (в соответствии с ч. 1 ст. 22 Единых правил).

Тем самым, создаются условия для увеличения просрочек и, соответственно, сумм начисленных неустоек, что в свою очередь, увеличивает вероятность злоупотреблений со стороны потребителей.

Таким образом, сравнивая указанные положения Единых правил с поправками в Закон о ЗПП, мы наблюдаем противоположные подходы к регулированию отношений в сфере защиты прав потребителей, что создает неопределенность в правоприменении.

Такая неопределенность связана и с неясным статусом Декрета. С одной стороны, этот документ имеет приоритет перед Законом о ЗПП в силу п. 1 ст. 2 данного Закона и в соответствии со ст. 60 Договора между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999г. «О создании Союзного государства» (далее – Договор).

С другой стороны, обращает на себя внимание формулировка в преамбуле Единых правил о том, что они устанавливают рамочные правовые основы, направленные на сближение национальных законодательств государств – участников Договора, регулирующих отношения с участием потребителей. По мнению Довгань К.Е., нормы рамочного законодательства не имеют прямого действия, в большинстве случаев носят отсылочный характер, а также предполагают последующую конкретизацию [25].

Судебная практика в большинстве своем также исходит из того, что введение в действие Единых правил не отменяет приоритета Закона о ЗПП [26]. Однако можно встретить и противоположный подход, при котором суды руководствуются Едиными правилами. Например, Королевский городской суд Московской области указывает, что декрет Союзного государства является нормативно-правовым актом прямого действия и имеет преимущественную силу по отношению к внутреннему закону Российской Федерации, поэтому при наличии противоречий п. 1 ст. 21 Единых правил (срок устранения недостатков – 14 дней) и ст. 20 Закона о ЗПП (срок устранения недостатков – 45 дней) необходимо руководствоваться Едиными правилами [27].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Да и вообще сам факт наличия подобной судебной практики говорит о том, что граждане считают возможным обращаться в суд, обосновывая свои требования Едиными правилами, а не Законом о ЗПП.

В такой ситуации для формирования единообразной практики применения Единых правил требуются разъяснения Верховного Суда РФ.

Выводы

В целом, в рамках противодействия недобросовестному поведению потребителей необходимо ориентироваться на обеспечение баланса интересов граждан и бизнеса. Этого подхода должны придерживаться как законодатель, корректируя правовые акты в сфере защиты прав потребителей, так и суды, разрешая конкретные споры. При этом судам следует активнее применять универсальные способы защиты от злоупотребления правом, предусмотренные ГК РФ, включая принцип эстоппель.

Список источников

1. Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения судами Пермского края дел по спорам в сфере ответственности застройщиков жилья после передачи жилых помещений собственникам за 2018-2019 годы, 3 месяца 2020 года (утв. президиумом Пермского краевого суда 04.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Потребительский терроризм – не более чем выдумка со стороны бизнеса (Интервью с М.С.Орловым) // Закон. 2021. № 9. С. 8 – 14.

3. Ведомости СНД и ВС РФ, 09.04.1992, N 15, ст. 766.

4. Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

5. Газета «Коммерсантъ» №22 от 10.02.2026, стр. 7.

6. Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

7. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 09.12.2024 N 33-19669/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2024 № 88-36313/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

9. п. 5 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2021 по делу № 88-17166/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29.06.2018 по делу N 33-11245/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2024 N 300-ЭС24-6956 по делу N СИП-295/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Решение Таганрогского городского суда Ростовской области от 19.06.2024 N 2-3322/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Решение Фрунзенского районного суда города Санкт-Петербурга от 10.12.2024 по делу N 2-3686/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2020 № 88-17419/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2024 N 300-ЭС24-6956 по делу N СИП-295/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 N 697 "Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом" // СПС «КонсультантПлюс».

18. п. 3 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

19. Информация Роспотребнадзора «Вниманию потребителя: особенности возврата товара надлежащего качества, купленного при дистанционном способе продажи товара» // СПС Консультант Плюс.

20. Данные предложения были озвучены в ходе стратегической сессии Правительства РФ по вопросам развития платформенной экономики 16.02.2026г. https://its.1c.ru/db/newsclar/content/498668/hdoc

21. п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 N 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей // СПС «КонсультантПлюс».

22. п. 23 Проекта Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. https://regulation.gov.ru/projects/164794/

23. п. 7 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

24. Официальный сайт Союзного государства https://посткомсг.рф/, 18.12.2024.

25. Довгань К.Е. Категория «рамочное законодательство» в национальной правовой системе РФ // Юрислингвистика. 2022. № 26. С. 22 – 25.

26. См., например, Решение Волжского районного суда города Саратова от 15.08.2025 по делу N 2-2426/2025, Решение Ново-Савиновского районного суда города Казани от 07.05.2025 по делу № 2-2327/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Решение Королевского городского суда Московской области от 06.08.2025 по делу N 2-2481/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Information on the results of summarizing the judicial practice of the courts of the Perm Territory in considering cases on disputes regarding the liability of housing developers after the transfer of residential premises to owners for 2018-2019, 3 months of 2020 (approved by the Presidium of the Perm Regional Court on 04.12.2020). SPS "ConsultantPlus".

2. Consumer terrorism is nothing more than an invention on the part of business (Interview with M.S. Orlov). Law. 2021. No. 9. P. 8 – 14.

3. Vedomosti of the Council of Justice and the Supreme Court of the Russian Federation, 09.04.1992, No. 15, Art. 766.

4. Collected Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, Art. 3301.

5. Kommersant newspaper, No. 22, February 10, 2026. P. 7.

6. Collected Legislation of the Russian Federation, June 17, 1996, No. 25, Article 2954.

7. Appellate ruling of the Rostov Regional Court, December 9, 2024, No. 33-19669/2024. SPS ConsultantPlus.

8. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction, November 14, 2024, No. 88-36313/2024. SPS ConsultantPlus.

9. Clause 5 of the Review of Judicial Practice in Consumer Protection Cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 20, 2021). SPS "ConsultantPlus".

10. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated August 2, 2021 in Case No. 88-17166/2021. SPS "ConsultantPlus".

11. Appellate Ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated June 29, 2018 in Case No. 33-11245/2018. SPS "ConsultantPlus".

12. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 8, 2024, No. 300-ES24-6956 in case No. SIP-295/2023. SPS "ConsultantPlus".

13. Decision of the Taganrog City Court of the Rostov Region dated June 19, 2024, No. 2-3322/2024. SPS "ConsultantPlus".

14. Decision of the Frunzensky District Court of St. Petersburg dated December 10, 2024 in case No. 2-3686/2024. SPS "ConsultantPlus".

15. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated November 25, 2020 No. 88-17419/2020. SPS "ConsultantPlus".

16. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 8, 2024 No. 300-ES24-6956 in case No. SIP-295/2023. SPS "ConsultantPlus".

17. RF Government Resolution No. 697 of 16 May 2020 "On Approval of the Rules for Issuing Permits for the Remote Retail Sale of Medicinal Products for Medical Use, the Implementation of Such Trade and Delivery of the Said Medicinal Products to Citizens, and Amendments to Certain Acts of the Russian Government Regarding the Remote Retail Sale of Medicinal Products for Medical Use". SPS ConsultantPlus.

18. Clause 3 of the Review of Judicial Practice in Cases Concerning the Protection of Consumer Rights (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 19 October 2022). SPS ConsultantPlus.

19. Information from Rospotrebnadzor "Attention Consumer: Specifics of Returning Goods of Proper Quality Purchased through Remote Sale". SPS Consultant Plus.

20. These proposals were voiced during the strategic session of the Government of the Russian Federation on the development of the platform economy on 16.02.2026. https://its.1c.ru/db/newsclar/content/498668/hdoc

21. Item 36 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012, No. 17 "On the consideration by courts of civil cases on disputes over the protection of consumer rights. SPS "Consultant-Plus".

22. Item 23 of the Draft Rules for the Sale of Goods under a Retail Sale and Purchase Agreement. Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. https://regulation.gov.ru/projects/164794/

23. Item 7 of the Review of Judicial Practice in Cases on the Protection of Consumer Rights (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 20, 2021). SPS "ConsultantPlus".

24. Official website of the Union State https://посткомсг.рф/, 18.12.2024.

25. Dovgan K.E. The Category of "Framework Legislation" in the National Legal System of the Russian Federation. Jurislinguistics. 2022. No. 26. P. 22 – 25.

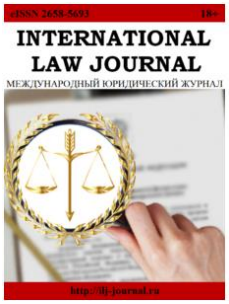
26. See, for example, Decision of the Volzhsky District Court of Saratov dated 15.08.2025 in case No. 2-2426/2025, Decision of the Novo-Savinovsky District Court of Kazan dated 07.05.2025 in case No. 2-2327/2025. SPS "ConsultantPlus".

27. Decision of the Korolev City Court of Moscow Region dated 06.08.2025 in case No. 2-2481/2025. SPS "ConsultantPlus".

Информация об авторе

Харченко С.В., кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

© Харченко С.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.5
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-187-195

Безопасность и устойчивость цифровых коммуникаций в РФ: специфика правовых условий и механизмов их реализации

[1] Алексеева М.В., Рыбак С.В.,
[1] Донской государственный технический университет

Аннотация: *в статье рассматривается многоаспектный подход Российской Федерации к концептуализации и практической реализации информационного суверенитета, эксплицируемого через динамичное развитие национального законодательства в цифровой сфере. Проводится комплексный анализ ключевых нормативно-правовых актов, регулирующих защиту критической информационной инфраструктуры, обеспечение устойчивого функционирования национального сегмента сети Интернет и противодействие распространению деструктивного контента. Детально исследуются инициативы по импортозамещению в области информационных технологий, включая создание и внедрение отечественной цифровой платформы MAX. Анализируются достигнутые результаты, а также системные вызовы, связанные с обеспечением информационной безопасности, формированием пользовательского доверия и противодействием дезинформационным кампаниям. Отдельный блок посвящен проблематике регулирования анонимности в сети, ограничениям на использование иностранных мессенджеров для определенных категорий организаций и техническим аспектам реализации механизмов деанонимизации, включая их влияние на права пользователей и потенциальные угрозы конфиденциальности. В заключении акцентируется, что предпринимаемые государством меры, включая локализацию данных и ужесточение требований к организаторам распространения информации, являются частью комплексной стратегии по обеспечению национальной безопасности и технологической автономии. Авторы отмечают сложность и многогранность современного правового регулирования цифрового пространства, стремящегося к балансу между необходимостью защиты государственных интересов и обеспечением прав и свобод граждан в условиях постоянно меняющейся геополитической и технологической среды.*

Ключевые слова: *информационный суверенитет, цифровая сфер, безопасность в киберпространстве, суверенный интернет, импортозамещение в ИТ, национальная цифровая платформа MAX, информационная безопасность*

Для цитирования: Алексеева М.В., Рыбак С.В. Безопасность и устойчивость цифровых коммуникаций в РФ: специфика правовых условий и механизмов их реализации // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 187 – 195. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-187-195

Поступила в редакцию: 7 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Security and sustainability of digital communications in the Russian Federation: the specifics of legal conditions and mechanisms for their implementation

[1] Alekseeva M.V., [1] Rybak S.V.,
[1] Don State Technical University

Abstract: *the article examines the multifaceted approach of the Russian Federation to conceptualizing and practically implementing information sovereignty, expressed through the dynamic development of national legislation in the digital sphere. A comprehensive analysis is carried out of key regulatory legal acts governing the protection of critical information infrastructure, ensuring the stable functioning of the national segment of the Internet, and countering the dissemination of destructive content. Initiatives for import substitution in information technology are examined in detail, including the creation and deployment of the domestic digital platform MAX. The analysis covers achievements as well as systemic challenges related to ensuring information security, building user trust, and countering disinformation campaigns. A separate section is devoted to the issues of regulating anonymity online, restrictions on the use of foreign messengers by certain categories of organizations, and the technical aspects of implementing de-anonymization mechanisms, including their impact on users' rights and potential threats to privacy. The conclusion emphasizes that the measures taken by the state, including data localization and tightening requirements for information disseminators, are part of a comprehensive strategy to ensure national security and technological autonomy. The authors note the complexity and multifaceted nature of contemporary legal regulation of the digital space, which seeks to balance the need to protect state interests with the protection of citizens' rights and freedoms amid a constantly changing geopolitical and technological environment.*

Keywords: *information sovereignty, digital domain, cybersecurity, sovereign Internet, IT import substitution, national digital platform MAX, information security*

For citation: Alekseeva M.V., Rybak S.V. Security and sustainability of digital communications in the Russian Federation: the specifics of legal conditions and mechanisms for their implementation. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 187 – 195. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-187-195

The article was submitted: February 7, 2026; Approved after reviewing: April 4, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Информационный суверенитет государства представляет собой одну из ключевых задач современного законодательства Российской Федерации. Его реализация основывается на формировании правовых механизмов, обеспечивающих защиту критической информационной инфраструктуры, стабильное функционирование национального сегмента интернета и устойчивое развитие сферы цифровых коммуникаций.

Федеральные законы, регулирующие данные направления, создают фундамент для утверждения территориальной юрисдикции государства в киберпространстве и формирования информационного пространства знаний на основании юрисдикционного и технократического подходов.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили принципы системного анализа и сравнительного подхода. Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: анализ нормативных правовых актов и доктринальных источников, особое внимание уделено материалам, опубликованным за последние 3 года, формально-юридический анализ: проведено сопоставление целей и средств регулирования цифровых коммуникаций, системный метод: выявлены взаимосвязи между блоками норм (КИИ, устойчивость инфраструктуры, режимы данных), сравнительно-правовой подход: сопоставлены правовые механизмы защиты данных и безопасности инфраструктуры, метод юридического моделирования: построены сценарии деанонимизации и интеграции платформ.

Результаты и обсуждения

Проведённый анализ показывает, что современная конструкция правовых условий безопасного и устойчивого функционирования цифровых коммуникаций в Российской Федерации формируется как многоуровневая система, в которой безопасность понимается не только как «защита от атак», но и как нормативно обеспеченная управляемость инфраструктуры и оборота данных. Внутренняя логика указанной системы

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

раскрывается через последовательное «сшивание» трёх режимов: режима устойчивости и защищённости инфраструктурных узлов и критически значимых систем; режима контроля и юридической ответственности посредников цифровых коммуникаций; режима специальных гарантий при обработке информации о личности и при применении криптографических средств.

Во-первых, регулирование безопасности критической информационной инфраструктуры фактически задаёт «каркас» устойчивости цифрового пространства, поскольку формирует критерии значимости объектов, предписывает организационные и технические меры защиты, а также закрепляет юридические последствия нарушения установленного порядка. Тем самым достигается правовая институционализация риска: риск компьютерной атаки переводится из плоскости исключительно технического явения в плоскость юридически управляемого события, где субъект обязанностей и субъект ответственности заранее определены. Это позволяет говорить о трансформации традиционной модели «реактивного правоприменения» в сторону превентивного правового режима, ориентированного на предупреждение инцидентов посредством комплаенс-обязанностей и надзорных процедур.

Во-вторых, регулирование устойчивости национального сегмента сети Интернет и контентных ограничений демонстрирует расширение предмета правового воздействия: от охраны отдельных объектов (сайтов, сетей, баз данных) к регулированию самой архитектуры цифровых коммуникаций. Обнаруживается тенденция к нормативному закреплению требований, направленных на обеспечение непрерывности функционирования и снижение зависимости от внешних технологических контуров. С точки зрения юридической техники это выражается в усилении роли инфраструктурных операторов и посредников (операторов связи, владельцев ресурсов, организаторов распространения информации), которым адресуются предписания по хранению определённых категорий данных и взаимодействию с уполномоченными органами. На практике такая модель порождает центральную дискуссию: где проходит граница допустимого нормативного «переноса» публичных задач по обеспечению безопасности на частноправовых участников рынка цифровых сервисов и насколько соразмерно распределяются издержки соблюдения требований.

В-третьих, выявлено, что государственная политика импортозамещения и создание отечественных цифровых платформ (включая MAX) в правовом измерении выполняют двойную функцию. С одной стороны, платформенные решения рассматриваются как технологическая база для повышения устойчивости и обеспечения непрерывности коммуникаций в пределах национальной юрисдикции. С другой стороны, платформа неизбежно становится точкой концентрации доверия и рисков: интеграция сервисов идентификации, финансовых и иных пользовательских функций объективно увеличивает значимость требований к защите информации и к прозрачности процедур обработки данных. Здесь правовой акцент смещается на обеспечение минимально необходимого уровня определённости: какие данные обрабатываются, в каких целях, на каком правовом основании, кто является оператором, как обеспечиваются права субъектов данных и как организуется контроль соблюдения требований. Именно в этой плоскости проявляется практическая связка между задачами технологической автономии и правовым режимом персональных данных.

В-четвёртых, проблематика анонимности и деанонимизации в цифровых коммуникациях обнаруживает характерный для современной цифровой регуляции конфликт юридических ожиданий и технических ограничений. Нормативно возможна установка обязанностей по идентификации пользователей и по предоставлению определённых категорий сведений уполномоченным органам. Однако технологическая реальность end-to-end-шифрования и распространённость защищённых протоколов передачи данных ограничивают фактическую результативность традиционных механизмов доступа к содержанию коммуникаций. В результате правовое регулирование смещается в сторону контроля метаданных, идентификационных атрибутов и «точек входа» в сервис (регистрация, привязка номера, устройство, учетная запись), а также в сторону усиления требований к защите информации в государственных информационных системах с использованием криптографических средств, что нормативно подкрепляется ведомственными актами, устанавливающими обязательные требования к соответствующим мерам защиты.

При этом обсуждение соразмерности неизбежно связано с принципом правовой определённости: меры, затрагивающие частную сферу, требуют ясности оснований и процедур применения, а также предсказуемости правовых последствий для субъектов. В исследуемом аспекте правового регулирования прослеживается тенденция к «комплексной превенции» цифровых правонарушений за счёт усиления идентификационных режимов и ограничений на использование отдельных сервисов в чувствительных секторах. Однако эффективность таких мер в долгосрочной перспективе зависит от того, насколько последовательно выстраивается правовой режим доверия: наличия понятных гарантий защиты данных, понятных механизмов обжалования и ответственности, а также технологической реализуемости предписаний без создания избыточных уязвимостей и неопределённости для добросовестных пользователей.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

1. Нормативно-правовые основы защиты критической информационной инфраструктуры

В вопросах правового регулирования критической информационной инфраструктуры особое внимание уделено Федеральному закону от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры». Именно он закрепил на законодательном уровне значимость обеспечения защиты ключевых информационных объектов, определяя правовые и организационные меры, направленные на предотвращение компьютерных атак и сохранение устойчивого функционирования инфраструктуры. В связи с этим был введен механизм уголовной ответственности за неправомерные действия в отношении критической информационной инфраструктуры, что значительно усилило правовые гарантии её безопасности [1, С. 464]. Дополнительно, Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ, известный как «Закон о суверенном интернете», стал новым этапом в регулировании вопросов цифровой безопасности. Его положения направлены на создание условий, при которых национальный сегмент интернета может функционировать автономно, независимо от глобальных сетевых систем, что минимизирует риск внешнего вмешательства в отечественные информационные процессы. Законопроект также обозначил основы территориального регулирования цифрового пространства, что способствует эффективному контролю государственных интересов в условиях недостаточной урегулированности международного права в данной области [2].

Вопросы ограничения доступа к запрещённой информации регулируются также внесёнными изменениями в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В частности, статьи этого закона устанавливают порядок ведения Единого реестра запрещённых сайтов, что обеспечивает быстрый доступ к ресурсам, неоднократно нарушающим закон, вплоть до их блокировки в досудебном порядке. Особое место в регулировании цифровой среды занимает Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Закон ввёл ключевое понятие «информационная безопасность детей», расширяя правовые меры, направленные на обеспечение защиты несовершеннолетних от негативного цифрового контента. Дальнейшее развитие этих положений было закреплено Стратегией развития информационного общества 2017 года.

Ограничение и профилактика оборота нелегального контента получили развитие через инициативы «антипиратского» законодательства, в частности Федерального закона от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ, направленного на защиту авторских и смежных прав в цифровой среде. Изменения к данному закону дополнили его мерами по блокировке сайтов и «пиратских зеркал» в досудебном порядке, что усилило эффективность противодействия нарушениям интеллектуальной собственности [3]. Для упрощения контроля за соблюдением законодательства в цифровой сфере в 2025 году был принят Федеральный закон № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией».

2. Импортозамещение и национальная цифровая платформа MAX

В рамках данной инициативы была запущена отечественная цифровая платформа «MAX», которая способствует формированию безопасной и технологической экосистемы цифровой коммуникации. Она позволяет реализовывать удобные методы коммуникации, одновременно решая задачу импортозамещения в условиях отказа от использования иностранных программных продуктов. Достигнутые результаты в развитии мессенджера MAX можно оценить как значительные. Платформа, учитывающая опыт создания ряда существующих мессенджеров, внешне напоминает Telegram. К числу её достижений относится рост аудитории до 100 миллионов пользователей. MAX также начинает находить применение в государственных структурах, что подтверждается интеграцией таких сервисов, как «Госуслуги» и образовательная платформа «Сферум». Важным аспектом является также сотрудничество с частными компаниями, такими как Ozon и VK. С 1 сентября данный мессенджер стал обязательным для предустановки на все устройства, реализуемые в Российской Федерации. Функционирование данной цифровой коммуникационной платформы сопряжено с комплексом специфических вызовов. Её разработка и внедрение осуществляются в условиях выраженной геополитической турбулентности, что обуславливает стратегическую потребность государства в снижении зависимости от иностранных информационных инфраструктур.

Мессенджер MAX предпринимает несколько меры для обеспечения безопасности пользователей и эффективности коммуникации. Платформа ориентирована на создание «безопасной среды общения» и упрощение доступа к государственным услугам. MAX позиционируется как мессенджер, объединяющий множество сервисов – от финансовых операций до развлекательных услуг – в едином интерфейсе. В партнерстве с «Лабораторией Касперского» внедряется система проверки репутации номеров. Нововведения включают кнопку «Пожаловаться» в чатах для сообщения о противоправном контенте, а также круглосуточную поддержку, реагирующую на обращения пользователей. Каждый месяц мессенджер блокирует десятки тысяч телефонных номеров, связанных с мошенничеством, а также удаляет вредоносные файлы и спам-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

документы. В контексте обеспечения кибербезопасности, архитектура платформы предусматривает безальтернативную перманентную деактивацию учётных записей, функциональная активность которых ассоциирована с дискредитирующими или мошенническими паттернами поведения. При этом, наблюдаемые инциденты систематических, неконсолидированных эмпирическими данными атак на функциональное ядро мессенджера MAX могут быть интерпретированы как достаточный прецедент для инициирования комплексного расследования на предмет потенциального экзогенного деструктивного влияния.

3. Правовое регулирование анонимности и деанонимизации в цифровых коммуникациях

В нормативно-правовом поле разрабатывается и внедряется Федеральный закон № 41-ФЗ от 1 апреля 2025 года. Данный законодательный акт направлен на институционализацию и операционализацию унифицированной государственной информационной системы, мандат которой заключается в эффективном противодействии всему спектру правонарушений, детерминированных использованием цифровых коммуникационных сред. Спектр этих противоправных деяний включает, но не ограничивается, кибермошенничеством, несанкционированными операциями с конфиденциальными данными и иными формами киберпреступности. Имплементация нового регулирования предполагает внедрение ряда превентивных и реактивных мер, включая, в частности, обязательное кэширование (буферизацию) транзакций, классифицированных как подозрительные, усиленную идентификацию участников цифрового взаимодействия и систему превентивной маркировки телекоммуникационных вызовов. Комплексное применение этих механизмов служит фундаментальной основой для повышения резистентности гражданского общества к актуальным мошенническим схемам [4, с. 11].

Согласно ключевым положениям «Доктрины развития информационного общества до 2030 года» и «Стратегии развития информационного общества», подписанной Владимиром Путиным в мае, анонимность в интернете рассматривается как серьезная угроза. Она не только предоставляет злоумышленникам возможность уходить от ответственности, но и создает условия для совершения преступлений. В этом контексте разработанный законопроект о запрете анонимности пользователей мессенджеров логично вписывается в общую траекторию государственной политики по усилению информационной безопасности [5, с. 77]. Инициаторами законопроекта стали три депутата, представляющие фракции «Единая Россия» и КПРФ. В нем предусмотрен механизм идентификации пользователей мессенджеров с помощью номера мобильного телефона на основе договоренностей между мессенджерами и операторами связи. Предлагается запретить обмен сообщениями между пользователями, которые не прошли процедуру идентификации. Данный законопроект явно созвучен с инициативами, предложенными Медиакоммуникационным союзом (МКС) еще в августе прошлого года. Этот факт позволяет предположить, что за разработкой и продвижением законопроекта стоят крупные компании, стремящиеся защитить свои интересы на фоне сокращающегося влияния операторов связи из-за популярности мессенджеров. Высока вероятность, что предложенный закон будет принят до конца года. Это обусловлено как политической ситуацией, так и стремлением усилить государственный контроль в цифровом пространстве, несмотря на критику со стороны профессионального сообщества и правозащитных организаций, которые предупреждают о негативных последствиях для пользователей [6, с. 154]. С 2014 года мессенджеры в России регулируются законодательством, включающим требования для так называемых «организаторов распространения информации». Закон №97-ФЗ (впоследствии расширенный положениями «пакета Яровой») обязывает мессенджеры, включенные в реестр Роскомнадзора, хранить метаданные пользователей до трех лет, а их переписку и контент – до шести месяцев. Эти данные должны быть предоставлены правоохранительным органам по первому запросу. Однако в первые годы после принятия закона его реализация оставалась формальной, и к соответствующему реестру подключались лишь немногие сервисы. Сегодня же Роскомнадзор активно расширяет данный список [7]. Многие отечественные приложения, такие как «Агент Mail.ru», «ВКонтакте» и другие, давно осуществляют взаимодействие с государственными органами. Зарубежные платформы вроде WeChat и Badoo охотно выполняют подобные требования, рассматривая их как обыденную норму, обусловленную спецификой местного законодательства в их юрисдикциях[8]. В то же время мессенджеры с end-to-end-шифрованием, такие как Telegram, WhatsApp и Viber, продолжают создавать сложности для российских регуляторов. Хотя законы были дополнены нормами о сдаче ключей шифрования, сама суть технологии делает любые извлечённые данные нечитаемыми без самих ключей, что порождает серьёзные технические барьеры для органов власти [9, с. 264]. Платформы типа Skype или Facebook Messenger на данный момент ещё не подвергаются жёсткому надзору в РФ. Впрочем, при нежелании сотрудничать даже гиганты рынка рискуют нарваться на санкции: от блокировки доменов и IP до удаления из App Store и Google Play в российском сегменте сети.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Развитие цифровых сервисов и технологий радикально подорвало возможности для полной анонимности онлайн. Большинство приложений, даже без запроса личных документов, собирают IP-адреса, cookies и иные метаданные, достаточные для деанонимизации юзеров. Однако некоторые мессенджеры с продвинутыми механизмами приватности успешно противостоят таким рискам, обеспечивая пользователям реальную защиту анонимности.

Следует акцентировать внимание на том, что концепция пользовательской анонимности неоднородна по своей сути. Если для обеспечения приватности в рамках межличностного общения внутри сети достаточно базовых настроек профиля [10, с. 47], то противодействие вмешательству извне – со стороны государственных ведомств или бизнес-корпораций – подразумевает применение продвинутого технологического стека. Сюда относятся криптографические протоколы, сервисы подмены сетевого адреса (VPN) и специализированные инструменты шифрования трафика.

Для властных структур попытки законодательного или технического принуждения провайдеров к деанонимизации аудитории остаются крайне амбициозной, но трудноосуществимой целью. Эффективность классических методов мониторинга, включая комплексы СОРМ на объектах связи, стремительно снижается. Это обусловлено повсеместным внедрением высокозащищенных протоколов передачи данных, таких как TLS и HTTPS, которые делают процедуру перехвата и расшифровки информации практически невозможной в современных реалиях. Перехваченный трафик остается недоступным для анализа без соответствующих ключей дешифрования. Существует мнение, что для преодоления этих трудностей ФСБ рассматривает возможность использования методов атаки типа Man-in-the-Middle (MiTM), что предполагает подмену сертификатов безопасности при попытке дешифровать трафик пользователей [11]. Однако реализация подобных мер на практике является не только дорогостоящей, но и может спровоцировать массовую критику со стороны технического сообщества и правозащитников.

Анализ законодательства позволяет выделить перечень организаций, для которых использование иностранных мессенджеров запрещено: государственные и муниципальные предприятия, госкомпании, хозяйственные общества, более чем на 50% принадлежащие государству, банковские учреждения, Центробанк, некредитные финансовые организации, организаторы торгов, субъекты национальной платежной системы и операторы связи.

Для частных организаций, не входящих в указанный перечень, запрет не распространяется, при условии, что их деятельность не предполагает передачу персональных или платежных данных через иностранные сервисы. Перечень иностранных мессенджеров, попадающих под ограничения, определяется Роскомнадзором и включает такие приложения как: WhatsApp, Telegram, Viber, Discord, Skype, Microsoft Teams и другие. Их использование для рабочих взаимодействий строго регламентировано и запрещено в перечисленных выше случаях. Особо отмечается опасность трансграничной передачи данных, связанная с хранением серверов за пределами Российской Федерации. За использование запрещенных мессенджеров для передачи данных предусмотрены штрафные санкции: от 30 000 до 50 000 рублей – для должностных лиц, от 100 000 до 700 000 рублей – для юридических лиц. Прецеденты применения штрафных санкций уже возникли. В частности, в 2025 году московский банк был оштрафован на 200 000 рублей за использование WhatsApp в корпоративной переписке. Главная цель запрета – защита национальных интересов и обеспечение информационной безопасности граждан и организаций, особенно в условиях внешнеполитических и экономических вызовов. Введение ограничений направлено на минимизацию рисков утечек данных и предотвращение киберугроз, сопряженных с работой иностранных провайдеров. Вместо зарубежных мессенджеров организациям предлагается переход на отечественные платформы, такие как VK Мессенджер, Чаты Толка или цифровая платформа MAX. В свете текущих тенденций в области информационного законодательства, принимаемые меры направлены на обеспечение защиты данных и локализацию хранения информации на территории Российской Федерации. Применение иностранных мессенджеров сопряжено с рисками трансграничной передачи персональных данных граждан, что вызывает необходимость создания дополнительных механизмов контроля [12, с. 127]. При ом, что законодательные инициативы нацелены на повышение цифровой безопасности, они могут вызвать снижение доверия к государственным учреждениям и рост популярности альтернативных инструментов связи, обеспечивающих защиту данных. Тем не менее, технологическое сообщество продолжит адаптироваться к новым вызовам, предлагая решения, которые помогут пользователям сохранить свои права в быстро меняющемся цифровом мире. Одним из ключевых шагов в регулировании цифровой среды стал Закон от 18 марта 2019 года № 31-ФЗ, известный как «Закон о фейковых новостях». Данный закон предписывает удаление недостоверной информации, представляющей общественный интерес, и вводит административную ответственность за ее распространение. Защита персональных данных также занимает центральное место в данном контексте. Например, Федеральный закон от 21

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

июля 2014 года № 242-ФЗ обязывает локализовать базы данных российских граждан на территории страны, что соответствует принципу информационного суверенитета. Принимаемые меры противодействуют несанкционированной передаче данных за границу и способствуют повышению уровня безопасности.

Выводы

Рассмотренные нами в исследовании нововведения о правовых условиях безопасного и устойчивого функционирования сферы цифровых коммуникаций на территории Российской Федерации не только заполняют существующие правовые пробелы, но и закладывают основы долгосрочной стратегии по импортозамещению в сфере информационных технологий. Формирование государственной информационной платформы MAX ориентировано на консолидацию предоставления государственных услуг, усиление режима охраны персональных данных и выстраивание единого контура цифрового взаимодействия граждан, организаций и публичной власти. На этом фоне ограничение использования зарубежных мессенджерных сервисов позиционируется как мера стратегического уровня, призванная укрепить кибербезопасность и поддержать технологическую самостоятельность Российской Федерации. Проведение подобной линии, с одной стороны, повышает устойчивость национальной цифровой инфраструктуры, с другой - создает дополнительные стимулы для разработки и внедрения отечественных ИТ-решений, что в совокупности может повысить результативность защиты информационной среды.

Указанные инициативы следует рассматривать как компонент более широкой государственной политики, связанной с достижением цифрового суверенитета и обеспечением национальной безопасности в условиях ускоренной технологической трансформации и роста требований к локализованной обработке персональных и иных данных. Регуляторные акты, сопровождающие данный курс, формируют институциональные параметры функционирования цифрового пространства, задавая рамки соотнесения задач инновационного развития с необходимостью обеспечения прав и законных интересов участников информационных отношений. Существенный акцент делается на хранении и обработке данных: на хозяйствующих субъектов возлагается обязанность по локализации персональной информации, что направлено на снижение вероятности несанкционированного доступа и утечек, а также на приведение практик обработки в соответствие с приоритетами безопасности. Одновременно нормативная среда поддерживает решения, ориентированные на импортонезависимость, тем самым укрепляя внутренний технологический потенциал и сокращая критическую зависимость от внешних поставщиков технологий.

Следовательно, основной вывод исследования сводится к тому, что современный правовой механизм обеспечения условий безопасного и устойчивого функционирования цифровых коммуникаций в Российской Федерации складывается как взаимосвязанная нормативно-техническая система, в которой инфраструктурная устойчивость, автономизация платформ и режим обращения персональных данных выступают взаимообусловленными элементами. Перспективная научно-прикладная задача заключается не в формальном наращивании отдельных ограничительных механизмов, а в настройке согласованных правовых режимов таким образом, чтобы цели безопасности достигались средствами, совместимыми с принципами правовой определенности, минимизации рисков обработки данных и технологической исполнимости требований, предъявляемых к участникам цифровой экосистемы.

Список источников

1. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14, Право. 2019. № 3. С. 461 – 476. https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304

2. Belyakova O.V. Digital Transformation Of Public Administration: Achievements And Problems // Conference: Global Challenges and Prospects of The Modern Economic Development. April, 2021. P. 174 – 180. DOI: 10.15405/epsbs.2021.04.02.22

3. Менекер Я. Искусственный интеллект: от этики к правовому регулированию, основанному на принципе защиты прав человека // Право и цифровая экономика. 2021. № 2 (12). С. 39 – 44. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.12.2.039-044

4. Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5 – 19. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19

5. Гриненко А.Б. Совершенствование правовых средств противодействия угрозам информационной безопасности Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 75 – 79. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-75-79

6. Минбалеев А.В. Перспективные направления правового регулирования персональных данных // Юридический вестник ДГУ. 2024, Т. 52, № 4 (72). С. 152 – 156. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-52-4-152-156

7. Страхов А.А. О безопасности персональных данных // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 255 – 263. DOI: 10.24412/2687-0185-2024-1-255-263

8. Губин Е.П., Харитонова Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8 (340). С. 5 – 13.

9. Шайхутдинова Т.Ф. Защита информации как приоритетная задача обеспечения информационной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2023, № 1. С. 262 – 265. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-262-265

10. Мхитарян А.С. Защита персональных данных в России: современное состояние и перспективы развития // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 2 (98). С. 46 – 50.

11. Приказ ФСБ России от 24.10.2022 № 524 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, с использованием шифровальных (криптографических) средств» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.11.2022 № 71073) // КонсультантПлюс: офиц. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432090/ (дата обращения: 04.09.2025)

12. Тарасова Ю.И., Плугарь Д.М. Некоторые проблемы законодательного регулирования защиты персональных данных // КриминалистЪ. 2023. № 3 (44). С. 126 – 132.

References

1. Mosechkin I.N. Artificial Intelligence and Criminal Liability: Problems of Formation of a New Type of Subject of a Crime. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14, Law. 2019. No. 3. P. 461 – 476. https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304

2. Belyakova O.V. Digital Transformation Of Public Administration: Achievements And Problems. Conference: Global Challenges and Prospects of The Modern Economic Development. April, 2021. P. 174 – 180. DOI: 10.15405/epsbs.2021.04.02.22

3. Meneker Ya. Artificial Intelligence: From Ethics to Legal Regulation Based on the Principle of Human Rights Protection. Law and Digital Economy. 2021. No. 2 (12). P. 39 – 44. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.12.2.039-044

4. Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: concept, regulation mechanisms and implementation problems. Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 4. P. 5 – 19. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19

5. Grinenko A.B. Improving legal means of countering threats to information security of the Russian Federation. Law and order: history, theory, practice. 2024. No. 3 (42). P. 75 – 79. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-75-79

6. Minbaleev A.V. Promising Directions of Legal Regulation of Personal Data. Legal Bulletin of DSU. 2024, Vol. 52, No. 4 (72). P. 152 – 156. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-52-4-152-156

7. Strakhov A.A. On the Security of Personal Data. Criminological Journal. 2024. No. 1. P. 255 – 263. DOI: 10.24412/2687-0185-2024-1-255-263

8. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. Digital Platforms in Europe, China, and Russia: Main Approaches and Trends in Legal Regulation. Law and Economics. 2020. No. 8 (340). P. 5 – 13.

9. Shaikhutdinova T.F. Information Protection as a Priority Task of Ensuring Information Security of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, No. 1. P. 262 – 265. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-262-265

10. Mkhitaryan A.S. Personal Data Protection in Russia: Current Status and Development Prospects. Bulletin of the Kama Social Institute. 2024. No. 2 (98). P. 46 – 50.

11. Order of the FSB of Russia dated October 24, 2022 No. 524 "On Approval of the Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems Using Encryption (Cryptographic) Means" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on November 23, 2022 No. 71073). ConsultantPlus: official website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432090/ (date of access: 09.04.2025)

12. Tarasova Yu.I., Plugar D.M. Some Issues of Legislative Regulation of Personal Data Protection. KriminalistЪ. 2023. No. 3 (44). P. 126 – 132.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

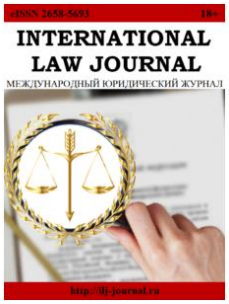
Информация об авторах

Алексеева М.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1436-6946, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, Alekseeva80@yandex.ru

Рыбак С.В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7280-867X, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, Svetoch_2504@mail.ru

© Алексеева М.В., Рыбак С.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.17
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-196-201

Цифровизация правосудия: возможности и риски внедрения искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации

[1] Коржук И.В.,
[1] Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: цифровизация судебной системы – это процесс внедрения современных информационных технологий в деятельность судов и других органов правосудия с целью повышения эффективности, прозрачности и доступности правосудия. Цифровизация – неизбежный этап развития современного государства, направленный на создание удобного, быстрого и справедливого правосудия. В современных условиях активной цифровизации государственного управления всё более актуальным становится вопрос о внедрении технологий искусственного интеллекта (ИИ) в судебную систему. В статье рассматриваются текущие инициативы по внедрению ИИ в деятельность судов Российской Федерации, анализируются потенциальные преимущества (ускорение рассмотрения дел, снижение нагрузки на судей, повышение единообразия судебной практики) и системные риски (угроза справедливому судебному разбирательству, эрозия принципа состязательности, проблемы с прозрачностью и подотчётностью алгоритмов). Особое внимание уделено сравнительному опыту зарубежных юрисдикций (ЕС, США, Китай) и обосновывается необходимость скорейшей выработки этических и правовых рамок, гарантирующих использование ИИ как вспомогательного инструмента в строгом соответствии с конституционными принципами правосудия. Делается вывод о том, что технологическая модернизация должна не подменять, а усиливать человеческое судейское начало, обеспечивая баланс между эффективностью и гарантиями прав личности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация правосудия, автоматизация судебных процессов, справедливое судебное разбирательство, судебная реформа, этика ИИ, прогнозная аналитика

Для цитирования: Коржук И.В. Цифровизация правосудия: возможности и риски внедрения искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 196 – 201. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-196-201

Поступила в редакцию: 8 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Digitalization of justice: opportunities and risks of implementing artificial intelligence in the judicial system of the Russian Federation

[1] Korzhuk I.V.,
[1] Far Eastern Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: *digitalization of the judicial system is the process of introducing modern information technologies into the work of courts and other judicial bodies with the aim of increasing the efficiency, transparency, and accessibility of justice. Digitalization is an inevitable stage in the development of a modern state, aimed at creating a convenient, rapid, and fair justice system. In today's context of the active digitalization of public administration, the issue of introducing artificial intelligence (AI) technologies into the judicial system is becoming increasingly relevant. This article examines current initiatives to implement AI in Russian courts, analyzing potential benefits (ex-*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

pedited case processing, reduced workload for judges, and increased uniformity in judicial practice) and systemic risks (threats to fair trials, erosion of the adversarial principle, and challenges to the transparency and accountability of algorithms). Particular attention is paid to the comparative experience of foreign jurisdictions (the EU, the US, and China), and the need for the rapid development of ethical and legal frameworks guaranteeing the use of AI as an auxiliary tool in strict compliance with constitutional principles of justice is substantiated. It concludes that technological modernization should not replace, but rather enhance, human judicial expertise, ensuring a balance between efficiency and guarantees of individual rights.

Keywords: *artificial intelligence, digitalization of justice, automation of court processes, fair trials, judicial reform, AI ethics, predictive analytics*

For citation: Korzhuk I.V. Digitalization of justice: opportunities and risks of implementing artificial intelligence in the judicial system of the Russian Federation. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 196 – 201. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-196-201

The article was submitted: February 8, 2026; Approved after reviewing: April 5, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Цифровая трансформация затронула все сферы общественной жизни, и судебная система не является исключением. В России в рамках общей стратегии цифровизации государственного управления и реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года идут активные дискуссии о внедрении ИИ-технологий в отправление правосудия. Этот процесс, с одной стороны, открывает возможности для повышения эффективности и доступности правосудия, а с другой – ставит фундаментальные вопросы о сохранении независимости судебной власти, гарантиях справедливого суда и самой природе правосудия как человеко-центричной деятельности.

Актуальность исследования данной темы определяется необходимостью научного осмысления стремительных технологических изменений, опережающих развитие правового регулирования. Существует риск, что технологии будут внедряться без должной оценки системных последствий для прав граждан и доктринальных основ процесса. Данная работа призвана структурировать дискуссию, отделив реалистичные перспективы от популистских ожиданий и сформулировав условия, при которых ИИ станет инструментом укрепления, а не ослабления правосудия.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования стали нормативные правовые акты Российской Федерации в которых отражены позиции законодателя связанные с открытостью судебной системы, а также статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации фиксирующие практику перехода судебной системы нашей страны к цифровым технологиям.

Результаты и обсуждения

Текущие инициативы по внедрению ИИ в судебную систему России, внедрение цифровых технологий в российское правосудие происходит в нескольких ключевых направлениях, во-первых это системы поддержки принятия судебных решений (СППР):

- Проект «Правосудие» и ГАС «Правосудие»: создают единую цифровую среду, аккумулирующую огромный массив судебных актов.

- Сервисы анализа судебной практики: на базе ГАС «Правосудие» разрабатываются и тестируются алгоритмы для выявления правовых коллизий, анализа устойчивости практики, подготовки проектов решений по типовым делам (например, о взыскании задолженности, административных правонарушениях в области ПДД). Верховный Суд РФ анонсировал пилотные проекты по использованию ИИ для подготовки проектов решений по отдельным категориям гражданских дел.

- Прогнозная аналитика (predictive justice): алгоритмы, способные на основе анализа исторических данных прогнозировать вероятный исход дела. Пока применяется скорее в исследовательских или коммерческих целях (сервисы типа «Casebook»), но обсуждается возможность их официального использования для оценки судебных перспектив.

Во вторых это цифровые помощники и автоматизация рутинных операций:

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- Chat-боты и голосовые помощники для информирования пользователей о ходе дела, реквизитах, процессуальных сроках.

- Автоматизация делопроизводства: системы распознавания текста (NLP) для оцифровки и индексации документов, автоматического формирования повесток, рассылки извещений.

В третьих это «цифровые правовые режимы» и онлайн-суды:

- Приказное производство и упрощённый порядок в арбитражных судах, где значительная часть процесса уже автоматизирована.

- Перспектива онлайн-судов для рассмотрения малозначительных категорий дел (микроспоры) с минимальным участием человека-судьи.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Российская судебная система находится на начальном, но активном этапе технологической трансформации. Акцент делается на автоматизацию рутины и аналитическую поддержку, однако уже просматривается движение к более сложным формам взаимодействия ИИ и судебной власти.

Переходя к оценке потенциальных преимуществ и возможностей внедрения ИИ можно отметить, как повышение эффективности и доступности правосудия, которое выражается в: - снижении нагрузки на судей (автоматизация подготовки шаблонных документов, проверки формальных требований к искам, расчёта сумм и пеней освобождает время судей для сложных дел, требующих глубокого правового анализа и оценки доказательств); - ускорение судопроизводства (алгоритмы способны в разы быстрее человека обрабатывать большие массивы документов, выявлять взаимосвязи, что сокращает сроки рассмотрения); - 24/7 доступность (цифровые сервисы предоставляют информацию и базовые процессуальные действия вне зависимости от рабочего времени канцелярии),

так и повышение качества и единообразия судебной практики которая заключается в: - «борьбе с человеческим фактором» и минимизации случайных ошибок, связанных с усталостью, невнимательностью судьи; - анализе непротиворечивости решений: ИИ может оперативно выявлять отклонения в практике одного судьи от сложившейся линии судебной практики или противоречия между решениями разных судов, способствуя формированию единообразной практики, - поддержке в сложных правовых вопросах (система может анализировать миллионы решений и правовых норм, предлагая судье релевантные прецеденты и доктринальные позиции, которые он мог упустить при рассмотрении разной категории дел.

Ну и конечно же нельзя упускать вопросы усиления контроля и аналитики, при помощи, как мониторинга правоприменительной практики в реальном времени для вышестоящих судов и органов судейского сообщества, так и выявления коррупционных и иных системных рисков через анализ статистических аномалий (например, необъяснимо высокая доля решений в пользу одного и того же истца или ответчика).

Отмечая преимущества внедрения ИИ нам необходимо рассмотреть и **возможные** многочисленные системные **риски,** такие например, как угроза фундаментальным принципам правосудия, которые могут затронуть и принцип независимости судей (ст. 120 Конституции РФ) и принцип состязательности и равноправия сторон (ст. 123 Конституции РФ), поскольку имеется риск «технологического давления». Если система рекомендаций ИИ де-факто станет обязательной или судья будет опасаться отклонения от неё как основания для проверки, это подорвёт его свободное внутреннее убеждение. Алгоритмы могут быть доступны только суду или одной из сторон (например, государственному обвинителю в уголовном процессе), создавая технологическое неравенство. «Чёрный ящик» алгоритма лишает сторону возможности эффективно оспорить логику, заложенную в рекомендацию для судьи. А кроме того, чрезмерная автоматизация может сделать процесс непонятным для сторон, превратив его в взаимодействие с непрозрачной технической системой, что ставит под сомнение право на справедливое публичное разбирательство (ст. 6 Конвенции о защите прав человека).

Не менее острой проблемой, как уже отмечалось выше может быть проблема так называемого «чёрного ящика», так как сложные нейросети не предоставляют объяснимой логики принятия решений. Как судья, так и стороны не могут понять, почему система выдала ту или иную рекомендацию. Могут произойти системные смещения (bias): ИИ обучается на исторических данных – судебных решениях прошлого. Если в этих данных присутствовали неосознанные предубеждения (например, более строгие приговоры определённым социальным группам), алгоритм не только воспроизведёт, но и усилит эти предрассудки, легитимизируя их как «объективную» аналитику. Ничто не может быть застраховано и от технических ошибок и уязвимости, поскольку алгоритмы могут ошибаться, их можно взломать или манипулятивно «натренировать» на нужный результат.

Утрата контекстуальности и милосердия, заставляет нас обратить внимание и на такой риск, как дегуманизация правосудия и делегирования этической ответственности, ведь правосудие – не только применение

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

нормы, но и акт справедливости, учитывающий конкретные жизненные обстоятельства. ИИ, оперирующий формальными признаками, не способен на эмпатию и учёт нюансов, выходящих за рамки его обучения. Может произойти размывание ответственности, допустим в случае судебной ошибки, возникшей из-за следования рекомендации ИИ, и тогда возникает вопрос: кто несёт ответственность – судья, разработчик алгоритма, государство? Ну и наконец длительная зависимость от автоматизированных подсказок может привести к деградации профессиональных навыков судей – способности к самостоятельному анализу, построению сложной юридической аргументации.

Переходя к сравнительному опыту регулирования (ЕС, США, Китай), отметим, что:

- Европейскому Союзу присущ принцип предосторожности и права человека, где регуляторная философия делает акцент на защите фундаментальных прав. AI Act (2024) относит системы ИИ, используемые в судебной сфере, к системам высокого риска. Ключевыми требованиями здесь выступают и обязательная оценка соответствия, проверка на отсутствие bias, высочайшие стандарты качества данных, прозрачность и надзор со стороны человека (human-in-the-loop). Полная автоматизация вынесения судебных решений, затрагивающих права человека, фактически запрещена. Существуют также и «Этические руководящие принципы достоверного ИИ», ЕК делают акцент на человеческом контроле, технической надёжности, приватности и недискриминации.

- США присущ рыночно-ориентированный подход с акцентом на состязательность, где регуляторная философия делает акцент на децентрализации, регулирование через прецедентное право и профессиональные стандарты, отсутствие единого федерального закона об ИИ в правосудии. Допустимость доказательств или методов, основанных на ИИ, проверяется в судах по стандарту Daubert (научная обоснованность, проверяемость, известный уровень ошибки). Широкое использование коммерческих сервисов прогнозной аналитики (COMPAS, PSA) в досудебных заключениях, что активно критикуется из-за расовых bias. Заметна и роль адвокатуры. Американская ассоциация юристов и правозащитные организации активно оспаривают алгоритмические системы, добиваясь раскрытия кода и методологии.

- КНР присуща этатистская модель «умного суда», где регуляторная философия заключается в том, что ИИ выступает как инструмент повышения эффективности государственного управления и социального контроля. Технологии внедряются сверху, масштабно и быстро. Системы «умный суд» (Smart Court) используются для автоматического анализа дел, распределения их между судьями, подготовки документов и даже для вынесения решений по простым делам (например, интернет-спорам). В уголовном процессе используются системы прогнозирования рецидива. Также отмечается полное подчинение технологий государственным задачам, минимизация внимания к правам личности, отсутствие прозрачности и механизмов обжалования решений алгоритмов.

Таким образом можно сказать, что для России более приемлема может быть Европейская модель, с её балансом между инновациями и гарантиями прав, которая представляется наиболее созвучной российским конституционным принципам.

Какие же рекомендации по внедрению ИИ в российское правосудие можно отметить. Конечно же для гармоничной интеграции ИИ необходима система «сдержек и противовесов», основанная на следующих принципах:

1. Принцип вспомогательности (субсидиарности): ИИ – инструмент поддержки, а не замещения судьи. Окончательное решение, особенно по вопросам факта, оценки доказательств и меры наказания, всегда остаётся за человеком-судьёй.

2. Принцип прозрачности и объяснимости: Любая система ИИ, используемая в судопроизводстве, должна предоставлять в доступной форме объяснение своих выводов («объяснимый ИИ» – XAI). Судья обязан понимать логику рекомендации, чтобы её принять или отвергнуть.

3. Принцип состязательного контроля: Стороны должны иметь право знать о факте использования ИИ и его выводах, получать базовую информацию о его функционировании (без раскрытия коммерческой тайны) и право на проведение альтернативной экспертизы алгоритма или его результатов.

4. Принцип запрета дискриминационных смещений: Обязательная независимая аудиторская проверка алгоритмов на наличие bias перед их внедрением и регулярный мониторинг в процессе эксплуатации.

5. Принцип юридической ответственности: Ответственность за судебный акт всегда несёт судья. Разработчики и операторы систем несут гражданско-правовую ответственность за ущерб, причинённый вследствие технических сбоев или скрытых дефектов алгоритма.

А для того, чтобы это всё правильно работало необходимо: - принять Федеральный закон «Об использовании искусственного интеллекта в деятельности государственных органов», где специальный раздел будет посвящён правосудию, закрепляя вышеуказанные принципы; - разработать и утвердить «Этический кодекс

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

использования ИИ в судебной системе РФ» под эгидой Совета судей и ВС РФ; - создать при ВС РФ экспертный совет по правовым и этическим вопросам цифровизации правосудия с участием судей, юристов, технологов, правозащитников; - установить обязательный судебный порядок сертификации и допуска конкретных ИИ-систем к использованию в судах; - внести изменения в процессуальные кодексы, закрепив право стороны ходатайствовать об исключении рекомендации ИИ, как доказательства или довода, если её невозможно проверить и обязанность суда мотивировать своё согласие или несогласие с выводами ИИ в решении, а кроме того ввести курсы по цифровой грамотности, этике ИИ и работе с алгоритмическими системами в программу обучения судей и повышения их квалификации.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, в заключении отметим, что цифровизация правосудия с применением технологий искусственного интеллекта – неизбежный и в целом позитивный процесс, способный вывести российскую судебную систему на новый уровень эффективности и доступности. Однако этот путь сопряжён с серьёзными рисками, способными подорвать сами основы справедливого суда, если технологиям будет позволено развиваться в правовом и этическом вакууме.

Ключевой вывод здесь заключается в том, что ИИ должен оставаться «слугой», а не «господином» правосудия. Его роль – обработать данные, выявить шаблоны, освободить время судьи от рутины. Но окончательный приговор – в прямом и переносном смысле – должен всегда выносить живой человек, обладающий совестью, способный к милосердию и пониманию уникальности каждой человеческой истории. Задача государства, legal-tech сообщества и гражданского общества – совместно построить такую правовую и технологическую архитектуру, которая обеспечит этот баланс.

Россия имеет возможность, учтя как положительный, так и отрицательный зарубежный опыт, создать современную, технологически продвинутую, но при этом гуманную и справедливую модель цифрового правосудия. Для этого необходимо начать широкую профессиональную и общественную дискуссию и принять взвешенное правовое регулирование до того, как практика уйдёт далеко вперёд и создаст неразрешимые противоречия.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019).
5. Artificial Intelligence Act (Regulation (EU) 2024/…)
6. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579 (1993).
7. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016) (дело об использовании системы COMPAS).
8. Zavrsnik A. Algorithmic Justice: Algorithms and Big Data in Criminal Justice Settings. European Journal of Criminology, 2021.
9. Абрамова А.И., Грачёва Д.О. Цифровое правосудие: теория и практика. М.: Норма, 2023.
10. Боннер А.Т. Принцип непосредственности в цифровую эпоху // Закон. 2022. № 11.
11. Капустин А.Я. Искусственный интеллект и право: глобальные вызовы и национальные ответы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 5.
12. Нешатаева Т.Н. Суд и искусственный интеллект: проблемы совместимости // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 4.
13. Смирнов А.В. Состязательность в условиях цифровизации правосудия. // Уголовный процесс. 2023. № 8.
14. Францифоров А.Ю. Этика искусственного интеллекта в государственном управлении. СПб.: Алетейя, 2023.
15. Этическое руководство по использованию искусственного интеллекта в судебных системах (СЕПИ, 2023).

References

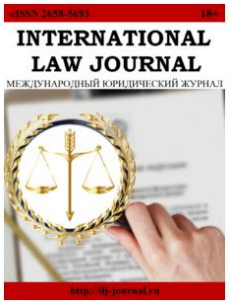
1. Constitution of the Russian Federation.
2. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.
3. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation."
4. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030 (approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019).
5. Artificial Intelligence Act (Regulation (EU) 2024/…)
6. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579 (1993).
7. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016) (case concerning the use of the COMPAS system).
8. Zavrsnik A. Algorithmic Justice: Algorithms and Big Data in Criminal Justice Settings. European Journal of Criminology, 2021.
9. Abramova A.I., Gracheva D.O. Digital Justice: Theory and Practice. Moscow: Norma, 2023.
10. Bonner A.T. The Principle of Immediacy in the Digital Age. Law. 2022. No. 11.
11. Kapustin A.Ya. Artificial Intelligence and Law: Global Challenges and National Responses. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2021. No. 5.
12. Neshataeva T.N. The Court and Artificial Intelligence: Compatibility Issues. Bulletin of Civil Procedure. 2022. Vol. 12. No. 4.
13. Smirnov A.V. Adversarial Proceedings in the Context of the Digitalization of Justice. Criminal Procedure. 2023. No. 8.
14. Franciforov A.Yu. Ethics of Artificial Intelligence in Public Administration. St. Petersburg: Aleteya, 2023.
15. Ethical Guidelines for the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems (SEPI, 2023).

Информация об авторе

Коржук И.В., доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

© Коржук И.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.4; 347.9
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-202-207

Применение простой электронной подписи для реализации права на судебную защиту

[1] Гаража Н.Ю.,
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: *в статье рассматривается проблема применения простой электронной подписи при реализации права на судебную защиту в условиях цифровизации гражданского оборота. Автором выявлен функциональный дефицит простой электронной подписи, обусловленный неспособностью обеспечить фиксацию волеизъявления и целостность данных. Установлено, что действующее регулирование, основанное на технологически-ориентированном подходе, не проводит разграничения между этапом доступа к информационной системе суда и этапом совершения процессуально значимых действий. В этой связи сделан вывод о необходимости императивного закрепления норм о применении квалифицированной подписи на этапе совершения действий, порождающих правовые последствия. В более широком контексте сделан вывод о необходимости перехода отечественного законодательного подхода к функционально-правовой модели, основанной на принципе технологической нейтральности.*

Ключевые слова*: простая электронная подпись, квалифицированная электронная подпись, электронное судопроизводство, функциональный дефицит, функциональная недостаточность, оценка функциональной достаточности, технологоически-ориентированый подход, функционально-правовой подход*

Для цитирования: Гаража Н.Ю. Применение простой электронной подписи для реализации права на судебную защиту // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 202 – 207. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-202-207

Поступила в редакцию: 8 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Using a simple electronic signature to exercise the right to judicial protection

[1] Garazha N.Yu.,
[1] Rostov State University of Economics (RSUE)

Abstract: *the article examines the problem of using a simple electronic signature in the implementation of the right to judicial protection in the context of the digitalization of civil circulation. The author identifies the functional deficit of a simple electronic signature, which is caused by its inability to ensure the recording of will and data integrity. It is established that the current regulation, based on a technology-oriented approach, does not distinguish between the stage of access to the court's information system and the stage of performing procedural actions. In this regard, it is concluded that it is necessary to establish mandatory rules for using a qualified signature at the stage of performing actions that generate legal consequences. In a broader context, it is concluded that the domestic legislative approach should be transformed into a functional legal model based on the principle of technological neutrality.*

Keywords: *simple electronic signature, qualified electronic signature, electronic legal proceedings, functional deficit, functional insufficiency, assessment of functional sufficiency, technology-oriented approach, functional-legal approach*

For citation: Garazha N.Yu. Using a simple electronic signature to exercise the right to judicial protection. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 202 – 207. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-202-207

The article was submitted: February 8, 2026; Approved after reviewing: April 6, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Эффективность конституционного права на судебную защиту в условиях цифровизации гражданского оборота зависит от надёжности правовых инструментов. Электронное взаимодействие с судебной системой осуществляется через подачу документов в электронном виде, что предполагает использование электронной подписи, как обязательного технико-юридического реквизита. Отметим, что действующее законодательство страдает наличием так называемого «технологического императива», что выражается в неоправданном доминировании технологии формирования электронной подписи над её правовыми функциями и правовым результатом её применения. В этой связи, реализация электронной подписью правовых функций и её юридическая значимость поставлены в зависимость от конкретной технологии, что противоречит общепризнанному в мире принципу технологической нейтральности. Вследствие технологического императива, простая электронння подпись не способна обеспечить должный уровень правовых гарантий. В результате возникает противоречие между юридической значимостью процессуальных действий и функциональной недостаточностью простой электронной подписи. Это создаёт угрозу для стабильности судебной защиты, что требует глубокого теоретического переосмысления правового режима электронной подписи не только в сфере электронного судопроизводства, но и в целом.

Цель исследования видится в разработке и обосновании теоретико-правовых предложений для решения проблем, вызванных функциональным дефицитом простой электронной подписи в сфере электронного судопроизводства.

Реализация поставленной цели достигается решением следующих **задач:** обосновать проявление функционального дефицита простой электронной подписи, препятствующее её применению в качестве аналога собственноручной подписи; аргументировать необходимость разделения сферы электронного судопроизводства на два этапа; разработать предложеия по совершенствованию действующего законодательства на основе принципа технологической нейтральности.

Материалы и методы исследований

В качестве методологической основы выступили такие методы, как: функциональный метод, логико-языковой метод, метод научной критики, сравнительно-правовой метод и формально-логический метод. Функциональный метод позволил сместить акцент с технологической составляющей электронной подписи на её правовую сущность. Благодаря чему электронная подпись рассматривается не как технологический инструмент, а как технико-юридический реквизит, обеспечивающий реализацию функций идентификации, волеизъявления и целостности данных. Логико-языковой метод был использован для научного толкования положений законодательства об электронной подписи. Метод научной критики применён для выявления технологического императива, который выражается в неоправданном доминировании технологических предписаний над базовыми правовыми принципами гражданского оборота. Сравнительно-правовой метод использован для анализа зарубежного законодательства, что позволило обосновать необходимость совершенствования отечественного правового режима электронной подписи. Формально-логический метод позволил провести разделение процедуры доступа к персонализированной информационной системе и непосредственного совершения юридически-значимых процессуальных действий.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература.

Результаты и обсуждения

В Федеральном законе № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[1] (далее – ФЗ №63) в основу дифференциации видов электронной подписи положен технологический критерий [2, с. 21]. В этой связи, функциональный объём и правовое значение электронной подписи поставлены в зависимость от технологии её формирования.

Согласно статье 5 ФЗ № 63, простая электронная подпись (далее – ПЭП), формируемая с помощью кодов, паролей и логинов, реализует исключительно функцию идентификации лица. В этой связи, ПЭП признаётся юридически значимой при условии прямого указания закона на возможность её применения, или при условии наличия соглашения сторон. Неквалифицированная электронная подпись как продукт крипто-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

графического преобразования информации, направлена на реализацию идентификации лица и целостности подписанного документа. Её юридическая сила, по аналогии с ПЭП, зависит от норм законодательства или соответствующего соглашения участников электронного взаимодействия. Квалифицированная электронная подпись (далее – КЭП) благодаря созданию на основе сертифицированных государством криптографических средств, гарантированно обеспечивает идентификацию лица, его волеизъявление и целостность данных. Именно заранее одобренная государством технология формирования КЭП наделяет данную подпись статусом аналога собственноручной подписи. Это предоставляет ей презумпцию достоверности, смещая бремя доказывания обратного на оспаривающую сторону. Установленная законом презумпция достоверности КЭП предопределяет наличие императивных норм её применения в важнейших сферах электронного взаимодействия, в том числе в сфере электронного судопроизводства.

Возможность применения электронной подписи в электронном судопроизводстве установлено Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации[3] (далее – ГПК РФ), Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации[4] (далее – АПК РФ), а также соответствующими Порядками подачи документов в электронном виде в суды общей юрисдикции [5] (далее – Порядок, утверждённый приказом № 251), арбитражные суды [6] (далее – Порядок, утверждённый приказом №252) и Верховный суд Российской Федерации [7] (далее – Порядок, утверждённый приказом № 46-П). Статьёй 3 ГПК РФ и статьёй 4 АПК РФ установлено право на обращение в суд, путём подачи документов в электронном виде.

В рамках данного исследования интерес представляет применение простой электронной подписи при взаимодействии с судебными органами. Согласно вышеуказанному отраслевому законодательству, обращение в суд через портал государственных услуг или информационную систему, определённую Верховным судом, его Департаментом, а также посредством систем электронного документооборота, может осуществляться с помощью простой электронной подписи, если кодексами не установлено требование о применении квалифицированной. Нормы процессуального законодательства устанавливают, что исковое заявление, жалоба, отзыв и иные документы, не содержащие заявление об обеспечительных мерах, могут быть подписаны простой электронной подписью. Последующая реализация данного права осуществляется в соответствии с Порядками, утверждёнными приказом № 251, №252 и № 46-П. Согласно пунктам 2.2.5. Порядка, утверждённого приказом № 251 и приказом № 252, электронный образ документа может быть заверен простой электронной подписью заявителя. Вместе с тем, пункты 2.2.5., 2.3.5., 3.2.1., 3.3.1. Порядка, утверждённого приказом № 46-П, устанавливают возможность подписания электронного образа документа и электронного документа с помощью простой электронной подписи.

Вследствие приоритета технологии формирования подписи над её юридическими характеристиками, отраслевое законодательство не основано на оценке функциональных возможностей и правовом результате, порождённом применением конкретного вида электронной подписи. Следовательно, при выборе вида электронной подписи в сфере электронного судопроизводства, законодатель отсылает к технологически-ориентированной дифференциации, установленной в статье 5 ФЗ № 63. Таким образом, ПЭП, применяемая в высокорисковой сфере электронного судопроизводства, страдает наличием функционального дефицита (функциональной недостаточности).

Для демонстрации функциональной недостаточности простой электронной подписи, необходимо разграничить этапы взаимодействия с судом: этап авторизации и этап совершения юридически-значимых действий.

С учётом пунктов 2.1.1. Порядков, утверждённых приказами № 251 и № 252, документы направляются посредством личного кабинета пользователя, расположенного на официальном сайте ГАС «Правосудие» или информационной системе «Мой арбитр». Вместе с тем, пунктом 2.1.1. Порядка, утверждённого приказом № 46-П, в рамках гражданского судопроизводства документы подаются через личный кабинет лица, представленный на официальном сайте Верховного суда. При этом в рамках арбитражного судопроизводства документы предоставляются аналогично нормам Порядка, утверждённого приказом № 252. Во исполнение данных норм необходима регистрация и последующий вход в личный кабинет пользователя.

Отметим, что ПЭП, реализующая исключительно функцию идентификации лица, достаточна для обеспечения доступа к пользовательскому интерфейсу. На данном этапе происходит ознакомление с материалами дела, а также мониторинг движения документов. В этой связи, средства формирования ПЭП справляются со своей задачей, поскольку на данном этапе указанные действия не влекут немедленных юридически значимых последствий.

Принципиально иная ситуация возникает при реализации права на обращение в суд путём направления исковых заявлений, жалоб, ходатайств и иных процессуальных документов. Данные действия являются юридически значимыми, поскольку они инициируют процессуальную деятельность и порождают суще-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ственные правовые последствия. Именно на данном этапе проявляется функциональная недостаточность простой электронной подписи.

ПЭП, формируемая через применение логинов, паролей и кодов, подтверждает факт доступа к информационной системе под определёнными учётными данными. Однако, в правовом смысле, авторизация в системе не тождественна волеизъявлению на подписание конкретного документа. Поскольку средства ПЭП не проходят предварительное государственное одобрение, невозможно с полной уверенностью утверждать, что содержание документа было одобрено именно тем лицом, чьи идентификаторы были использованы. Отсутствие неразрывной связи между подписантом и содержанием документа позволяет недобросовестной стороне в любой момент оспорить факт совершения процессуального действия. Это порождает правовую неопределённость, подрывающую стабильность судебного процесса.

Вместе с тем, одной из основополагающих задач электронной подписи является фиксация содержания документа на момент его подписания [8, с. 77]. Однако, технология ПЭП не способна зафиксировать неизменность документа после его подписания и отправки. Любое искажение информации в содержании искового заявления, отзыве или расчёте требований, произошедшее в процессе передачи данных, не может быть выявлено средствами ПЭП. Следовательно, ПЭП не способна гарантировать, что суд или участники процесса рассматривают подлинную редакцию процессуального документа, которая заверена заявителем. Это лишает простую электронную подпись статуса надёжного доказательства.

В этой связи, действующее регулирование электронной подписи не проводит разграничений между этапом доступа к информационному ресурсу и этапом совершения процессуального действия. Это влечёт смешение правового значения указанных стадий. Вследствие такого смешения законодатель необоснованно предписывает применение ПЭП для действий, порождающих правовые последствия. Для устранения выявленного функционального дефицита представляется целесообразным установить правило об обязательном применении КЭП при подаче документов, влекущих возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей.

Выводы

Проблема применения простой электронной подписи, выраженная в наличии функционального дефицита, не ограничена сферой электронного судопроизводства. Она характерна для многих сфер электронного взаимодействия. Если рассматривать данную проблему на глобальном уровне, то следует констатировать необходимость совершенствования действующего правового режима электронной подписи.

Одним из направлений совершенствования видится отказ от технологически-ориентированной модели правововго регулирования в пользу функционально-правововой. Это представляет собой необходимость замены технологического императива принципом технологической нейтральности [9, с. 94] по аналогии с Регламентом ЕС № 910/2014 [10]. В условиях технологической нейтральности технология формирования подписи будет рассматриваться как вспомогательный инструмент, предназначенный для реализации функций электронной подписи с целью достижения правового результата [11, с. 98]. В этой связи, законодательство будет основываться на оценке функциональной достаточности вида электронной подписи в конкретной сфере электронного взаимодействия. Это устранит проблему функционального дефицита и обеспечит стабильность гражданского оборота в условиях цифровизации общественных отношений.

Список источников

1. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

2. Конобевцев Ф.Д. Государственное регулирование архивного хранения электронных документов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Том 13. № 3. С. 20 – 23.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 20.11.2002. № 220.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 27.07.2002. № 137.

5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (вместе с «Порядком подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»)

6. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (вместе с «Порядком подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»)

7. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (с изменениями на 20 марта 2023 г.) (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П) (ред. от 28.02.2023)

8. Шинкарев А.А., Логиновский О.В., Стародубцев Д.В. Проблематика верификации подлинности, авторского права и целостности цифровых данных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2025. Т. 25. № 2. С. 74 – 81.

9. Жарова А.К. Принципы использования информации и информационных технологий в системе правового обеспечения информационной безопасности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 4. С. 90 – 97.

10. Европейский союз. Регламент (ЕС) № 910/2014 Европейского парламента и Совета от 23 июля 2014 года об электронной идентификации и доверенных услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке и об отмене Директивы 1999/93/ЕС (eIDAS) // Официальный журнал Европейского союза. L 257. 28.08.2014. С. 73 – 114. [Электронный ресурс]: EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.257.01.0073.01.ENG (дата обращения 14.02.2026)

References

1. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Electronic Signature". Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Article 2036.

2. Konobevtsev F.D. State Regulation of Archival Storage of Electronic Documents. Personnel and Intellectual Resources Management in Russia. 2024. Vol. 13. No. 3. Pp. 20-23.

3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 08.08.2024). Rossiyskaya Gazeta. 20.11.2002. No. 220.

4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on August 8, 2024). Rossiyskaya Gazeta. July 27, 2002. No. 137.

5. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.12.2016 No. 251 (as amended on 23.01.2024) "On Approval of the Procedure for Submitting Documents to Federal Courts of General Jurisdiction in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document" (together with the "Procedure for Submitting Documents to Federal Courts of General Jurisdiction in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document")

6. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.12.2016 No. 252 (as amended on 20.02.2018) "On Approval of the Procedure for Submitting Documents to Arbitration Courts of the Russian Federation in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document" (together with the "Procedure for Submitting Documents to Arbitration Courts of the Russian Federation in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document") (including in the form of an electronic document")

7. Procedure for submitting documents to the Supreme Court of the Russian Federation in electronic form, including in the form of an electronic document (as amended on March 20, 2023) (approved by the order of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2016, No. 46-P) (as amended on February 28, 2023)

8. Shinkarev A.A., Loginovsky O.V., Starodubtsev D.V. Problems of verification of authenticity, copyright and integrity of digital data. Bulletin of South Ural State University. 2025. Vol. 25. No. 2. P. 74 – 81.

9. Zharova A.K. Principles of using information and information technology in the system of legal support for information security. Bulletin of SUSU. Law Series. 2021. Vol. 21. No. 4. P. 90 – 97.

10. European Union. Regulation (EU) No 910/2014 of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 on electronic identification and trusted services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC (eIDAS). Official Journal of the European Union. L 257. 28.08.2014. Pp. 73–114. [Electronic resource]: EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.257.01.0073.01.ENG (date of access: 14.02.2026)

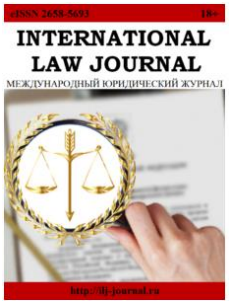
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Гаража Н.Ю., аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), kuzmankina@mail.ru

© Гаража Н.Ю., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.146
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-208-215

Процессуальные проблемы изъятия цифровых носителей информации в ходе проведения следственных действий

[1] Нурбаев Д.М.,
[1] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

***Аннотация**: процессуальные вопросы, связанные с изъятием электронных носителей информации, обуславливаются как специфичностью самого такого объекта, так и постоянно меняющимися уголовно-процессуальным законодательством в этой области. Ключевые сложности как правило связаны с определением перечня таких носителей информации, необходимости их законодательного закрепления. Генерирует противоречивые оценки определение сущности смартфона с исследуемой позиции, а также распространение на него процессуальных требований, установленных для цифровых носителей информации. К тому же вызывает вопросы обязательность участия специалиста при проведении различных манипуляций в рамках осуществления следственных действий с подобными вещами, целесообразность получения предварительного судебного санкционирования для их осмотра и извлечения скрытой информации. В настоящем исследовании изучены изложенные, а также иные процессуальные казусы, связанные с изъятием электронных носителей информации.*

***Ключевые слова:** электронные носители информации, электронное доказательство, цифровой след, смартфон, процессуальное регулирование*

Для цитирования: Нурбаев Д.М. Процессуальные проблемы изъятия цифровых носителей информации в ходе проведения следственных действий // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 208 – 215. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-208-215

Поступила в редакцию: 9 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Procedural issues in the confiscation of digital storage media during investigative actions

[1] Nurbaev D.M.,
[1] F.M. Dostoevsky Omsk State University

***Abstract:** procedural issues related to the seizure of electronic storage media are determined by both the specific nature of the object itself and the constantly evolving criminal procedural legislation in this area. Key challenges typically relate to defining the list of such storage media and the need for their legislative codification. The definition of a smartphone from the perspective of the subject matter, as well as the extension of procedural requirements established for digital storage media to it, generates conflicting assessments. Furthermore, questions arise regarding the mandatory participation of a specialist during various manipulations carried out during investigative actions involving such items, as well as the advisability of obtaining prior judicial authorization for their inspection and the extraction of hidden information. This study examines these and other procedural cases related to the seizure of electronic storage media.*

***Keywords:** electronic storage media, electronic evidence, digital trace, smartphone, procedural regulation*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Nurbaev D.M. Procedural issues in the confiscation of digital storage media during investigative actions. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 208 – 215. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-208-215

The article was submitted: February 9, 2026; Approved after reviewing: April 7, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Процессуальные вопросы, связанные с изъятием электронных носителей информации, являются одними из дискуссионных как в доктрине уголовного процесса, так и в складывающейся судебной практике. Коллизионость возникающих правовых ситуаций вытекают как из специфики нормативного регулирования спорных правоотношений, так и из сущности понимания термина электронный носитель информации и электронное доказательство.

В ходе проведения следственных действий, связанных с изъятием таких объектов возникают не только процессуальные вопросы, но и тактические нюансы их реализации, которые существенным образом влияют на результативность и эффективность проведенных мероприятий.

В настоящем исследовании хотелось бы проанализировать и дать авторскую оценку наиболее часто встречающимся процессуальным дилеммам, по выделенной тематике.

Материалы и методы исследований

Выводы и рекомендации, содержащиеся в исследовании, основаны на комплексном применении сравнительно-правового, формально-юридического, системно-структурного методов. В качестве материалов исследования выступили научные статьи, правовые позиции Конституционного Суда РФ, а также судебные акты судов общей юрисдикции.

Результаты и обсуждения

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия электронный носитель информации, однако указанное словосочетание довольно часто встречается в тексте УПК РФ.

В пункте 3.28 41. ГОСТ Р 7.0.95-2015 установлено, что электронный носитель информации – это материальный объект, используемый для записи, хранения и воспроизведения цифровой информации [1].

Ключевой характеристикой электронного носителя информации является специфика хранения информации на нем – в цифровом формате.

Как правило электронные носители информации – это устройства для записи, хранения и переноса данных в цифровом формате, использующие магнитные, оптические или полупроводниковые технологии. Основные виды включают жесткие диски (HDD), SSD-накопители, флешки, карты памяти и оптические диски (CD/DVD/Blu-ray), обеспечивающие высокую скорость доступа и компактность.

К подобного рода объектам также относят облачные хранилища (виртуальные носители): сервисы (Google Drive, Yandex.Disk), обеспечивающие удаленный доступ к данным через интернет, то есть удаленные компьютерные серверы, доступ к которым осуществляется через сеть "Интернет".

Понятие электронные носители тесно связаны с понятием электронное доказательство, цифровой след, компьютерная информация.

Первая проблема, которая является катализатором возникающих правовых коллизий является отсутствие в УПК РФ понятия электронный носитель информации. Необходимо ли закреплять данное понятие в УПК РФ?

Понятие электронный носитель информации тесно связано с дефиницией электронное доказательство, которое основательно изучено в доктрине уголовного процесса, поэтому свое внимание на его этимологии и сущности останавливать не будем, но при этом хотелось бы отметить ряд важных моментов. Их соотношение можно рассмотреть, как форму хранение и ее содержание, где первое – это электронный носитель информации, а второе – электронное доказательство.

Если буквально анализировать ст. 81.1 УПК РФ, то можно прийти к выводу, что электронный носитель информации, с позиции законодателя, фактически признается вещественным доказательством. Однако слово **включая** *(выделено мной – Н.Д.)* можно рассматривать как аналогию, и оно создает предпосылки для соответствующих рассуждений о понимании природы такой информации. Отвечают ли они всем признакам вещественного доказательства? Все-таки, УПК РФ говорит о вещественных доказательствах как о любых предметах. Поэтому скорее всего такое соотношение следует рассматривать либо как определенная разновидность вещественного доказательства, либо как самостоятельное доказательство, в условиях, когда его

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

содержание невозможно исследовать без использования специальных знаний (например, в случае зашифровки такой информации или ее восстановления специалистом из числа данных, которые были удалены). Неслучайно в научной литературе обращается внимание на то, что электронные данные для их исследования должны быть преобразованы в форму удобную для восприятия с помощью технологий [2].

В понятие электронное доказательство включается понятие цифрового следа. Е.Р. Россинская предлагает понимать под цифровым следом криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи [3].

Также в научной литературе отмечается, что цифровые следы представляют собой именно компьютерную информацию, то есть они сами по себе не могут быть изъяты, приобщены к материалам дела, так как информация всё же представляет собой нечто нематериальное, что нельзя воспринимать органами чувств непосредственно [4].

К наиболее часто встречающимися цифровым следам также можно отнести:

- данные социальных сетей и мессенджеров;
- данные сайтов сети Интернет, сети Даркнет, история посещения сайтов [4].

Таким образом, в состав понятия электронное доказательство включается цифровой след, существенной характеристикой которого является термин компьютерная информация.

Фактически цифровой след может быть таким, когда его удается обнаруживать и воспринимать и без участия специалиста (фото или текст в приложениях или социальных сетях), тогда его уместно рассмотреть как вещественное доказательство, так и иной предмет. Но также он может быть рассмотрен в виде следов от программ, сообщений, фотографий, самих программ, следов их удаления. В такой ситуации их обнаружение, фиксация, изъятие и восстановление невозможно без участия специалиста. В анализируемом виде подобная информация не в полной мере отвечает характеристике вещественного доказательства и фактически выступает в качестве самостоятельного вида доказательства.

Именно для таких видов сведений и необходимо закрепление в УПК РФ понятия электронный носитель информации и тесно связанного с ним понятия электронное доказательство, для отражения его сущности, специфики обнаружения, фиксации, восстановления и изъятия.

В этой связи примечателен пример из судебной практики, когда верное понимание сущности электронной подписи послужило основанием для отмены приговора по ст. 187 УК РФ и направлении уголовного дела на новое рассмотрение [5].

Одним из самых интересных с правовой точки зрения электронных носителей информации является сотовый телефон, а точнее смартфон. В настоящее время телефон есть практически у каждого человека, поэтому вероятность его изъятия при проведении следственного действия очень высокая. Поэтому для целей рассмотрения проблем, анализируемых в настоящей статье, в качестве такого универсального объекта, будет взят именно смартфон. Согласно открытым данным сети интернет, отличие смартфона от телефона заключается в наличии у первого операционной системы и доступа к сети интернет, то есть фактически полноценного небольшого компьютера.

В настоящее время смартфон стал одним из основных источников доказательственной информации по большинству уголовных преступлений (должностных, коррупционных, государственной безопасности и т.д.) В отличие, например, от иных цифровых носителей информации, которые более характерны как раз для преступлений в сфере экономики. Его доказательственное значение ценно прежде всего находящейся в нем переписке между лицами подозреваемыми в совершении преступления, фотографиями и видеозаписями, а также сведениями о геолокации сделанных снимков и самого устройства в определенное время.

Также стоит отметить, что первые сложности у правоприменителя возникают при попытке его изъятии у заподозренных лиц. Ключевое действие, которое должны делать сотрудники правоохранительных органов – это отключить устройство от сети интернет. Делается это для того, чтобы предотвратить дистанционное удаление хранящихся на нем данных. Как правило в таких ситуациях рекомендуется включать устройство в режим полета, либо извлекать из него аккумулятор или сим-карту. Дополнительно в аналогичных ситуациях рекомендуется поместить представленное устройство в какой-либо блокирующий сигнал материал, например сумку Фарадея, в случаях если наличия е-сим или невозможности установления на устройстве режима полета.

Следующим препятствием на пути сотрудников правоохранительных органов может стать попытка разблокировать смартфон (планшет) и получить из него компьютерную информацию.

Сейчас для блокировки экранов современных смартфонов в основном используются системы «Тач айди» и «Фэйс айди». Обязан ли гражданин выполнить требование сотрудника правоохранительного орга-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

на о предоставлении кода блокировки или его разблокировки или указанные действия охватываются статьей 51 Конституции РФ? Можно ли использовать в случае отказа физическую силу для целей разблокировки устройства посредством системы «Тач айди» и «Фэйс айди» учитывая, что уголовно-процессуальные нормы обеспечивают проведение следственных действий мерами государственного принуждения?

В практическом пособии для сотрудников следственного комитета на этот случай предусматривается следующий порядок действий. «Принять меры к разблокировке экрана путем наведения фронтальной камеры на лицо владельца (Face ID) или приложения пальца владельца к датчику отпечатка пальца1 (Touch ID), в том числе под воздействием правового принуждения со стороны оперативного сотрудника в случае оказания лицом противодействия по доступу к данным на устройстве [6].

Фактически для следователей рекомендуется применять физическое принуждение для разблокировки экрана смартфона при использовании систем «Тач Айди» или «Файс Айди» рассматривая такой отказа как противодействие ходу расследования. Хотя справедливости ради стоит подчеркнуть, что используется термин «правовое принуждение», которое на мой взгляд вуалирует термин «физическое».

Полагаем, что в подобных ситуациях применять физическое принуждение для целей разблокировки экрана смартфона граничит с нарушением закона и в некоторых ситуациях может быть квалифицировано как превышение должностных полномочий. Верховный Суд РФ, рассматривая по существу уголовное дело в аналогичной ситуации обратил внимание на презумпцию невиновности, конституционное право граждан защищать свои права и свободы, в том числе тайну переписки и неприкосновенность частной жизни, право не свидетельствовать против себя и своих близких [7]. Верховный Суд РФ указал на недопустимость трактовки действий по отказу в предоставлении сотрудникам правоохранительных органов паролей от телефона как свидетельствующие о причастности лица к преступлению и его виновности. Анализируемая трактовка фактически также исключает применение принуждения для целей разблокировки такого устройства поскольку в противном случае будет нарушаться право лица на защиту.

Поэтому для исключения конфликтных ситуаций необходимо прибегать к помощи различных программных устройств, позволяющих взламывать телефон. Одной из известных программ из этой категории является Cellebrite Pathfinder. Программа имеет возможности распознавания, обработки и анализа текста, обнаружения фото-, видеоизображений, относящихся к заданной категории, а также получение данных о местонахождении подозреваемых лиц, обнаружению "горячих" точек [4].

Производитель данного продукта израильская фирма Cellebrite известна по ряду громких дел: в частности, взлому телефона Айфон которым пользовался стрелок из Сан-Бернардино, взлому телефона Самсунг, стрелявшего в президента США Дональда Трампа, делу по иску, которым ФБР направило в Министерство юстиции США, чтобы обязать компанию Apple написать программу для взлома выпускаемых ею устройств iPhone [8].

Существуют также отечественные программные продукты со схожими характеристиками, например, «Мобильный Криминалист» (Oxygen Forensic).

Второй процессуальной проблемой, связанной с изъятием электронных носителей информации, является необходимость участия специалиста при проведении ряда следственных действий. Обязательно ли участие специалиста при изъятии электронных носителей информации? УПК РФ в этой части достаточно императивен – судебная практика говорит об обратном, указывая на усмотрение следователя при решении анализируемого вопроса.

Согласно ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации изымаются с участием специалиста. При этом это же часть анализируемой нормы права предусматривает возможность копирования информации с такого объекта с участием специалиста по ходатайству лица, в случае если электронный носитель информации будет изъят. Часть 3 ст. 164.1 УПК РФ закрепляет право следователя копировать информацию с анализируемого носителя информации, при этом в этом случае процессуальный закон не обязывает участвовать в следственном действии специалиста.

Наибольшее количество вопросов в судебной практике возникает при изъятии смартфонов. Должен ли при этом участвовать специалист?

Судебная практика свидетельствует о том, что в большинстве случаев жалобы стороны защиты по факту отсутствия специалиста при изъятии смартфонов остаются без удовлетворения. Например, в Кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2021 г. по делу №7У-7286/2021[77-3025/2021] было прямо указано, что телефон не относится к числу электронных носителей информации [14].

В научной литературе в этой связи выделяется две противоположные трактовки положений ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ. В одном случае, участие специалиста при изъятии электронных носителей информации – это обя-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

занность следователя, в другом – это его право [9]. Ю.В. Гаврилин предлагает закрепить обязательное участие специалиста только, когда производится непосредственное восприятие и исследование информации, содержащейся на электронном носителе, или ее копирование [10].

С телефоном, именно смартфоном получается весьма парадоксальная ситуация. Совершено очевидно, что по специфике хранящейся на нем информации, он является электронным носителем информации. При этом очевидно, что его изъятие можно производить без участия специалиста, и в организационных и тактических смыслах в его содействии при изъятии смартфона нет необходимости. Он нужен только для изъятия и осмотра информации, которая на нем находится. И совершенно очевидно, что ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ категорично устанавливает обязанность участия специалиста.

Бесспорен и тот факт, что у практически у каждого человека при себе имеется смартфон и при таких вводных, любое следственное действие при котором происходит изъятие сходного объекта будет требовать участия специалиста. Именно поэтому судебная практика в этой части трактует положения ст. 164.1 УПК РФ с учетом категорий разумности и реальности, усмотрения следователя. Поэтому предложение Ю.В. Гаврилина является наиболее взвешенным в складывающихся правоотношениях.

Третья выделенная процессуальная проблема связана с необходимостью получения судебного санкционирования осмотра электронного носителя информации в случае восстановления переписки в смартфоне или получения информации о звонках (информация о соединениях между абонентскими устройствами), либо получения из устройства сведений о переписки гражданина в социальной сети с другими контактами, фото-, видео-, аудиоматериалов. Указанные действия фактически могут ограничить конституционные права, предусмотренные ст. 23 Конституции РФ.

В научной литературе предлагается установить судебный порядок получения разрешения на производство осмотра электронного носителя информации в случае отсутствия согласия законного владельца электронного носителя или обладателя информации, поскольку в этом случае может быть нарушено право гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [11].

В этом контексте можно порассуждать о том, что именно охраняет Конституция РФ при обеспечении тайны переписки и телефонных переговоров – полагаем, что прежде всего гарантию конфиденциальности при предоставлении услуг связи в момент передачи данных. При проведении осмотра электронного носителя информации заинтересованное лицо понимает, что его личные данные будут предметом исследования, поскольку такой объект был изъят у него в ходе проведения следственных действий. В представленной ситуации нет необходимости получать судебное санкционирование поскольку сама информация уже находится у следователя на законных основаниях, получена непосредственно у лица. Поэтому изложенная ситуация отличается от подобных, когда правоохранительные органы запрашивают схожую информацию в соответствующих ведомствах, учреждениях, организациях опосредовано, либо негласно от заинтересованного лица.

Предлагаемый автором вариант аналогичен правовому механизму ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища, при котором принципиальным является согласие лица. При этом сущность исследуемых конституционных прав (неприкосновенность жилища и тайна переписки, телефонных переговоров) существенно отличается. В первом случае Конституция РФ охраняет любые виды проникновения в жилище гражданина без его ведома и согласия, во втором – конфиденциальность передачи, хранения, обработки информации о частной жизни лица.

Обсуждаемый вопрос был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В определении от 25 января 2018 г. №189-0 "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Д.А. на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 УПК РФ" им разъяснено, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения.

Конституционный Суд РФ строго очертил круг объектов – это смартфон, модем, роутер или домофон и специфику информации – хранящаяся на в памяти устройства.

Вопреки этому как быть если в рамках осмотра или экспертизы восстанавливается переписка или журнал звонков ранее удаленные с устройства? Полагаем, что в этом случае также не возникает необходимости судебного санкционирования осмотра, но при этом могут возникнуть вопросы только в части объективности и достоверности полученных сведений, что достаточно подробно регулируется вопросами проведения повторных или дополнительных экспертиз в уголовном процессе.

Справедливости ради стоит заметить, что схожий вопрос также был предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека. Например, в деле «Иващенко против России» было подчеркнуто, что копи-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

рование данных с электронного устройства требует создания дополнительных внутригосударственных гарантий соблюдения права гражданина на неприкосновенность личной жизни. Фактически Европейским Судом рассматривалась необходимость судебного санкционирования действий по копированию информации с электронных носителей информации как обеспечивающая соблюдения положений ст. 23 Конституции РФ.

Четвертая проблема, которая активно обсуждается в научной литературе связана с необходимостью и возможностью создания новой системы следственных действий для целей изъятия электронных носителей информации.

В научной публикации М.И. Воронина проанализированы и обобщены виды следственных действий, которые предлагает внедрить в действующее уголовно-процессуальное законодательство доктрина уголовно-процессуальной науки, а именно:

- осмотр сетевых информационных ресурсов;
- удаленное подключение к компьютеру в процессе его работы;
- выемка электронных носителей информации;
- копирование электронной информации;
- арест электронно-почтовой корреспонденции [5].

И в этой связи отмечается проблема несовершенства уголовно-процессуального законодательства в части отсутствия в перечне следственных действий необходимых процессуальных инструментов, в рамках которых возможно удаленное получение компьютерной информации с компьютерных систем и сетей. Решается данная проблема путем проведения оперативно-розыскных действий (снятие информации с технических каналов связи или получение компьютерной информации).

Полагаю, что имеющаяся традиционная система следственных действий полностью охватывает потребности в осмотре, изъятии, копировании электронных носителей информации. Удаленное подключение к компьютеру в процессе его работы полностью охватывается сущностью и спецификой проведения ранее изложенных оперативно-розыскных мероприятий. Арест электронно-почтовой корреспонденции трудно отнести именно к следственному действию и скорее всего будет проблематична его практическая реализации в части оставления неизменной имеющейся там информации. Скорее всего возникнет потребность в поиске и изъятии содержащейся на электронно-почтовой корреспонденции информации, которую практика успешно решает традиционными осмотрами, изъятием и копированием.

Пятая проблема, на которую также вполне обосновано обращается внимание в научной литературе связана с оценкой достоверности содержания электронных (цифровых) доказательств, которая предполагает возможность их аутентификации и идентификации.

Под аутентификацией понимается возможность проверки целостности и неизменности содержания электронного (цифрового) доказательства, а под идентификацией - возможность установления источника (лица) происхождения электронного (цифрового) доказательства [5].

Обе стороны исследуемого объекта взаимосвязаны и как правило разрешение возникающих сомнений происходит в процессе исследования электронного носителя информации, на котором была создано или хранилось электронное доказательство. В случае его отсутствия на первый план выходят иные имеющиеся в материалах дела доказательства, которые могут прямо или косвенно подтвердить или опровергнуть содержание электронных носителей информации.

В этой связи приобретает особую значимость обеспечение необходимости применения на практике концепции "цепи законных владений" – процессуальное документирование в целях сохранности электронного доказательства на всех этапах уголовного судопроизводства, от момента собирания доказательственной информации до передачи ее носителя от одного лиц к другому вплоть до судебного рассмотрения дела [5].

Е.И. Галяшина справедливо замечает, что суд (следователь) должен иметь точную информацию, кто и из какого источника получил доказательство, как оно хранилось, кто имел к нему доступ. Все этапы воспроизведения, копирования, перезаписи, переноса цифровых данных на иные носители должны тщательно документироваться с надлежащим удостоверением идентичности копий оригиналу [12].

Правило определения достоверности содержания файла указанное Е.И. Галяшиной применительно к специфике проведения фоноскопических экспертиз в равной мере распространяется на любой электронный носитель информации, особенно в условиях, когда его содержание ставится сторонами под сомнение.

Реалии следственных ситуаций не всегда позволяют обеспечить реализацию на практике анализируемой концепции, поэтому в этой обстановке субъект доказывания будет вынужден вновь оценивать достоверность доказательства с учетом его сопоставления с иными доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела. А в том положении, когда это не возможно, предпочтение должно отдаваться основным канонам уголовного процесса, например презумпции невиновности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Примечательно в этой связи возможность исследования объекта, на который осуществлялась запись видео- или фотоматериала при осуществлении ОРМ. В подобных условиях сотрудники оперативных подразделений как правило не предоставляют устройство, на которое осуществлялась запись, учитывая, что оно по своей форме может быть замаскировано под обычные предметы окружающей обстановки. Это объясняется тем фактом, что силы, средства, планы и тактика оперативно-розыскной деятельности относятся к сведениям, составляющим государственную тайну. Вместе с тем в судебной практике встречаются случаи, когда непредоставление таких устройств впоследствии может повлечь за собой признание недопустимым доказательством – результатов оперативно-розыскной деятельности (например, Апелляционное определение СК по уголовным делам Ростовского областного суда от 29 апреля 2015 г. по делу N 22-1781/2015) [13].

Сомнение в достоверности содержания представленного доказательства без объективного установления причин таких отклонений должно влечь за собой признание его недопустимым без относительной возможности сопоставления с иными доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела. Очень часто в судебной практике недостатки в процессуальной форме компенсируются информационным наполнением самого доказательства. В свою очередь сомнения в достоверности являются критическими и невозможность их восстановления, проверки являются принципиальными для целей дальнейшего использования в процессе доказывания. Таким образом, соблюдения концепции «цепи законных владений» действительно имеет ключевое значение в контексте обеспечения достоверности сведений, получаемых с электронных носителей информации.

Выводы

В заключении полагаю необходимым сделать следующие выводы. Для целей исключения противоречивой судебной практики необходимо законодательное закрепление в УПК РФ понятие электронный носитель информации и электронное доказательство. При изъятии электронных носителей информации как того требует уголовно-процессуальное законодательство должен участвовать специалист, при этом, в случае если таким объектом выступает смартфон обязательность участия сведующего лица может быть обусловлена только копированием или осмотром хранящейся на нем информации в момент проведения следственного действия. Во всех остальных случаях в его участии нет надобности. Осмотр изъятых в ходе следственных действий электронных носителей информации с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ не должен проводится с предварительным судебным контролем. Традиционная система следственных действий позволяет в полном объеме разрешать современные вызовы, связанные с появлением новой разновидности источников доказывания – электронных доказательств, в ходе которых проводится их осмотр, изъятие, копирование и т.д. Соблюдения концепции «цепи законных владений» действительно имеет ключевое значение в контексте обеспечения достоверности сведений, получаемых с электронных носителей информации.

Список источников

1. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 09.12.2015 N 2127-ст). СПС «Гарант». 2026.

2. Го Чжиюань, Чен Сюнвэнь Электронные доказательства в Китае // Право и цифровая экономика. 2024. № 1. С. 35 – 51.

3. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 254 с.

4. Саркисян К.Т. Проблемы собирания цифровых следов при производстве следственных действий по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 1. С. 188 – 196.

5. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 118 – 128.

6. Петраков С.В., Гудкова М.А., Бащук Д.П., Тимофеев А.А. и др. Сбор и анализ цифровых следов преступления: практическое пособие. СПб: Санкт- Петербургская академия Следственного комитета, 2023. 98 с.

7. Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 сентября 2023 г. N 16-УД23-17-К4. СПС «Гарант». 2026.

8. Что было недосказано в истории взлома телефона стрелка в Пенсильвании? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Trump-shooters-smartphone (дата обращения: 18.02.2026)

9. Федулова А.Е. Участие специалиста в производстве следственных действий с электронными носителями информации// Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 1 (63). С. 80 – 87.

10. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 45 – 50.

11. Федулова А.Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2 (60). С. 90 – 100.

12. Галяшина Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 15 – 26.

13. Апелляционное определение СК по уголовным делам Ростовского областного суда от 29 апреля 2015 г. по делу N 22-1781/2015. СПС «Гарант». 2026.

14. Определение судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2021 г. по делу №7У-7286/2021[77-3025/2021]. СПС «Гарант». 2026.

References

1. National Standard of the Russian Federation. System of Standards on Information, Librarianship, and Publishing. Electronic Documents. Main Types, Output Information, Technological Characteristics (approved and put into effect by Order of Rosstandart dated 09.12.2015 N 2127-st). SPS "Garant". 2026.

2. Guo Zhiyuan, Chen Xiongwen. Electronic Evidence in China. Law and Digital Economy. 2024. No. 1. P. 35 – 51.

3. Rossinskaya E.R., Semikalenova A.I., Ryadovsky I.A. Theory of Information and Computer Support for Forensic Activity: Monograph. edited by E.R. Rossinskaya. Moscow: Prospect, 2022. 254 p.

4. Sargsyan K.T. Problems of collecting digital traces during investigative actions in cases related to the illegal trafficking of narcotics in computer networks. Current problems of Russian law. 2025. No. 1. P. 188 – 196.

5. Voronin M.I. Features of the assessment of electronic (digital) evidence. Current problems of Russian law. 2021. No. 8. P. 118 – 128.

6. Petrakov S.V., Gudkova M.A., Bashchuk D.P., Timofeev A.A., et al. Collection and analysis of digital traces of a crime: a practical guide. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2023. 98 p.

7. Determination of the Investigative Committee for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 21, 2023 N 16-UD23-17-K4. SPS "Garant". 2026.

8. What Was Left Unsaid in the Story of the Pennsylvania Shooter's Phone Hacking? [Electronic resource]. Access mode: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis. Trump-shooters-smartphone (date of access: 02.18.2026)

9. Fedulova A.E. Participation of a Specialist in Investigative Actions with Electronic Storage Media. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 1 (63). P. 80 – 87.

10. Gavrilin Yu.V. Electronic Storage Media in Criminal Proceedings. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (44). P. 45 – 50.

11. Fedulova A.E. Electronic Storage Media in Criminal Proceedings. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 2 (60). P. 90 – 100.

12. Galyashina E.I. Forensic Phonoscopic Examination: Problems of Diagnosing the Authenticity of Phonograms. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2014. No. 3. P. 15 – 26.

13. Appellate Ruling of the Criminal Investigative Committee of the Rostov Regional Court dated April 29, 2015, in Case No. 22-1781/2015. SPS "Garant". 2026.

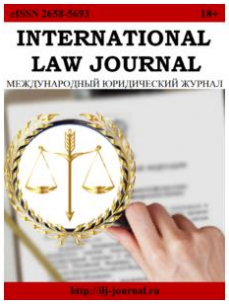
14. Determination of the Criminal Cases Panel of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated July 30, 2021, in case No. 7U-7286/2021[77-3025/2021]. SPS "Garant". 2026.

Информация об авторе

Нурбаев Д.М., кандидат юридических наук, доцент, SPIN-код: 5948-0254, AuthorID: 819137, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

© Нурбаев Д.М., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.918.4
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-216-223

Аккредитация негосударственных экспертных организаций как средство обеспечения достоверности заключения эксперта в гражданском и арбитражном процессе

[1] Русских А.В.,
[1] Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: *в представленной статье рассматриваются острые проблемы обеспечения достоверности заключений экспертов, подготовленных в негосударственных экспертных организациях для целей гражданского и арбитражного процесса. Автор констатирует опасную асимметрию между государственным и частным секторами судебно-экспертной деятельности. Она вызвана отсутствием реального технологического контроля за частниками. Система добровольной сертификации (зачастую носящая формальный характер) не справляется с ролью фильтра компетенций. Это открывает путь в суды научно необоснованным, а иногда и вовсе ангажированным выводам. На базе анализа нормативных актов автором предлагается модель жесткой государственной аккредитации негосударственных экспертных организаций через механизмы Росаккредитации. Особое внимание уделено внедрению стандартов оснащения лабораторий и созданию цифровых реестров используемых методик. Автор убежден: интеграция частных экспертов в единое методическое поле с государственными учреждениями – единственный путь к подлинной верифицируемости доказательств. Порядок в этой сфере необходим для защиты прав участников споров.*

Ключевые слова*: негосударственная экспертиза, судебная аккредитация, гражданский процесс, арбитражное судопроизводство, достоверность заключения, экспертные методики, профессиональная компетенция, правовой статус*

Для цитирования: Русских А.В. Аккредитация негосударственных экспертных организаций как средство обеспечения достоверности заключения эксперта в гражданском и арбитражном процессе // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 216 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-216-223

Поступила в редакцию: 9 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Accreditation of non-governmental expert organizations as a means of ensuring the reliability of expert opinions in civil and arbitration proceedings

[1] Russkikh A.V.,
[1] Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: *this article examines the pressing issues of ensuring the reliability of expert opinions prepared by non-governmental centers for civil and arbitration proceedings. The author notes a dangerous asymmetry between the public and private sectors of forensic science. This is caused by the lack of effective technological oversight over private entities. The voluntary certification system (often merely formal) fails to filter competence. This opens the door to scientifically unsubstantiated, and sometimes even biased, conclusions in the courts. Based on an analysis of regulatory documents, the author proposes a model for strict state accreditation of non-governmental organizations through the mechanisms of Rosaccreditation. Particular attention is paid to the implementation of laboratory equipment standards and the creation of digital registers of the methods used. The author is convinced*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

that integrating private experts into a unified methodological framework with government agencies is the only path to genuine verifiability of evidence. Order in this area is necessary to protect the rights of parties to disputes.

Keywords: *non-state expertise, judicial accreditation, civil procedure, arbitration proceedings, reliability of conclusion, expert methods, professional competence, legal status*

For citation: Russkikh A.V. Accreditation of non-governmental expert organizations as a means of ensuring the reliability of expert opinions in civil and arbitration proceedings. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 216 – 223. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-216-223

The article was submitted: February 9, 2026; Approved after reviewing: April 7, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Современная судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации характеризуется стремительным расширением сегмента частной экспертизы. Рост числа негосударственных экспертных организаций продиктован потребностями гражданского и арбитражного судопроизводства в специальных знаниях, охватывающих высокотехнологичные области техники, экономики и медицины. Действующее законодательство (в частности, ФЗ № 73) закрепляет равенство статусов государственных и частных экспертов. Судебная практика демонстрирует обратное. Доверие к выводам негосударственного специалиста зачастую подрывается отсутствием единого квалификационного контроля, что превращает состязательность сторон в опасное соревнование коммерческих структур, готовых предоставить удобное заказчику заключение.

Институт аккредитации способен исправить ситуацию. Внедрение обязательных стандартов качества для частных центров позволит выстроить прозрачный механизм фильтрации недобросовестных участников рынка, создавая систему внешнего подтверждения компетентности (аналогично процедурам в техническом регулировании).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью минимизации случаев представления в суд недостоверных, научно необоснованных заключений, становящихся следствием отсутствия жестких регламентов функционирования частных экспертных лабораторий. **Цель** работы заключается в теоретическом обосновании и разработке практических предложений по внедрению механизма обязательной аккредитации негосударственных экспертных организаций для повышения верифицируемости доказательственной базы.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие **задачи**: проанализировать существующий правовой режим деятельности частных экспертов; выявить риски, возникающие при назначении экспертизы в организации, не имеющие подтвержденной компетенции; исследовать зарубежный опыт лицензирования и сертификации аналогичных субъектов; сформулировать критерии аккредитации (материально-техническая база, стаж сотрудников, наличие методик), гарантирующие достоверность итогового документа.

По нашему убеждению, только жесткая институционализация экспертного сообщества через реестры аккредитованных лиц исключит субъективизм при выборе эксперта судом.

Гипотеза исследования строится на предположении, что законодательное закрепление требования об обязательной аккредитации негосударственных экспертных организаций станет решающим фактором обеспечения достоверности заключений. Установление четких административно-правовых барьеров для входа в данную сферу деятельности, подкрепленных системой периодического аудита, позволит существенно снизить количество заведомо ложных или непрофессиональных выводов, тем самым повышая эффективность защиты прав участников процесса в гражданских и арбитражных спорах. Наличие сертификата аккредитации должно рассматриваться не как формальный атрибут, а как правовой предел, отсекающий дилетантизм. Полагаем, что без глубокой стандартизации всех экспертных процедур выйти на новый уровень качества правосудия просто не получится.

Материалы и методы исследований

Методологический аппарат работы выстроен на сочетании классических теоретических подходов и прикладного анализа. В частности, нами использовался компаративный метод при изучении нормативной базы, а также синтез разрозненных доктринальных положений. Что касается эмпирической основы, то её составили не только научные публикации, но и профильные стандарты (в первую очередь ГОСТ ISO/IEC 17025). Мы сознательно пошли на прямое аналитическое сравнение того, как функционируют государ-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ственные и частные центры – это позволило наглядно увидеть дефициты их технического обеспечения. Итогом всего цикла стала наша авторская разработка: мы предложили конкретные механизмы для институционального контроля качества в экспертной среде

Результаты и обсуждения

Изучение текущего положения дел на рынке экспертных услуг в России (если смотреть на него непредвзято) вскрывает глубокую, почти критическую асимметрию между государственным и частным секторами. Мы детально проанализировали правовые и, что не менее важно, организационные нюансы работы негосударственных экспертных организаций (НЭО). Как справедливо подметил Э.А. Гасанов, статус этих структур до сих пор остается размытым. Такая неопределенность напрямую бьет по качеству оценки заключений в суде [5]. Более того, отсутствие жестких требований к приборам и кадрам – это прямой путь к штамповке «суррогатных» экспертиз.

На наш взгляд, именно сопоставление режимов работы государственных и частных экспертов должно стать отправной точкой исследования. Равенство, прописанное в ст. 41 ФЗ № 73, на поверку оказывается формальным: методическая база частников слишком фрагментарна [4]. Чтобы наглядно показать этот разрыв, мы систематизировали ключевые различия в табл. 1. Именно они диктуют необходимость введения единого аккредитационного стандарта

Таблица 1

Сравнительная характеристика условий деятельности государственных и негосударственных экспертных организаций.

Table 1

Comparative characteristics of the operating conditions of state and non-state expert organizations.

Параметр сравнения	Государственные СЭУ	Негосударственные экспертные организации
Нормативное регулирование	Ведомственные приказы, ФЗ № 73	Общие нормы ГПК/АПК РФ, ФЗ № 73 (частично)
Квалификационный контроль	Обязательная аттестация раз в 5 лет	Добровольная сертификация или её отсутствие
Методическое обеспечение	Единые государственные методики	Авторские или адаптированные методики
Контроль качества	Внутренний и вышестоящий аудит	Инициативный контроль со стороны руководства
Проверка помещений/оборудования	Обязательное соответствие СанПиН и стандартам	Регламентируется только договором аренды

Источник: составлено автором на основании [2, 3, 4, 6, 10, 11, 12, 13].
Source: compiled by the author based on [2, 3, 4, 6, 10, 11, 12, 13].

Представленные в таблице сведения наглядно подтверждают тезис Н.А. Замараевой: негосударственный сектор сегодня буквально выживает в условиях «правового вакуума» [6]. Отсутствие внятных рамок приводит к абсурдным ситуациям. Экспертом порой именует себя лицо, имеющее диплом, но не обладающее ни реальным стажем, ни – что еще важнее – доступом к современным лабораториям. С. Ю. Косарев совершенно справедливо замечает: проверть достоверность заключения НЭО суду крайне сложно, ведь механизмы верификации компетенции законодательно не закреплены [7]. Мы убеждены: нынешняя «свобода выбора» обернулась банальной бесконтрольностью.

Нельзя игнорировать и финансовый аспект. Достоверность напрямую упирается в денежную зависимость частника. Как подчеркивает Р.Р. Билялова, коммерческий характер НЭО почти неизбежно провоцирует риски подготовки «удобных» (заказных) выводов [3]. В арбитражных спорах, где на кону стоят миллиарды, независимость эксперта – это не роскошь, а критическое условие. Здесь аккредитация должна стать не просто очередной «красивой вывеской», а реальным фильтром на беспристрастность.

Изучая литературу, мы выделили целый пласт специфических проблем. Это и процессуальные огрехи, и грубые содержательные ошибки. С.В. Оскорбина обоснованно бьет тревогу, фиксируя рост повторных экспертиз, вызванных элементарной некомпетентностью «первичных» частных специалистов [9].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Таблица 2

Систематизация проблемных факторов деятельности НЭО и их влияние на гражданский и арбитражный процесс.

Table 2

Systematization of problematic factors in the activities of the NEO and their impact on civil and arbitration proceedings.

Проблема	Проявление в судебном процессе	Последствия для правосудия
Дефицит квалификации	Ошибки в выборе методов исследования	Недопустимость доказательства
Слабая приборная база	Использование бытовой техники вместо измерительной	Сомнения в точности результатов
Методический хаос	Применение устаревших или неапробированных подходов	Отмена судебных решений в апелляции
Отсутствие реестров	Сложность проверки подлинности дипломов и стажа	Риск привлечения «лжеэкспертов»
Изоляция от госсистемы	Невозможность получения консультаций в РФЦСЭ	Стагнация научного уровня экспертиз

Источник: составлено автором на основании [1, 2, 4, 9, 10, 11, 13, 14].
Source: compiled by the author based on [1, 2, 4, 9, 10, 11, 13, 14].

Изучение деструктивных факторов приводит к однозначному выводу: полумеры здесь бессмысленны. Как справедливо замечает Р.Р. Абдуллин, добровольная сертификация (СДС) превратилась в своего рода «торговлю» статусами [1]. Многие конторы банально покупают красивые бланки, оставляя методы работы прежними. На наш взгляд, государственное вмешательство через Росаккредитацию – шаг не просто логичный, а вынужденный. А.А. Саркисян напоминает, что в ГОСТ ISO/IEC 17025 уже прописаны все базовые требования, но для судебной экспертизы в нашей стране они всё еще остаются делом вкуса, а не законом [12].

Особую тревогу вызывает состояние материально-технического обеспечения. А.В. Русских доказывает, что многие частные структуры проводят почерковедческие или строительно-технические изыскания «на коленке», не имея даже элементарных микроскопов или лицензионного ПО для расчетов [11]. Это прямо нарушает требования к достоверности. Полагаем, что без установления минимальных стандартов оснащения для каждого вида экспертиз рынок НЭО останется зоной высокого риска.

Опираясь на позиции М.С. Чернявской, А.А. Романовой и других исследователей, нами разработана авторская модель совершенствования системы обеспечения достоверности заключений в НЭО. Она предполагает переход от пассивного наблюдения к активному государственному регулированию. В следующей таблице представлены конкретные методы и инструменты, способные радикально изменить ситуацию.

Таблица 3

Модель аккредитации и методы устранения недостатков в деятельности НЭО.

Table 3

Accreditation model and methods for addressing deficiencies in the activities of the NEO.

Предлагаемая мера / Метод	Содержание и механизм реализации	Ожидаемый результат	Обоснование на базе источников
Обязательная отраслевая аккредитация	Запрет на прием судами экспертиз от организаций, не прошедших проверку в Росаккредитации	Отсечение некомпетентных фирм-однодневок	[12, 13]
Единый реестр методик НЭО	Обязательная регистрация используемых алгоритмов исследования в Минюсте	Прозрачность и проверяемость выводов эксперта	[10, 14]
Цифровой паспорт эксперта	Создание базы данных с историей экспертиз, фактами отводов и рецензий на заключения	Личная ответственность и репутационный контроль	[2, 3]
Стандартизация тех. базы	Введение обязательных перечней оборудования для допуска к конкретным видам работ	Технологическая состоятельность исследований	[11]
Метод «Перекрестного аудита»	Право государственных СЭУ на проведение выборочных проверок качества работы НЭО	Профилактика коррупционных сговоров	[1, 14]

Источник: составлено автором на основании [1, 2, 3, 10, 11, 12, 13, 14].
Source: compiled by the author based on [1, 2, 3, 10, 11, 12, 13, 14].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Предложенная модель решает ключевую проблему – разобщенность частного и государственного секторов. В.А. Эпштейн совершенно справедливо настаивает на интеграции НЭО в единое научно-методическое пространство [14]. Логика здесь проста: аккредитованная организация получает «билет» к государственным базам данных и обучающим программам. Ю.А. Антилевская идет дальше, акцентируя внимание на том, что подготовка кадров должна превратиться в непрерывный процесс под надзором профсообщества [2].

Наше исследование показывают, что аккредитация – это не бюрократический барьер, а правовой фильтр. Для арбитражного процесса это критично. В арбитраже это вопрос выживания системы. Когда речь идет об интеллектуальной собственности или ущербе от техногенных катастроф, цена экспертной ошибки становится запредельной. А.А. Кузнецов верно подмечает: в НЭО зачастую кипит работа над уникальными кейсами, за которые неповоротливые госцентры просто не берутся [8]. Крайне важно не «задушить» эту инициативу, а направить её в русло жестких стандартов.

Завершая обсуждение, признаем очевидное: достоверность выводов эксперта сегодня напрямую завязана на уровне контроля над организацией. Обязательная аккредитация – это единственный способ вытащить негосударственную экспертизу из «серой зоны». Предложенная нами в табл. 3 схема может стать фундаментом для реформы процессуального права. Мы убеждены: эпоха пустых деклараций и добровольных соглашений закончилась. Правосудию нужны императивные гарантии. Только интеграция НЭО в систему госконтроля обеспечит реальное равенство сторон и защитит интересы граждан.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает: текущее состояние негосударственного сегмента судебно-экспертной деятельности требует радикальной трансформации векторов государственного влияния. Декларируемое процессуальное равенство государственных и частных экспертов превратилось, на наш взгляд, в своего рода юридическую фикцию, пока механизмы подтверждения их компетенции радикально разнятся. Анализ правоприменительной практики и теоретических основ выявил критическую зависимость достоверности доказательственной базы от институциональной устойчивости экспертной организации.

Главный вывод работы заключается в признании аккредитации единственным легитимным способом верификации профессионализма в условиях рыночной конкуренции. Частная экспертиза перестала быть вспомогательным инструментом. Сегодня она – центральный элемент доказывания в сложнейших арбитражных спорах, где техническая или экономическая ошибка влечет за собой невосполнимые правовые последствия. Существующий «правовой вакуум» (отсутствие обязательных требований к лабораториям и методикам) фактически легализует дилетантизм, маскирующийся под научное знание.

Предложенная в статье модель обязательной отраслевой аккредитации базируется на принципе технологической и квалификационной прозрачности. Внедрение государственного фильтра через систему Росаккредитации позволит решить комплексную задачу – отсечь коммерческие структуры, не обладающие необходимой материальной базой, и одновременно создать условия для добросовестной состязательности. По нашему мнению: ценность экспертного заключения определяется не громким именем организации или ценой услуг, а подтвержденным соответствием ГОСТам.

Важным итогом исследования стала формулировка необходимости создания «Цифрового паспорта эксперта» и единого реестра апробированных методик для НЭО. Интеграция частных структур в единое методическое пространство с государственными учреждениями (под эгидой РФЦСЭ при Минюсте России) устранит существующую изоляцию и обеспечит преемственность научных подходов. Мы обосновали, что аккредитация не является инструментом подавления частной инициативы. Напротив, она выступает гарантом защиты добросовестных участников рынка от демпинга со стороны неквалифицированных «лжеэкспертов».

Говоря о практике, мы предлагаем конкретную систему барьеров для допуска к процессу допуска организаций к судебному процессу. Установление императивных барьеров (наличие профильного оборудования, стаж сотрудников, обязательная регистрация методик) позволит судам более эффективно реализовывать полномочия по оценке доказательств. Это снизит нагрузку на апелляционные и кассационные инстанции, сократив количество отмен решений, вынесенных на основании недостоверных экспертиз. Судебная истина не может базироваться на догадках.

Перспективы дальнейших изысканий лежат в плоскости гармонизации законодательства о техническом регулировании и процессуальных кодексов. Требуется внесение изменений в ст. 41 ФЗ № 73, которые бы четко разграничили право на осуществление экспертной деятельности и право на предоставление заключений для целей правосудия. Лишь организации, прошедшие полный цикл аккредитационного аудита, должны обладать статусом субъекта судебно-экспертной деятельности.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В конечном счете, предлагаемые реформы направлены на укрепление авторитета судебной власти. Когда суд назначает экспертизу в негосударственную экспертную организацию, он делегирует часть ответственности за установление истины. Эта ответственность должна быть подкреплена твердыми государственными гарантиями качества. Реализация авторских предложений позволит превратить негосударственную экспертизу в прозрачный, высокотехнологичный и, главное, достоверный источник доказательств, отвечающий вызовам современного правового государства. Переход к обязательной аккредитации – это не просто смена административного режима, а цивилизационный выбор в пользу научности и объективности. В конечном счете, именно жесткие стандарты, а не субъективные оценки, обязаны стать тем самым «щитом», который защитит правосудие от дилетантизма

Список источников

1. Абдуллин Р.Р. О проблемах и перспективах развития негосударственных судебно-экспертных организаций в России // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 101 – 105.
2. Антилевская Ю.А. Подготовка компетентного персонала для аккредитации судебно-экспертных организаций и оценки компетентности судебных экспертов // Судебная экспертиза и исследования. 2023. № 2. С. 5 – 12.
3. Билялова Р.Р. Некоторые практико-правовые вопросы в рамках экспертной деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций и частных экспертов // Вопросы российской юстиции. 2024. № 34. С. 333 – 341.
4. Билялова Р.Р. Проблемы судебно-экспертной деятельности в негосударственных судебно-экспертных организациях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-1 (79). С. 120 – 123. DOI 10.24412/2500-1000-2023-4-1-120-123
5. Гасанов Э.А. Правовой статус негосударственных судебно-экспертных организаций и их роль в обеспечении правосудия в Российской Федерации // Актуальные и перспективные научные исследования: сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 октября 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 82 – 86.
6. Замараева Н.А., Сальников В.П. Проблемы проведения экспертизы в негосударственной экспертной организации // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 427 – 431.
7. Косарев С.Ю., Емченко М.С., Алюков И.Д.Осуществление судебно-экспертной деятельности негосударственными судебно-экспертными учреждениями и негосударственными экспертами // Актуальные проблемы науки и практики. 2022. № 2 (27). С. 46 – 53.
8. Кузнецов А.А. Актуальность исследований, проводимых в негосударственных судебно-экспертных организациях // Сборник материалов криминалистических чтений. 2021. № 18. С. 34 – 36.
9. Оскорбина С.В. Проблемы проведения экспертизы в негосударственной экспертной организации // Устойчивое развитие России – 2024: сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 09 декабря 2024 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. С. 167 – 171.
10. Романова А.А. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика: Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции, Уфа, 21 апреля 2023 года. Том Часть 2. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. С. 200 – 204.
11. Русских А.В. Правовой статус и стандарты материально-технического обеспечения негосударственных экспертных организаций в гражданском процессе // Теория и практика современных научных исследований: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 16 марта 2026 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2026. С. 96 – 101.
12. Саркисян А.А. Аккредитация в судебно-экспертной деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 136 – 141. DOI 10.55001/2587-9820.2022.28.94.012

13. Чернявская М.С. Направления совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2 (111). С. 150 – 158. DOI 10.17803/1994-1471.2020.111.2.150-158

14. Эпштейн В.А. Вопросы интеграции негосударственных экспертных учреждений в единую систему осуществления судебно-экспертной деятельности // Инновации в судебно-экспертной деятельности в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России: Материалы Всероссийской конференции, Москва, 19-20 апреля 2022 года / Сост. Е.В. Чеснокова. Москва: Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2022. С. 189 – 193.

References

1. Abdullin R.R. On the Problems and Prospects for the Development of Non-State Forensic Organizations in Russia. Eurasian Advocacy. 2020. No. 6 (49). P. 101 – 105.

2. Antilevskaya Yu.A. Training Competent Personnel for the Accreditation of Forensic Organizations and Assessment of the Competence of Forensic Experts. Forensic Examination and Research. 2023. No. 2. P. 5 – 12.

3. Bilyalova R.R. Some Practical and Legal Issues in the Framework of Expert Activities of Non-State Forensic Organizations and Private Experts. Issues of Russian Justice. 2024. No. 34. P. 333 – 341.

4. Bilyalova R.R. Problems of Forensic Activities in Non-State Forensic Organizations. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 4-1 (79). P. 120 – 123. DOI 10.24412/2500-1000-2023-4-1-120-123

5. Gasanov E.A. Legal status of non-governmental forensic organizations and their role in ensuring justice in the Russian Federation. Current and promising scientific research: collected articles from the IX International scientific and practical conference, Penza, October 30, 2025. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. P. 82 – 86.

6. Zamaraeva N.A., Salnikov V.P. Problems of conducting examinations in a non-governmental expert organization. Legal technique. 2022. No. 16. P. 427 – 431.

7. Kosarev S.Yu., Emchenko M.S., Alyukov I.D. Implementation of forensic activities by non-governmental forensic institutions and non-governmental experts. Actual problems of science and practice. 2022. No. 2 (27). P. 46 – 53.

8. Kuznetsov A.A. Relevance of research conducted in non-governmental forensic organizations. Collection of materials from forensic readings. 2021. No. 18. P. 34 – 36.

9. Oskorbina S.V. Problems of conducting examinations in a non-governmental expert organization. Sustainable Development of Russia – 2024: Collection of articles from the VII All-Russian scientific and practical conference, Petrozavodsk, December 9, 2024. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2024. P. 167 – 171.

10. Romanova A.A. Directions for Improving the Activities of Non-Governmental Forensic Organizations. Current Issues of Modern Science: Theory, Technology, Methodology, and Practice: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 21, 2023. Volume Part 2. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Vestnik Nauki", 2023. P. 200 – 204.

11. Russkikh A.V. Legal Status and Standards of Logistics for Non-Governmental Expert Organizations in Civil Procedure. Theory and Practice of Modern Scientific Research: Collection of Articles from the III International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, March 16, 2026. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.), 2026. P. 96 – 101.

12. Sarkisyan A.A. Accreditation in Forensic Activities. Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2022. No. 1 (21). P. 136 – 141. DOI 10.55001/2587-9820.2022.28.94.012

13. Chernyavskaya M.S. Directions for Improving the Activities of Non-State Forensic Organizations. Current Issues of Russian Law. 2020. Vol. 15. No. 2 (111). P. 150 – 158. DOI 10.17803/1994-1471.2020.111.2.150-158

14. Epshteyn V.A. Issues of Integration of Non-State Expert Institutions into a Unified System of Forensic Activity. Innovations in Forensic Activity in the System of Forensic Institutions of the Ministry of Justice of Russia: Proceedings of the All-Russian Conference, Moscow, April 19-20, 2022. Comp. E.V. Chesnokova. Moscow: Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2022. P. 189 – 193.

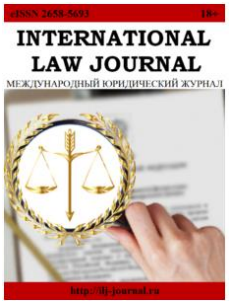
ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Информация об авторе

Русских А.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, 129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1, rusalval1998@gmail.com

© Русских А.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.421.13 (5.1.3)
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-224-230

Ответственность за нарушения при ведении переговоров: гражданско-правовое регулирование преддоговорной ответственности в системе Culpa in contrahendo

[1] Шугаибов М.Б.,
[1] Дагестанский государственный университет

Аннотация: *цель исследования – комплексный анализ гражданско-правового регулирования ответственности за нарушения, допускаемые сторонами в процессе преддоговорных переговоров, в контексте развития доктрины culpa in contrahendo. В работе решаются задачи по выявлению правовой природы преддоговорных обязанностей, определению критериев недобросовестного поведения, анализу судебной практики применения ст. 434.1 ГК РФ и обоснованию баланса между свободой ведения переговоров и необходимостью защиты добросовестных участников оборота. Методологическую основу составили формально-догматический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Полученные результаты демонстрируют, что институт преддоговорной ответственности эволюционирует от деликтной модели к самостоятельному охранительному механизму, основанному на нарушении объективных стандартов добросовестности. Выявлены противоречия в правоприменении, касающиеся доказывания недобросовестности, возмещения упущенной выгоды и взаимодействия принципа конфиденциальности с требованием раскрытия информации. Практическая значимость работы заключается в разработке предложений по совершенствованию законодательства и формированию единообразных подходов судебной практики, что позволит повысить предсказуемость коммерческого оборота, снизить транзакционные издержки и укрепить этические стандарты деловых отношений. Предложенные рекомендации могут быть использованы законодателем, правоприменительными органами и участниками гражданско-правовых отношений.*

Ключевые слова: *преддоговорная ответственность, culpa in contrahendo, добросовестность переговоров, возмещение убытков, гражданское право, стандарты поведения, судебная практика, конфиденциальность, преддоговорные обязательства*

Для цитирования: Шугаибов М.Б. Ответственность за нарушения при ведении переговоров: гражданско-правовое регулирование преддоговорной ответственности в системе Culpa in contrahendo // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 224 – 230. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-224-230

Поступила в редакцию: 9 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Liability for violations during negotiations: civil law regulation of pre-contractual liability in the Culpa in contrahendo system

[1] Shugaibov M.B.,
[1] Dagestan State University

Abstract: *the purpose of the study is a comprehensive analysis of the civil law regulation of liability for violations committed by the parties in the process of pre–contractual negotiations, in the context of the development of the doctrine of culpa in contrahendo. The paper solves the tasks of identifying the legal nature of pre-contractual obligations, defining criteria for unfair behavior, analyzing judicial practice in the application of art. 434.1 of the*

Civil Code of the Russian Federation and substantiating the balance between freedom of negotiation and the need to protect bona fide participants in the turnover. The methodological basis was formed by formal-dogmatic, comparative-legal and system-structural methods. The results obtained demonstrate that the institution of pre-contractual liability is evolving from a tort model to an independent protective mechanism based on violation of objective standards of integrity. Contradictions in law enforcement have been identified regarding the proof of bad faith, compensation for lost profits and the interaction of the principle of confidentiality with the requirement of information disclosure. The practical significance of the work lies in the development of proposals for improving legislation and the formation of uniform approaches to judicial practice, which will increase the predictability of commercial turnover, reduce transaction costs and strengthen ethical standards of business relations. The proposed recommendations can be used by the legislator, law enforcement agencies and participants in civil law relations.

Keywords: *pre-contractual liability, culpa in contrahendo, good faith in negotiations, compensation for damages, civil law, standards of conduct, judicial practice, confidentiality, pre-contractual obligations*

For citation: Shugaibov M.B. Liability for violations during negotiations: civil law regulation of pre-contractual liability in the culpa in contrahendo system. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 224 – 230. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-224-230

The article was submitted: February 9, 2026; Approved after reviewing: April 7, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Институт преддоговорной ответственности, исторически развивавшийся в зарубежной доктрине под латинским наименованием culpa in contrahendo, получил полноценное нормативное закрепление в российском гражданском праве лишь после реформы обязательственного права 2015 г. Введение ст. 434.1 ГК РФ ознаменовало переход от восприятия переговоров как исключительно фактического процесса, не порождающего правовых последствий, к признанию их организационно-правовой стадии, на которой на участников возлагаются обязанности действовать добросовестно. Несмотря на законодательную новеллу, правоприменительная и доктринальная практика демонстрирует сохранение существенных противоречий в квалификации правовой природы возникающих охранительных обязательств, критериях установления недобросовестного поведения, объеме возмещаемых убытков и взаимодействии принципа конфиденциальности с требованиями доказывания.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности судебной практики и доктринальных подходов, что непосредственно влияет на стабильность гражданского оборота и уровень доверия между контрагентами. В условиях цифровизации коммерческих отношений, роста сложности сделок и увеличения транзакционных издержек вопросы ответственности за нарушения при ведении переговоров приобретают особую значимость. Свобода ведения переговоров, закрепленная в п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, не должна трансформироваться в инструмент злоупотребления правом, однако чрезмерное расширение преддоговорной ответственности способно парализовать деловую инициативу и привести к неоправданному ограничению договорной свободы.

Новизна настоящего исследования заключается в комплексном переосмыслении правовой природы преддоговорной ответственности с позиций современной цивилистики, синтезе актуальных позиций Верховного Суда РФ 2020-2025 гг., а также в обосновании концепции sui generis охранительного обязательства, возникающего как реакция государства на нарушение объективных стандартов добросовестности, а не как следствие деликта или дефекта договорного обязательства. Значимость работы определяется возможностью применения сформулированных выводов для совершенствования правоприменительной практики, разработки разъяснений высших судебных инстанций и создания этических стандартов ведения переговоров.

Цель исследования – выработка системного понимания гражданско-правового регулирования ответственности за нарушения при ведении переговоров в системе culpa in contrahendo. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить правовую природу преддоговорных обязанностей; выявить критерии и презумпции недобросовестного поведения; проанализировать эволюцию судебных подходов к возмещению убытков; сбалансировать принципы конфиденциальности и прозрачности; предложить направления оптимизации правового регулирования.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

Эмпирическую и нормативную базу исследования составили положения Гражданского кодекса Российской Федерации (в части, касающейся ст. 1, 10, 434.1, 507, 445 ГК РФ), постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» и от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ за 2020–2024 гг., а также акты нижестоящих арбитражных и судов общей юрисдикции, рассматривающих споры о преддоговорной ответственности. В качестве дополнительного материала использованы принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА 2016 г., доктринальные труды российских цивилистов и материалы международных конференций по альтернативному разрешению споров.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Формально-догматический метод позволил провести точный анализ языковых конструкций ст. 434.1 ГК РФ, выявить системные связи между нормами о добросовестности, свободе договора и ответственности. Сравнительно-правовой метод обеспечил сопоставление российской модели culpa in contrahendo с зарубежными подходами (немецкая система предварительных обязательств, французская деликтная модель, англо-американская доктрина reasonable expectations). Системно-структурный анализ позволил рассмотреть переговоры не как изолированный факт, а как элемент организационного правоотношения, предшествующего заключению договора. Метод синтеза судебной практики обеспечил выявление устойчивых тенденций и противоречий в правоприменении за последние пять лет. Специфика исследования также потребовала применения технико-юридического метода для оценки качества правовых конструкций и формально-логического анализа для проверки непротиворечивости доктринальных позиций.

Результаты и обсуждения

1. Правовая природа преддоговорной ответственности: от деликта к sui generis институту.

Дискуссия о правовой природе обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров традиционно колеблется между двумя полюсами: деликтной ответственностью (глава 59 ГК РФ) и преддоговорной ответственностью как самостоятельной категорией. В 2016 г. Верховный Суд РФ в п. 19 Постановления Пленума № 7 указывал на субсидиарное применение норм о деликтах, что логично объяснялось отсутствием договорной связи между участниками переговоров. Однако уже в 2020 г. в Обзоре судебной практики № 1 высшая судебная инстанция прямо отнесла основания, предусмотренные п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, к примерам преддоговорной ответственности, подчеркнув ее внедоговорный, но не деликтный характер [3, с. 45].

Современная доктрина все чаще склоняется к признанию преддоговорной ответственности самостоятельным правовым институтом (sui generis), возникающим в рамках организационного правоотношения. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, переговоры характеризуются «абсолютным юридическим безразличием относительно того, будет или нет заключен договор в будущем», что исключает их рассмотрение в качестве стадии заключения договора [2, с. 248]. Организационное правоотношение о переговорах не может быть «нарушено» в классическом смысле, поскольку не порождает корреспондирующих прав требования на совершение конкретных действий. Вместо этого обязанность возмещения убытков выступает реакцией государства на нарушение участником переговоров объективных стандартов добросовестности, характеризующих его правовой статус как добросовестного субъекта гражданского оборота [1, с. 50]. Такой подход снимает необходимость искусственного подведения фактов недобросовестного поведения под признаки состава деликта или договорного нарушения и позволяет выстроить автономную систему охраны доверия на преддоговорной стадии.

2. Критерии и презумпции недобросовестного поведения.

Статья 434.1 ГК РФ закрепляет две ключевые презумпции недобросовестного поведения: предоставление неполной или недостоверной информации (включая умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения контрагента) и внезапное неоправданное прекращение переговоров при обстоятельствах, при которых другая сторона не могла разумно этого ожидать. Данные презумпции выполняют важную распределительную функцию: они смещают бремя доказывания на сторону, чье поведение оспаривается, что соответствует общей логике ст. 10 ГК РФ, где добросовестность презюмируется.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

В судебной практике 2019-2024 гг. наблюдается последовательное уточнение критериев «внезапности» и «неоправданности» прекращения переговоров. Суды исходят из того, что сам по себе факт выхода из переговоров на поздней стадии или без объяснения причин не свидетельствует автоматически о недобросовестности [4, с. 85]. Ключевое значение приобретают конклюдентные действия, формирующие обоснованные ожидания контрагента: согласование окончательных редакций договоров, направление подписанных экземпляров, запросы коммерческой тайны, организация приемочных процедур. Если такие действия совершаются, а затем следует молчание или безосновательный отказ, суды квалифицируют поведение как недобросовестное. При этом параллельные переговоры с третьими лицами сами по себе не признаются нарушением, если стороны не заключили соглашение об эксклюзивности [5, с. 12].

Особую проблему составляет обязанность раскрытия информации. В отличие от англосаксонской модели caveat emptor, российское право требует активного раскрытия сведений, значимых для принятия решения. Однако в доктрине справедливо указывается, что участник переговоров не обязан информировать контрагента о слабых сторонах собственной правовой позиции, если это не сопряжено с прямым обманом или введением в заблуждение [6, с. 146]. Каждый субъект оборота самостоятелен в оценке рисков и вправе привлекать профессиональных консультантов. Нарушением признается лишь активное искажение фактов, сокрытие юридически значимых обстоятельств, влияющих на действительность будущей сделки, или создание заведомо ложных представлений о готовности к заключению договора.

3. Объем возмещаемых убытков: реальный ущерб и упущенная выгода.

Пункт 3 ст. 434.1 ГК РФ относит к возмещаемым убыткам расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, а также расходы в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. На практике наиболее дискуссионным остается вопрос о компенсации упущенной выгоды. Ранняя судебная практика (2016–2018 гг.) нередко отказывала во взыскании упущенной выгоды, ссылаясь на ее гипотетический характер и отсутствие гарантированного договора. Однако последние позиции высших судов демонстрируют сдвиг в сторону допущения возмещения неполученных доходов, если причинно-следственная связь доказана с высокой степенью вероятности.

Так, в ряде арбитражных дел суды взыскивали упущенную выгоду в виде неполученных арендных платежей или прибыли от реализации проекта, обосновывая это тем, что недобросовестное поведение контрагента лишило истца реальной экономической возможности, которая при добросовестном поведении была бы реализована [7, с. 92]. При этом суды требуют строгого соблюдения условий: наличия конкретных переговоров с третьим лицом, доказательств готовности заключить договор на сопоставимых условиях, отсутствия форс-мажорных обстоятельств. Представляется обоснованной позиция, согласно которой упущенная выгода подлежит возмещению лишь в случаях, когда переговоры достигли стадии формирования окончательных условий, а отказ от их завершения носил явно злоупотребительный характер. В иных случаях возмещение должно ограничиваться реальными затратами на организацию переговоров, подготовку документации, привлечение экспертов и консультантов.

4. Конфиденциальность переговоров и проблемы доказывания.

Одним из наиболее сложных аспектов применения ст. 434.1 ГК РФ является взаимодействие принципа конфиденциальности переговоров с необходимостью доказывания недобросовестности. В переговорах об урегулировании споров, включая медиацию, конфиденциальность закреплена императивно: участники не вправе ссылаться на мнения, предложения, заявления или признания, сделанные в ходе процедуры, в последующем судебном разбирательстве [8, с. 150]. Однако абсолютная конфиденциальность создает правовой вакуум: если сторона использует переговоры для затягивания времени, вывода активов или получения коммерческой тайны под видом мирного урегулирования, добросовестный участник лишается возможности защитить свои права.

Разрешение данного противоречия возможно через доктринальное признание изъятия из принципа конфиденциальности в случаях доказывания недобросовестности или обмана. Зарубежный опыт (Единообразный закон США о медиации, Конвенция ООН о международных мировых соглашениях 2018 г.) допускает раскрытие информации для обоснования обвинений в профессиональных нарушениях или злоупотреблениях процедурой [9, с. 152]. В российском праве аналогичный подход должен реализовываться через ограничительное толкование норм о конфиденциальности: законный интерес стороны заключается не в сокрытии фактов недобросовестного поведения, а в защите переговорного процесса от недолжного использования по существу спора. Ссылка на документы и переписку, полученные в ходе переговоров, должна допускаться исключительно в целях доказывания нарушения стандартов добросовестности, но не для оценки правовой позиции по основному требованию.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

5. Этические стандарты и перспективы развития института.

Институт culpa in contrahendo не может функционировать исключительно на базе императивных санкций. Добросовестность в переговорах требует формирования дополнительных регуляторов – этических кодексов, стандартов профессионального поведения переговорщиков, медиаторов и представителей сторон. В доктрине обоснованно указывается на необходимость разработки правил этики для переговорщиков, которые конкретизировали бы требования к последовательности поведения, прозрачности коммуникации, уважению к времени контрагента и процедурным стандартам [10, с. 42]. Такие документы, обладая рекомендательным характером, смогут служить ориентирами для судов при оценке «разумности ожиданий» и «оправданности» прекращения переговоров.

Перспективным направлением также является уточнение законодательных формулировок. Введение в ст. 434.1 ГК РФ критериев стадии переговоров, на которой прекращение приобретает недобросовестный характер, установление пределов возмещения упущенной выгоды, а также закрепление прямого правила о допустимости раскрытия конфиденциальной информации для доказывания злоупотреблений процедурой позволили бы снизить уровень судебной неопределенности и повысить предсказуемость коммерческих отношений.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, отражающие современное состояние и векторы развития гражданско-правового регулирования ответственности за нарушения при ведении переговоров.

Во-первых, преддоговорная ответственность в системе culpa in contrahendo не является ни деликтным обязательством, ни разновидностью договорной ответственности. Это самостоятельный охранительный институт (sui generis), возникающий в рамках организационного правоотношения, которое предшествует заключению договора и характеризуется взаимной зависимостью ожиданий сторон. Обязанность возмещения убытков выступает реакцией государства на нарушение объективных стандартов добросовестности, а не следствием дефекта динамики обязательства или причинения внедоговорного вреда имуществу.

Во-вторых, критерии недобросовестного поведения при ведении переговоров должны оцениваться через призму разумности ожиданий контрагента и стадии переговорного процесса. Презумпции, закрепленные в ст. 434.1 ГК РФ (умолчание о значимых обстоятельствах, внезапное прекращение переговоров), эффективно функционируют лишь при их корреляции с конкретными фактическими обстоятельствами: конклюдентными действиями, уровнем согласованности условий, наличием эксклюзивных соглашений. Параллельные переговоры сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности, если не сопровождаются обманом или нарушением договоренностей об эксклюзивности.

В-третьих, объем возмещаемых убытков должен дифференцироваться в зависимости от характера нарушения. Реальный ущерб (расходы на организацию переговоров, консультации, подготовку документации) подлежит возмещению безусловно при доказанности недобросовестности. Упущенная выгода может быть взыскана лишь в исключительных случаях, когда переговоры достигли финальной стадии, а отказ от заключения договора носил явно злоупотребительный характер, и причинно-следственная связь подтверждена достоверными доказательствами альтернативных возможностей.

В-четвертых, принцип конфиденциальности переговоров, особенно в процедурах медиации и досудебного урегулирования споров, не может носить абсолютного характера. В целях обеспечения баланса между содействием примирению и защитой от злоупотреблений должно быть закреплено процессуальное изъятие, допускающее ссылку на переговорные материалы исключительно для доказывания недобросовестного поведения, обмана или нарушения профессиональных стандартов. Это не противоречит существу конфиденциальности, а обеспечивает ее добросовестное функционирование.

В-пятых, для повышения эффективности института требуется развитие дополнительных регуляторов: этических стандартов ведения переговоров, рекомендаций по документальному оформлению переговорного процесса, судебных разъяснений, конкретизирующих критерии «разумности ожиданий» и «оправданности» прекращения переговоров. Законодательное уточнение ст. 434.1 ГК РФ в части стадийности переговоров и пределов возмещения упущенной выгоды способно минимизировать правоприменительные противоречия.

Таким образом, преддоговорная ответственность в системе culpa in contrahendo представляет собой самостоятельный гражданско-правовой механизм защиты доверия, основанный на нарушении объективных стандартов добросовестности на организационной стадии установления договорной связи. Его эффективное функционирование требует баланса между сохранением свободы ведения переговоров и императивным

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

пресечением злоупотреблений, что достигается через дифференциацию объема возмещаемых убытков, допустимое ограничение конфиденциальности в целях доказывания недобросовестности и формирование единообразных судебных критериев оценки поведения участников оборота. Реализация данного баланса обеспечит предсказуемость гражданского оборота, снижение транзакционных издержек и укрепление этических основ деловых отношений.

Список источников

1. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Правовая природа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 246 – 253.

2. Дёмкина А.В. Добросовестное ведение переговоров: принцип, презумпция, обязанность // Российское правосудие. 2023. № 5. С. 38 – 48.

3. Давыденко Д.Л. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров об урегулировании гражданско-правового спора: конфликт ценностей правосудия и примирения? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2(57). С. 144 – 154.

4. Мазур О.В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения // Закон. 2020. № 4. С. 82 – 95.

5. Боярский Д.А. Гражданско-правовое регулирование переговоров о заключении предпринимательского договора: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 110 – 135.

6. Карапетов А.Г. Злоупотребление правом и пределы свободы договора в свете доктрины culpa in contrahendo // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 3. С. 140 – 158.

7. Занковский С.С. Переговоры о заключении договора в предпринимательстве: правовая природа и проблемы правоприменения // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 2. С. 40 – 48.

8. Аболонин В.О. Конфиденциальность медиации и пределы доказывания недобросовестности // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 145 – 156.

9. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в современных условиях: тенденции развития // Государство и право. 2023. № 8. С. 108 – 119.

10. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Принцип добросовестности в гражданском праве. 5-е изд., доп. М.: Статут, 2021. С. 38 – 45.

11. Батанов А.А. Институт преддоговорной ответственности в России и некоторых зарубежных странах: история становления и особенности применения // Евразийский юридический журнал. 2025. № 3 (202). С. 211 – 213.

12. Ляужев А.А. Проблемы совершенствования правового регулирования преддоговорной ответственности в гражданских правоотношениях в Российской Федерации // Юридическая наука. 2025. № 7. С. 173 – 177.

References

1. Solomin S.K., Solomina N.G. Legal Nature of the Obligation to Compensate Damages for Bad Faith Negotiations. Bulletin of Tomsk State University. 2023. No. 489. P. 246 – 253.

2. Demkina A.V. Good Faith Negotiations: Principle, Presumption, Obligation. Russian Justice. 2023. No. 5. P. 38 – 48.

3. Davydenko D.L. Liability for Bad Faith Negotiations on the Settlement of a Civil Dispute: A Conflict of the Values of Justice and Reconciliation? Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 2 (57). P. 144 – 154.

4. Mazur O.V. Pre-contractual Liability: Analysis of Individual Features of Bad Faith Behavior. Law. 2020. No. 4. P. 82 – 95.

5. Boyarsky D.A. Civil Law Regulation of Negotiations on Concluding an Entrepreneurial Agreement: Diss. … Cand. of Law. Ekaterinburg, 2022. P. 110 – 135.

6. Karapetyan A.G. Abuse of Rights and the Limits of Freedom of Contract in Light of the Culpa in Contrahendo Doctrine. Civil Law Bulletin. 2021. Vol. 21, No. 3. P. 140 – 158.

7. Zankovsky S.S. Negotiations on Concluding an Agreement in Entrepreneurship: Legal Nature and Problems of Law Enforcement. Gaps in Russian Legislation. 2021. Vol. 14, No. 2. P. 40 – 48.

8. Abolonin V.O. Confidentiality of Mediation and the Limits of Proving Bad Faith. Journal of Russian Law. 2022. No. 6. P. 145 – 156.

9. Nosyreva E.I. Alternative Dispute Resolution in Modern Conditions: Development Trends. State and Law. 2023. No. 8. P. 108 – 119.

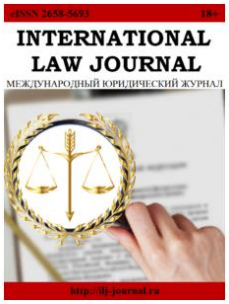
10. Sklovsky K.I. The Transaction and Its Effect. The Principle of Good Faith in Civil Law. 5th ed., suppl. Moscow: Statut, 2021. P. 38 – 45.
11. Batanov A.A. The Institute of Pre-Contractual Liability in Russia and Some Foreign Countries: History of Formation and Features of Application. Eurasian Law Journal. 2025. No. 3 (202). P. 211 – 213.
12. Lyauzhev A.A. Problems of Improving the Legal Regulation of Pre-Contractual Liability in Civil Legal Relations in the Russian Federation. Legal Science. 2025. No. 7. P. 173 – 177.

Информация об авторе

Шугаибов М.Б., аспирант, Дагестанский государственный университет

© Шугаибов М.Б., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 349.2
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-231-237

Некоторые аспекты защиты трудовых прав беременных женщин на современном этапе

[1] Шатверян Н.Г., [1] Агеева Д.И.,
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: *в статье рассматриваются правовые механизмы защиты трудовых прав беременных женщин* ***в Российской Федерации*** *на современном этапе, включая гарантийные нормы при заключении трудового договора, особенности режима рабочего времени и условий труда, ограничения на привлечение к отдельным видам работ, а также гарантии при прекращении трудового договора. Анализируется актуальная правоприменительная практика (в том числе правовые позиции* ***Верховного Суда Российской Федерации****), административно-правовые и уголовно-правовые инструменты противодействия дискриминации и неправомерным увольнениям. На основе выявленных «сильных» и «слабых» сторон действующего регулирования формулируются ключевые проблемные узлы (доказуемость дискриминации при найме, процедурные неопределённости при переводе на* ***лёгкий труд****, ограниченная превентивность санкций) и предлагаются направления совершенствования законодательства и практики, включая отдельные элементы сравнительно-правового анализа.*

Ключевые слова: *беременность, трудовые права, гарантии, дискриминация, увольнение, срочный трудовой договор, легкий труд, судебная защита, инспекция труда, ответственность работодателя*

Для цитирования: Шатверян Н.Г., Агеева Д.И. Некоторые аспекты защиты трудовых прав беременных женщин на современном этапе // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 231 – 237. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-231-237

Поступила в редакцию: 10 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Some aspects of the protection of labor rights of pregnant women at the present stage

[1] Shatveryan N.G., [1] Ageeva D.I.,
[1] Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract: *this article examines the legal mechanisms for protecting the labor rights of pregnant women in the Russian Federation at the present stage, including guarantee provisions at the time of заключение трудового договора, specific features of working time arrangements and working conditions, restrictions on engaging pregnant women in certain types of work, as well as guarantees in the event of termination of the employment contract. The article analyzes current law enforcement practice, including the legal positions of the* ***Supreme Court of the Russian Federation****, as well as administrative-law and criminal-law instruments for countering discrimination and unlawful dismissals. Based on the identified strengths and weaknesses of the existing regulation, the authors formulate the key problem areas, including the difficulty of proving discrimination in hiring, procedural uncertainties in transfer to* ***light work****, and the limited preventive effect of sanctions, and propose directions for improving legislation and practice, including certain elements of comparative legal analysis.*

Keywords: *pregnancy, labor rights, guarantees, discrimination, dismissal, fixed-term employment contract, light work, judicial protection, labor inspectorate, employer liability*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

For citation: Shatveryan N.G., Ageeva D.I. Some aspects of the protection of labor rights of pregnant women at the present stage. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 231 – 237. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-231-237

The article was submitted: February 10, 2026; Approved after reviewing: April 8, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что защита материнства и детства в российском праве рассматривается не как частный социальный вопрос, а как одна из базовых конституционных установок. Одновременно принцип равноправия распространяется и на сферу труда, где недопустимы ограничения по признаку пола, семейного положения и иным обстоятельствам, не связанным с профессиональными качествами работника. В этой связи специальные гарантии для беременных женщин следует рассматривать не как бытовые льготы, а как правовой инструмент, обеспечивающий фактическое равенство, охрану здоровья женщины и интересов будущего ребёнка [1].

Современный этап развития трудового законодательства характеризуется сочетанием детально закреплённых гарантий и сохраняющихся рисков их фактического нарушения, прежде всего на стадии возникновения трудовых отношений и при конфликтном прекращении занятости. По материалам социологического исследования, проведённого Федерацией независимых профсоюзов России и отражённого в профсоюзных источниках, значительная доля респонденток воспринимает дискриминацию при найме как наиболее распространённую проблему; в частности, в публикации приводится показатель 36,7%. Одновременно около 60% участниц исследования не уверены, что способны самостоятельно защитить свои трудовые права в любой ситуации [2]. Эти данные свидетельствуют о сохраняющейся латентности нарушений и о дефиците правовой уверенности работников даже при наличии формальных гарантий.

На современном этапе особую значимость приобретает не только анализ содержания правовых норм, но и оценка эффективности механизмов их реализации. Формальная закреплённость гарантий ещё не означает их автоматической действенности, поскольку в практической плоскости сохраняются трудности доказывания дискриминации, процедурные пробелы при предоставлении отдельных гарантий и ограниченная превентивность некоторых мер ответственности работодателя.

Цель исследования состоит в выявлении современных проблем правовой защиты трудовых прав беременных женщин в Российской Федерации и формулировании направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: проанализировать действующие правовые гарантии, предоставляемые беременным женщинам при заключении, исполнении и прекращении трудового договора; исследовать актуальную судебную и административную практику; определить сильные и слабые стороны действующего регулирования; сформулировать предложения по повышению эффективности правовой защиты.

Гипотеза – уровень эффективности защиты трудовых прав беременных женщин будет выше, если совершенствовать правовые и организационные механизмы реализации трудовых гарантий, обеспечивающих недопустимость дискриминации, охрану здоровья и стабильность трудовых отношений.

Материалы и методы исследований

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации, подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие условия труда женщин, а также правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Эмпирическая база исследования: материалы судебной практики, данные профсоюзных и аналитических исследований, а также научные публикации последних лет, посвящённые проблемам дискриминации в сфере труда, гарантиям беременным женщинам и механизмам ответственности работодателя.

В ходе исследования применялись общенаучные и специальные юридические методы, в том числе формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа, синтеза и обобщения правоприменительной практики. Использование сравнительно-правового метода позволило сопоставить отдельные элементы российского регулирования с зарубежными подходами к защите трудовых прав беременных женщин.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Результаты и обсуждения

Отправной точкой правовой защиты трудовых прав беременных женщин выступает общий запрет дискриминации в сфере труда. Закон исходит из того, что решение о приёме на работу должно определяться деловыми качествами кандидата, а беременность или наличие детей не могут рассматриваться как правомерные основания для отказа в заключении трудового договора. Существенное значение имеет и обязанность работодателя по письменному запросу сообщить мотивы отказа в установленный срок, поскольку такая норма повышает прозрачность кадрового решения и при возникновении спора облегчает последующее обращение в суд [3]. Следовательно, законодатель стремится заранее создать доказательственную основу для защиты нарушенного права.

Не менее важны гарантии, действующие после возникновения трудового отношения. Для беременной работницы не допускается установление испытательного срока; по её просьбе работодатель обязан установить режим неполного рабочего времени, при этом работа в таком режиме не должна ухудшать права, связанные со стажем и отпуском, хотя заработная плата выплачивается пропорционально отработанному времени. Кроме того, закон исключает возможность направления беременных женщин в командировки и их привлечения к ночной, сверхурочной работе, труду в выходные и нерабочие праздничные дни. Если медицинские документы подтверждают необходимость изменения условий труда, работодатель обязан либо снизить нормы выработки, либо предоставить работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка. До решения вопроса о переводе женщина подлежит освобождению от работы с оплатой в размере среднего заработка. Аналогичный подход действует и в период прохождения обязательных медицинских обследований [4].

Дополнительный уровень профилактики обеспечивается ограничением применения труда женщин на отдельных работах с вредными или опасными условиями труда. Утверждённый Минтрудом России перечень не сводится исключительно к вопросам беременности, однако именно он формирует общий стандарт безопасной организации труда и подтверждает приоритет охраны здоровья работницы над хозяйственным интересом работодателя в прежнем использовании её труда [5].

Система гарантий распространяется и на период беременности и родов. Женщина получает отпуск по беременности и родам на основании заявления и листка нетрудоспособности; его продолжительность зависит от конкретной жизненной ситуации и увеличивается при осложнённых родах либо многоплодной беременности [6]. При этом отпуск предоставляется суммарно, независимо от фактически использованных до родов дней. Закон также предоставляет работнице право по её желанию присоединить к этому периоду ежегодный оплачиваемый отпуск – до отпуска по беременности и родам, непосредственно после него либо после отпуска по уходу за ребёнком, без привязки к общему правилу о необходимой продолжительности работы у данного работодателя.

Ключевое значение для стабильности занятости имеет запрет расторжения трудового договора с беременной женщиной по инициативе работодателя. Исключение сведено к случаям ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуального предпринимателя. Если срок срочного трудового договора истекает в период беременности, работодатель при наличии заявления и медицинского подтверждения обязан продлить трудовые отношения до окончания беременности, а если женщине предоставлен отпуск по беременности и родам – до окончания такого отпуска. Вместе с тем в отношении договоров, заключённых на время исполнения обязанностей отсутствующего работника, допускается прекращение трудового договора, но только при условии невозможности с письменного согласия женщины перевести её на другую имеющуюся у работодателя работу, соответствующую состоянию здоровья.

Существенную роль в обеспечении единообразного подхода сыграли разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по делам о труде женщин и лиц с семейными обязанностями. Суд указал, что отсутствие информации о беременности у работодателя само по себе не лишает работницу права требовать восстановления на работе. Более того, защита может быть предоставлена и в том случае, когда к моменту судебного рассмотрения беременность уже не сохранилась [7]. Такой подход исключает формализм в вопросе уведомления работодателя и усиливает реальное действие трудовых гарантий.

Практическая защита нарушенных прав строится по нескольким направлениям. Работница вправе обратиться в суд с требованиями о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда и иных причитающихся выплат, а также использовать внесудебные механизмы защиты, прежде всего обращение в государственную инспекцию труда. Для работодателя могут наступать меры юридической ответственности: административная ответственность за дискриминацию и иные нарушения трудового законодательства, включая уклонение от надлежащего оформ-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

ления трудовых отношений, а в наиболее грубых случаях – и уголовная ответственность за необоснованный отказ в приёме на работу или увольнение по мотиву беременности [8; 9].

Сильной стороной действующего регулирования является его комплексный характер. Защита беременной женщины обеспечивается не одной нормой, а совокупностью взаимосвязанных правовых гарантий: от запрета дискриминации при найме до специальных требований к режиму труда и почти абсолютного запрета увольнения по инициативе работодателя. Дополнительную устойчивость этой модели придают судебные разъяснения, ориентирующие правоприменителя не на формальную осведомлённость работодателя, а на сам факт наличия беременности [10]. Показательны и выводы аналитиков Центра социально-трудовых прав: в исследованной ими группе споров, связанных с беременными женщинами и лицами с семейными обязанностями, зафиксирован высокий уровень успешной защиты прав, что подтверждает относительную определённость базовых гарантий [11].

Вместе с тем действующее регулирование сохраняет и существенные недостатки. Прежде всего дискриминация при приёме на работу остаётся трудно доказуемой. Даже при наличии общего запрета дискриминации суды нередко уклоняются от признания дискриминации как самостоятельного нарушения, если не установлено нарушение иных более конкретных норм или процедур. На практике работодатель, как правило, обосновывает отказ более высокими деловыми качествами другого кандидата, а для успешной защиты права требуются убедительные, преимущественно письменные, доказательства.

Кроме того, сохраняются процедурные и доказательственные сложности при реализации права на перевод на лёгкий труд. Практика показывает, что работодатели нередко отказывают по формальным основаниям, оспаривая достаточность медицинских документов либо сам факт наличия факторов, требующих перевода. В научной литературе последних лет подчёркивается отсутствие чётко регламентированных процедурных элементов: сроков, исчерпывающего перечня документов, алгоритма действий работодателя при отсутствии подходящей должности. Это провоцирует конфликты и формирует разнонаправленную правоприменительную практику.

Наконец, санкционный механизм не всегда создаёт достаточный превентивный эффект. Уголовно-правовая защита по статье 145 УК РФ в доктринальных и учебно-научных публикациях характеризуется как затруднённая в применении, поскольку требует доказывания специального мотива. Кроме того, отмечаются крайне низкие показатели осуждения, включая отсутствие осуждений в отдельные периоды, что снижает воспринимаемую работодателями неотвратимость наказания [12]. В результате превентивный потенциал правовой ответственности оказывается ограниченным, особенно в сегментах рынка труда с высокой конкуренцией и нестабильной занятостью.

Проблематика современного этапа может быть сведена к нескольким взаимосвязанным направлениям. Первое направление – дефицит доказуемости дискриминации на стадии найма и в неконфликтных формах вытеснения беременных женщин из занятости, когда давление осуществляется не путём прямого увольнения, а посредством косвенных управленческих практик и формально нейтральных отказов. Второе направление – недостаточная процедурная определённость реализации отдельных гарантий охраны здоровья, прежде всего перевода на лёгкий труд, что позволяет подменять защитный смысл нормы спором о форме и достаточности документов. Третье направление – ограниченная превентивность юридической ответственности, в том числе вследствие редкости уголовного преследования и сравнительно умеренного административного воздействия за отдельные дискриминационные практики.

Пути совершенствования следует формулировать как комплекс организационных и нормативных мер, направленных на снижение конфликтности и повышение доказуемости нарушений без необоснованного усиления репрессивности. В качестве приоритетного направления представляется оправданным развитие процессуальных гарантий при найме: усиление практики обязательной письменной фиксации причин отказа и стандартизация формы такого ответа. Это способно повысить качество судебной оценки и дисциплинировать работодателя. Следующим направлением является конкретизация порядка реализации статьи 254 ТК РФ: уточнение перечня принимаемых медицинских документов, регламентация сроков рассмотрения заявления о переводе на лёгкий труд и определение алгоритма действий работодателя при отсутствии подходящей должности. Отдельного внимания требует настройка ответственности и контроля таким образом, чтобы повышать не столько строгость наказания, сколько его неотвратимость и предсказуемость. В этих целях целесообразно более активное применение административных механизмов, а также развитие правового просвещения и доступной юридической помощи, потребность в которых фиксируется в профсоюзных исследованиях.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что отдельные зарубежные подходы могут быть полезны как ориентир для повышения эффективности защиты. Так, германская модель исходит из особенно жёсткой

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

защиты занятости в период беременности и после родов, а право Европейского Союза закрепляет минимальные стандарты безопасности труда и гарантий, связанных с материнством, включая отпуск по беременности и родам и запрет увольнения по соответствующим основаниям [13]. Значение этих примеров для российского права состоит не в прямом заимствовании, а в подтверждении общего вывода о том, что эффективная защита возникает там, где императивные запреты сочетаются с понятной процедурой их реализации и действенным контролем.

Выводы

Таким образом, современная модель защиты трудовых прав беременных женщин в Российской Федерации характеризуется развитой системой гарантий, охватывающей ключевые рисковые зоны: найм, условия труда, режим рабочего времени, медицински обусловленные ограничения, отпускные права и устойчивость занятости. Сильной стороной действующего регулирования является нормативная определённость базовых гарантий, прежде всего запрета увольнения по инициативе работодателя, усиленная судебными разъяснениями, исключающими зависимость защиты от факта уведомления работодателя о беременности.

Вместе с тем сохраняются системные проблемы доказуемости дискриминации при найме, процедурной определённости реализации отдельных гарантий охраны здоровья, включая перевод на лёгкий труд, а также эффективности санкционного механизма. Это позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее совершенствование правовой защиты должно быть связано не с расширением исключений из гарантий, а с повышением процедурной прозрачности, доступности доказательств и эффективности правоприменения.

Повышение результативности защиты возможно при условии комплексного подхода, включающего развитие письменных процедур фиксации решений работодателя, конкретизацию порядка реализации медицински обусловленных гарантий, усиление административного контроля и правового просвещения работников. Именно сочетание нормативной определённости, понятной процедуры и реальной неотвратимости правовых последствий способно обеспечить более действенную защиту трудовых прав беременных женщин на современном этапе.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.; в редакции от 6 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 06.10.2022.

2. Федерация независимых профсоюзов России. Материалы о социологическом исследовании соблюдения прав трудящихся женщин и обобщение результатов // Публикация профсоюзной организации. 2023. URL: https://fnpr.ru (дата обращения: 18.02.2026)

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (редакция от 28.12.2025; с изменениями от 06.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, часть I. Статья 3.

4. Кудинова Е.В. Перевод на лёгкий труд беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 1,5 лет // Тюменский государственный университет. 2025. Электронный ресурс. URL: https://www.utmn.ru (дата обращения: 25.02.2026)

5. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 июля 2019 года № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» (редакция от 25.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.02.2026)

6. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1, часть I. Статья 18.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 года № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (редакция от 29.12.2025; с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 09.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, часть I. Статья 1.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (редакция от 29.12.2025; с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Статья 2954.

10. Масякина П.А. Гарантия защиты трудовых прав женщин в России // Державинский форум. 2022. Т. 6. № 3. С. 454 – 461.

11. Центр социально-трудовых прав. Дискриминация в сфере труда: судебная практика, реальные примеры (2021-2024): аналитический обзор. 2021–2024. Электронный ресурс. URL: https://trudprava.ru (дата обращения: 16.04.2026).

12. Ахундова Л.Г. Мотив в преступлении, предусмотренном статьёй 145 Уголовного кодекса Российской Федерации / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия». Электронный ресурс. С. 2 – 3.

13. Council Directive 92/85/EEC of 19 October 1992 on the introduction of measures to encourage improvements in the safety and health at work of pregnant workers and workers who have recently given birth or are breast-feeding // Official Journal of the European Communities. 1992. L 348. P. 1 – 7.

References

1. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended by the all-Russian vote on July 1, 2020; as amended on October 6, 2022). Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). October 6, 2022.

2. Federation of Independent Trade Unions of Russia. Materials on a Sociological Study of Observance of the Rights of Working Women and a Summary of the Results. Publication of the trade union organization. 2023. URL: https://fnpr.ru (date of access: 02.18.2026)

3. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on December 28, 2025; with amendments on February 6, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1, Part I. Article 3.

4. Kudinova E.V. Transfer of pregnant women and women with children under 1.5 years of age to light work. Tyumen State University. 2025. Electronic resource. URL: https://www.utmn.ru (date of access: 02.25.2026)

5. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated July 18, 2019 No. 512n "On approval of the list of industries, jobs, and positions with harmful and (or) hazardous working conditions in which the use of women's labor is restricted" (as amended on 12/25/2024). Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.pravo.gov.ru (date of access: 02.02.2026)

6. Federal Law of December 29, 2006 No. 255-FZ "On Compulsory Social Insurance in Case of Temporary Disability and in Connection with Maternity". Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1. Part I. Article 18.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2014 No. 1 "On the Application of Legislation Regulating the Labor of Women, Persons with Family Responsibilities, and Minors". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 4.

8. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 29, 2025; with amendments and additions that entered into force on January 9, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1, Part I. Article 1.

9. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 29, 2025; with amendments and additions that entered into force on January 20, 2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.

10. Masyakina P.A. Guarantee of Protection of Women's Labor Rights in Russia. Derzhavin Forum. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 454 – 461.

11. Center for Social and Labor Rights. Discrimination in the Sphere of Labor: Judicial Practice, Real-Life Examples (2021-2024): Analytical Review. 2021–2024. Electronic resource. URL: https://trudprava.ru (accessed: 16.04.2026).

12. Akhundova L.G. Motive in a Crime Under Article 145 of the Criminal Code of the Russian Federation. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice." Electronic resource. P. 2 – 3.

13. Council Directive 92/85/EEC of 19 October 1992 on the introduction of measures to encourage improvements in the safety and health at work of pregnant workers and workers who have recently given birth or are breastfeeding. Official Journal of the European Communities. 1992. L 348. P. 1 – 7.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

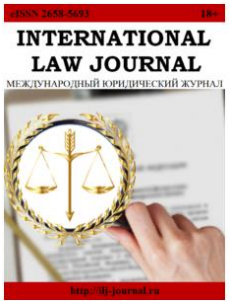
Информация об авторах

Шатверян Н.Г., доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), nelli_o@mail.ru

Агеева Д.И., Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ageevad06@mail.ru

© Шатверян Н.Г., Агеева Д.И., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 34:004.8:342.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-238-243

Искусственный интеллект в правовой коммуникации: анализ возможностей, рисков и перспектив регулирования

[1] Курбанова З.С., [1] Магомедов М.Р.,
[1] Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: *в статье исследуется трансформация правовой коммуникации под влиянием технологий искусственного интеллекта. Рассмотрены основные направления внедрения ИИ в юридическую практику: автоматизация документооборота, анализ правовой информации, цифровые консультанты и поддержка судебных решений. Выявлены преимущества использования ИИ (снижение временных и финансовых затрат, унификация стандартов, повышение доступности правовой помощи) и систематизированы ключевые риски (предвзятость алгоритмов, непрозрачность решений, угрозы конфиденциальности, неопределённость юридической ответственности). Проанализирован российский и зарубежный опыт нормативного регулирования ИИ в правовой сфере, включая подходы ЕС, США и России. Обоснована необходимость создания гибридной модели взаимодействия человека и ИИ. Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении отечественного и зарубежного регулирования с акцентом на правовую коммуникацию. Результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности и при разработке ведомственных актов, регламентирующих применение ИИ в судах и государственных органах.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовая коммуникация, юридическая технология, автоматизация, этические проблемы, регулирование ИИ, судебные решения, доступ к правосудию, цифровая трансформация права, ответственность*

Для цитирования: Курбанова З.С., Магомедов М.Р. Искусственный интеллект в правовой коммуникации: анализ возможностей, рисков и перспектив регулирования // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 238 – 243. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-238-243

Поступила в редакцию: 10 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Artificial intelligence in legal communication: analysis of opportunities, risks, and regulation prospects

[1] Kurbanova Z.S., [1] Magomedov M.R.,
[1] North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

Abstract: *this article explores the transformation of legal communication under the influence of artificial intelligence technologies. The main areas of AI implementation in legal practice are considered: document automation, legal information analysis, digital consultants, and support for court decisions. The advantages of using AI (reduced time and cost, unified standards, increased accessibility of legal assistance) are identified, and key risks (biased algorithms, opaque decisions, privacy threats, and uncertainty of legal liability) are systematized. Russian and international experience in regulating AI in the legal sphere is analyzed, including approaches taken by the EU, the US, and Russia. The need to create a hybrid model of human-AI interaction is substantiated. The scientific novelty lies in the comprehensive comparison of domestic and international regulations with an emphasis on legal*

communication. The results can be used in legislative activities and in the development of departmental acts regulating the use of AI in courts and government agencies.

Keywords: *artificial intelligence, legal communication, legal technology, automation, ethical issues, AI regulation, court decisions, access to justice, digital transformation of law, liability*

For citation: Kurbanova Z.S., Magomedov M.R. Artificial intelligence in legal communication: analysis of opportunities, risks, and regulation prospects. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 238 – 243. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-238-243

The article was submitted: February 10, 2026; Approved after reviewing: April 8, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Актуальность исследования. Цифровая трансформация охватывает все сферы общественной жизни, и правовая система не является исключением. Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в юридическую практику существенно трансформирует характер правовой коммуникации – процесса обмена информацией между субъектами права. С одной стороны, ИИ-системы позволяют автоматизировать рутинные задачи, ускорить анализ больших массивов данных и сделать правовую помощь более доступной. С другой стороны, использование алгоритмов в сферах, непосредственно влияющих на права и свободы граждан, порождает сложные этические, технические и правовые проблемы, требующие оперативного осмысления и адекватного регулирования. Актуальность темы подтверждается интенсивным развитием технологий и их интеграцией в судопроизводство, договорную работу, оказание государственных услуг.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы применения ИИ в праве активно исследуются как зарубежными, так и российскими учёными. Среди зарубежных авторов следует отметить работы Р. Сасскинда [1], посвящённые трансформации юридической профессии, а также исследования алгоритмической справедливости (например, труды С. Бэранокас). В российской науке значительный вклад внесли В.В. Архипов, В.Б. Наумов [2], А.В. Минбалеев [3], анализирующие правовые режимы и риски использования ИИ. Однако комплексный анализ влияния ИИ именно на правовую коммуникацию, учитывающий как технологические, так и социально-правовые аспекты, представлен недостаточно полно, что обусловливает необходимость дальнейших исследований.

Объект и предмет исследования. Объектом выступает правовая коммуникация в условиях цифровизации. Предметом – применение технологий искусственного интеллекта в правовой коммуникации, включая их возможности, риски и механизмы регулирования.

Цель и задачи исследования. Цель работы – выявить основные направления, преимущества и риски внедрения ИИ в правовую коммуникацию, а также предложить пути совершенствования её правового регулирования. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть основные сферы применения ИИ в современной юридической практике.
2. Систематизировать преимущества использования ИИ в правовой коммуникации.
3. Проанализировать ключевые риски и вызовы, связанные с применением ИИ.
4. Исследовать существующие подходы к регулированию ИИ в правовой сфере (на примере России, ЕС, США).
5. Определить перспективные направления развития правовой коммуникации с использованием ИИ.

Научная новизна заключается в комплексном анализе российского и зарубежного опыта внедрения ИИ в правовую коммуникацию, систематизации рисков с учётом особенностей правовой системы, а также в обосновании необходимости гибридной модели «человек + ИИ» как способа сохранения баланса между эффективностью и защитой прав граждан.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении научных представлений о трансформации правовой коммуникации под влиянием цифровых технологий, классификации рисков и вызовов, требующих нормативного реагирования.

Практическая значимость определяется возможностью использования выводов и рекомендаций в законотворческой деятельности, при разработке ведомственных актов, регламентирующих применение ИИ в судах и государственных органах, а также в образовательных программах подготовки юристов.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Материалы и методы исследований

В работе применялись общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также специально-юридические (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования).

Результаты и обсуждения

Современные ИИ-технологии охватывают несколько ключевых областей юридической деятельности. Первое направление – автоматизация документооборота. Системы типа Kira Systems, LawGeex анализируют шаблоны контрактов, выявляют риски и предлагают оптимальные формулировки, что позволяет существенно сократить время подготовки документов и минимизировать человеческие ошибки [4]. Второе направление – анализ правовой информации. Платформы LexisNexis, ROSS Intelligence используют нейросети для обработки миллионов судебных решений и нормативных актов, предоставляя юристам релевантные прецеденты и доктринальные толкования [5].

Третье направление – цифровые консультанты и чат-боты. Сервис DoNotPay, изначально созданный для оспаривания штрафов, сегодня помогает гражданам в решении широкого круга юридических вопросов, повышая доступность правовой помощи [6]. Четвёртое направление – поддержка судебных решений. В китайской системе «Мудрый суд» ИИ автоматически готовит проекты судебных актов по мелким спорам и проверяет их соответствие законодательству [7]. В США алгоритмы COMPAS и другие используются для оценки риска рецидива, что влияет на меру пресечения и приговор [8, с. 112].

Российский опыт также демонстрирует активное внедрение ИИ. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» на портале Госуслуги.ру функционируют чат-боты, обрабатывающие запросы граждан и помогающие в оформлении документов [9]. В Арбитражных судах реализованы проекты по автоматической генерации шаблонных определений, что снижает нагрузку на судей [10, с. 87]. Коммерческие платформы «Контур.Лекс» и «Гарант» предлагают инструменты для анализа контрактов и мониторинга изменений законодательства.

Внедрение ИИ даёт ряд значимых преимуществ. Во-первых, экономия времени и ресурсов: автоматизация рутинных операций освобождает юристов для решения более сложных задач. Во-вторых, снижение затрат на юридические услуги, что делает их доступнее для граждан и бизнеса. В-третьих, унификация стандартов: алгоритмы могут обеспечить единообразное применение норм права, уменьшая влияние субъективного фактора. В-четвёртых, повышение доступности правосудия: онлайн-сервисы и ИИ-консультанты помогают людям в отдалённых регионах получать первичную правовую информацию. Кроме того, ИИ-переводчики (DeepL и др.) облегчают работу с иностранными правовыми источниками, способствуя международной коммуникации.

Несмотря на очевидные достоинства, использование ИИ сопряжено с серьёзными рисками. Первый риск – предвзятость и дискриминация. Алгоритмы обучаются на исторических данных, которые могут содержать неявные предубеждения. Например, система COMPAS, применяемая в США для оценки риска рецидива, показала более высокий уровень ложноположительных результатов для афроамериканцев по сравнению с белыми [8, с. 156]. В России правозащитники отмечали ошибки системы распознавания лиц в Москве, точность которой, по некоторым данным, не превышает 85% [9].

Второй риск – непрозрачность (проблема «чёрного ящика»). Многие модели машинного обучения не позволяют объяснить, почему принято то или иное решение, что противоречит принципу мотивированности судебных актов и затрудняет их обжалование [2, с. 84].

Третий риск – угрозы конфиденциальности и защите данных. Обработка больших объёмов персональной информации в ИИ-системах увеличивает риски утечек и несанкционированного доступа.

Четвёртый риск – неопределённость юридической ответственности. В случае ошибки ИИ сложно определить, кто должен нести ответственность: разработчик, владелец системы, юрист, использовавший её рекомендации, или государственный орган [3, с. 89]. В ЕС обсуждается введение обязательного страхования таких рисков, но единого подхода пока нет.

В Европейском Союзе действует Общий регламент о защите данных (GDPR), который содержит положения, ограничивающие автоматизированное принятие решений, затрагивающих права граждан (ст. 22) [11]. В 2023 году Еврокомиссия предложила проект Регламента об искусственном интеллекте (AI Act), классифицирующий правовые приложения ИИ как высокорисковые и требующий их обязательной сертификации и аудита [12].

В России регулирование ИИ осуществляется в рамках национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года [13]. В 2023 году Минцифры разработало концепцию регулирования, включаю-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

щую требования к прозрачности алгоритмов и защите данных. Однако, как отмечают эксперты НИУ ВШЭ, отсутствуют чёткие механизмы ответственности за вред, причинённый ИИ-системами, что сдерживает их внедрение в социально значимых сферах [14, с. 118]. Также активно обсуждается внесение изменений в Гражданский кодекс РФ для определения правового статуса ИИ.

Дальнейшее развитие видится в нескольких направлениях. Гибридная модель «человек + ИИ» предполагает, что алгоритмы выступают ассистентами, усиливающими аналитические способности юриста, но окончательное решение остаётся за человеком [1, с. 210]. Цифровые суды (онлайн-арбитраж, автоматизированное разрешение мелких споров) могут стать обычной практикой, ускоряя правосудие и снижая нагрузку на судей. Юридическое образование должно включать курсы по цифровой грамотности, этике ИИ и работе с правовыми технологиями. Наконец, международное сотрудничество необходимо для выработки общих стандартов, предотвращающих появление цифрового разрыва между странами и обеспечения защиты прав человека в глобальном масштабе.

Проведённое исследование позволило достичь поставленной цели и решить сформулированные задачи. В результате комплексного анализа российского и зарубежного опыта выявлены основные направления применения ИИ в правовой коммуникации, систематизированы преимущества (снижение временных и финансовых затрат, унификация стандартов, повышение доступности правовой помощи) и ключевые риски (предвзятость алгоритмов, непрозрачность решений, угрозы конфиденциальности, неопределённость юридической ответственности). Научная новизна работы заключается в интегративном рассмотрении этих аспектов в контексте правовой коммуникации, а теоретическая и практическая значимость подтверждаются возможностью использования полученных выводов для совершенствования законодательства и ведомственных регламентов.

Выводы

На основе проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. Искусственный интеллект активно внедряется в правовую коммуникацию по четырём основным направлениям: автоматизация документооборота, анализ правовой информации, цифровые консультанты и поддержка судебных решений. Использование ИИ даёт значительные преимущества в виде экономии времени, снижения затрат и повышения доступности правовой помощи.
2. Вместе с тем применение ИИ сопряжено с серьёзными рисками: предвзятость алгоритмов, непрозрачность решений, угрозы конфиденциальности и неопределённость юридической ответственности. Эти риски требуют нормативного регулирования и этического контроля.
3. В России и за рубежом предпринимаются шаги по созданию правовых рамок для ИИ (GDPR, AI Act, национальные стратегии), однако остаются пробелы, особенно в части ответственности и защиты прав граждан.
4. Перспективным направлением является гибридная модель взаимодействия человека и ИИ, развитие цифровых судов, адаптация юридического образования и международное сотрудничество.

Прогноз дальнейшего развития темы. В ближайшие годы следует ожидать активизации законотворческой работы в области ИИ, появления специализированных судебных составов по спорам, связанным с применением алгоритмов, и формирования профессиональных стандартов для юристов, работающих с ИИ. Особое внимание будет уделено вопросам транспарентности алгоритмов и защите персональных данных.

Целевая аудитория статьи. Статья предназначена для исследователей в области теории права, информационного права, студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также разработчиков правовых ИИ-систем и государственных служащих, занимающихся цифровизацией правосудия.

Список источников

1. Сасскинд Р. Адвокаты будущего: взгляд на ближайшие двадцать лет: пер. с англ. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 312 с.

2. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и право: проблемы и перспективы // Закон. 2018. № 5. С. 78 – 90.

3. Минбалеев А.В. Проблемы юридической ответственности за вред, причинённый использованием искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 3. С. 86 – 92.

4. Баранов П.П., Овчинников А.И. Искусственный интеллект в юридической деятельности: современное состояние и перспективы // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 4 (95). С. 15 – 21.

5. Ветютнев Ю.Ю. Искусственный интеллект в праве: возможности и пределы // Российское правосудие. 2019. № 8. С. 34 – 41.

6. Морозов А.В. Чат-боты в юридической практике: зарубежный опыт и перспективы в России // Информационное право. 2022. № 2. С. 22 – 27.

7. Ван Ч., Ли Х. Применение искусственного интеллекта в судебной системе Китая // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 45 – 52.

8. О'Нил К. Оружие математического уничтожения: как большие данные увеличивают неравенство и угрожают демократии: пер. с англ. М.: АСТ, 2019. 320 с.

9. Отчёт о результатах мониторинга применения технологий искусственного интеллекта в государственном управлении // Аналитический центр при Правительстве РФ. 2023. URL: https://ac.gov.ru (дата обращения: 10.02.2025)

10. Доклад о развитии цифровой экономики в России – 2022 / под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 320 с.

11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 4.5.2016. P. 1 – 88.

12. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). European Commission. 2023. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu (дата обращения: 10.02.2025)

13. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

14. Хохлов Ю.Е., Савельев А.И. Концепция регулирования искусственного интеллекта в России: критический анализ // Закон. 2023. № 1. С. 112 – 124.

References

1. Susskind R. Lawyers of the Future: A Look at the Next Twenty Years: Translated from English. Moscow: Infotropic Media, 2020. 312 p.

2. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial Intelligence and Law: Problems and Prospects. Zakon. 2018. No. 5. P. 78 – 90.

3. Minbaleev A.V. Problems of Legal Liability for Harm Caused by the Use of Artificial Intelligence. SUSU Bulletin. Law Series. 2021. Vol. 21. No. 3. P. 86 – 92.

4. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. Artificial Intelligence in Legal Activity: Current State and Prospects. Jurist-Pravoved. 2020. No. 4 (95). P. 15 – 21.

5. Vetyutnev Yu.Yu. Artificial Intelligence in Law: Possibilities and Limits. Russian Justice. 2019. No. 8. P. 34 – 41.

6. Morozov A.V. Chatbots in Legal Practice: Foreign Experience and Prospects in Russia. Information Law. 2022. No. 2. P. 22 – 27.

7. Wang C., Li H. Application of Artificial Intelligence in the Chinese Judicial System. Law and Digital Economy. 2021. No. 2. P. 45 – 52.

8. O'Neill K. Weapons of Mathematical Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy: trans. from English. Moscow: AST, 2019. 320 p.

9. Report on the results of monitoring the application of artificial intelligence technologies in public administration. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. 2023. URL: https://ac.gov.ru (date of access: 10.02.2025)

10. Report on the development of the digital economy in Russia – 2022. edited by L.M. Gokhberg. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2023. 320 p.

11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. L 119. 4.5.2016. P. 1 – 88.

12. Proposal for a Regulation laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). European Commission. 2023. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu (date of access: 10.02.2025)

13. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030). Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Article 5700.

14. Khokhlov Yu.E., Savelyev A.I. Concept of Artificial Intelligence Regulation in Russia: A Critical Analysis. Law. 2023. No. 1. P. 112 – 124.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

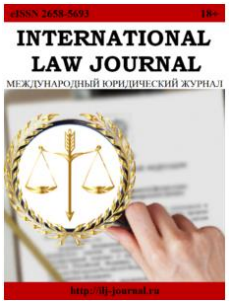
Информация об авторах

Курбанова З.С., кандидат психологических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), nurselin7@mail.ru

Магомедов М.Р., Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

© Курбанова З.С., Магомедов М.Р., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.13
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-244-249

Оценочная деятельность следователя при принятии процессуальных решений (возбуждение дела, привлечение в качестве обвиняемого, прекращение дела): критерии и проблемы доказуемости

[1] Гарбар О.С., [2]Лунева А.В.,
[1] старший следователь Ванинского межрайонного следственного отдела управления Следственного комитета по Хабаровскому краю и ЕАО,
[2] Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

Аннотация: *в статье исследуется оценочная деятельность следователя как интеллектуально-логический процесс, предшествующий ключевым процессуальным решениям на стадиях досудебного производства. В статье анализируются критерии (относимость, допустимость, достоверность, достаточность) и проблемные аспекты оценки доказательств при возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого и прекращении уголовного дела. Выявлены системные проблемы, такие как цикличность оценки достоверности, риск проецирования ошибок и влияние не процессуальных факторов на критерии оценивания. В работе сделаны выводы об основных направлениях в логической деятельности следователя по оцениванию доказательств при вынесении процессуального решения.*

Ключевые слова: *оценочная деятельность, следователь, доказательства, процессуальные решения, проблемы доказуемости, критерии оценивания*

Для цитирования: Гарбар О.С., Лунева А.В. Оценочная деятельность следователя при принятии процессуальных решений (возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, прекращение дела): критерии и проблемы доказуемости // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 244 – 249. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-244-249

Поступила в редакцию: 11 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

Evaluative activity of an investigator in making procedural decisions (initiation of a case, involvement as an accused, termination of a case): criteria and problems of provability

[1] Garbar O.S., [2] Luneva A.V.,
[1] Senior Investigator of the Vanino Interdistrict Investigation Department Departments of the Investigative Committee for the Khabarovsk Territory and the EAO,
[2] Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Far Eastern branch)

Abstract: *the article examines the evaluative activity of an investigator as an intellectual and logical process preceding key procedural decisions at the stages of pre-trial proceedings. The article analyzes the criteria (relevance, admissibility, reliability, sufficiency) and problematic aspects of evaluating evidence when initiating a criminal case, bringing a person as an accused and terminating a criminal case. Systemic problems have been identified, such as the cyclical nature of the reliability assessment, the risk of error projection, and the influence of non-procedural factors on the assessment criteria. The paper draws conclusions about the main directions in the logical activity of the investigator in evaluating evidence when making a procedural decision.*

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Keywords: *evaluation activity, investigator, evidence, procedural decisions, provability problems, evaluation criteria*

For citation: Garbar O.S., Luneva A.V. Evaluative activity of an investigator in making procedural decisions (initiation of a criminal case, involvement as an accused, termination of the case): criteria and problems of provability. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 244 – 249. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-244-249

The article was submitted: February 11, 2026; Approved after reviewing: April 9, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью оценочной деятельности следователя в обеспечении законности и обоснованности процессуальных решений при возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого и прекращении уголовного дела. Поскольку принятие данных процессуальных решений напрямую влияет на соблюдение прав граждан, то ошибки могут привести к необоснованному уголовному преследованию, привлечению невиновных к ответственности, или же к незаконному прекращению дела.

Будучи ключевым участником доказывания, следователь, как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, осуществляет собирание, проверку и оценку доказательств. Наибольший интерес при этом представляет его роль в процессах проверки и оценки собранных материалов. Очевидно, что фигура следователя имеет фундаментальное значение для стадии предварительного расследования.

В основе оценочной деятельности следователя, предшествующей принятию процессуальных решений, лежит интеллектуально-логический процесс. Его результатом является формирование вывода об относимости, допустимости, достоверности отдельных доказательств, а также о достаточности всей их совокупности для вынесения итогового решения.

Материалы и методы исследований

Нормативно-правовая основа, регламентирующая правила собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, состоит из положений УПК РФ (Главы 2, 4, 10, 11, 19, 23, 29) [1], а также подзаконных нормативных актов, дополняющих процедуру доказывания при принятии решений о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, прекращении производства по делу.

В работе применялись сравнительно-правовой, формально-юридический методы научного познания, а также метод анализа и синтеза, направленные на комплексный подход к проблеме исследования с позиций ее научного и практического обоснования.

Результаты и обсуждения

Оценочная деятельность следователя – это урегулированная нормами уголовно-процессуального права интеллектуально-волевая деятельность по определению свойств доказательств и их совокупности для принятия процессуальных решений. Ее основу составляет внутреннее убеждение (ст. 17 УПК РФ), которое должно формироваться на основе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. Однако внутреннее убеждение не является произвольным, оно детерминировано системой критериев, заложенных в законе, правовых позициях высших судов [3, 4, 5, 6].

Говоря о критериях, которые закреплены в ст. 140 УПК РФ и проблемах доказуемости при возбуждении уголовного дела, стоит отметить, что для возбуждения дела достаточно установить наличие повода – информации о преступлении и основания – достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

При этом, законодатель сознательно использует формулировку «данные, указывающие», а не «доказательства», подчеркивая предварительный, ориентировочный характер проверки на этом этапе. Достаточность данных оценивается с точки зрения возможности сделать предположительный вывод о существовании события преступления и его уголовно-правовой квалификации.

Стоит выделить некоторые проблемы, связанные с доказыванием, на данном этапе:

- двусмысленность «достаточных данных». Грань между «данными» и «доказательствами» размыта. На практике зачастую требуется уже на стадии проверки собирать полноценные доказательства (протокол осмотра места происшествия, получение заключения экспертизы и др.), что стирает границу между доследственной проверкой и предварительным расследованием.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

- оценка «признаков преступления»: следователь должен предварительно квалифицировать деяние, что требует оценки состава преступления без полноценного исследования субъективной стороны и без возможности допроса подозреваемого. Это ведет к ошибкам в квалификации уже в самом начале. Однако, уже при возбуждении уголовного дела и при дальнейшем его расследовании, следователь может прийти к выводу о необходимости переквалифицировать деяние.

- риск «обвинительного уклона». Установив минимальные данные о событии, следователь, стремясь показать эффективность, может игнорировать противоречивые сведения, которые указывают на отсутствие состава преступления, что приводит к необоснованному возбуждению дел.

- проблема оценки скрытых признаков состава. Невозможность полноценно оценить, например, умысел или цель деяния на столь раннем этапе, создает ситуацию, когда дело возбуждается по формальным признакам и впоследствии прекращается.

Говоря о критериях и проблемах доказуемости при привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) стоит отметить, что решение принимается при наличии совокупности доказательств, достаточных для предъявления обвинения в совершении преступления. Это качественно иной, более высокий уровень доказуемости. Доказательства должны с высокой степенью вероятности (приближающейся к достоверности) устанавливать: а) событие преступления; б) лицо, его совершившее; в) форму вины; г) мотивы; д) обстоятельства, влияющие на степень ответственности; е) характер и размер вреда.

Стоит выделить некоторые проблемы формирования доказательственной базы на данном этапе расследования:

- определение критерий «совокупности достаточных доказательств». Закон не определяет, что является такой совокупностью. Является ли достаточным одно прямое доказательство (признательные показания подозреваемого, показания свидетеля) или необходима система взаимоподкрепляющих косвенных доказательств?

- конфликт между объемом и качеством. Стремление к быстрому завершению этапа расследования может привести к привлечению в качестве обвиняемого, при формальном наличии совокупности доказательств, невиновного человека из-за того, что невозможно в данный срок собрать доказательства, которые в своей совокупности могли бы устранить противоречия.

- прогностическая оценка: следователь должен прогнозировать, что собранных доказательств хватит для поддержания обвинения в суде. Однако последующее изменение показаний участников уголовного судопроизводства, невозможность дать экспертное заключение или признание доказательств недопустимыми судом могут разрушить эту прогнозируемую основу доказательств, делая постановление о привлечении в качестве обвиняемого необоснованным.

- проблема оценки версий защиты. При оценке достаточности доказательств для обвинения, следователь обязан учитывать и проверять версии защиты. Игнорирование этой обязанности – типичная проблема, ведущая к судебным отменам. Так, например, в ст. 86 УПК РФ закреплено положение о том, что защитник также вправе собирать доказательства определёнными действиями.

Говоря о критериях и проблемах доказуемости при прекращении уголовного дела (ст. 212 УПК РФ) стоит отметить, что прекращение дела возможно как по реабилитирующим (отсутствие события, состава, непричастность и др.), так и по не реабилитирующим основаниям (истечение сроков, примирение сторон, деятельное раскаяние и др.). Достаточность доказательств оценивается здесь в особом ключе: для реабилитирующих оснований – это установленная достоверность отсутствия события/состава или доказанная непричастность лица. Для нереабилитирующих – доказанность самого факта, являющегося основанием (истечение срока, заявление потерпевшего и т.д.).

Стоит выделить некоторые проблемы получения доказательств при принятии решения о прекращении уголовного дела:

- «негативное» доказывание: доказать отсутствие события или непричастность лица зачастую сложнее, чем их наличие. Это требует от следователя активного поиска опровергающих доказательств, что может противоречить обвинительной психологии.

- оценка «неустранимых сомнений». Если в суде неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого (ст. 14 УПК РФ), то на следствии это не всегда приводит к прекращению уголовного дела, так как не всегда есть возможность устранить сомнения.

При принятии любого из процессуальных решений, следователь должен оценивать всё с позиции:

1). Относимости – следователь определяет, относятся ли доказательства к установлению обстоятельств преступления.

2). Допустимости – следователь проверяет соблюдение установленных законом требований к форме до-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

казательства, способу его получения и процессуальному порядку закрепления.

3). Достоверности – следователь удостоверяется в истинности информации, то есть соответствие результатов познания – фактам реальной действительности. Так, подлежит оценке доброкачественности источник (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) получения доказательства, а также внутренняя согласованность сведений, содержащихся в доказательстве и их неротиворечивость с другими доказательствами.

4) Достаточности – на завершающем этапе следователь анализирует, достаточна ли вся совокупность собранных доказательств, для принятия процессуального решения [8, с. 155-158].

Выводы

Решение ключевых проблем оценочной деятельности следователя требует комплексного подхода, направленного на совершенствование как профессиональных компетенций, так и процессуальных механизмов. Так, при оценке достоверности доказательств на стадии возбуждения уголовного дела необходим поэтапный, последовательный анализ, при котором каждое новое доказательство проверяется через призму уже установленных и бесспорных данных, с обязательным истребованием дополнительных сведений для устранения неопределенности.

Чтобы минимизировать системный риск ошибки, при котором любая неточность в оценке относимости, допустимости или достоверности искажает итоговый вывод о достаточности, необходима реализация принципа внутреннего контроля. Каждое свойство доказательства должно оцениваться критически и независимо, с обязательным перекрестным сопоставлением результатов, что позволит выявить и нейтрализовать ошибку на раннем этапе, не допуская ее проецирования на конечное решение.

Для противодействия проникновению не процессуальных влияний на внутреннее убеждение следователя, требуется строгое соблюдение правил доказывания, основанных исключительно на доказательствах, полученных в установленном порядке. Оперативные данные могут использоваться лишь как ориентирующая информация для выдвижения версий и планирования следственных действий, но ни в коем случае не как единственная основа для процессуальных решений. Этому способствует развитие профессиональной культуры и правосознания следователя. В свою очередь сами оперативные данные (результаты оперативно-розыскных мероприятий) должны быть надлежащим образом предоставлены органу предварительного следствия [2] и в последующем осмотрены и признаны в качестве вещественных доказательств или иных документов, либо же никак не признаны и тогда они не будут являться доказательством по уголовному делу.

В нестандартных ситуациях, при оценке косвенных доказательств и отсутствии прямых или при равновесной доказательственной базе сторон, от следователя требуется высшая степень критического и логического анализа. Необходимо построение и проверка всех возможных версий, тщательное выявление причинно-следственных связей и оценка совокупности доказательств на предмет их согласованности и непротиворечивости. Если совокупность собранных доказательств не позволяет сделать однозначный вывод о виновности, и исчерпаны все возможности для их получения, это является безусловным основанием для принятия решения в пользу обвиняемого.

Только комплексный подход, сочетающий четкие правовые ориентиры, методическое обеспечение и формирование соответствующей профессиональной культуры, способен повысить качество оценочной деятельности следователя и, как совершенно справедливо отмечается в литературе [7, 9] обеспечить законность и справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса.

Таким образом, в ходе данного исследования были сделаны выводы об основных направлениях логической деятельности следователя по оцениванию доказательств при вынесении процессуальных решений.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. Режим доступа: https: //www.consultant.ru (дата обращения: 02.02.2026)

2. Приказ МВД РФ № 776, Минобороны РФ № 703, ФСБ РФ № 509, ФСО РФ № 507, ФТС РФ № 1820, Службы внешней разведки РФ № 42, ФСИН РФ № 535, ФСНК РФ № 398, Следственного комитета РФ № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс Режим доступа: https: //www.consultant.ru (дата обращения: 02.02.2026 г.)

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс Режим доступа: https: //www.consultant.ru (дата обращения: 02.02.2026)

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс Режим доступа: https: //www.consultant.ru (дата обращения: 02.02.2026)

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2004 № 1 (ред. от 17.12.2024) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс Режим доступа: https: //www.consultant.ru (дата обращения: 02.02.2026)

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система КонсультантПлюс Режим доступа: https: //www.consultant.ru (дата обращения: 02.02.2026)

7. Васильев Н.В. Влияние диспозитивного начала в состязательном уголовном судопроизводстве на традиционное учение о процессуальных решениях. Глава в книге Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2025.

8. Карпеченко А.В. Особенности оценки доказательств как основы принятия решения на стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. 2023. № 37 (484). С. 155 – 158.

9. Масленникова Л.Н. Доказывание и приятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-Инфра-М, 2022.

10. Логинова Н.Г., Федорова Е.А. Особенности юридической техники составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Уголовный процесс. 2019. № 1. С. 47 – 54.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 28.02.2025) [Electronic resource]. Reference and legal system ConsultantPlus. Access mode: https://www.consultant.ru (date of access: 02.02.2026)

2. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 776, the Ministry of Defense of the Russian Federation No. 703, the FSB of the Russian Federation No. 509, the FSO of the Russian Federation No. 507, the Federal Customs Service of the Russian Federation No. 1820, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation No. 42, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation No. 535, the Federal Tax Service of the Russian Federation No. 398, and the Investigative Committee of the Russian Federation No. 68 dated 27.09.2013 "On Approval of the Instructions on the Procedure for Submitting the Results of Operational-Investigative Activities to the Inquiry Body, Investigator, or the Court" [Electronic resource]. ConsultantPlus Legal Reference System Access mode: https://www.consultant.ru (date of access: 03.02.2026)

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2012 No. 26 (as amended on June 27, 2023) "On the Application of the Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Governing Proceedings in the Court of Appeal" [Electronic resource]. ConsultantPlus Legal Reference System. Access mode: https://www.consultant.ru (date of access: 03.02.2026)

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 57 "On Certain Issues of the Application of Legislation Governing the Use of Electronic Documents in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts" [Electronic resource]. ConsultantPlus Legal Reference System. Access mode: https://www.consultant.ru (date of access: 02.02.2026)

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.03.2004 No. 1 (as amended on 17.12.2024) "On the Application of the Norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by the Courts" [Electronic resource]. ConsultantPlus Legal Reference System Access mode: https: //www.consultant.ru (date of access: 02.02.2026)

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2015 No. 29 (as amended on 09.12.2025) "On the Practice of Applying Legislation by the Courts Ensuring the Right to Defense in Criminal Proceedings" [Electronic resource]. ConsultantPlus Legal Reference System Access mode: https: //www.consultant.ru (date of access: 02.02.2026)

7. Vasiliev N.V. The Influence of the Dispositive Principle in Adversarial Criminal Proceedings on the Traditional Doctrine of Procedural Decisions. Chapter in the book Public and Dispositive Principles in Criminal Proceedings in Russia: Monograph. Moscow: Yurlitinform Publishing House. 2025.

8. Karpechenko A.V. Features of Evidence Assessment as a Basis for Decision-Making at the Stage of Initiating a Criminal Case. Young Scientist. 2023. No. 37 (484). P. 155 – 158.

9. Maslennikova L.N. Proof and Decision-Making in Adversarial Criminal Proceedings: Monograph. ed. L.N. Maslennikova. 2nd ed., revised and enlarged. M.: Norma-Infra-M, 2022.

10. Loginova N.G., Fedorova E.A. Features of the legal technique for drafting a resolution on bringing in as an accused. Criminal Procedure. 2019. No. 1. P. 47 – 54.

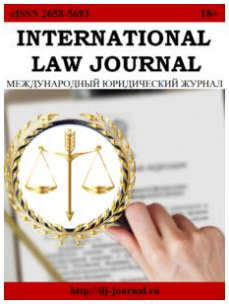
Информация об авторах

Гарбар О.С., старший следователь Ванинского межрайонного следственного отдела управления Следственного комитета по Хабаровскому краю и ЕАО, 682860, Хабаровский край, п. Ванино, ул. Октябрьская, 24, olya-garbar_2001@mail.ru

Лунева А.В., кандидат юридических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, 680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49, annaluneva@mail.ru

© Гарбар О.С., Лунева А.В., 2026

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
https://ilj-journal.ru
2026, Том 9, № 3 / 2026, Vol. 9, Iss. 3 https://ilj-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.65
DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-250-256

Наследование доли в обществе с ограниченной ответственностью: проблема временного корпоративного вакуума и пределов доверительного управления

[1, 2] Скворцова Т.А., [1] Епифанова Т.В., [1] Петренко С.В.,
[1] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
[2] Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация: *в статье исследуется проблема наследования бизнеса, организованного в форме общества с ограниченной ответственностью, через призму перехода доли в уставном капитале и осуществления корпоративных прав в период между смертью участника общества и окончательным оформлением прав наследников. Обосновывается, что действующее регулирование формально содержит инструменты сохранения наследственного имущества, включая доверительное управление, однако не устраняет состояние временного корпоративного вакуума, при котором наследственная доля уже входит в состав наследства, но наследники еще не обладают полноценной возможностью участвовать в управлении обществом, а доверительный управляющий действует в условиях неопределенного объема полномочий. Особое внимание уделяется соотношению наследственного и корпоративного права, уставным ограничениям на переход доли к наследникам, правовому положению пережившего супруга, а также судебной практике Верховного Суда Российской Федерации. Предложено рассматривать наследование бизнеса не только как переход имущественного права на долю, но и как специальную ситуацию обеспечения непрерывности корпоративного управления. В работе предлагается закрепить в законодательстве конструкцию временного корпоративного управления наследственной долей, установить минимальный объем полномочий доверительного управляющего и прямо определить пределы уставных ограничений, препятствующих вхождению наследников в состав участников общества.*

Ключевые слова*: наследование бизнеса, доля в обществе с ограниченной ответственностью, корпоративные права, наследственная масса, доверительное управление, наследник, переживший супруг, действительная стоимость доли*

Для цитирования: Скворцова Т.А., Епифанова Т.В., Петренко С.В. Наследование доли в обществе с ограниченной ответственностью: проблема временного корпоративного вакуума и пределов доверительного управления // International Law Journal. 2026. Том 9. № 3. С. 250 – 256. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-250-256

Поступила в редакцию: 11 февраля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 12 мая 2026 г.

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Inheritance of a share in a limited liability company: the problem of temporary corporate vacuum and the limits of trust management

[1, 2] Skvortsova T.A., [1] Epifanova T.V., [1] Petrenko S.V.,
[1] Rostov State University of Economics,
[2] Rostov State Transport University

Abstract: *the article examines the problem of business succession in the form of a limited liability company through the transfer of a share in the authorized capital and the exercise of corporate rights during the period between the death of a company participant and the final formalization of the heirs' rights. It is substantiated that the current regulation formally contains instruments for preserving inherited property, including trust management, but does not eliminate the state of a temporary corporate vacuum, in which the inherited share has already become part of the estate, while the heirs do not yet have a full opportunity to participate in the management of the company, and the trustee acts under conditions of an uncertain scope of powers. Special attention is paid to the correlation between inheritance and corporate law, charter-based restrictions on the transfer of a share to heirs, the legal status of the surviving spouse, and the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation. It is proposed to consider business succession not only as the transfer of a property right to a share, but also as a special situation requiring the continuity of corporate governance. The article proposes to enshrine in legislation the concept of temporary corporate management of an inherited share, to establish the minimum scope of powers of the trustee, and to directly define the limits of charter-based restrictions preventing heirs from becoming participants in the company.*

Keywords: *business succession, share in a limited liability company, corporate rights, estate, trust management, heir, surviving spouse, actual value of a share*

For citation: Skvortsova T.A., Epifanova T.V., Petrenko S.V. Inheritance of a share in a limited liability company: the problem of temporary corporate vacuum and the limits of trust management. International Law Journal. 2026. 9 (3). P. 250 – 256. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-3-250-256

The article was submitted: February 11, 2026; Approved after reviewing: April 9, 2026; Accepted for publication: May 12, 2026.

Введение

Наследование бизнеса занимает особое место в системе наследственного права, поскольку связано не только с переходом имущественных прав от наследодателя к наследникам, но и с необходимостью сохранения действующего хозяйственного порядка управления. Смерть участника общества с ограниченной ответственностью способна повлечь блокирование корпоративного управления, невозможность принятия решений, снижение стоимости бизнеса и возникновение корпоративного конфликта. Наиболее острой данная проблема становится при наследовании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО). Согласно статье 1176 Гражданского кодекса РФ [1] (далее – ГК РФ) в состав наследства участника общества входит его доля в уставном капитале, однако если для перехода доли к наследнику требуется согласие остальных участников и в таком согласии отказано, наследник получает право на действительную стоимость унаследованной доли либо соответствующую часть имущества. То есть доля признается наследуемым имуществом, но корпоративное участие наследника может быть ограничено законом и уставом общества.

Сложность состоит в том, что наследственное право исходит из идеи универсального правопреемства, тогда как корпоративное право допускает сохранение стабильного состава участников. Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия и независимо от момента государственной регистрации права, если такая регистрация требуется. Вместе с тем для реального участия в делах общества наследнику недостаточно имущественного притязания на долю: ему необходимо реализовывать свои корпоративные права.

Действующее законодательство предусматривает механизм доверительного управления наследственным имуществом (ст. 1173 ГК РФ). Однако сама по себе возможность учреждения доверительного управления не решает всех практических вопросов: закон не раскрывает с достаточной определенностью, какие именно корпоративные решения вправе принимать доверительный управляющий, может ли он голосовать по во-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

просам изменения устава, назначения директора, одобрения крупных сделок, распределения прибыли, реорганизации или ликвидации общества.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении теоретических и практических проблем наследования бизнеса в форме доли в обществе с ограниченной ответственностью и в разработке предложений по устранению временного корпоративного вакуума при переходе доли к наследникам.

Задачи: определить правовую природу наследуемой доли в ООО; раскрыть соотношение имущественного права на долю и корпоративного статуса участника; проанализировать механизм доверительного управления наследственной долей; исследовать судебную практику по вопросам перехода доли к наследникам и пережившему супругу; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Гипотеза исследования заключается в том, что действующее регулирование наследования доли в ООО недостаточно ориентировано на сохранение непрерывности корпоративного управления. Закон защищает наследственную массу как имущественный объект, но не в полной мере обеспечивает функционирование бизнеса в переходный период. Поэтому наследование бизнеса должно рассматриваться не только как переход имущественного права, но и как особая ситуация временного корпоративного управления.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено с использованием формально-юридического, системного, сравнительно-правового и правоприменительного методов. Формально-юридический метод использован при анализе норм Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Системный метод позволил рассмотреть наследование бизнеса как комплексное явление, находящееся на пересечении наследственного, корпоративного, семейного и обязательственного права. Эмпирическую основу исследования составили судебные акты Верховного Суда Российской Федерации. В качестве доктринальной базы использованы труды, посвященные наследованию корпоративных прав, правовой природе доли в ООО, доверительному управлению наследственным имуществом и корпоративным ограничениям на переход долей.

Результаты и обсуждения

Проблема наследования бизнеса в форме доли в обществе с ограниченной ответственностью обусловлена двойственной правовой природой такой доли. С одной стороны, доля в уставном капитале является имущественным объектом, имеющим экономическую стоимость и входящим в состав наследственной массы. С другой стороны, она выступает основанием корпоративного участия и предоставляет ее обладателю комплекс прав, связанных с управлением обществом, получением информации, участием в распределении прибыли и защитой корпоративных интересов [12]. Поэтому наследование доли в ООО нельзя рассматривать как обычный переход имущества от наследодателя к наследникам: в данном случае наследуется не только экономическая ценность актива, но и потенциальная возможность участия в действующем бизнесе [10].

Действующее законодательство исходит из того, что доля умершего участника входит в состав наследства. Однако приобретение наследником имущественного права на долю не всегда означает автоматическое приобретение статуса участника общества. Согласно статье 1176 ГК РФ, если для перехода доли к наследнику требуется согласие остальных участников общества и такое согласие не получено, наследник вправе требовать выплаты действительной стоимости унаследованной доли либо выдачи соответствующей части имущества. Сходный подход закреплен и в корпоративном законодательстве: статья 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3] допускает переход доли в порядке правопреемства, но одновременно позволяет учитывать ограничения, предусмотренные уставом общества. Следовательно, законодатель различает наследование экономической ценности доли и приобретение корпоративного членства.

Именно это различие порождает одну из наиболее существенных проблем наследования бизнеса — временный наследственный корпоративный вакуум. Под ним следует понимать период после смерти участника общества, когда доля уже входит в состав наследства, но наследники еще не приобрели полноценного корпоративного статуса, а лицо, способное осуществлять права по этой доле, либо не определено, либо действует в условиях неопределенного объема полномочий. Общие положения наследственного права и разъяснения Верховного Суда РФ [4] позволяют исходить из того, что наследственные права связаны с моментом открытия и принятия наследства, однако применительно к корпоративной доле этого недостаточно для полноценного участия в управлении обществом. В результате возникает разрыв между принадлежно-

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

стью доли как наследственного имущества и фактической возможностью реализовывать корпоративные права по этой доле [9].

Для действующего бизнеса такой период может быть критическим. Общество может оказаться неспособным принимать решения, требующие определенного количества голосов, назначать или сменять руководителя, одобрять сделки, распределять прибыль, защищать активы и поддерживать нормальную хозяйственную деятельность. Особенно остро данная проблема проявляется в обществах, где умерший участник обладал контрольной долей, был единственным участником либо одновременно исполнял функции единоличного исполнительного органа. В таких случаях смерть участника способна привести не только к наследственному спору, но и к фактическому управленческому параличу юридического лица. В научной литературе справедливо отмечается, что практические проблемы наследования доли в ООО связаны не только с оформлением прав наследников, но и с сохранением работоспособности самого корпоративного механизма [10, 12].

Механизмом преодоления указанной неопределенности выступает доверительное управление наследственным имуществом. Статья 1173 ГК РФ предусматривает, что если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления, в том числе доля в уставном капитале корпоративного юридического лица, нотариус учреждает доверительное управление. Данный институт направлен на сохранение наследственного имущества и поддержание его стоимости. Однако применительно к наследованию доли в ООО его регулирование остается недостаточно определенным. Закон не раскрывает, какие именно корпоративные действия вправе совершать доверительный управляющий: может ли он голосовать по вопросам назначения директора, изменения устава, одобрения крупных сделок, распределения прибыли, реорганизации или ликвидации общества. На данную проблему обращается внимание и в доктрине, где подчеркивается необходимость более четкого регулирования учреждения доверительного управления наследственными долями и контроля за действиями доверительного управляющего [11, 14].

В связи с этим доверительное управление наследственной долей следует рассматривать как временное корпоративное управление. Его задача должна состоять в обеспечении непрерывности корпоративного управления до момента окончательного определения наследников и их статуса. Доверительный управляющий должен иметь право совершать обычные действия, необходимые для сохранения стоимости бизнеса: участвовать в общих собраниях, получать информацию о деятельности общества, голосовать по вопросам текущего управления, требовать созыва собрания, принимать меры против вывода активов и оспаривать явно незаконные решения. Вместе с тем чрезвычайные решения, способные необратимо изменить судьбу бизнеса, должны приниматься только при наличии дополнительного контроля со стороны нотариуса, наследников или суда.

К числу таких чрезвычайных решений следует отнести голосование по вопросам реорганизации, ликвидации общества, изменения устава, отчуждения существенных активов, увеличения или уменьшения уставного капитала, а также распределения прибыли. Иначе доверительный управляющий может фактически предрешить судьбу наследственного актива еще до того, как наследники приобретут возможность самостоятельно защищать свои права. Такой подход соответствует общей цели доверительного управления наследственным имуществом, поскольку управление должно быть направлено на сохранение наследственной массы, а не на изменение корпоративной судьбы бизнеса вопреки интересам будущих наследников.

Отдельного внимания заслуживает вопрос уставных ограничений на переход доли к наследникам. Общество с ограниченной ответственностью сочетает признаки объединения капиталов и личного доверительного объединения участников. Поэтому действующие участники могут быть заинтересованы в сохранении стабильного персонального состава общества. Верховный Суд РФ в определении от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021 [5] указал на значение личного состава участников ООО и необходимость учитывать корпоративные ограничения при решении вопроса о переходе доли к пережившему супругу или наследникам. При этом такие ограничения не должны использоваться как инструмент произвольного устранения наследников или пережившего супруга от участия в бизнесе.

Особую сложность создают ситуации, когда доля в ООО была приобретена в период брака. В этом случае после смерти участника возникает пересечение наследственного, семейного и корпоративного режимов. Переживший супруг может иметь право на часть доли как на имущество, нажитое в браке, однако это не означает автоматического приобретения им статуса участника общества. Семейное законодательство определяет имущественные права супругов, но не заменяет правила корпоративного права о порядке приобретения участия в обществе. Такая позиция последовательно проводится в судебной практике Верховного Суда РФ [8] и подтверждается современными научными исследованиями правового режима доли, приобретенной супругами в период брака [13].

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

Вместе с тем переживший супруг и наследники не должны приравниваться к обычным посторонним приобретателям доли, если устав прямо не предусматривает необходимость получения согласия других участников. В определении от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 по делу № А57-4383/2022 Верховный Суд РФ обратил внимание на необходимость правильного выбора способа защиты при спорах о переходе доли и корпоративном статусе лица, претендующего на участие в обществе [6]. В свою очередь, в определении от 01.07.2024 № 306-ЭС23-26474 по делу № А12-26592/2022 Верховный Суд РФ подчеркнул, что ограничения на переход доли должны быть ясно и недвусмысленно закреплены в уставе, а неопределенности не могут толковаться расширительно против лица, претендующего на корпоративное участие [7].

Представляется, что при отсутствии ясного уставного запрета или условия о согласии наследники и переживший супруг должны иметь возможность войти в состав участников общества. Все неустранимые сомнения в содержании уставных ограничений следует толковать в пользу сохранения наследственного корпоративного участия. Такой подход позволяет сбалансировать интересы наследников, общества и иных участников, не допуская автоматического разрушения бизнеса и одновременно уважая личностно-доверительный характер корпоративных отношений.

Не менее важной является проблема выплаты действительной стоимости доли при отказе наследнику во вхождении в общество. Формально такая выплата выступает компенсацией за невозможность приобретения корпоративного статуса. Однако она не всегда является полноценным эквивалентом участия в бизнесе. Действительная стоимость доли может не отражать будущую доходность общества, его деловую репутацию, клиентскую базу, рыночное положение и стратегический потенциал. Кроме того, расчет действительной стоимости часто становится самостоятельным предметом спора, поскольку общество может быть заинтересовано в ее занижении. В доктрине неоднократно подчеркивалось, что наследование доли в ООО связано не только с оценкой имущественного актива, но и с вопросом о сохранении корпоративной позиции наследодателя [9], [12]. Поэтому выплата действительной стоимости доли должна рассматриваться как исключительный компенсационный механизм, а не как равноценная замена наследования бизнеса. Если наследники объективно связаны с бизнесом наследодателя и устав прямо не исключает их вхождение в общество, предпочтение должно отдаваться сохранению возможности корпоративного участия. Иной подход приводит к тому, что наследник получает лишь денежное требование, тогда как сам бизнес продолжает существовать без него, несмотря на то что именно доля в этом бизнесе входила в наследственную массу.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования законодательства. В статье 1173 ГК РФ целесообразно закрепить специальное правило о доверительном управлении корпоративными правами, предусматривающее минимальный объем полномочий доверительного управляющего наследственной долей. В Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» следует включить положения о временном корпоративном управляющем наследственной долей, который мог бы осуществлять права участника до окончательного оформления наследственных прав. Также необходимо установить правило, согласно которому уставные ограничения на переход доли к наследникам и пережившему супругу должны толковаться строго, а при отсутствии ясного запрета – в пользу допуска таких лиц к участию в обществе.

Кроме того, следует ограничить применение изменений устава, принятых после открытия наследства и направленных на блокирование прав конкретных наследников или пережившего супруга. Такие изменения должны оцениваться через призму добросовестности и недопустимости злоупотребления корпоративными правами, поскольку гражданское законодательство исходит из необходимости осуществления гражданских прав разумно и добросовестно (ст. 1 ГК РФ [2]). Наконец, порядок определения действительной стоимости доли при отказе наследнику во вхождении в общество нуждается в уточнении: оценка должна учитывать не только бухгалтерские показатели, но и реальную рыночную стоимость бизнеса, его доходность, активы, деловую репутацию и значение доли для корпоративного контроля.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что наследование бизнеса в форме доли в обществе с ограниченной ответственностью представляет собой комплексный правовой процесс, который не может быть сведен к обычному переходу имущественного права. Доля в ООО имеет двойственную природу: она является имущественным объектом и одновременно основанием корпоративного участия. Поэтому смерть участника общества порождает не только наследственное правопреемство, но и проблему временной организации корпоративного управления.

Основная проблема действующего регулирования состоит в возникновении временного наследственного корпоративного вакуума. В этот период доля уже входит в наследственную массу, но наследники еще не

ISSN 2658-5693
https://ilj-journal.ru

обладают полноценным корпоративным статусом, а доверительный управляющий действует в условиях недостаточно определенного объема полномочий. Для бизнеса такой вакуум может быть критическим, поскольку приводит к блокированию решений, снижению стоимости доли, конфликтам между наследниками и участниками общества, а также риску злоупотреблений.

Предлагается ввести в научный оборот категорию временного наследственного корпоративного вакуума и закрепить в законодательстве механизм временного корпоративного управления наследственной долей. Такой механизм должен обеспечить сохранение стоимости бизнеса, непрерывность управления и защиту прав наследников до окончательного определения их статуса. В целях совершенствования законодательства предлагается конкретизировать полномочия доверительного управляющего наследственной долей, разграничить обычные и чрезвычайные корпоративные действия, закрепить презумпцию допуска наследников и пережившего супруга к участию в обществе при отсутствии ясных уставных ограничений, ограничить применение изменений устава, направленных на блокирование уже возникших наследственных прав, а также усовершенствовать порядок расчета действительной стоимости доли.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 по делу № А57-4383/2022.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2024 № 306-ЭС23-26474 по делу № А12-26592/2022.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 по делу № А40-324092/2019.

9. Ремизова А.В. Момент перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в порядке наследственного правопреемства // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 3. С. 208 – 214.

10. Выручаев А.А. Практические проблемы наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 45 – 49.

11. Харин В.И. Учреждение доверительного управления долями ООО, переходящими по наследству, и контроль за действиями доверительного управляющего // Современное право. 2023. № 8. С. 75 – 79.

12. Новоселова Л.А. Наследование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2010. № 11. С. 3 – 11.

13. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенной в период брака // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 1. С. 145 – 162.

14. Павлова Г.А. Доверительное управление наследственным имуществом: регулирование и некоторые практические аспекты // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 26 – 34.

References

1. Part Three of the Civil Code of the Russian Federation dated November 26, 2001, No. 146-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. December 3, 2001. No. 49. Art. 4552.

2. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994, No. 51-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. December 5, 1994. No. 32. Art. 3301.

3. Federal Law dated February 8, 1998, No. 14-FZ "On Limited Liability Companies". Collected Legislation of the Russian Federation. February 16, 1998. No. 7. Art. 785.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012, No. 9 "On Judicial Practice in Inheritance Cases". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 7.

5. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of April 6, 2023, No. 305-ES22-26611 in case No. A40-284789/2021.

6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2024, No. 306-ES23-11144 in case No. A57-4383/2022.

7. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.07.2024 No. 306-ES23-26474 in case No. A12-26592/2022.

8. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.04.2021 No. 305-ES20-22249 in case No. A40-324092/2019.

9. Remizova A.V. The moment of transfer of a share in the authorized capital of a limited liability company by way of hereditary succession. Bulletin of MGIMO University. 2012. No. 3. P. 208 – 214.

10. Vyruchaev A.A. Practical Issues of Inheritance of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company. Legal Science. 2017. No. 2. P. 45 – 49.

11. Kharin V.I. Establishment of a Trust Management of LLC Shares Passed by Inheritance and Control over the Actions of the Trustee. Modern Law. 2023. No. 8. P. 75 – 79.

12. Novoselova L.A. Inheritance of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company. Business and Law. 2010. No. 11. P. 3 – 11.

13. Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Legal Regime of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company Acquired During Marriage. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 145 – 162.

14. Pavlova G.A. Trust Management of Inherited Property: Regulation and Some Practical Aspects. Notarial Bulletin. 2021. No. 6. P. 26 – 34.

Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9605-0966, Российский государственный экономический университет (РИНХ)»; доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, tas242@yandex.ru

Епифанова Т.В., доктор экономических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российский государственный экономический университет (РИНХ), rostovshell@mail.ru

Петренко С.В., Российский государственный экономический университет (РИНХ), ippsv777@bk.ru

© Скворцова Т.А., Епифанова Т.В., Петренко С.В., 2026